

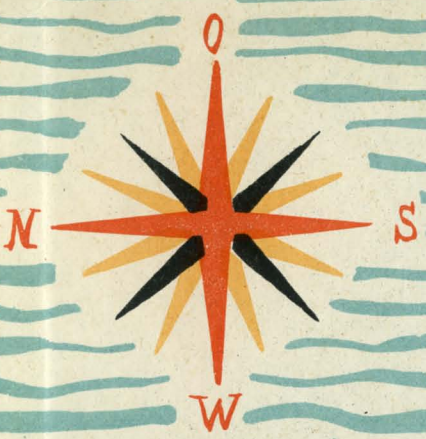

Артур Лундквист

**ВУЛКАНИЧЕСКИЙ
КОНТИНЕНТ**

А Т Л А Н Т И

РЕСИФИ

Т И Х И

ЧЕСКИЙ

ОКЕАН

РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО

САН-ПАУЛУ

МОНТЕВИДЕО

БУЭНОС-АЙРЕС

АСУНСЬОН

САНТЯГО

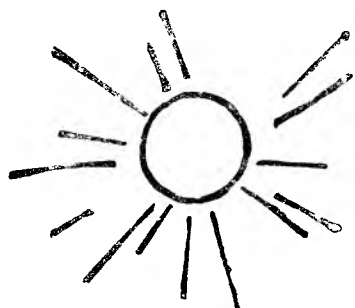
ОКЕАН

И

Артур
Лундквист

Вулканический КОНТИНЕНТ

Путешествие
по Южной Америке

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1961

ARTUR LUNDKVIST
VULKANISK KONTINENT
En resa i Sydamerika
STOCKHOLM

Перевод со шведского К. ТЕЛЯТНИКОВА

Предисловие И. ЭРЕНБУРГА

Статья В. ЕРМОЛАЕВА „Южная Америка 1961 года“

Художник Ф. ТЕРЛЕЦКИЙ

Предисловия — зыбкий литературный жанр. Порой авторы предисловий считают, что они должны объяснить на трех или на тридцати страницах то, что автор книги излагает на трех-стах страницах. Не знаю, чего больше в таких попытках: неуважения к писателю или неуважения к читателю. Другие авторы предисловий рассматривают себя как профессоров, а авторов книг — как школьников: они полагают, что должны подчеркнуть в книге все ошибки. Опять-таки можно спросить, чего больше в таких поправках: недоверия к писателю или недоверия к читателю.

В книге «Вулканический континент» Артур Лундквист рассказывает о Латинской Америке. Мне незачем излагать содержание книги: обычно читатель сначала читает книгу, а прочитав, заглядывает в предисловие. Я также не склонен спорить с Лундквистом: Латинскую Америку он знает лучше меня; да если бы я увидел те страны, где он побывал, то написал бы об этом книгу, а не предисловие к чужой книге.

Лундквист хотел открыть шведам Южную Америку. Хорошо было бы, если бы перевод книги «Вулканический континент» стал началом открытия советскими читателями Артура Лундквиста. Правда, он не континент, а всего-навсего хороший, интересный, глубокий писатель. Но и величайшие писатели мира никогда не были ни континентами, ни государствами: они ограничивались скромной, однако достойной целью — изменить людей в государствах и на континентах.

Мы чрезвычайно мало знаем шведскую литературу, и если это обидно для шведских писателей, то это весьма горько для советских читателей. Последним писателем Швеции, который был хорошо известен в России, был Стриндберг. Его ценил Чехов, им восхищался Горький, а когда Стриндберг умирал, его потерю мучительно переживал Блок.

Читатели могут подумать, что на Стриндберге кончилась шведская литература. Это неверно. Может быть, попросту ослабла любознательность наших издательств? Артур Лундквист прежде всего поэт, потом романист, и, наконец, он пишет очерки о литературе, путевые очерки. Его очерки превосходны, в этом читатель убедится, прочитав «Вулканический континент». Но узнать Лундквиста по путевым очеркам так же трудно, как узнать Маяковского по его статье о Париже, Ильфа и Петрова по «Одноэтажной Америке» или В. Некрасова по итальянским очеркам.

Лундквист наиболее значителен в стихах, в новеллах, в романе. В его произведениях много печального, даже трагического, но они освещены внутренней любовью к человеку, верой в него. Можно быть веселым человеконенавистником, бодрейшим циником и можно быть печальным оптимистом. Лундквист не барабанщик, он скорее виолончелист, но я хотел бы увидеть такого дирижера, который, восхищенный громкостью барабана, выбросил бы из оркестра скрипачей или виолончелистов. Дирижеров таких нет, а критики, жаждущие подобных оркестров, иногда находятся...

Лундквист не уклонялся и не уклоняется от общественной деятельности; все его симпатии на стороне мира труда. «Ленинскую премию мира» он получил не за литературные достоинства, а за мужественную работу, которую ведет в Движении сторонников мира. Это независимый, добрый и смелый человек. Но если наши газеты не раз писали об этой стороне деятельности Лундквиста, то наши издательства в долгу перед нашими читателями: они, видимо, не догадываются, что если голос Лундквиста имеет столь значительный вес и в Швеции, и за ее пределами, то это потому, что множество людей знает душевное богатство, человечность, широту Лундквиста по его книгам.

Разумеется, Лундквист сложный писатель; но вряд ли это нужно поставить ему в вину. Новые читатели быстро растут, и авторы, пытающиеся опуститься до уровня отсталых, считающие упрощение или даже примитивизм достоинством, вскоре оказываются не в разведке, где место писателя, а в обозе.

Я люблю Артура Лундквиста, но дело не в этом — еще больше я люблю советских читателей, и я надеюсь, что после книги очерков, выпускаемой Географгизом, выйдет наконец-то у нас перевод его романа «Вальс в Виндинге», описывающий людей небольшого шведского города. Конечно, Лундквист много путешествовал, побывал и в Южной Америке, и в Индии, и в Советском Союзе, и в Китае, и во многих других странах. Но в своей автобиографии он не случайно пишет: «Всякий раз, когда я находился за границей, вдали от родины, я чувствовал как никогда, что я — швед». О заграничье он пишет очерки, о жизни соотечественников романы; одно он наблюдает, другое видит изнутри. Если хотя бы в малой степени мое предисловие будет способствовать изданию в Советском Союзе его художественных произведений, то я увижу в этом новое оправдание жанра предисловий. Читатель, которого бесспорно увлечет книга «Вулканический континент», наверно присоединится к моему пожеланию и захочет получше ознакомиться не только с вулканическим континентом, но и с вулканическим писателем.

Илья Эренбург

ВЕНЕСУЭЛА

ПРИБЫТИЕ. ВЕНЕСУЭЛА

венедцатичасовой ночной перелет, гигантский бросок с Азорских островов в Венесуэлу. Мы словно висим под звездами, а внизу — невидимое море и зияющая черная бездна.

Пассажиры либо спят, либо молча лежат, откинувшись в своих креслах. Горит лишь несколько ночных лампочек, да изредка неслышно проскользнет стюардесса, словно сестра милосердия меж спящих больных.

Можно подумать, что мы — покойники, а наш самолет — огромный общий гроб, несущийся неизвестно куда во мраке ночи...

Внезапно я просыпаюсь и вскакиваю, охваченный ужасом: мне кажется, что моторы в огне и их рев прекратился. Но нет, у меня просто заложило уши, а языки пламени за окном кабины — всего-навсего сильные выхлопы газа.

Я снова прислушиваюсь к реву моторов. Он то усиливается, то слабеет, иногда переходит в глухое урчание, напоминающее шум мельницы, потом нарастает, преодолевая в могучем порыве сопротивление воздуха, и тогда звучит грозно и сурово.

Когда вы летите с востока на запад, ночь удлиняется на четыре часа и тянется бесконечно долго, словно она соткана из эластичной черной резины. Я пытаюсь найти хотя бы слабые отблески утренней зари, но вокруг только звезды и мрак.

Когда все же наступает рассвет и сквозь ночную тьму откуда-то снизу, из самой глубины мрака, пробиваются первые проблески утра, вам кажется, будто где-то далеко за

горизонтом вспыхнул прожектор или в соседней комнате загорелась лампа и отсвет ее падает к вам через порог.

Небо быстро светлеет, будто восплаляется: сначала оно молочно-бледное, потом розовеет и вот уже пылает золотым багрянцем. Под нами проносятся клубящиеся массы облаков, образуя причудливые ущелья, в глубине которых мелькают темные очертания островов и свинцовая поверхность океана.

Вы будто присутствуете при рождении мира, возникающего из хаоса: из вод океана медленно поднимается материк. Под зубчатой стеной облаков мелькает узкая полоска земли, голубоватая от застилающей ее дымки.

Южная Америка надвигается на нас. Она поднимается все выше и выше, раскинув под нами вышитый белыми нитями берег и синие отроги гор. Мы плывем в пушистом хлопке облаков, в ушах свистит, но шум моторов уже умолк. Наступает тишина, которая сжимает нас все крепче и крепче; сейчас будет толчок о землю.

Вот и он, а затем ощущение твердой поверхности и убегающая назад земля. Как хорошо, что с длительной напряженностью полета наконец покончено, но в первый момент земля словно уходит у нас из-под ног и к горлу подступает тошнота.

Венесуэла, аэропорт Майкерия: солнце, ослепительно сверкающее на металле и стекле, насыщенный влагой воздух, душливая жара, обволакивающая со всех сторон, заползающая в рот.

Похожие на оранжереи домики, утренняя сонливость, долгое ожидание в очереди, угрюмые чиновники в белом, старающиеся избежать лишних движений, чтобы хоть немного меньше потеть; они сухо задают вопросы и почти не слушают ответов. Обычная рутина и скука: они, чиновники, вдруг должны беспокоиться из-за каких-то иммигрантов и подозрительных чужестранцев.

Потом в довольно резком тоне вам предлагают уплатить денежный сбор за въезд в эту райскую обитель (шесть с половиной долларов, что соответствует двадцати венесуэльским боливарам).

После того как вас надлежащим образом проштемпелевали, вы можете наконец покинуть территорию аэропорта. Единственный способ добраться до Каракаса — взять такси, и за двадцать минут езды вам придется уплатить 35 боливаров (около 56 крон).

* * *

*

Здесь суровые порядки и бешеные цены — вот ваше первое впечатление.

И вы скоро поймете, что это и есть настоящая Америка, пожалуй, более настоящая, чем даже США. Венесуэла —

страна огромных богатств, высоких цен, кипучей энергии и холодной суровости. Страна будущего, с презрением попирающая ногами все отжившее, устарелое и европейски отсталое.

Наше такси — совсем новая американская машина, одна из самых дорогих и больших моделей. Шофер ведет машину легко, будто играючи, едва касаясь пальцами руля.

Черная лента автострады протянулась широкими извивами через ложбину между обрывистыми склонами гор, густо поросших лесом. Несмотря на очень большую скорость, машина идет мягко, только колеса скрипят на поворотах.

Изредка шофер поглядывает на нас, желая, вероятно, убедиться, что мы действительно восхищены всем виденным. До столицы всего пятнадцать километров, но постройка этой дороги стоила больших денег. Нашего шофера явно подмывает поговорить с нами об этом.

Он смотрит на нас с оттенком доброжелательной снисходительности: ведь мы — чужестранцы, *гринго*, только что приехали в Венесуэлу и ничего не знаем о ней. Он чувствует себя нашим благодетелем; еще бы, он открывает перед нами то, чего мы не сможем забыть всю жизнь: в свистящем вихре он провезет нас по лучшему в мире шоссе в изумительнейший Каракас.

— Отель?

— «Таманако».

Шофер одобрительно кивает — неплохой отель.

Вот и Каракас (шофер снова украдкой поглядывает на нас). Город раскинулся в озаренной солнцем и затянутой утренней дымкой долине между высокими горами; трудно охватить взглядом этот город с миллионным населением, теснящимися друг возле друга кварталами домов и множеством автострад, которые пересекают его подобно рекам. (Каракас: это звучит отрывисто и резко, как шелканье бича, стук кастаньет или треск фейерверка.)

Каракас — скорее город автомобилей, чем город людей. Автострады здесь не переходят в улицы: они бесцеремонно врзаются в город и прокалывают его насквозь. Людям лучше не появляться вблизи автострад, а если им надо перейти на другую сторону, они бегут во всю прыть, будто за ними гонятся.

По шоссе машины движутся в три ряда в зависимости от скорости. Этот порядок соблюдается очень строго. И если машина, которой некуда торопиться, забирается в ряд с более высокой скоростью, это немедленно вызывает бурю негодования, и провинившегося оглушает хор разъяренных гудков.

Съехать с автострады не так-то просто. Из крайнего правого ряда, предназначенного для движения с небольшой скоростью, вы должны пробраться в боковой проезд, а уже от-

туда свернуть на улицу. Здесь вы тотчас же попадаете в невероятную толчею и хаотическое нагромождение людей и повозок.

И вот мы уже едем по улицам, за окном машины — местные достопримечательности, но разглядывать их некогда. Небоскребы, ярко раскрашенные многоэтажные дома, площади, похожие на скверы, здания с названиями нефтяных компаний и автомобильных фирм.

А потом виллы, утопающие в густой зелени, со всех сторон окруженные цветущими деревьями. «Вот уже и окраина», — думаем мы. Но нет, в Каракасе несколько центров и множество окраин, это город, состоящий из отдельных частей, наполняющих друг на друга.

— Таманако! — показывает шофер.

Отель расположен гигантским уступом на самом склоне холма, напоминая огромный трансатлантический лайнер, плывущий по океану зелени. Этажи здания возвышаются террасами один над другим, как палубы на корабле. На балконах сидят обитатели отеля и смотрят на раскинувшийся внизу город.

ОТЕЛЬ ЛЮКС

Да, «Таманако» — это своего рода горный оазис. Вы как бы находитесь совсем далеко от города и смотрите на него откуда-то сверху, с высоты птичьего полета или даже из окна самолета.

Вам кажется, что «Таманако» парит в воздухе и вот-вот опустится на город. Но он не опускается, он замер в мертвой тишине, напоминающей тишину в самолете, который заходит на посадку.

В зарослях кустарника трещат цикады, будто они без усталости работают на крошечных токарных станочках. Тропическое солнце заливает землю своими лучами, а потом вдруг начинается ливень, и с небес, как из душа, низвергаются на землю могучие прямые струи воды.

Стоит войти в отель, как перед вами открывается другой мир, словно чудом перенесенный сюда из какой-то неведомой страны или созданный по мановению волшебного жезла. Мягкий свет, тишина, иногда чуть слышные звуки музыки, охлажденный воздух.

В зале с кожаными сиденьями стоят уютные кресла, столики с разложенными на них газетами, киоски, в углу зала — удобные письменные столы; здесь есть где погулять, можно купить билеты на самолет, обменять деньги, послать телеграмму, получить всевозможные сведения, купить книгу, фото пленку, нейлоновую рубашку или какую-нибудь мелочь.

Из зала вы можете выйти на один из балконов и посидеть там на солнышке или в тени тента, — как вам заблагорассудит-

ся. Внизу раскинулась зеленая лужайка со свежей травой, которую постоянно поливают и подстригают. Там же находится плавательный бассейн с красными стенами и кафельно-голубоватой водой. Он не образует правильного прямоугольника; плавно изгибающиеся линии делают его похожим на природный водоем. Прыжок, и великолепное тело, описав дугу, летит в воду, неутомимое, как дельфин. Тела более тяжелые, бледно-розовые или темно-коричневые, покоятся в шезлонгах, а возле них быстро возникает натюрморт из нескольких бутылок.

На балконах и в зале царит совершенно особая атмосфера торжественной благоговейной тишины и какой-то непринужденной интимности: вы словно парите над ничтожной действительностью в обществе равных вам по званию и положению, в сонме избранных.

Рассеянный свет и тишина превращают окружающий вас мир в огромный аквариум, некое подводное царство. Это впечатление еще более усиливается, когда вы видите вокруг себя неподвижные группы людей, уткнувшихся в газеты или устремивших взгляд на город, когда слышите приглушенные голоса тех, кто медленно проходит мимо вас, прогуливаясь между балконами и киосками; лишь изредка тишину нарушает щелчок фотоаппарата или звук открываемой дамской сумки.

Это чем-то напоминает долгое путешествие в самолете, когда вам абсолютно нечего делать, и вы просто летите и ждете, а время идет, идет... Очень приятное, спокойное времяпровождение; вы словно куда-то едете, и так без конца изо дня в день...

Больше всего в отеле американцев; их можно легко узнать по манере всюду чувствовать себя как дома и ходить без пиджака в ярких рубашках, выпущенных поверх брюк. Американская речь здесь слышится даже чаще, чем местная. Правда, здесь можно встретить и венесуэльцев, одних или в обществе американцев. Эти венесуэльцы стараются во всем походить на американцев, тем не менее они никак не привыкнут обходиться без пиджака и галстука, не привыкнут носить рубашку поверх брюк, никак не могут побороть свою немного старомодную чопорность.

Комнаты в отеле (за исключением роскошных люксов для миллионеров) отличаются модернистской чистотой линий. Однако они сравнительно невелики и кондиционированный воздух в них не подается. Окна с сетками от москитов — единственная уступка окружающей действительности, но тропический климат здесь почти не чувствуется: в Каракасе не очень жарко; он расположен на высоте тысячи метров над уровнем моря, и климат здесь райский.

Если вы заказываете кока-колу, ее подают вам в ведерке со льдом, и стоит она дороже, чем вино.

ДВА КАРАКАСА

Вскоре вы замечаете, что есть два Каракаса: старый городишко, оставшийся от тех жалких времен, когда еще не была найдена нефть, и новый богатый город-выскачка с высокими домами, высокими честолюбивыми устремлениями и твердым сознанием своей силы. Новый город словно вгрызается в старый, образуя фрагменты будущего огромного города. Однако пока еще это только отдельные контуры, Каракас лишен структурного единства, в нем масса зияющих провалов и резких контрастов.

Сначала вы видите только огромный современный город. Вот вы останавливаетесь возле Сентро Боливар; это огромный небоскреб, опирающийся на массивные черные колонны, с тенгами от солнца вдоль фасада, с подземными галереями, рядами магазинов и автобусными остановками. Затем ваше внимание привлекают вполне современный университетский городок, здание военной академии, стадион, открытый концертный зал в стиле *Concha Acustica*¹.

Эль Силенсио — одна из городскихстроек, предпринятых для улучшения жилищных условий населения; на месте недавних трущоб здесь возводится новый благоустроенный квартал. Архитекторы разрисовали большие дома футуристическими зигзагообразными узорами самых веселых красок и тонов. Каждый дом раскрашивается выбранным специально для него сочетанием цветов, эффектно оттеняющих друг друга: синий с красным, желтый с зеленым.

Но стоит вам свернуть с автострады, как вы попадаете в лабиринт старых узких улиц. Здесь расположены церкви и правительственные здания первых лет республики. Многие из этих зданий украшены всякими завитушками и напоминают старинные особняки: они потемнели от тропического солнца и дождей и стали почти черными. Здесь так узко, что автобусы едва могут повернуть за угол и нередко заезжают на иссеченный трещинами тротуар.

Однако самые ужасные трущобы начинаются дальше, на склоне гор. Это своего рода городская пустошь, чудовищное скопление жалких лачуг, беспорядочно громоздящихся друг на друга; узенькие полоски земли между домами завалены всяким хламом и заросли сорной травой; здесь нет ничего похожего на улицы или дороги: есть только извилистые тропинки, залитые помоями и нечистотами, и когда идет дождь, они превращаются в мутные грязные ручьи (тут уж приходится следить, чтобы потоками воды не унесло детей, поросят, собак, кошек и домашнюю утварь).

В этих трущобах находят себе пристанище многие иммигранты; одни остаются здесь временно, другие на всю жизнь.

¹ *Concha Acustica* — акустическая раковина.

Каждый месяц сюда приезжают тысячи этих несчастных; у многих нет ничего, кроме рубашки на теле, но зато все они страстно мечтают о богатстве, с фаталистическим терпением ждут своего счастья и ни за что не хотят уезжать из столицы. На каждом шагу звучит иностранная речь, чаще всего итальянская.

На много миль вокруг Каракаса раскинулись дачные поселки: здесь живут те, кому более или менее повезло. Чаще всего это очень скромные домики, так тесно прижавшиеся один к другому, что между ними растут всего два-три банана да несколько цветущих стебельков каких-нибудь вьющихся растений. Правда, почти у всех обитателей здешних мест есть машины, такие большие, что едва могут уместиться на участке перед домом и их багажники всегда высовываются из ворот на улицу.

Хотя на городских окраинах и расположено несколько промышленных предприятий, тем не менее Каракас был и остается в первую очередь административным, деловым и финансовым центром Венесуэлы. Основные промышленные центры находятся далеко отсюда, в других районах страны.

Местами обрывистые склоны краснеют, словно сырое мясо, и вам кажется, будто зеленый ковер гор вдруг покрылся кровоточащими ранами. На этом фоне резко выделяются великолепные дворцы богачей, поглядывающие на город с высоты своего величия.

Каракас лежит в обширной долине; со всех сторон его окружают холмы и обрывистые горные хребты, серовато-синие или черно-зеленые. Они как бы образуют гигантский барьер или, скорее, края огромной чаши, на дне которой кипит и сияет своими огнями Каракас.

ЕДЕТ ПРЕЗИДЕНТ

После полудня, когда кончился сильный ливень, мы встретили на автостраде недалеко от города президента республики¹.

Сначала мы подумали, что это мчится скорая помощь. Красные фары тревожно пламенели над дорогой, разгоня еще дымящийся дождем дневной свет, пронзительно ревели сирены. Всякое движение прекратилось, машины жались поближе к обочине, стараясь освободить проезжую часть дороги.

— Президент республики! — понизив голос, произнес наш шофер почтительно и предупреждающе.

Впереди ехали три мотоцикла с красными прожекторами; за ними следом на огромной скорости неслись десять совершенно одинаковых машин.

---

¹ Речь идет о Пересе Хименесе, реакционная диктатура которого была свергнута в январе 1958 г.— *Прим. ред.*

В каждой машине сидело по четыре человека, все прямые и неподвижные, все в одинаково больших черных очках и в военных фуражках с козырьком, надвинутым на лоб.

Один из сидящих в этих машинах — президент, но кто именно — этого вы никогда не узнаете.

Еще несколько мгновений — и весь кортеж пронесется мимо, сопровождаемый мотоциклистами.

Движение на дороге постепенно оживает, словно оправившись от паралича. Вам кажется, будто мимо пронесся какой-то вихрь ужаса, ужаса от присутствия где-то совсем рядом олицетворения власти, чего-то неумолимого, бессмысленного. Это ощущение подавляет все иные чувства и долго-долго не исчезает. Проходит еще некоторое время, машины набирают скорость и снова несутся по дороге.

— Президент республики! — шепчут, бормочут, цедят сквозь зубы люди в каждой машине. А может быть, и просто молчат, плотно сжав губы.

Да, таково отношение простого венесуэльца к правительству, установившему в стране режим политической диктатуры: почтительное или пугливое молчание. Или же осторожный шепот, не рассчитанный на посторонние уши.

Известные писатели и журналисты на мои вопросы политического характера отвечают только молчанием. Молчанием нервным, беспокойным! В наступающей тишине особенно хорошо слышно, как мой собеседник тревожно гремит связкой ключей.

Новый собеседник — и снова молчание. А если кто-нибудь и заговорит, то высказывается обычно в таком духе:

— У нас сильное правительство. И прекрасно. Венесуэле такое и нужно. В стране спокойствие. Есть успехи. А вообще мы не говорим о политике.

Повсюду, где только можно, висят фотографии этой сильной личности: генерала — президента — диктатора. Он небольшого роста, толстый, любит появляться в белом мундире, обильно украшенном золотым шитьем. В остальном же он похож на нечто среднее между первым учеником и преуспевающим дельцом.

В жилищах простых венесуэльцев портрет президента обычно помещается где-нибудь на стене рядом с многокрасочным изображением Девы Марии.

ЧАСТНЫЙ ТРАНСПОРТ

Как и большинство южноамериканских государств, Венесуэла испытывает значительные трудности с организацией транспортной связи между различными районами страны. Внутренние области ее почти полностью отрезаны от столицы и портовых городов. Несколько коротеньких железнодорожных

веток мало что могут изменить. И в Венесуэле, стране автомобилей и самолетов, все презирают этот основательно запущенный вид транспорта.

Уже теперь самолет играет важную роль в перевозках грузов: транспортировка мяса с высокогорных равнин на побережье океана осуществляется по воздуху. Однако основным видом грузового транспорта до сих пор остаются машины. Огромные многотонные грузовики вытягиваются в колонны и несутся по дорогам, сотрясая своей тяжестью горы; на поворотах эти гиганты клонятся на бок с грацией слона.

Для пассажирских перевозок между крупными городами и более отдаленными уголками страны тоже используется в основном автотранспорт: междугородные автобусы и обычные автомашины. В стране существует немало автомобильных линий, обеспечивающих доставку пассажиров — и группами и поодиночке — во все мало-мальски значительные населенные пункты.

Мы нашли начальника одной из таких линий и тут же, на тротуаре, начали переговоры о поездке в Сьюдад-Боливар на Ориноко. Маленькая прогулка, каких-нибудь полторы тысячи километров в оба конца: начальник линии даже утверждал, что в случае необходимости его шоферы могут покрыть это расстояние за сутки.

Когда речь идет о поездке по не совсем обычному маршруту, с остановками и заездами в интересующие нас пункты, начинают действовать не слишком твердые тарифы, устанавливаемые самим начальником линии. Несколько раз мы возобновляли переговоры, и в конце концов он сбавил цену с семисот боливаров до пятисот.

Начальник линии — человек полный и величественный. Не в пример другим венесуэльцам он вовсе не брюзга, а, напротив, очень приветлив и любит поговорить. Вместо «sí» он говорит «сото по» (что соответствует «почему бы и нет» вместо «да»). Автомобиль (coche) он небрежно называет «телегой» (carro).

Это человек, который сумел завоевать известное положение и теперь наслаждается жизнью. Больше ему не надо самому сидеть за рулем, он может заниматься делами, оставаясь на площади в центре Каракаса и работая главным образом языком. Он производит впечатление человека, который никак не может оправиться от удивления, что вдруг так быстро пошел в гору, оказался умнее многих своих товарищей и стал начальником этой процветающей автомобильной линии.

Большую часть времени он проводит в переговорах на тротуаре, однако у него есть своя контора — крошечная каморка, притулившаяся в углу между двумя домами. И хотя она не больше обычного туалета, там есть письменный стол, на столе телефон и всякие бумаги, наколотые на железные держатели,

на стене висит неизменный портрет президента, а по сторонам от него — изображение мадонны и отрывной календарь с фотографией весьма соблазнительной девицы. Когда мы просим начальника линии разрешить сфотографировать его, он краснеет от удовольствия.

Глядя на шофера, который заехал за нами на рассвете в отель, можно подумать, что всю ночь он мирно проспал в своей постели, а не сидел за рулем. Он чисто выбрит, на нем синий костюм и белая рубашка. На вид он довольно мрачен, но производит впечатление малого смышленного. Тем не менее он далеко не общителен и не слишком разговорчив, скорее, наоборот, угрюм и недоверчив.

Выехав из города, мы мчимся по шоссе, широкими петлями взбирающемуся высоко в горы; на поворотах шофер гонит машину так, что у нас начинает сосать под ложечкой. Нам приходится несколько умерить его пыл, и мы просим ехать чуть помедленнее. Он дуется на нас и несколько километров ползет как черепаха, но скоро забывает о нашей просьбе и снова берется за свое.

Он ведет машину очень неровно, небрежно и своенравно, словно по вдохновению. Рывком разгоняя машину до ста двадцати километров в час, он тут же замедляет ход до ста километров, а иногда томительно долго тащится со скоростью не более восьмидесяти.

На поворотах он резко увеличивает скорость, а на прямых отрезках пути едет не спеша; он любит рискованно обогнать идущую впереди машину и никогда не считается ни с выбоинами, ни с ухабами. Он часто меняет руку, которой держит руль; при этом она на секунду повисает в воздухе, словно замирая от наслаждения, а потом уже грациозно касается руля. Любовь к профессии шофера у него явно сочетается с неукротимым желанием продемонстрировать перед всеми, в том числе и перед самим собой, свое искусство, блеснуть мастерством вождения машины.

Чаще всего на руле покоится его правая рука, в то время как левую он высовывает в окно и ловит растопыренными пальцами воздух, очевидно ради прохлады. Курит он мало, но время от времени прикладывает к губам маленькую коробочку и словно пьет из нее. Потом он с минуту что-то жует, покачивая при этом головой, будто выпил водки, но это не водка, а просто жевательная резинка.

ОЧЕРК О ШОФЕРЕ

Наш шофер является ярким представителем новой «кочевой» профессии. На своей великолепной машине он в кратчайшие сроки доставляет людей в самые отдаленные уголки страны, часто по диким и неизведанным дорогам. В любое

время дня и ночи он готов сесть за руль, чтобы, только что вернувшись из одной поездки, отправиться в другую.

Шофер становится кочевником, живым олицетворением божества. Его профессия требует точного расчета, вдохновенной импровизации и огромного напряжения сил. Большую часть жизни этот «Летучий Голландец» шоссейных дорог проводит в пути. Он бросает дом и семью, ибо судьба оставила ему только его машину и маршрут. Наблюдая за шофером, который везет нас к Ориноко, мы получаем первое представление о психологии южноамериканского шофера.

Автомобильные катастрофы, ставшие для кого-то роковыми, или дорожные происшествия, приключившиеся с ним самим, не служат для него грозным предупреждением. Он продолжает ездить так же неосторожно и безрассудно лихо, как ездил раньше. Он уверен, что никакой беды с ним случиться не может: в катастрофы попадают другие, а не он. Значит, машину он водит искуснее, чем они, а быть может, он просто удачливее других и находится под особым покровительством судьбы. А раз так, ему не страшен никакой риск.

Оказалось, что у него есть только одна страсть: страсть к музыкальным программам коммерческого радиовещания. Он весь изнемогает от наслаждения, слушая постоянно повторяющиеся обрывки мелодий и красноречивые разглагольствования о рекламируемых товарах. Захваченный грохочущими звуками музыки, он слушает все от начала до конца. И чем громче ревет музыка, чем чаще повторяются одни и те же музыкальные фразы, тем выше испытываемое им наслаждение. Мысль о том, что его пассажирам может докучать подобное времяпрепровождение, ему просто не приходит в голову. А может быть, он исходит из убеждения, что это всем доставляет такое же удовольствие, как и ему.

И вот мы несемся по высокогорной равнине под оглушительный аккомпанемент радио, причем рождественские гимны в исполнении детского хора сменяются хвалебными гимнами в честь электроприборов «Дженерал электрик», сухого молока «Венус» и лучшего в мире пива «Эль Хайнекен». Музыка необыкновенно темпераментная и быстрая, словно барабан дикарей выстукивает испанские мелодии. Тексты песен насыщены романтикой диких степей: «Там, где желтая река слилась с зеленой, ящерица выползла воды напиться». После каждого номера программы радиостанция патетически выкрикивает: «Radio Valencia, Venezuela, Patria del Libertador»¹.

Эти радиопрограммы служат для нашего шофера и единственным средством общения с культурой, и духовной пищей,

¹ «Радио Валенсии, Венесуэла, родина Освободителя» (исп.) — (имеется в виду Симон Боливар, возглавивший борьбу за независимость испанских колоний в Южной Америке). — Прим. ред.

и утешением на диких степных дорогах, и развлечением в те долгие дни, которые он проводит за рулем. Газеты его мало интересуют, он едва просматривает их, а возможно, и читает-то с трудом. Один только раз его внимание привлекла фотография, над которой было что-то написано крупными буквами. Он показал на нее пальцем и долго смеялся. На снимке мы увидели остатки разбитой вдребезги машины, которая налетела на дохлого мула; в результате аварии погибло несколько человек.

На остановках он держится крайне застенчиво. Без специального приглашения он ни за что не подойдет и не притронется ни к еде, ни к питью. Но стоит вам жестом пригласить его — он уж тут как тут. Денег он почти не тратит, и единственное, что себе позволяет, — это опустить монету в музыкальный автомат, и тогда все вокруг оглашается ревушей на все лады музыкой. Эти автоматы заменяют ему на остановках автомобильный приемник. Услышав музыку, он сразу приободряется.

Программа нашего путешествия составлена так, что по несколько дней подряд шоферу почти нечего делать, и он не знает, куда деваться от скуки. Предоставленный самому себе, он кажется растерянным и несчастным. Целый день сидит в машине и слушает радио. Или ездит по городу — тоже под громохание музыки. Возможно, и спит в машине.

Бедняга начинает быстро сдавать. Лицо его все чернеет и чернеет от быстро отрастающей щетины, а рубашка делается все грязнее. Он похудел, глаза покраснели, будто он не отдыхал все это время, а работал как вол. Его необыкновенно длинные ногти, которыми он так гордился, обломались, и их обвила траурная кайма.

Что же, собственно говоря, с ним происходит? Очевидно, все дело в том, что остановки выбивают его из колеи, без автомобиля он чувствует себя одиноким и потерянным. Его жизнь проходит на дорогах, в стремительно мчащейся машине. Когда мы снова трогаемся в путь, лицо его сразу проясняется, и он летит как на крыльях, что-то напевая под обрывки мелодий, несущихся из приемника.

И он, который раньше встречал в штыки каждый наш вопрос, каждую попытку завязать беседу, теперь вдруг становится удивительно разговорчивым. Он рассказывает нам, что сам он вовсе не из Каракаса, а родился в одном селении недалеко от Барселоны (в Венесуэле), там живет его семья; у него есть дочь, которая сейчас учится и будет учительницей. В Каракасе он чувствует себя чужеземцем, но ему надо зарабатывать деньги, чтобы прокормить семью. Каракас ему совсем не нравится, он ездит повсюду, куда его посылают, днем и ночью, если это нужно, старается как можно больше заработать и откладывает деньги...

После этого приступа внезапной откровенности он вдруг снова становится молчаливым, замкнутым, мрачным и, возможно, уже раскаивается в своей болтливости.

Но теперь мы уже лучше разбираемся в психологии нашего шофера.

ДОРОГА К ОРИНОКО

От Каракаса автострада бежит вверх, широкими зигзагами пробираясь между горами, и заканчивается на высоком плато. Здесь над пропастью парят орлы, а светло-серые утесы мрачно вырисовываются на фоне синеющих горных склонов.

По всему плато разбросаны бензозаправочные станции и открытые рестораны; они сверкают такими яркими красками, что от их металлического блеска режет глаза. Царящую в горах тишину то и дело разрывает бешеный треск моторов.

Здесь же берет начало панамериканское шоссе — обычная асфальтированная дорога, которая вскоре делается узкой и извилистой. Она проходит через маленькие городки, через старые узкие аллеи с белесыми стволами деревьев, через расселины скал. Сгрудившись в этих тесных ущельях, напоминающих бутылочное горлышко, машины вытягиваются в цепочку и медленно двигаются двумя встречными рядами, едва не задевая друг друга. Но как только в цепочке образуется хоть малейший просвет, отставшую машину начинают со всех сторон обгонять, обгонять рискованно, безрассудно, и в этом сказывается примитивный католический фатализм. Этот фатализм постоянно подогревается многочисленными дощечками с надписями, которые висят чуть не на каждом дереве: «Solo Cristo salva» («Один Христос нас спасет»). Что же касается обычных дорожных знаков, то здесь их, очевидно, считают бесполезными или излишними.

Перед Маракаем дорога к Ориноко сворачивает на юго-восток и бежит дальше мимо светло-зеленых возвышенностей и плодородных долин. Кофе и какао растут между невысокими банановыми рощицами. Из окутанного солнечной дымкой озера торчат стволы затопленных деревьев, почерневшие и исколеченные, словно трупы самоубийц.

Среди голых скал раскинулся город: это Портен-тиль-Льянос; отсюда начинается высокогорная равнина, которая тянется до самого Ориноко. Но по пути облик равнины все время меняется: сначала, в полосе дождей, она прячется в густых зарослях тропической растительности, потом постепенно переходит в высушенную солнцем степь¹, становится все более голой и пустынной, и вот уже во всю ширь, насколько

---

¹ Степью автор называет как саванны — льянос, так и пампу Южной Америки, покрытые травянистой растительностью.— *Прим. ред.*

хватает глаз, перед вами простираются необъятные степные просторы, покрытые только бурой, сожженной зноем травой.

Здесь множество рек, и каждая носит какое-нибудь очень звучное название. Однако большей частью эти реки настолько пересохли и обмелели, что воды в них будет едва по брюхо взрослому аллигатору. Аллигаторы обычно уплывают либо на север, к океану, либо на юг, к Ориноко.

Мы едем по широкой и волнистой Валье-де-ла-Паскуа (Праздничная долина). Временами среди зарослей тропического кустарника появляются скотоводческие асьенды¹; железные крыши, как зеркало, поблескивают в густой зелени, а возле небольших искусственных водоемов теснятся скот; часть животных пасется в кустарнике: то здесь, то там вдруг мелькнет голова или спина животного.

Вдоль дороги одиноко стоят ветхие хижины. Возле хижин в тени сидят их обитатели и словно чего-то ждут. Дети и собаки сидят или лежат прямо на голой земле и, видно, тоже чего-то ждут. Несколько жалких кур бродят вокруг чахлах бананов.

Недалеко от дороги тянется линия телефонной связи, местами исчезающая в лесной чаще. Лианы обвиваются вокруг столбов и образуют огромные зеленые башни или захлестывают их цветущей волной листьев, окутывая провода длинными зелеными спиралями. Иногда вместо столбов используются пальмы.

Теперь мы встречаем все меньше и меньше автомобилей. Иногда пронесется мимо маршрутная машина, битком набитая людьми, и наш шофер дружески кивает своему коллеге. Однако в основном это грузовые автомобили: автоцистерны, самоуверенно движущиеся по шоссе, словно гигантские носороги, тяжелые грузовики со станками, машины с пивоваренных заводов, в кузове которых высокими штабелями стоят ящики с бутылками, машины для перевозки скота с высокими решетчатыми загородками, за которыми теснятся коровы и быки — на повороте их бросает из стороны в сторону, и торчащие из кузова длинные рога чертят воздух.

Время от времени мы проезжаем мимо бензоколонки с расположенным неподалеку маленьким ресторанчиком. Иногда несколько бензоколонок и несколько ресторанов образуют своего рода придорожный оазис, где отдыхают и заправляются и машины и люди. Пропитанные пылью, потом и бензином, вылезают они из грузовиков, бредут, покачиваясь от усталости, к крану и подставляют головы под струю воды. Потом заказывают себе холодного пива, берут кусок мяса и принимаются за еду под назойливое жужжание мух.

---

¹ Асьенда (*исп.*) — ферма.

На десятки миль протянулся этот унылый ландшафт, скучный и убогий. На обочинах дороги сидит воронье, терпеливо выжидая, когда машина задавит какую-нибудь живность; потом оно набрасывается на жертву и трудится над ней так же старательно, как хирург над оперируемым. Когда машина уже почти наезжает на этих черных любителей падали, они тяжело и нехотя взлетают чуть не из-под самых колес, а из их клюва зачастую висят куски мяса или внутренности.

Коровы и мулы пасутся у самой дороги; нередко они ложатся отдохнуть на ее проезжей части или бредут по ней, не обращая ни малейшего внимания на машины. В этом случае шоферы вынуждены притормаживать и либо объезжать, либо сгонять их с дороги, осторожно упираясь радиатором в зад или бок упрямого животного. Наезжать на них не стоит: это и опасно и дорого. За изувеченную корову вам придется заплатить тысячу боливаров (цена, установленная государством). Поэтому домашние животные попадают под колеса крайне редко.

Мы проезжаем вершину горы, откуда открывается изумительный вид: во все стороны до самого горизонта раскинулось необъятное море зелени, словно подернутое изумрудной зыбью. Его насквозь разрезала протянувшаяся далеко-далеко лента дороги, тонкая, как меловая черта. Асфальт сверкает на солнце, как струя воды, и кажется, будто это река, текущая через бескрайние степи.

Внезапно набегают волна каких-то неведомых ароматов: возможно, это пахнут пряности, а возможно, благоухают цветы, и вам даже кажется, что у этого благоухания есть цвет — желтый или фиолетовый. Так могут пахнуть анис или тимьян, бальзам или лилии. Потом благоухание вдруг усиливается, и сразу же начинается дождь, вернее маленький дождик, его влагой сейчас задымится земля и вся растительность. И что интересно, благоухание возникло как раз перед дождем, словно в предчувствии его.

А синие дали над горной равниной! Они необъятнее морских, горизонт здесь выше и бесконечно дальше. Огромные массы облаков либо застыли в необозримых небесных просторах, либо тихо плывут над землей, непрерывно меняя свой облик. Они образуют причудливые нагромождения мрамора и белоснежные ущелья, а между ледяными обрывами вдруг возникают фантастические очертания голубого храма. Стены обрывов становятся все чернее, чернее, и вот они уже грозно нависают над землей, словно тяжелые горные хребты...

Где-то очень далеко идет дождь, и кажется, будто небо прорезает гигантский пучок темных лучей или на небесную арфу вдруг натянули струны. Но тучи вновь рассеиваются по всему небу, превращаясь в легкие букеты цветов или стада пасущихся ягнят.

ГОРОД НЕФТИ ЭЛЬ-ТИГРЕ

Уже наступил вечер, когда горная равнина, покрытая густой тропической растительностью, превратилась в желтую степь, царство травы и теней от облаков, бегущих по небу. Здесь уже нет деревьев, исчезают и последние кустарники, высохшие, запыленные и жесткие, словно сделанные из жести и стальных прутьев.

Высокие и острые стебельки травы тоже стали жесткими, как щетина, и разжевать их не под силу даже мулам. Ветер не колышет их, и под его порывами они только вздрагивают, твердые и непреклонные.

Сейчас самое засушливое время года, и ни одного стада вы не увидите на этих голых степных равнинах. Весь скот либо перегнали на север на новые пастбища, либо отправили на бойни. А некоторые животные пали от голода, и их высушенные солнцем скелеты уныло белеют между вздрагивающими пучками травы.

Оринокские льянос раскинулись на тысячу километров в длину и более чем на триста километров в ширину. Скот пасут здесь уже около четырехсот лет, а стада насчитывают четыре миллиона голов. Мясо идет отсюда в Каракас и другие приморские города.

Но пастбища здесь скверные. И климат тоже. Каждое время года несет с собой какое-нибудь новое бедствие этим степям. Вот на юге наступает засуха, трава делается жесткой, над степью носятся тучи прожорливых насекомых. И скот приходится перегонять на север. А затем на севере наступает период дождей, начинаются опустошительные наводнения, тонут люди, тонут животные, трава соблазнительно колышется под водой, но до нее не добраться. Скот снова приходится перегонять на юг.

Вот оно, огромное степное хозяйство. Стада, которые проходят много сотен миль в поисках удобных пастбищ, а с ними люди — верхом или на джипах. Бойни, разбросанные по всей степи, и самолеты, с ревом несущиеся за очередной партией мяса, будто стая гигантских серых коршунов.

По Ориноко проходит древняя южная граница, которую стада никогда не переступают. Почему? По другую сторону реки простирается Гвианское плато: местами его покрывает саванна сочной травой, но стада не пасутся там. Это почти неизведанный край, край диких гор, непроходимых лесов и высоких водопадов, укрывшихся за сплошной завесой водяной пыли. Гвианское плато составляет половину всей Венесуэлы.

Но мы находимся сейчас в ста двадцати километрах севернее Ориноко. Над степью сгущаются сумерки. А вдали, у самого горизонта, взлетают к небу яркие жадные языки пламени, будто зажженного чьей-то невидимой рукой. В эль-

тигрском нефтяном районе горит нефть. (На всех нефтепромыслах всегда горит нефть. Интересно, почему? Получается так, что нефть просто не может не выплескиваться и не вытекать. И неужели никак нельзя охладить пыл огня, страстно влюбленного в нефть?)

Мы едем по окутанной ночным мраком степи, а вокруг, как праздничные факелы, пылают огромные столбы огня. Вот и Эль-Тигре, один из трех-четырёх новых нефтяных районов восточной Венесуэлы (который уже дает четверть всей нефти, добываемой в стране). Эль-Тигре вместе с расположенным неподалеку Эль-Тигрито (Тигр и Тигренок) образуют совершенно новый нефтяной город, где пока все голо, дико, необжито.

Пионеры, пионеры! Люди в грубых сапогах, темных от пота рубашках, в выпачканных нефтью шлемах, защищающих их от солнца. Изрытая земля, облака пыли, огромные лужи, подернутые пленкой нефти. Перекрестки дорог, по которым движутся в полумраке сотни машин, велосипедисты и пешеходы, лавирующие между машинами, которые зажигают и тут же тушат свои фары.

Импровизация! Выстроенные на скорую руку бары, отели, магазины. Хаос товаров, громоздящихся за решетками витрин. Сторожевые псы, заливающиеся громким лаем из-за ворот или железных оград. Огромные пока еще пустующие залы магазинов с цементным полом. И другие залы, уже битком набитые новенькими автомобилями. Мебельные магазины, беспорядочно заставленные всевозможной мебелью, а посреди всего этого хаоса стоит какое-нибудь семейство; дети перебегают от стола к шкафу, от кровати к креслу, чтобы все пересмотреть, перетрогать.

Повсюду вам бросается в глаза резкий контраст между зияющей пустотой и изобилием. Это заметно даже в аптеках, где на полках довольно пусто, а прилавки завалены товаром, и толпа покупателей осаждаёт двух-трех продавцов в белых халатах. То же самое и в школе, которая помещается в пустом, похожем на барак здании из сырого некрашеного дерева; уроки в классах идут с рассвета до полуночи.

Школа переполнена учащимися. Взрослые сидят за партами рядом с детьми; здесь нет никакого оборудования, одни ученики. Вот кто-то из преподавателей выходит на улицу немного подышать свежим вечерним воздухом (пропитанным пылью, дымом и запахом нефти). Он едва держится на ногах от усталости, руки у него дрожат, когда он зажигает сигарету. Но это не только усталость, он весь горит каким-то восторженным возбуждением, словно в лихорадке. Позже он объясняет мне, что весь город охвачен внезапно вспыхнувшей страстью к учению, желанием во что бы то ни стало

добиться успеха, энтузиазмом, побеждающим даже усталость.

В барах за выпивкой нужно стоять в очереди, сидеть негде, через весь зал тянется длинная стойка, вдоль которой со стаканами в руках прохаживаются завсегдатаи.

Отель, в котором нам посчастливилось достать комнату,— это, пожалуй, не отель, а просто несколько бараков с цементным полом, голыми стенами и оконными рамами без стекол и даже без москитных сеток. Со всех сторон доносится жужжание вентиляторов и разноголосый гомон. На жердочке сидит попугай и отрывисто кричит.

Весь вечер слышится шум воды, льющейся на цементный пол, звон грязной посуды, грохот ложек, вилок и ножей, падающих на моечные столы.

Спешка, страсти и жажда наживы царят в Эль-Тигре днем и ночью. Все возникает у вас на глазах, всюду совершается процесс необузданного созидания, а люди, словно в горячке, балансируют между нищетой и безудержной расточительностью.

Мне рассказывали о веселых девицах, которые время от времени приезжают сюда на гастроли, словно театральная труппа. Они живут в бараках или палатках, усиленно трудятся на избранном поприще и получают за это деньги. Эти дни превращаются в своего рода праздник, когда о работе все более или менее забывают. Девицами восхищаются весь город, и, что самое удивительное, восхищаются не только мужчины, но и женщины. Когда они появляются на улицах в своих красивых открытых платьях, на них смотрят с таким восторгом и любовью, будто это не девицы легкого поведения, а известные актрисы.

СЬЮДАД-БОЛИВАР— СТЕПНОЙ ПОРТ

В резком свете утра Эль-Тигре кажется маленьким и плоским среди бескрайней равнины. Не видно больше пламени нефтяных пожаров, и только разбросанные по равнине нефтяные вышки мрачно чернеют на фоне неба.

У самой дороги валяются каркасы потерпевших аварию автомобилей. На небольшой платформе стоит невероятно изуродованная машина, очевидно, чтобы служить грозным предостережением для любителей слишком лихой езды. Помоему, из всех памятников Венесуэлы этот является самым актуальным и жизненно необходимым.

Прямая, как гвоздь, дорога врзается в необъятную степь. В степи стоят одинокие домики, голые и неказистые; их видно за много-много миль, и кажется, будто они вылеплены из воздуха. А вот и горы: их голубовато-акварельные очертания

слабо вырисовываются далеко за Ориноко, на самом горизонте.

Равнина заканчивается едва заметными волнистыми уступами, спускающимися к реке. Перед нами Ориноко! Отливая на солнце бледно-металлическим блеском, протянулась узкая полоса воды, рассекающая Венесуэлу на две половины.

По обоим берегам реки раскинулись зеленые поля и сады. Здесь же расположен небольшой городок с красивыми уютными домиками — Соледад. Берег круто обрывается к реке, сверкающей в солнечных лучах и подернутой серебристой рябью, которая вздрагивает под порывами утреннего ветра.

Здесь нам приходится выйти из машины и потоптаться несколько секунд в ящике с мокрым песком; это профилактическая мера, которая должна предупредить распространение за реку сельскохозяйственных вредителей или микробов, могущих вызвать эпидемические заболевания домашних животных. (Я видел дом, в котором жила семья негров. Дом стоял под деревом, усеянным длинными почерневшими от болезни стручками.)

Возле понтонного моста стоит паром; его нижняя палуба предназначена для автомобилей, верхняя — для пассажиров. С реки дует сильный ветер, горячий, как раскаленное железо. Вода принимает то сероватый, то желтоватый оттенок, в зависимости от дня.

Вся переправа через реку занимает каких-нибудь четверть часа, паром двигается наискосок к Сьюдад-Боливару.

Река в этом месте необычайно узкая, на ее пути лежит множество больших круглых камней; реке тесно, и она быстро мчит свои воды, стараясь как можно скорее достичь океана. Сьюдад-Боливар прежде назывался Ангостура, что означает узкий или тесный проход. (Там жил один врач, который в 1824 году выдумал новые капли, довольно горькие, и благодаря этому имя его родного города стало известно во всем мире.)

Город лежит на скале, похожей на гигантскую пирамиду, которая спускается к реке тремя широкими уступами. Береговая улица по своей планировке напоминает террасу; она засажена деревьями, и под сенью листвы уютно расположились небольшие кафельные бассейны с водой или без воды.

Желто-синие ящерицы длиной со ступню ноги шныряют по булыжной мостовой так быстро, что кажется, будто это порхают маленькие птички с длинными хвостами. Иногда они в мгновение ока перебегают по электрическим проводам со столба на столб.

Дома главным образом двухэтажные, в стиле XIX века, с высокими потолками; они построены так, чтобы в комнаты попадало как можно больше солнца и воздуха. В полупод-

вальном этаже помещаются открытые, без передней стены магазины, парикмахерские и всякие мастерские, уходящие в лишенный окон полумрак. Крутые скрипучие лестницы ведут в верхние жилые этажи с широкими деревянными балконами, нависающими над тротуаром.

Мы останавливаемся в небольшой гостинице, которую содержит один итальянец с семьей. Комнаты в гостинице такие огромные, высокие и пустые, что очень похожи на сараи. Двустворчатые двери нельзя запирать иначе, как при помощи крючка и широкой задвижки под самым потолком. Посреди комнаты стоит медная кровать с пологом от москитов, а в углу за низенькой перегородкой помещаются туалет и душ.

Длинный балкон служит своеобразным салоном. Там стоят неуклюжие качалки из досок, сбитых гвоздями. В ручках кресел сделаны специальные отверстия, в которые можно ставить рюмки и стаканы. В креслах сидят и хозяйка, и постояльцы, каждый перед дверью своей комнаты. Они пьют, курят, беседуют, читают газеты, смотрят на реку или на улицу через перила балкона. Щели в полу настолько велики, что сквозь них видно все, что делается внизу на тротуаре.

Жара. Желто-белая, густая, потогонная жара, особенно усиливающаяся после полудня. Все проникнуто ожиданием ветерка, который пропадает рано утром и снова начинает дуть только к вечеру, неся с собой прохладу; иногда этой прохлады больше, иногда меньше — день на день не приходится.

* *
*

Сьудад-Боливар... С давних пор запирает он железным замком русло Ориноко, контролируя сотни лет движение по реке, а следовательно, и путь в глубь Венесуэлы. Здесь сталкивались дикость и цивилизация. Из внутренних областей страны шли кожи, меха, каучук, золото и драгоценные камни; их доставляли всевозможные авантюристы — рыцари тропических лесов и речных дорог.

Из Ангостуры отправлялись все новые и новые толпы завоевателей на поиски чудесных фантастических городов, таких, как часто упоминаемый и никогда не существовавший Маноа. Сюда пришел и Боливар со своими отрядами; он быстро занял город и начал отсюда смелый поход через Анды в Боготу. Потом в Ангостуре заседал революционный конгресс, провозгласивший Боливара президентом новой республики Великая Колумбия. Это было первым шагом на пути к осуществлению его смелой мечты о единой независимой Южной Америке, но вскоре был сделан и шаг назад.

Теперь город — прежде всего исторический памятник, и его невзрачные деревянные дома зачастую связаны с великими именами и событиями, о чем гласят соответствующие надписи. В этом доме при таких-то обстоятельствах жил *El Libertador* (Освободитель), в этом жили его родители, в этом происходил революционный конгресс, а в этом была напечатана первая газета освободительного движения.

Нам довелось увидеть дом, который некогда принадлежал местному сановнику Далла-Коста. Этот дом называют дворцом; показывает нам его некий Адан Бланко Ледесма, юрист и писатель. Он наклоняется и любовно поглаживает ступеньки из гранита, привезенного сюда из Гамбурга. Затем он дотрагивается до перил и стен и почтительно произносит: *madera* (дерево), так почтительно, словно это слоновая кость.

— Un palacio, muy lindo, muy lindo, todo es muy lindo¹.

Особенно долго он стоит перед балконной решеткой из резного дерева. На светлом фоне она выделяется словно черная вышивка, и тень от нее падает черными кружевами на деревянный, добела вымытый пол, на великолепно отглаженный полотняный костюм нашего крайне корректного нового знакомого, на его бледное лицо, похожее на выскобленное дерево с тонкими прожилками.

Его юридическая контора помещается в том же доме. Мы входим в большую пустую комнату, он предлагает нам пекучие стулья с высокими спинками и садится возле письменного стола. Его помощники в потертых костюмах молчаливо и почтительно подают ему кипы бумаг, которые он медленно подписывает царапающим пером.

Он просит принести несколько пыльных и мрачных на вид экземпляров его книг, изданных в собственном издательстве; напечатаны они довольно плохо и иллюстрированы почти черными фотографиями. Они воспевают Сьюлад-Боливар в стихах и прозе, их автор — истинный поэт-патриот родного города. Передавая нам книги, он близоруко склоняется над ними и снабжает каждую цветистой надписью в память о нашей встрече с венесуэльским коллегой.

* *
*

Поскольку в город мы попали совершенно случайно, мы не увидели многое из того, что придает ему романтическую окраску. Мы не видели, как происходит пресловутая (и, очевидно, более или менее тайная) торговля редкими мехами,

---

¹ В переводе с испанского: «Очень красивый дворец, очень красивый, да, все очень красиво».

золотыми самородками и неограниченными алмазами. Не видели мы беглых каторжников из Гвианы (черных от солнца, с диким взглядом), не видели и нагих индейцев, явившихся в город из леса.

Зато мы видели пароходы: некоторые из них, может быть, только что пересекли океан; они стояли в порту и выгружали на берег всевозможные товары. Мы зашли в скобяной магазин итальянца-иммигранта Боккардо; здесь режут стекло и демонстрируют шведские спиртовки. В здании несколько этажей, сплошь заваленных товаром, и в этом хаосе расколотых ящиков, картонных коробок и опилок роются продавцы, с остервенением разыскивая нужную вещь. На стене висит темно-синяя табличка, извещающая, что здесь шведское консульство. Сам консул Боккардо улетел в Каракас.

На тротуаре стоят торговцы с плетеными сетками разных цветов — гамаками. Гамак (гамаса) здесь просто называют сетью (red). Торговцы перебрасывают свернутые гамаки с плеча на плечо, а когда надо показать товар, тут же растягивают их между деревьями. В покупателях недостатка нет, ибо без гамака до сих пор трудно обойтись в этой стране лесов и диких степей.

Продавцы мороженого ведут свою торговлю чрезвычайно примитивным способом. Они готовят каждую порцию мороженого отдельно, а покупатель тем временем ждет. Кусочек льда кладется в специальный аппарат с прессом и вращающимся диском, который растирает мелко расколотый лед. Затем из нескольких стеклянных банок туда наливают какие-то ярко окрашенные жидкости, и вот ледяную массу ядовито красного, желтого или зеленого цвета уже накладывают в бумажный кулек. Я видел, как даже элегантные молодые женщины сосут прямо на улице это удивительное мороженое.

Мы видели посыльного на велосипеде, который чуть не падал под тяжестью похоронных венков из бумажных цветов; видели голых ребятишек, бегающих между стаями индюков; видели Ориноко, пламенеющее в лучах заходящего солнца как лента расплавленного золота; видели ярко-розовые облака, тихо плывущие в угасающем небе под только что вспыхнувшими звездами.

До рождества остается всего несколько дней, и город благовоременно наряжается к празднику. Это особенно бросается в глаза вечером, когда вы совершаете небольшую автомобильную прогулку. Проезжая мимо вилл на городских окраинах, деревянных домиков и жалких хижин, вы всюду видите освещенные рождественские елки; нередко они сделаны из дерева и картона и укреплены на небольших деревьях, даже на кактусах и агавах. Перед домами побогаче у дверей стоит рождественский дед-мороз в человеческий

рост, у него рыжая шевелюра, и весь он осыпан сверкающим искусственным снегом.

За городом находятся районы, возникшие совсем недавно: здесь расположены фабричные здания, радиостанция, институты. И все-таки Сьюдад-Боливар не промышленный центр, а исторический памятник, не больше. Ему уже не придают серьезного значения, он уступает место Пуэрто-Ордасу, расположенному ниже по течению, у самой дельты реки.

ЧТО ПРОИСХОДИТ В ПУЭРТО-ОРДАСЕ

Венесуэльцы наостряют уши при одном упоминании о Пуэрто-Ордасе. С этим городом связаны большие надежды на будущее. Если запасам нефти суждено иссякнуть, спасение можно ожидать прежде всего от Пуэрто-Ордаса, точнее говоря, от гвианской руды.

Несколько часов бешеной гонки по еще строящемуся шоссе, и вот мы уже подъезжаем к городу, так внезапно ставшему знаменитым. Через лес проложена прямая, как линейка, железнодорожная ветка, и по ней бегут составы, груженные рудой.

С вершины горы открывается великолепный вид на весь Пуэрто-Ордас. С запада течет Ориноко, и его мутно-желтые густые воды сливаются с голубовато-зеленой Карони, текущей с юга. От Карони веет свежестью горного ручья, но иногда она вдруг показывает зубы и образует могучие водопады. Между этими реками среди высоких холмов и вырос новый город с тремя большими массивами домов и красноватыми пятнами земли, изрытой экскаваторами.

Сначала мы въезжаем в беспорядочно застроенный «старый город». Здесь расположились маленькие ресторанчики, в которых день и ночь ревет музыка, жилые дома, хижины и просто сарай, битком набитые людьми. Вокруг непроходимые джунгли огромных мусорных куч, на них коршуны и дикие мулы дерутся из-за остатков пищи. Здесь, за пределами территории, занятой сталелитейной компанией, царят теснота и скученность. В этой дыре, пропитанной запахом грязи, пива, пота и нечистот, гибнут человеческие жизни.

Недавно в Пуэрто-Ордасе появился шведский консул, доктор экономических наук, немец по национальности. Когда мы отыскали его, оказалось, что он возглавляет административный отдел в новой великолепно оборудованной больнице. Доктор Плох — человек средних лет, превосходно говорит по-английски. В свое время он уехал из Германии и стал венесуэльцем.

Сегодня как раз день выплаты заработной платы, и у него забот полон рот, тем не менее он тотчас же стал прикиды-

вать, как нам лучше провести сегодняшний вечер. Он представляет нас своей дочери, красивой молодой девушке, и для начала передает нас на ее попечение.

Фрекен Плох училась в американском колледже и говорит по-английски с типичным американским акцентом, немного растягивая слова. Она выглядит очень мило, когда сидит за рулем своей элегантной машины и уверенно ведет ее.

— Пуэрто-Ордасу всего пять лет, — рассказывает она. — Прежде здесь ничего не было. Потом американцы начали разрабатывать железную руду, и сталелитейная компания «Юнайтед стейтс стил корпорейшн» построила на этом месте город. А теперь посмотрите сами...

Недалеко отсюда на зеленом откосе раскинулся поселок, где живут служащие компании — венесуэльцы и все иностранцы (кроме американцев). Небольшие, вполне современные уютные виллы и цветочные клумбы. В поселке есть плавательный бассейн и клуб, а также школы, расположенные в некотором отдалении от жилых домов. Возле каждой школы расчищена большая площадка, где дети могут играть; ее часто поливают, и она покрыта не гравием, а коротко подстриженной травой. Один из кварталов отведен под магазины, банки, аптеки и предприятия бытового обслуживания.

По соседству с поселком стоят дома, где живут рабочие. Это длинные корпуса с небольшими палисадниками, где цветут вьющиеся растения. Фасады зданий изрезаны узором вентиляционных решеток, заменяющих окна; это создает непрерывную тягу воздуха и обеспечивает лучшее охлаждение комнат.

Вокруг строится множество новых жилых домов; количество рабочих непрерывно увеличивается, и с каждым днем становится все труднее обеспечить их жильем. Несколько тысяч человек живут в построенных на скорую руку бараках, а многие снимают комнаты в Сьюдад-Боливаре и ежедневно ездят на работу и с работы на грузовых машинах.

Та часть города, где живут американцы, расположена несколько поодаль, на высоком холме, откуда открывается чудесный вид на реку; здесь всегда дует свежий ветерок. Улицы посыпаны красным песком, у каждого собственный сад, именно такой, какой он замыслил и распланировал; ему привезли землю, посадили деревья и цветы и полили их. Большие роскошные виллы разбросаны на значительном расстоянии друг от друга, а зеленые лужайки между ними исчерчены узором асфальтовых дорог.

Здесь выстроен великолепный клуб. На стенах висят красивые зеркала в обрамлении из легкого белого металла, от-

литого в форме листьев. В туалетных комнатах стоят удобные кушетки. Есть бар, ресторан и плавательный бассейн. Все это очень изысканно и только для американцев; правда, те из неамериканцев, которые получают не менее тысячи пяти-сот боливаров в месяц, тоже могут посещать этот клуб и даже купаться в этом бассейне.

Американцы составляют лишь четвертую часть всех служащих компании: так установлено законами Венесуэлы. Но зато все они высокооплачиваемые начальники отделов или квалифицированные специалисты.

На территорию порта посторонним лицам вход запрещен, порт тщательно охраняют. Когда нам нужно было туда поехать, Фрекен Плох доставала специальный пропуск, достоверность которого проверяли по телефону. Однако смотреть там особенно нечего. Железнодорожный состав с рудой подходит к берегу реки и разгружается прямо в дробильные установки. Затем измельченная руда подается на суда, по пять тысяч тонн в час. Большие суда вмещают до сорока пяти тысяч тонн железной руды, однако низкий уровень воды в реке и песчаные мели не дают возможности полностью загружать трюмы.

Судам почти не приходится терять времени на стоянке в ожидании погрузки, и уже через несколько часов они отправляются в обратный путь с грузом руды. Сейчас у причала стоит только одно судно — покрытый ржавыми пятнами гигант «Оре Титан», который приписан к порту Монровия, но, очевидно, принадлежит американской компании. (Фрекен Плох рассказывает нам, что когда однажды испортился погрузочный механизм, по всей реке, насколько хватает глаз, вытянулась длинная очередь пароходов, прибывших за рудой.)

Мы мчимся вдоль Карони на север по мощеной лесной дороге. На небольшой прогалине у самого берега реки выходим из машины. На верхушках деревьев великолепные орхидеи, доступные лишь взгляду. Сорвать их можно только при помощи искривленного ножа на длинной рукоятке. Не так давно здесь видели анаконду, и теперь мы с волнением смотрим, не появится ли она снова. Она может неожиданно вынырнуть из клокочущей водоворотами реки, притаиться за прибрежными камнями или поваленными стволами деревьев.

На дне Карони есть алмазы, но никто не отваживается нырять за ними, так как в реке много электрических угрей. Могучие водопады затрудняют строительство плотины для будущей электростанции; сюда пригоняют и затапливают сотни и сотни старых железнодорожных вагонов, доверху загруженных железным ломом.

Мы снова возвращаемся в больницу, где доктор Плох берет на себя обязанности нашего гида. Строительство больницы было одним из условий предоставления американцам концессии, и оно обошлось в миллион долларов. Больница является образцовым лечебным учреждением; операционная оборудована специальными изолирующими устройствами на случай ударов молнии, имеются приспособления для охлаждения воздуха и автоматического включения и выключения вентиляции.

Весь обслуживающий персонал больницы состоит из венесуэльцев, даже врачи здесь венесуэльцы; так предусмотрено правилами. Служащие и рабочие компании лечатся в больнице бесплатно, а остальное население города — за небольшую плату.

Мы у доктора Плоха. На столе расставлены прохладительные напитки. Наше внимание привлекает двухметровая зелено-желтая в полоску змея, которая живет в стиральной машине, стоящей у дверей в сад. Хозяйка, как и ее муж, говорит по-английски. Во всем доме нет ничего, напоминающего о том, что хозяин немец. Лишь основательная осведомленность, с которой доктор Плох отвечает на наши вопросы о Пуэрто-Ордасе, выдает его немецкое происхождение.

Несколько лет назад американские геологи, искавшие здесь железную руду, забили в набат: в каких-нибудь ста двадцати километрах от Пуэрто-Ордаса они нашли гору, в которой залежала железная руда с шестидесятипятипроцентным содержанием железа. Туда была проложена железнодорожная ветка, и вскоре прямо из горы открытым способом начали добывать железную руду. Ее запасы определяются в шестьсот миллионов тонн. Сейчас добыча руды составляет около десяти миллионов тонн в год, но она легко может быть доведена до пятидесяти миллионов. Кроме этого месторождения, которое уже разрабатывается, существует немало других, более или менее богатых железом. Компания «Юнайтед стейтс стил» считает, что она обеспечена рудой по крайней мере на сто лет вперед (компания «Бетлехем стил» уже начала экспорт руды через расположенный неподалеку оринокский порт Сан-Феликс).

Доктор Плох точно не знает, какие прибыли приносит Венесуэле добыча руды. Известно только, что они довольно велики. Запасы нефти в Венесуэле истощатся, очевидно, через десять-пятнадцать лет, если только не будут обнаружены новые месторождения. Следовательно, страна должна начинать перестройку своей экономики на новой основе. Этой основой в первую очередь является добыча железа и других металлов.

В Пуэрто-Ордасе намечено построить большой сталеплавильный завод, который получит энергию от Карони. Строи-

тельство завода должно быть закончено в 1958 году. Возможно, через десять-двадцать лет этот район будет играть даже более важную роль, чем Маракайбо...

— Теперь кажется просто невероятным, что все здесь выросло прямо-таки из ничего за какие-нибудь несколько лет,— говорит доктор Плох, немного мечтательно глядя вдаль.

Он зачастую выступает в роли посредника между американцами и венесуэльцами, ему приходится быть одновременно и арбитром и буфером, а задача эта не из легких. Он характеризует венесуэльцев как людей мягких, но в то же время гордых и обидчивых. Американцы же любят показать свое превосходство и к тому же нередко забывают, что эта страна со всеми ее ресурсами все же принадлежит венесуэльцам.

Быстрое экономическое развитие жизненно необходимо для венесуэльцев. Им приходится обращаться к американцам, у которых есть капиталы и технические знания. Однако венесуэльцы не хотят, чтобы с ними обращались как с какими-то дикарями, не хотят, чтобы на их труде наживались иностранцы, и ведут все более и более решительную борьбу за удовлетворение своих требований.

ДОРОГА В МАРАКАЙБО

И вот мы снова едем из Каракаса через горные ущелья, похожие на бутылочное горлышко. На этот раз нас везет другой шофер, более полный и более приветливый. Он охотно отвечает на вопросы, но говорит очень невнятно, словно у него каша во рту, с множеством гортанных звуков, и понимаем мы его только наполовину. Он рассказывает о придорожных ресторанах, об асфальтовых и проселочных дорогах, о ливнях в горах, обвалах и наводнениях. Он сообщает главным образом о всяких несчастьях, но без малейшего уныния в голосе, почти радостно, словно эти несчастья доставляют ему чуть ли не удовольствие.

Мы едем по долине, протянувшейся вдоль озера Валенсия, здесь часто идут дожди и земля очень плодородная. На полях растут сахарный тростник, хлопчатник, кукуруза, рис. Растут города и население, фабрики и заводы. На больших рекламных щитах названия местных отделений американских фирм: «Гудьир», «Файерстоун», «Вестингауз», «Шервин Уильямс».

Снова проливной дождь, и на обсаженных деревьями узких улицах Маракая становится так темно, что приходится зажечь фары. Повсюду огромные лужи, и когда по ним проезжают машины, из-под колес бьют фонтаны воды. На тротуарах толпы людей с зонтами и в плащах из пластика. Город раскинулся на десятки километров в длину и ширину,

на его улицах много старых развесистых деревьев, зеленых скверов, а в небе летают стаи голубей.

Желтые здания военных учреждений; поросшие травой плацы, где проводятся строевые учения; птицефермы с множеством взъерошенных, промокших под дождем кур; высокие деревья, покрытые красными цветами; небольшие группы военных, отдающих друг другу честь; железные голубятни; пиротехническая фабрика; несколько небольших фабрик, выпускающих фаянсовые изделия, в том числе отделанные под мозаику вазы; младенец Христос из золота и пластмассы, стоящий у входа в небольшую церковь на окраине города; электростанция возле самого озера, окруженная чудесным садом; и наконец самое озеро, серовато-синее, изрезанное белыми гребешками волн.

Маракай — старинный военный город. Еще в середине тридцатых годов он стал резиденцией диктатора Гомеса. Для собственного удовольствия и прославления своего имени в веках он построил здесь отель «Ярдин» с прилегающим к нему парком, оперный театр, арену для боя быков, мавзолей, триумфальную арку и дорогу в порт Турима (в качестве запасного выхода на тот случай, если ему придется срочно бежать из страны).

Улицы, залитые дождем и уже окутанные синими сумерками, тянутся до самого озера. На улицах множество ларьков, где продают мед, сироп, варенье в банках. Кое-где среди зеленой травы виднеются могильные холмики с железными или деревянными крестами; на некоторых могилах белые каменные плиты и букеты цветов.

Вот и Валенсия, затуманенная легким дождиком, розовеющим в последних отблесках заходящего солнца. Узкие улицы, площадь, обсаженная высокими деревьями, собор, в котором уже зажгли свечи и открыли настежь двери. Девушки в нейлоновых платьях и кружевных накидках идут к мессе.

На витрине магазина — дамские туфли на высоких стеклянных каблучках, с бантиками бабочкой.

Памятник в ознаменование битвы под Карабобо, где Боливар одержал решающую победу над испанскими войсками.

Отель, в котором комнаты напоминают открытые веранды и кольцом опоясывают двор. Стол вам накрывают прямо во дворе, в беседке, сплошь увитой зеленью. Множество собак и кошек то и дело забегают в комнаты, и стоит вам прилечь отдохнуть, как они начинают обнюхивать вас. В дверях на полушке спит мальчик-слуга.

Утром в условленное время машины у подъезда не было. Она подъехала только через полчаса. Шофер сказал, что ночью он отвозил в Каракас небольшую компанию и только

сейчас вернулся. Ему удалось поспать всего два часа, но это неважно, он только выпьет чашку кофе...

Мы едем среди зеленых холмов, спускающихся к Пуэрто-Кабелью, расположенному у самого моря. Дорога, извиваясь, бежит через узкие ложбины, покрытые густой растительностью. Вдоль дороги тянутся нефтепровод и узкоколейка, по которой медленно движется длинный состав из цистерн.

И снова вверх на Баркисимето. Желтые экскаваторы, ремонтирующие дорогу; пылающие красным пламенем гладиолусы вокруг белых хижин; черное, как смоль, озеро, по которому плавают какие-то пестрые птицы; заросли сахарного тростника; небольшой дом посреди озера, словно затопленный наводнением; дорожные знаки с изображением коровы, предостерегающие водителей. Там же ведется строительство железной дороги, стратегической, как нам сказали, — на случай войны с Колумбией.

В Колумбии нашли нефть, и, хоть месторождение лежит по ту сторону границы, здесь считают, что эта нефть принадлежит Венесуэле. А если начнется война, понадобится и железная дорога.

Вот и Баркисимето — промышленный центр, выросший в одном из наиболее густо населенных районов страны. Здесь есть сахарные заводы, фабрики, где делают мешки, и парк, в котором деревья с выбеленными стволами живописно окружают памятник участнику освободительной войны генералу Сукре.

За Баркисимето начинается провинция Сеговия — выжженная солнцем земля, почти пустыня, в которой нет ничего, кроме песка, кактусов и голых скал.

Вдали на юго-западе виднеются синие горы. Через два часа мы уже несемся между их вершинами, окутанными черными облаками. Теплый ливень, бурлящие потоки воды, зажженные фары автомобилей и размытые сумраком контуры гор, деревьев, хижин. Вода низвергается вниз по обрывистым склонам, вырывая на своем пути глубокие борозды.

На повороте, где с одной стороны дороги крутой обрыв, а с другой — высокий склон горы, мы чуть не попадаем в обвал. Перед нами на дорогу обрушивается целая лавина.

Шофер резко тормозит и останавливается в нерешительности. Медлить нельзя, и он, очевидно, раздумывает, не повернуть ли обратно: ведь в любую секунду мы можем быть погребены под огромной грудой камней и земли.

Обвал прекращается. По горному склону теперь катятся лишь отдельные камни. Наш шофер пересиливает себя и наконец решается сдвинуться с места. Он медленно ведет машину через камни и груды земли, стараясь держаться подальше от самого опасного места. Мы минуем еще несколько завалов, где на дорогу обрушились лавины, хотя и не такие

опасные. Дождь прекращается. Вскоре мы встречаем группу рабочих, расчищающих дорогу.

Черные дождевые облака раздвигаются, и в глубине клубящегося туманом ущелья грозно сверкает снежноголовая Сьерра-Невада-де-Мерида.

Мы поворачиваем на северо-запад к Маракайбо. Дорога круто идет вниз, и скоро мы уже едем по широкой низменности через насыщенный влагой лес. Снова ливень — и дорога превращается в желто-мутную стремнину, несущуюся между залитыми дождем деревьями. Мостов не видно, и лишь перила, если они есть, возвышаются над kloкочущими потоками воды.

Некоторые машины стали у обочины дороги. Вода поднялась выше колес, и сквозь пелену дождя, словно пятна крови, поблескивают красные огоньки задних фар. Другие машины проносятся мимо нас, разрезая бурлящие струи воды, словно мрачные кренящиеся на бок корабли.

Деревья, дома, хижины у дороги — все кажется смазанным, словно нарисовано размытой тушью или вычерчено косыми линиями на гравюре по дереву.

А во что превратились сейчас нефтепромыслы и озеро Маракайбо?

НЕФТЯНОЙ ЛАНДШАФТ

Дождь кончился. Снова вспыхивают лучи заходящего солнца, все еще горячие. Солнце медленно погружается в озеро Маракайбо. От земли поднимается туман, пронизанный синим сумеречным светом. Позади нас возвышается черносиняя стена облаков.

Мы проезжаем Мене-Гранде, первый на нашем пути нефтяной промысел. Лес, дощатые домики, вороны на деревьях, люди с невероятно темной кожей — то ли от примеси негритянской крови, то ли от нефти.

Теперь озеро находится где-то совсем рядом, хотя его и не видно. Дорога пересекает низменность и идет через лес, а озеро лежит, вероятно, несколько выше и появится, как только мы поднимемся на гору.

Маракайбо — большое пресноводное озеро, раскинувшееся на двести километров в длину и почти на сто в ширину. Озеро окружено болотистой низиной, замкнутой со всех сторон горами; здесь царят полное безветрие, сырость и душная жара: это самое жаркое место в Южной Америке.

Поселения индейцев, разбросанные по берегам озера, были сметены с лица земли нефтяной цивилизацией. И лишь на западном берегу в заболоченной местности живет племя мотилонес, избегающее всякого общения с непрошеными гостями.

Рассказывают, что за рекой Кататумбо по ночам все время сверкает молния, даже если на небе нет ни одной тучки. Это так называемый Маракаибский огонь.

Еще несколько миль¹ пути, и нефтепромыслов становится так много, что они сливаются в единый промысловый район. Нефтепромыслы носят названия тех населенных пунктов, вблизи которых находятся: Бачакеро, Лагунильяс, Сьюдад-Ойедо, Кампо-Тиа-Гуана, Ля-Роса, Кабимас. Нефтяные вышки разбросаны довольно редко на небольших вырубках. Насосы качают нефть очень медленно, как бы в задумчивости, углубившись в философские размышления. Насосы похожи на птиц, и эти огромные абстрактные птицы, прикованные к земле, все время что-то пьют, сопровождая каждый глоток неумолимо регулярными механическими движениями всего тела, а рукоятка насоса, выкрашенная в желтый или красный цвет, напоминает клюв.

Некоторые насосы стоят посреди селений, возле самых домов, вокруг них играют дети, но никаких ограждений нет и в помине; все залито вонючей нефтяной жижей.

Куда ни бросишь взгляд, всюду проложены трубы, по которым перекачивают нефть. Эти трубы везде: на полях и в садах, возле стен домов, даже у самых дверей. Тонкие трубы сливаются в более широкие, их становится все больше, и они бок о бок бегут дальше.

На шоссе, которое принадлежит нефтяной компании, как, впрочем, и всюду в этом районе, чернеют пятна нефти, нефтяных отходов, жира и просто копоты. В кюветах течет смешанная с нефтью вода, отливая всеми цветами радуги, а быстрые ручьи, вздувшиеся после дождя, напоминают окрашенные в разные цвета пряди волос.

Самые большие трубы заканчиваются гигантскими металлическими конструкциями, которые можно легко спутать с буровыми вышками.

Прижавшись к лесу, вдоль шоссе стоят жалкие невзрачные дома, а перед ними — подступающее к самым дверям море нефтяной грязи. В этой грязи играют дети, копаются свиньи, индюки. Вечером старики и молодые выходят из домов посидеть на трубах и немного отдохнуть после дневного зноя.

Порой мы проезжаем через районы, сплошь заваленные старыми автоцистернами, просто цистернами, каркасами автомобилей и грудями изуродованного до неузнаваемости металла. Этот невероятный хаос является своеобразным кладбищем цивилизации моторов и нефти, которую словно вдруг постигла какая-то катастрофа. Всюду выступает ржавчина; нефть, застывая, вычерчивает на земле длинные дорожки,

---

¹ Шведская миля составляет 10 км.

а нефтяная грязь лежит утоптанными пластами или образует глубокие разноцветные лужи.

Совсем рядом стоят ярко раскрашенные станции обслуживания, бары с музыкальными автоматами, магазины с самым пестрым ассортиментом товаров и высокие рекламные щиты. Вокруг уныло бродят перепачканные нефтью собаки. Чернолицые негритянские девушки прогуливаются в плотно облегающих платьях из блестящего в полоску атласа, напоминая розово-зеленые карамельки. В бары и магазины заходят нередко рабочие с нефтепромыслов; их можно легко узнать по шлемам, которые сделаны не из стали, а из какого-то легкого белого металла, возможно из алюминия. В руках у них составленные вместе судки из того же металла...

Местность становится все более открытой, все гуще стоят буровые вышки и насосы. Ярким пламенем горит нефть, иногда нефтяные костры подступают к самой дороге, и тогда слышно, как гудит огонь. Языки пламени взмывают высоко в небо и тут же разлетаются по ветру, распространяя вокруг клубы густого черного дыма.

Наконец дорога выходит на берег озера; сквозь редкие ряды пальм мы видим, как прямо из воды далеко от берега поднимается неподвижный лес нефтяных вышек. Медленно заходит солнце, а озеро, словно покрытое красноватой копотью, катит свои пурпурно-фиолетовые волны. Огнем пылает горизонт, просвечивая сквозь черную решетку железных башен.

Безусловно, этот пейзаж не был для нас неожиданностью; он как бы служил художественно оформленной концовкой для всего нашего путешествия по нефтяным промыслам. И тем не менее нас глубоко потрясло это неумолимое вращение технической цивилизации в извечную красоту природы, слияние ее холодной и жестокой мощи с романтической прелестью красок. Техника и природа — эти два враждебных начала еще ярче оттеняли друг друга и, вступая между собой в борьбу, все-таки сохраняли единство и поразительную гармонию.

ГОРОД МАРАКАЙБО

До пристани остается еще несколько часов езды сквозь вечерний сумрак. Мимо нас то и дело молнией проносятся машины, и часто в них можно заметить людей с голыми руками и в металлических шлемах. Выхваченные из темноты светом фар, по бокам дороги внезапно появляются дома, толпы народа, белые церкви, отчетливо выделяющиеся на фоне мрака. Этот город беспорядочно сгрудившихся машин весь залит красноватым дымящимся светом, здесь кипит ожив-

ленная ярмарочная жизнь, озаренная фейерверком. Иногда мы едем возле самого озера, и вода жадно лижет обочину дороги. Иногда едем в высокой траве, которая раскачивается у нас над головой. Вот где-то вдали появляются гирлянды фонарей, похожие на огни причалов, и мы уже уверены, что там возле пристани нас ждет паром, но, увы! каждый раз оказывается, что мы ошиблись.

Наконец в ярком свете прожекторов появляются какие-то длинные строения и вереницы машин. К пристани только что подошел огромный двухпалубный паром, и вот уже открываются двое широких ворот с откидывающимися на берег трапами. Через одни ворота паром выбрасывает машины, через другие поглощает их. Погрузка идет очень быстро, и темп ее все ускоряется благодаря нетерпеливым возгласам ожидающих своей очереди. Легковые машины жмутся между автоцистернами и грузовиками, а пассажиры проходят по трапу на верхнюю палубу, где длинные скамьи расставлены тесно, как в кино.

Горловина озера имеет всего несколько километров в ширину. Маракайбо лежит на противоположном низком берегу и как бы снизу освещает озеро размытым светом своих огней. Паромы (построенные в Техасе) непрерывно курсируют между обоими берегами, причем путь в одну сторону отнимает не больше получаса. Высокие волны и холодный ветер постоянно напоминают о близости моря. Дальше к северу находится дамба, сдерживающая напор морских волн; суда проходят через неглубокие каналы.

Первое впечатление от Маракайбо подобно шоку. Невероятные заторы и давка на улицах, сбившиеся в кучу машины и люди, горячее неистовство уличной торговли и безудержная погоня за продажными наслаждениями. Все это до омерзения грубо, по-скотски. Какая-то бешеная лихорадка страстей и азарта.

Это захолустный городишко, который вдруг начал быстро расти. Забили фонтаны нефти, и спящая идиллическая гавань превратилась в крупный промышленный центр, кипящий жизнью и раскалывающийся от уличного шума. Тротуары сплошь заставлены лотками, и вам кажется, будто весь город старается криком и жестикуляцией привлечь к себе внимание покупателей. Грохот катится по мостовым, врывается в автомобили, взлетает на балконы. В этом сплошном шуме можно выстрелить из пистолета, и никто не услышит выстрела.

Улицы заливают неоновый свет, ядовито-зеленый, бордельно-розовый, больнично-фиолетовый. Ярко раскрашенные женщины вертятся перед двустворчатыми дверями баров, напоминающих старинные салуны Запада. В залах стоят батареи

вентиляторов, режут музыкальные аппараты, грохочут кофейные автоматы, в стаканах звенят кубики льда.

Более приличные заведения, кафе и рестораны, оборудованы установками для кондиционирования воздуха. Когда после уличной жары вы войдете в такое заведение, вам кажется, что вы попали в морг. Мертвенно-бледное сияние неоновых ламп делает ваше лицо похожим на окоченевшее лицо трупа. Картину дополняют белые, словно замерзшие, рубашки мужчин, сидящих за столами. Их громкие голоса сливаются с визгом женщин и звоном пивных бутылок (в Венесуэле любовь к пиву говорит не только об изысканности вкуса, но и о патриотизме пьющего, это подлинно национальный напиток, и его здесь противопоставляют виски и кока-коле).

Сидящие в зале бьют друг друга по плечу, похлопывают женщин по обнаженным спинам, громко хохочут и что-то кричат друг другу в лицо: здесь все друзья и у всех хорошее настроение. Некоторые играют в карты, очевидно в маракайбский покер. У одних лица напоминают гипсовую маску, снятую с покойника, у других они искажены жуткой гримасой убийцы.

Достать комнату в отеле почти невозможно. Толпы народа теснятся в вестибюлях и на лестницах; портье таинственно подмигивает, намекая на взятку, перебирает какие-то бумаги и что-то неопределенно обещает. Несмотря на яркий свет ламп, все выглядит очень мрачно и подозрительно. Не менее мрачно выглядят и ресторанный зал, роскошно отделанный и в то же время грязный. В комнатах пахнет плесенью, аппараты, подающие кондиционированный воздух, стоят на окнах, словно радиоприемники, и когда вы нажмете кнопку, из всех щелей аппарата льется теплый дымящийся воздух, будто кто-то задышал на холоде и дыхание превращается в пар.

Утром с балкона можно видеть, как площадь готовится к началу горговли. Одни приезжают сюда на такси, другие на велотележках и быстро выгружают свой товар прямо на тротуар. Потом разбивают лотки, растягивают тенты и раскладывают товары так, чтобы и уместилось побольше, и выглядело соблазнительнее. Многие прибегают к помощи зеркал, развешивают материю так, чтобы она ниспадала свободными складками, используют игру красок и улыбки манекенов.

Братья или компаньоны помогают друг другу взобраться на стены домов, чтобы привязать веревки или закрепить железные штанги. У супружеских пар тоже полное разделение труда: он забивает гвозди, она протирает тряпкой всякие вещи; при этом они тихо переругиваются или, напротив, предаются радужным мечтам.

Все, что они продают,— сплошная чепуха, мелочь и мишура: эти вещи нравятся всем и никому не нужны. Большая часть торговцев приехала сюда совсем недавно из других городов, из других стран. Многие из них люди пожилые, они все время ждут, что им вот-вот повезет; ведь они бросили все, переехали на новое место и начали жизнь сначала. Теперь они живут надеждами, мечтами и иллюзиями. Нужно только начать, неважно с чего, неважно где, будь то поле или сточная канава: в Маракайбо вам не может не повезти — удача здесь растет на нефтеносной земле, словно грибы,— только нагнись и сорви ее.

На невысоком холме, в стороне от остального города, вырос новый район, Белья Виста, где находятся здания американских фирм, воздушных агентств и виллы миллионеров. Те, что живут внизу, в толчее и грязи, мечтают перебраться когда-нибудь в этот рай, а пока что берут такси и ездят туда по вечерам на прогулку, чтобы посмотреть на сияющее золотом озеро и загорающийся огнями город — эту огромную чашу, до краев наполненную дымом несбывшихся надежд.

НЕФТЬ И НЕФТЯНИКИ

И снова мы в машине мчимся по нефтепромыслам. Путь наш лежит в один из районов, принадлежащих компании. Нам уже хорошо знаком нефтяной ландшафт, а теперь мы хотим ближе познакомиться с жизнью этого района и получить некоторые сведения более специального порядка.

С берега видно, как работают в озере насосы; некоторые из них стоят так далеко от берега, что кактусы едва заметной точкой. Озеро здесь мелкое, и большинство насосов расположено там, где глубина всего несколько метров. По трубам, проложенным под водой, нефть поступает в нефтехранилище на берегу озера, а отсюда перекачивается на танкеры или нефтеочистительные заводы.

На берегу озера в камышовых хижинах или ветхих деревянных домиках живут рыбаки. Их лодки вытащены на берег и лежат в небольших заливчиках под пальмами среди труб, по которым перекачивают нефть. Уловы теперь совсем не те, что были раньше, но рыбаки упорно не желают отказываться от своего промысла. И берег озера и развешанные повсюду сети почернели от нефти. Вокруг домов бегают стайки детей, им весело, они не знают ни забот, ни хлопот, с разбегу бросаются в воду и плавают прямо в одежде.

Оказывается, металлические шлемы носят не только рабочие-нефтяники... В нарядных домиках, что стоят вдоль дороги, вообще нет ни одного нефтяника. Там живут не те, кто добывают нефть, а те, кто зарабатывают на нефти: мелкие служащие, всякого рода ремесленники, торговцы.

В самом Маракайбо вы не часто встретите рабочих с нефтепромыслов. Они изредка приезжают в город, чтобы провести там свой отпуск — вот и все.

В конце концов вы начинаете сомневаться, есть ли здесь вообще рабочие-нефтяники. Может быть, нефть сама течет по трубам, соединенным с электрическими насосами-автоматами? Нужны ли, кроме инженеров, механиков и контролеров, еще и рабочие?

Да, конечно, нужны, и они есть, но их сравнительно немного, гораздо меньше, чем могло бы показаться на первый взгляд, и их почти не видно на улицах города. Живут они со своими семьями в так называемых *кампаментос*, небольших стандартных домах, выстроенных компанией на территории концессии и почти полностью отрезанных от внешнего мира. Они редко куда ездят, считая, что у них и без того есть все необходимое, а сплошь и рядом остаются дома даже во время отпуска.

Последний коллективный договор с компанией охватывает тридцать пять тысяч рабочих-нефтяников. В среднем рабочий зарабатывает восемнадцать боливаров в день (около двадцати девяти крон), однако квалифицированные рабочие могут заработать до сорока боливаров. Кроме того, у них бесплатное жилье и право на получение пособия в случае болезни или безработицы.

Все они состоят в государственных «профессиональных» союзах, их плотной стеной окружают всякие правила и постановления, и им фактически уже нечего прибавить к тому, что уже сказано за них¹. Живется им неплохо, и бороться им тоже как будто не за что. Они выполняют свою работу и живут, замкнувшись в своем уединенном мире. Все остальное лежит вне их горизонта, и это либо опасно, либо запрещено.

Вопрос: Что они делают со своим заработком?

Ответ: Живут на него.

— Скажем, покупают машину?

— Некоторые покупают, но таких мало.

— Чем они интересуются, как проводят свой досуг?

— Все свободное время проводят с семьей, детьми и родными. Это их главная радость в жизни.

— Читают ли они книги?

— Ну нет, книги едва ли. Но многие любят музыку, слушают ее по радио.

— Учатся ли они чему-нибудь?

— Известная тяга к знаниям у них есть, но сказать, что они учатся, будет преувеличением.

---

¹ Профессиональные союзы Венесуэлы после свержения диктатуры Хименеса были перестроены на демократических началах.— *Прим. ред.*

О нефтяниках говорят, что они вполне довольны своей жизнью. Однако сами они ничего не говорят. Когда вы их о чем-нибудь спрашиваете, создается впечатление, что им нечего ответить. Вопросы они, очевидно, принимают за неуместную и подозрительную назойливость.

Венесуэльский нефтяник кажется очень мрачным в своем тусклом металлическом шлеме. Время от времени он стирает с лица полоски нефти и пота и при этом молчит с умным или крайне недовольным видом, но всегда очень натянуто. Он оправляет на себе одежду, выгибает грудь колесом и вообще всячески силится доказать, что он все-таки мужчина.

А нефть? По добыче нефти Венесуэла стоит на втором месте в мире. Продажа нефти за границу дает 94% доходов от венесуэльской экспорта. Крупнейшие нефтяные компании страны — Креоле, Шелл, Мене-Гранде — дают соответственно 43, 30 и 15% всей добычи нефти. Четвертая часть добываемой нефти очищается в самой Венесуэле.

Иностранные инвестиции в стране составили в 1952 г. свыше десяти миллиардов боливаров, из этой суммы 92% было вложено в нефтяную промышленность. Почти 60% всех капиталовложений принадлежит США, за ними следует Голландия — 26% и, наконец, Великобритания — 12,7%.

Венесуэла дает 85% нефти, экспортируемой из стран Латинской Америки (включая Мексику). Однако добыча нефти уже достигла наивысшего уровня. При сохранении этого уровня, по расчетам специалистов, запасы нефти на разрабатываемых месторождениях будут полностью исчерпаны к 1970 году.

ЗАТРАВЛЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Выражать свободно свои мысли в Венесуэле дело очень рискованное, и прежде всего это касается литературы. Венесуэльские писатели сплошь и рядом вынуждены бежать из родной страны, скитаться на чужбине; многие сидят в тюрьме, учатся молчанию на каторжных работах.

Тот, кто хочет писать и в то же время не хочет неприятностей, должен соблюдать величайшую осторожность и раз навсегда прикусить язык. Правда, при этом можно легко покалечиться и раньше времени стать импотентом. В Венесуэле очень много начинающих писателей, это густая, словно джунгли, молодая поросль. Но чаще всего они быстро отставиваются в своем росте, начинают задыхаться от недостатка свежего воздуха и погибают.

Литература Венесуэлы — литература многострадальная, затравленная, забитая. Типична в этом отношении судьба ветерана венесуэльской литературы Ромуло Гальгоса, одного из самых ярких романистов страны. В результате нескольких

политических катаклизмов Гальегос то оказывался в изгнании, то занимал высшие государственные должности — был ректором университета, сенатором, министром просвещения и, наконец, президентом. Сейчас, на склоне лет, он снова живет в изгнании.

Тем не менее Гальегос не пал духом и много пишет. Это очень наблюдательный писатель; он беспощадно разоблачает зло и в то же время никогда не теряет надежды на лучшее будущее.

Гальегос — основоположник венесуэльского реализма, в котором вымысел органически сливается с действительностью. Он повествует о трагической судьбе людей, живущих в диких степях и на далеких плоскогорьях, рассказывает о ненависти и вражде: при этом Гальегос резко критикует современное ему общество, раздираемое непримиримыми противоречиями.

Рядом с Гальегосом стоит Артуро Услар-Пьетри, завоевавший известность своим ранним романом «*Lanzas coloradas*» («Красные копья»). На страницах романа воссоздаются волнующие эпизоды борьбы за независимость. В дальнейшем Услар-Пьетри писал преимущественно эссе по истории культуры. Эссеистом является и Мариано Пикон-Салас, один из известнейших в Каракасе публицистов. Я беседовал с ним, и беседа неожиданно оказалась чрезвычайно интересной. Пикон-Салас гораздо общительнее, разговорчивее и смелее в своих высказываниях, чем большинство его соотечественников.

Я приехал в его идиллическую, затененную деревьями виллу в самом центре Каракаса; мимо, в двух шагах от изгороди, бежит автострада. Здесь шумно и тревожно, но Пикон-Салас не ищет уединения: он хочет быть в самом вихре цивилизации машин и моторов.

По своим убеждениям Пикон-Салас гуманист либерально-радикального толка; вечно он куда-то торопится, едет, летит, чтобы ежеминутно ощущать биение пульса родной страны.

Долгое время Пикон-Салас жил за границей: он скитался из страны в страну вплоть до падения диктатуры Гомеса. Вырос он в старинном городке Мерида, расположенном в венесуэльских Андах. Городок этот отмечен печатью тех времен, когда Венесуэла была испанской колонией. Одна из лучших книг Пикон-Саласа «*Viaje al amanecer*» («Путешествие на рассвете») повествует о впечатлениях его детства: его окружала грубая простота, насыщенная резкими контрастами, роскошь уживалась рядом с нищетой, совсем как в старой России.

К вопросам общественного развития он подходит с морально-психологической точки зрения. Своими эссе он борется за повышение человеческого сознания и при этом очень переоценивает его возможности. По мнению Пикон-Саласа, главное сейчас — национальное самосознание, и в первую

очередь нужно определить, что такое человеческая личность, какова ее роль в жизни общества, какие социальные понятия ей доступны.

Он питает слабость к суммарным обзорам и синтетическим обобщениям; здесь его философия уже приобретает чисто камерный характер, а сам он становится всего-навсего начитанным дилетантом. Главные его усилия направлены на то, чтобы показать своеобразие Венесуэлы на фоне ее исторического развития, природных условий и деятельности ее выдающихся представителей.

Венесуэла — это страна, говорит Пикон-Салас, в которой причудливо сочетаются следы испанского и американского влияний. Именно здесь этот испано-американский сквозняк дует особенно сильно, проявляясь в виде американо-европейских противоречий. Смешно отрицать историческую и культурную зависимость Венесуэлы от Европы. В течение нескольких столетий Венесуэла была испанской колонией, некоторое время даже принадлежала Германии, всегда испытывала известное тяготение к Франции, а независимости добилась при поддержке Англии. И все-таки это американская страна, неотъемлемая часть Америки.

Связи с Мадридом и Парижем теперь далеко не те, что были раньше. Самые удобные и самые многочисленные воздушные линии связывают Венесуэлу с Нью-Йорком и Вашингтоном. Венесуэльцы все глубже чувствуют себя американцами и все чаще ориентируются на специфическое своеобразие американской действительности. Новая ориентация является политической, экономической, психологической и культурной. Это относится и к Латинской Америке и к Соединенным Штатам, ко всему сдвоенному американскому континенту.

Венесуэла должна выполнить высокую миссию, которая заключается в сглаживании противоречий между Северной и Южной Америкой, в утверждении их единства и всеамериканской общности. (Пикон-Салас избегает прямо говорить об этом, но его стремление к посредничеству и сглаживанию противоречий между Латинской Америкой и США, несомненно, согласуется с прочным экономическим положением Венесуэлы и быстрым развитием ее нефтяной промышленности, которая превратила боливар в твердую валюту, подобную доллару, и во многом способствовала укреплению у венесуэльцев чувства собственного достоинства.)

Из этого, разумеется, не следует, что венесуэльцы безоговорочно принимают все североамериканское. Все ценные завоевания национальной культуры они хотя и сохраняют. И в этой связи Пикон-Салас не отрицает, что североамериканская литература представляется ему легкомысленной, хаотической, а часто и вульгарной как по стилю, так и по чувству. В Ла-

тинской Америке живут иные литературные традиции, они строже и чище.

Я возражаю, что, читая латиноамериканский роман, можно прийти к прямо противоположным выводам.

— Может быть,— отвечает Пикон-Салас.— И все же такая тенденция существует. Все дело в том, что южноамериканские писатели должны разбираться в необыкновенно сложных явлениях действительности, в неясном, полуфантастическом материале.

И Пикон-Салас делает еще одно важное замечание: современная венесуэльская литература часто приобретает ярко выраженную социальную направленность. Действительно, при ближайшем рассмотрении оказывается, что литература постоянно выступает против свергнутой уже в 1935 году диктатуры Гомеса. Писатели нередко упоминают этот давно минувший период истории только как символ, имея в виду нечто совсем другое. И символика эта попадает в цель.

ПОТЕРЯННЫЕ ТРОПЫ

Для ряда писателей характерна иллюзорно-мистическая манера письма. В этой манере Рамон Диас Санчес написал свой роман «Кумбато». Он описывает жизнь на одной из прибрежных асьенд, однако здесь все тонет в атмосфере меланхолии, в гнетущем ощущении надвигающейся катастрофы и безумия. Люди находятся под магической властью природы. Дышащая зноем земля, буйная дикая растительность, охваченная кровавым пламенем луна — все превращается в мрачные и враждебные человеку силы.

Если не говорить о весьма ограниченном чисто художественном воздействии на читателя, то что вообще может означать подобная книга? То ли это бегство от социальной действительности, то ли ее искаженное фантастическое отображение?

Своеобразным бегством от действительности, правда в несколько ином плане, является новый роман Мигеля Отеро Сильва «Casas Muertas» («Мертвые дома»). Роман этот был восторженно принят всей южноамериканской критикой.

(С Отеро Сильва я встретился в редакции влиятельной газеты «Эль Насиональ», в которой он до недавнего времени был главным редактором. Сильва известен своими радикальными убеждениями; когда-то он находился в ужасном концентрационном лагере, созданном диктатурой Гомеса. Этот урок оказался для него слишком тяжелым, и теперь на все животрепещущие вопросы он, как стена, отвечает молчанием.)

В тридцатые годы он принадлежал к самым революционным поэтам Венесуэлы и в 1939 году написал потрясаю-

ший роман «Fiebre» («Лихорадка»), посвященный революции, которая свергла власть Гомеса. Автор рассказывает о террористической диктатуре Гомеса. Главный герой романа, студент-медик, активно участвует в студенческих демонстрациях в Каракасе, затем он вступает в отряд повстанцев, действующий в горах. Его арестовывают и отправляют на каторжные работы в Паленке, в выжженную солнцем пустыню. Люди гибнут от зверского обращения с ними, от непосильного, каторжного труда, от голода и малярии. И все-таки террор бессилен задушить протест «народа, подвергающегося истреблению».

После этой изумительно интересной книги появился новый роман Отеро Сильва, в котором автор занимает несколько двойственную позицию по отношению к описываемым событиям. В «Мертвых домах» Отеро Сильва ярко и поэтично рисует картины одного умирающего города, заброшенного среди высоких плоскогорий. Город, этот давно утратил свое прежнее значение, к тому же здесь свирепствует малярия. Семьи вымирают или покидают город, дома ветшают и разваливаются. Дорога становится безмолвным свидетелем происшедших в стране перемен; во времена диктатуры здесь брели колонны каторжников, теперь шумные толпы переселенцев направляются в новые нефтяные районы востока.

Кармен Роса — дочь местного торговца, уже превратившегося в «живой труп». Это очень милая девушка, и по мере развития действия она становится все более непосредственной и жизнеспособной. Кармен влюбляется в одного ковбоя, влюбляется и в него самого и в его мятежный дух. А когда он умирает от лихорадки, она уже может сама распоряжаться своей судьбой и устремляется вместе с потоком переселенцев на восток. Это грустная элегия об утраченной навеки Венесуэле и одновременно взгляд, обращенный в будущее; утверждение того нового, что вопреки всему вырастает на месте старого, отжившего.

В этой книге глубокое чувство перспективы сочетается с очаровательной полунаивной непосредственностью. И в то же время это романтическое сглаживание противоречий минувших лет, меланхолическое примирение с прошлыми несправедливостями и трагедиями, поросшими мхом истории. О сегодняшней Венесуэле здесь говорится лишь вскользь; автор не останавливается на событиях современности, обращаясь то к прошлому, то к будущему.

Алехо Карпентьер пишет в «Эль Насиональ» статьи о музыке и живописи. Он приехал в Венесуэлу из-за границы и обогатил ее литературу, помимо всего прочего, большим романом «Los pasos perdidos» («Потерянные тропы»). Это замечательная книга, в которой тропическое величие стиля органически сливается с почти музыкальным разви-

тием темы, а яркая фантазия и глубокая символика проникнуты настоящим жизненным реализмом.

Один композитор, которому осточертело однообразие жизни в большом городе, решает возвратиться в Южную Америку, в уже наполовину забытый край, где прошло его детство. Его влекут к себе дикие степи и леса, куда еще не проникла цивилизация. Вот он едет мимо охваченных восставшим горю, мимо нефтяных промыслов и пришедших в упадок торговых центров, через необозримые степи и непроходимые леса, где главное для человека — хорошая собака; наконец он добирается до никому не известного индейского племени и устанавливает там господство белого человека в довольно примитивной инсценировке.

В этой дикой деревушке по-прежнему царит доисторическая эпоха и жизнь течет в соответствии с требованиями природы: без самоанализа и критического осмысления действительности. Так наш беглец от цивилизации попадает в обстановку древней легенды, в первобытную поэму, создаваемую человеком о самом себе; наконец-то он может творить изначальную музыку, навеянную образами первобытной природы. Но он не может увезти с собой свою драгоценную добычу: обретенное им внутреннее богатство, как сон, не терпит пробуждения. Однажды композитор уехал по делам в цивилизованные края, а когда он хотел снова вернуться к своему племени, то оказалось, что он забыл дорогу туда; предметы, по которым он ориентировался, куда-то исчезли, а горные тропы преградил обвал.

Это остроумная сказка об обреченности всякой попытки вернуться к прошлому и сочетать цивилизацию с первобытностью. В книге много подлинной скорби о том, что было утрачено; автор разочарован результатами развития, совершающегося параллельно с деградацией, ему внушает тревогу господство машин и дельцов, которое отрывает человека от природы, а искусство от жизни. Книга дает живой психологический портрет Венесуэлы, да и не только Венесуэлы, а всей Южной Америки с ее степями и лесами, ее устремлением вперед в одной области, косностью и отсталостью — в другой и грозным вопросительным знаком, стоящим перед ее будущим.

ПОДЗЕМНАЯ ПОЭЗИЯ

Поэты Венесуэлы не менее чем прозаики страдают от сурового политического климата. Одни из них (такие, как Андрес Элой Бланко и Антонио Арранс) пишут свои стихи в тюремных камерах, другие совсем изгнаны из родной страны (как недавно Хуан Лискано). Но их поэзию изгнать не удалось, она лишь глубже ушла в венесуэльскую действитель-

ность, в суровую природу, в судьбу простого народа. Она проникла в самое существо вещей и событий, в тот каменный костяк, на который опирается земля, в подземные жилы, по которым течет вода.

Так создается подземная поэзия; она ощупью пробирается между корнями деревьев, через гранитные массивы и кратеры вулканов и все-таки неуклонно движется вперед, сквозь мрак и ненависть врагов. Это характерно почти для всей современной южноамериканской поэзии, которая стремится проникнуть в самую толщу земли, в самые сокровенные тайны, спящие под многовековыми геологическими и историческими напластованиями материка. Она пытается докопаться и до истинного своего облика, некогда чистого и первозданного, а потом погребенного под поверхностью цивилизации.

Это поэзия исканий, часто мучительных. Ей нужен не золотой песок, легко раздуваемый ветром, а твердая почва под ногами в данный момент и твердая вера в будущее. Это поэзия исследователей и первооткрывателей, поэзия необъятных просторов и пытливых поисков. Все это относится к лучшей части современной венесуэльской поэзии, венесуэльской в самом глубоком смысле этого слова.

Хосе Рамон Эредиа, самоучка и дипломат, ввел в поэзию революционный модернизм, который сочетает в себе самые разнообразные явления как внутреннего, так и внешнего порядка, словно цветы в одном букете. Его стихотворение о назначении поэта определяет поэтическое творчество как всеобъемлющую и жизнеутверждающую силу, раскрывающую сущность вещей и событий.

Луис Фернандо Альварес отвернулся от ослепительно ярких лучей тропического солнца и стал поэтом ночи, тени и смерти, постоянно наведываемым в прибежище мрака и слез.

В роли первобытного сына природы выступает Антонио Арраис, певец индейских поселений и дикой пампы. В его стихах неутоленная жажда наслаждений вдруг пробивается сквозь тяжкие лишения и непосильный труд. Он повествует о голоде, проползающем на рассвете через лесную чашу, о буйной радости тех минут, когда нож повергает на землю заклятого врага и из раны льются потоки крови, жадно поглощаемые землей.

Арраис особенно повлиял на таких молодых поэтов, как Висенте Хэрбаси и Хуан Лискано.

Отец Хэрбаси приехал в Венесуэлу из Италии, поэтому лучшая книга стихов молодого поэта так и называется «*Mi padre, el Immigrante*» («Мой отец иммигрант»). В этих стихах, проникнутых мрачным драматическим звучанием, подробно рассказывается о тяжелой доле переселенцев. Остальные его стихотворные сборники тоже выходили под очень

красноречивыми названиями: «Vigilia del Náufrago» («Потерпевшие кораблекрушение»), «Bosque doliente» («Страдающий лес»), «Poemas de la noche y de la tierra» («Стихи о ночи и земле»), «Los espacios cálidos» («Знойные просторы») и др.

В поэзии Хэрбаси многое напоминает идиллическую Аркадию: здесь и чувственно пламенеющий пейзаж, и пышная растительность, и пасущиеся стада, и жнецы, и погонщики скота, и путники, идущие по дорогам или плывущие по рекам. Но этой идиллии постоянно угрожают ночной мрак, неистовые бури и катастрофы, а в повседневную действительность вторгается всякая чертовщина, иногда самая примитивная, а порой и космическая. Фантазия поэта неизменно устремляется в глубь явлений, непонятных и недоступных человеческому сознанию, устремляется в самые недра земли, в сокровенные тайны подземного мира. Хэрбаси — это поэт-мистик, стремящийся проникнуть в самые глубины мироздания, а стихийно безотчетное обожествление сил природы заставляет его отказаться от солнечного света и воздуха и уйти в страну предков, вниз, под землю, в царство смерти и уничтожения, означающего в свою очередь созидание и обновление.

Хуан Лискано, вынужденный покинуть страну и уехать в Париж, происходит из богатой семьи, нажившейся на нефти. В свое время он много занимался венесуэльским фольклором, и его ранняя поэзия пронизана бодростью, свежестью и жизнеутверждающей силой.

Поэт поет радостные гимны рассвету нового дня и рождению нового человека. Но вот резко изменяется политический климат, задули холодные ветры, и теперь привольное поэтическое излучение уступает место вяанию суровых образов действительности из окаменевшей земли. Поэт навеки отгоняет от себя грезы любви и видения рая — теперь он в «стране, умирающей от жажды» (Tierra muerta de sed), — так и называется один из его стихотворных сборников.

Теперь он надеется только на упорство и настойчивость человека: он выстоит, преодолет всеобщее отвердение природы; ему не страшен свет, пропитанный известью, не страшен ветер, вонзающий в кожу иглы, не страшны ему ни реки из камня, ни облака пыли, ни столбы огня.

Остов без плоти, ствол,—
Мужчина, одетый в лохмотья,
Обтянутый кожи корой,
Сухой, как сожженные листья.
Женщина. Возле два зверя —
Два диких голодных крика.
Женщина — само терпенье.
В солнечных резких бликах,
В трещинах почва, и щебень
Зубы оскалил, скрежеша;
Ветер сечет шипами, дождь камнями хлещет.

Стремление проникнуть в пейзаж, в окружающую природу характерно также для многих поэтесс Венесуэлы. Ида Грамко и Лус Мачадо де Арнао чаще всего пишут о воде, о скрытых в горах ручьях и широких реках. И обеих влечет к себе Ориноко,— Ориноко, которое было уже давным-давно воспе-то в старинных индейских преданиях и песнях; эта река кажется в одно и то же время богом и непостижимой для человека силой природы, мужчиной и женщиной, источником жизни и источником всевозможных бедствий. Народная фантазия рисует Ориноко в образе русалки или речной сирены, которую зовут Мария Лионса (о ней Ида Грамко написала лирическую драму).

Именно такой русалкой и предстает перед читателем Лус Мачадо в своем большом поэтическом цикле «Canto al Orinoco» («Песнь об Ориноко»). Она родилась во время солнечного затмения в Сьюдад-Боливаре на берегу Ориноко, и Ориноко на всю жизнь осталось самым ярким впечатлением ее детства, затмевающим все другие впечатления; она постоянно ощущает могучую силу реки, видит перед собой это великое чудо природы. Она выросла, судьба забросила ее далеко-далеко в чужую сторону, но и там мысли ее постоянно возвращались к родной реке.

В своих стихах об Ориноко Лус Мачадо сливается с рекой в единый поэтический образ, сливается с ее непрерывными изменениями и превращениями, с ее материнским теплом и заботой, с ее неистовой силой и золотистым покоем. Река становится волшебным зеркалом, глубоко и полно отражающим жизнь женщины, сокровеннейшие родники ее души, которые разветвляются и снова соединяются в единый могучий поток. Внутренний мир человека неразрывно связан с реальной жизнью. Ориноко у Лус Мачадо — это и далекие воспоминания, и ясный образ, и торжественный призыв, и глубочайший символ. И каким бы несправным ни был этот символ сам по себе, венесуэльская поэзия все-таки завоевала себе право гражданства, и никакая диктатура не в силах отнять у нее это право.

В Южной Америке, стране сильных засух, есть одно дерево, которое растет под землей. Южноамериканская поэзия мне чем-то напоминает это дерево.

РАЗГОВОР С АНОНИМНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ

- Ну, а правительство?
- Действует жестко, но эффективно. Не допускает коррупции. Поощряет предприимчивость. Кое-что делает и в области социального планирования...
- Но его называют диктатурой?
- Все это с непривычки. Даже всеобщие выборы есть не

что иное, как принуждение и насилие. У нас демократия, принявшая форму диктатуры.

— А как с цензурой?

— Все газеты подвергаются цензуре. Кроме того, цензура запрещает книги, направленные против существующего режима. Во всем остальном у нас свобода, но специально это не оговорено.

— А налоги?

— Очень низкие. Если вы получаете до девятисот боливаров в месяц, то платите один процент от суммы дохода. С увеличением дохода растет и налог, но он не превышает пятнадцати процентов дохода. Кроме того, вы всегда можете получить любую отсрочку на уплату налога.

— Каков прожиточный минимум?

— Для семьи, которая принадлежит к среднему классу, живет не слишком роскошно и имеет мало детей, нужно три тысячи боливаров в месяц. Это относится к Каракасу и другим крупным городам.

— Насколько мне известно в Венесуэле средний годовой доход на душу населения выше, чем в других странах Южной Америки. И все-таки он не превышает 1700 боливаров, не так ли?

— Совершенно верно.

— Очевидно, ваш средний класс очень малочислен?

— Пока что чрезвычайно малочислен. Особенно мало у нас людей образованных. Невежественных выскочек, вдруг оказавшихся богачами, более чем достаточно.

— Каков состав населения?

— Всего в стране насчитывается около шести миллионов человек, из них более половины живут в городах. В основном это метисы. Негры и мулаты живут большей частью на побережье, а индейцы — главным образом в Гвиане. В общем расовой проблемы в Венесуэле не существует, а расовые и классовые различия прежде всего определяются материальным положением и образованием.

— Каково положение в деревне?

— Деревня очень отстала от города, очень запоздала в своем развитии. Это наша самая серьезная проблема. Лихорадочный промышленный подъем лишил деревню рабочих рук, сельскохозяйственное производство резко упало, значительно сократилось поголовье скота. Некогда цветущие районы превратились сейчас чуть ли не в пустыню.

— Как обстоит дело с продуктами сельского хозяйства?

— Венесуэла обеспечивает себя мясом, кукурузой, рисом, сахаром. Ввозим же мы прежде всего картофель, пшеничную муку, молочные продукты.

— Велика ли у вас иммиграция?

— Установленная законом квота составляет четыре тысячи человек в месяц, но квота эта редко когда выполняется.

В основном сюда приезжают бедные итальянцы. Однако многие из них не желают оставаться здесь навсегда и, заработав какую-то сумму денег, быстро возвращаются домой. От таких переселенцев мало толку. Они наживаются на высокой конъюнктуре и богатствах страны, но сами ничего не строят, не создают, составляя, таким образом, текучую и совершенно бесполезную для страны прослойку населения.

— Но ведь не все же такие?

— Разумеется. Многие приезжают сюда со своими семьями и становятся настоящими венесуэльцами, полноправными гражданами. Страна нуждается в таких переселенцах, чтобы быстрее развить свои ресурсы,— лишь бы переселенцы были предприимчивее и любили работать. В основном их поглощает промышленность. Но особенно они нужны для того, чтобы увеличивать производство сельскохозяйственных продуктов, заселять и обрабатывать новые земли, строить дороги и вообще разрабатывать неисчерпаемые природные богатства страны.

— Как обстоит дело со школами?

— Относительно хорошо. В стране более шести тысяч школ, в которых учится свыше полумиллиона учеников. Обучение в школе бесплатное и обязательное.

— А католицизм?

— Почти все венесуэльцы католики, по крайней мере формально. Что же касается других религий, то у нас полная веротерпимость. Сколько в стране действительно верующих, ревностных католиков — вот это сказать трудно. Но для подавляющего большинства населения религия, несомненно, стала просто обычаем, привычкой, убеждением, что церковь необходима как основа морали и общественного порядка. В Венесуэле нет, как, возможно, нет и в Европе, твердой общественной морали. Здесь не приходится говорить даже об элементарном чувстве ответственности перед обществом, об общественном сознании. В этом отношении у нас нет ничего, кроме религии, католицизма.

— Что вы можете сказать о рабочих?

— Пока что у них недостаточна культура мышления, а чувство общественного самосознания развито очень слабо. Однако, судя по тем требованиям, которые они все чаще выставляют, их развитие происходит очень быстрыми темпами. Им нужны знания и общая культура. Можно предположить, что через одно-два поколения рабочие, да и почти весь наш народ, уйдут очень далеко в своем развитии.

— А что здесь читают?

— Газеты и журналы печатаются сравнительно небольшими тиражами. Тираж «Эль Насиональ», одной из самых распространенных газет, едва достигает восьмидесяти тысяч экземпляров. Книги выходят такими ничтожными тиражами, что их приходится печатать за границей, так как в Венесуэле

это обходится слишком дорого. Десять тысяч экземпляров — это уже редкостью большой тираж.

— Каково положение писателей?

— Едва ли у нас можно прожить на писательский гонорар. Правда, существует одна ежегодная государственная премия в десять тысяч боливаров за «лучшую книгу». Кроме того, крупные нефтяные компании выделяют некоторые средства под рубрикой «Relaciones Publicas»¹, чтобы оказать финансовую поддержку литературе и искусству. Есть несколько журналов, в которых писатели могут сотрудничать. Вот, собственно говоря, и все, и этого крайне недостаточно.

— Бойтесь ли вы, что рано или поздно нефть кончится?

— Нет, большинство об этом просто не думает. Это кажется чем-то очень далеким и почти невероятным. А судя по официальным сообщениям, если что-нибудь подобное и случится, то капитальные вложения будут переведены в другие отрасли хозяйства, и, следовательно, экономическая катастрофа нам не грозит.

Мой собеседник в свою очередь спросил меня, какое впечатление на меня произвела Венесуэла.

Из вежливости я дал этому собеседнику более или менее уклончивый ответ. Но если бы я был совершенно окровенен, то ответил бы примерно следующее:

Венесуэла производит очень сильное, яркое, но не всегда приятное впечатление. Это страна больших возможностей, но иногда вам начинает казаться, что у многих на этот счет есть тайные сомнения. На всем образе жизни венесуэльцев лежит отпечаток безразличия, напряженности, во всем чувствуется какая-то болезненная и вызывающая самоуверенность.

Рядовой венесуэлец любит показаться мрачным и обиженным, иногда он держится натянуто, а иногда подчеркнуто небрежно, с видом превосходства или с заученным безразличием. Говорит он мало, ограничиваясь жестами или бормотанием, смеется редко и смотрит подозрительно на все и всех.

Быть может, правильнее всего судить о венесуэльцах как о людях, которых внезапный поворот событий застал врасплох, и они от неожиданности немного растерялись. Растерялись от внезапно найденного богатства, растерялись от невероятно резкой перемены в образе жизни. Лишенные прочной опоры в прошлом и твердой уверенности в настоящем, они попали в совершенно новую для них, требовательную и поблескивающую машинами действительность. Но блеск этот является всего-навсего фасадом, и потому обманчив. А за фасадом простирается огромная страна, безлюдная, бедная, неразвитая, труднодоступная. Страшная и соблазнительная в одно и то же время. Страна будущего, страна — загадка.

¹ Relaciones Publicas (исп) — общественные нужды.

КОЛУМБИЯ

БАРАНКИЛЬЯ, КОЛУМБИЯ

Из Маракайбо (Венесуэла) в Барранкилью (Колумбия) вряд ли можно попасть иначе, как на самолете. Между этими двумя странами лежат высокие горные хребты и топкие болота, и лишь одна скверная дорога петляет через полуостров Гуахира.

Самолет панамериканской авиационной компании доставляет пассажиров из одной страны в другую менее чем за час. Он огибает хребет Сьерра-Невада-де-Санта-Марта, высота которого достигает шести тысяч метров над уровнем моря всего в пятидесяти километрах от побережья.

Под самолетом с одной стороны сверкают покрытые снегом обрывистые склоны гор, с другой — синее тропическое море. А прямо под нами раскинулись темно-зеленые леса, светло-зеленые банановые рощи, серебристые озера и вышедшие из берегов мутновато-бурые реки.

Аэродром расположен возле самого Соледада, старого колониального города (первые поселенцы, наверное, чувствовали себя здесь очень одиноко). Мы садимся в изношенное такси и вот уже мчимся в Барранкилью через жалкие высохшие поля, будто покрытые ржавчиной и совсем лишенные травы.

Барранкилья — приблизительно такой же большой город, как Маракайбо (в нем триста пятьдесят тысяч жителей). Однако, несмотря на то что он вырос более чем наполовину только за последнее десятилетие, в городе нет ни давки, ни суеты. Дома здесь невысокие, а улицы довольно широкие. В Барранкилье, очевидно, далеко не все убеждены в том, что время — деньги, и никто никуда не торопится. Аппараты для

охлаждения воздуха не являются предметом роскоши, и ими оборудованы самые обычные номера в гостиницах.

Барранкилья становится важным промышленным центром, а кроме того, она славится своим превосходным пивом. Но прежде всего это крупный морской порт, на долю которого приходится половина внешнеторгового грузооборота страны. Известные трудности, правда, представляет вход в устье реки, которое сильно обмелело из-за песчаных морских наносов. Поэтому часть океанских судов заходит в соседний порт Картахена. И тем не менее Барранкилья была и остается самым важным перевалочным пунктом на крупнейшей водной артерии страны — реке Магдалене.

Магдалена стала для города рекой жизни; своими каналами она проникает в старые городские кварталы. Здесь длинные набережные с булыжной мостовой и кучами шлака на траве, большие магазины и товарные склады, зеленые лужайки и пруды. Есть и старая гавань, куда привозят рыбу и фрукты: торговцы вводят лодки в каналы и выгружают товар прямо на улицу, которая тут же превращается в огромный рынок, а мосты заполняются толпами продавцов и покупателей.

(Целые горы рыбы и тропических фруктов высятся одна возле другой, будто все это добыча одного улова или урожай одного огромного сада. Беспреданно, словно чайки, кричат женщины, мокрые от пота и стекающей с рыбы воды. Их босые ноги утопают в илстых лужах. Переулки буквально завалены отбросами.)

Большую роль в жизни города играют судоверфи. На верфи компании «Юнион Индастриалз» мы познакомились со служащим компании Эриком Каспарсоном, шведом по национальности. В свое время Каспарсон уехал из Швеции в далекие Соединенные Штаты Америки, где стал инженером-судостроителем. Во время войны он служил в американском военно-морском флоте, а сейчас строит для правительства Колумбии миноносцы и тяжелые катера, которые должны охранять побережье Карибского моря.

Эрик Каспарсон демонстрирует нам образцы своего инженерного искусства. Вот только что законченный небольшой миноносец; он серо-стального цвета, обтекаемой формы, внутренние помещения снабжены аппаратами для кондиционирования воздуха.

Недалеко от миноносца примостился старый речной пароход, очевидно построенный еще в конце прошлого века. Здесь его немного модернизируют, ставят новые мощные машины, новые гребные колеса, каюты оборудуют системой охлаждения воздуха и вообще прибегают ко всевозможным уловкам и хитростям, чтобы повысить конкурентоспособность судна.

— Нет, время речных судов еще не прошло,— говорит Каспарсон,— и я думаю, никогда не пройдет. Нужно только повысить мощность и скорость, как следует охлаждать воздух в каютах и вставить в окна сетки от москитов. И тогда проехаться по реке будет одно удовольствие.

Каспарсон откровенно говорит, что останется колумбийцем до конца жизни; в Барранкилье он нашел именно то, что ему нужно. Его вполне устраивает и теплый климат, и простота нравов, и мягкий характер колумбийцев, и хорошее жалование. Он женился на красивой сальвадорке, и теперь у него целый выводок смуглолицых детишек со шведскими именами, но говорящих только по-испански. Он живет в роскошной вилле в одном из лучших районов города, Эль-Прадо, который расположен немного выше остальной Барранкильи.

Вечером судостроитель принимает нас у себя дома. Он появляется в тропическом смокинге с белым кушаком вокруг талии. У него свой собственный бар, и он тотчас же занимает место за стойкой, смешивая и разливая по стаканам прохладительные напитки. Его жена сидит на высоком стуле, как элегантная гостья, с цветком в волосах. Дети поминутно вбегают и выбегают из комнаты, перекрикивая друг друга. Решетчатая дверь из кованого железа все время открыта. Она выходит в сад, скрытый вечерними сумерками.

Всем своим видом наш хозяин говорит, что он счастливец, которому больше нечего желать. Как бы вскользь он намекает на то, что вкладывает деньги в различные выгодные предприятия. А сегодня вечером, немного позднее, они приглашены в самое избранное общество,— в Барранкилье светская жизнь бьет ключом, так что скучать им не приходится.

Другого шведа, с которым мы познакомились в Барранкилье, зовут Йёста Янссон. Он занимается импортом машин и одновременно исполняет обязанности шведского консула. Однако вид у него не такой радостный и безмятежный, как у его процветающего соотечественника. Он культурнее, умнее и прекрасно отдает себе отчет в тех трудностях, перед которыми стоит Колумбия. Жена его не выносит здешнего климата. Сын недавно вернулся из США, где он учился, и скоро возьмет на себя управление фирмой. В прохладном доме консула мы наконец увидели настоящую рождественскую елку; одну из тех восьми елок, что были переправлены сюда контрабандой из Северной Америки.

Что ж, ему тоже неплохо живется в Барранкилье, жизнь здесь несложная, и иностранцы без особых усилий могут приспособиться к местным условиям. Здесь очень хороший спрос на товары европейского производства, и Швеция успешно продает телефонные аппараты, спички и другие товары. Колумбия заказала в Швеции несколько миноносцев,

охотно закупила бы там партию машин, но платежные ресурсы страны очень ограничены, и она нуждается в долгосрочных кредитах. У Колумбии тревожно высокая задолженность по иностранным платежам.

Главной трудностью сейчас является валютный голод. За один американский доллар дают от двух до восьми песо. Большой разрыв между официальным и рыночным курсом песо еще более затрудняет осуществление внешнеторговых операций. Раньше жители Колумбии, выезжая за границу, могли гордиться своей твердой валютой; с тех пор их валюта много потеряла в прочности.

Попадая в Колумбию, вы сразу же замечаете, что здесь нет венесуэльской бесшабашности, лихости и самоуверенности, все гораздо дешевле, и не обязательно «по-американски». Нефти здесь гораздо меньше, чем в соседней Венесуэле, а кофе — плохая замена нефти. В Колумбии, как и в Венесуэле, создалась очень сложная политическая обстановка; в чем сложность — все понимают, но предпочитают молчать. Правительство военной диктатуры, находящееся у власти уже третий год, никак не отважится провести всеобщие выборы. Гражданская война, которая недавно основательно опустошила страну, еще не всюду кончилась.

(Через несколько месяцев, в мае 1957 года, генерал — президент — диктатор Рохас Пинилья был свергнут, и таким образом произошла смена режима.)

КАРТАХЕНА - ДЕ - ИНДИАС

Между Барранкильей и Картахеной регулярно курсируют небольшие автобусы. Они ездят очень быстро, и все путешествие с короткой остановкой на полпути отнимает не больше двух часов. В придорожной пыли спят мулы; в ларьках, наполненных жужжанием мух, мулаты торгуют фруктами, прохладительными напитками и поджаренным на вертеле мясом. У обочины дороги валяются изуродованные и покрытые кровью трупы попавших под машины собак и других животных.

Сначала мы едем по открытой местности, здесь довольно холодно, но ближе к Картахене появляются зеленые холмы и небольшие рощицы. Город лежит в низине, и пока виднеются только красные кирпичные крыши да просвечивающие между ними сине-зеленые полосы моря. Издали кажется, что городская стена, широкая и извилистая, расположена ниже уровня моря, которое обрамляет ее сверху.

Картахеной-де-Индиас в отличие от Картахены испанской город был назван очень давно. В течение нескольких столетий это был самый испанский город во всей Южной Америке, и что самое главное — через него ввозили на южноамери-

канский континент испанскую культуру. В те времена здесь было множество богато украшенных церквей, Дворец инквизиции, выстроенный в стиле величественного барокко, а в гаванях рекой лилось вино.

Одновременно через Картахену вывозили богатства Новой Гранады: золото, добытое в горных реках, грузили на испанские каравеллы и отправляли в Испанию. Пиратские корабли со всего Карибского моря собирались вокруг Картахены, словно пчелы вокруг сот. И городу приходилось героически защищаться от морских разбойников. Были возведены стены и форты, что обошлось недешево. Вход в гавань был прегражден дамбами и тяжелыми цепями (город лежит на вытянувшемся в длину острове). Шесть ворот крепко запирались на ночь, и семь фортов охраняли покой жителей города.

Тем не менее пираты продолжали нападать на город, осаждали, захватывали и грабили его; они приходили с целым флотом кораблей (пользуясь более или менее открытой поддержкой Англии и Франции, которые сами давно зарились на испанские колонии). Ореолом ужаса и тайны были окружены такие пираты, как Баал, Коул, Хокинс, Дрейк, Морган, Дукасс, Вернон. В 1741 году Вернон предпринял последнюю крупную попытку захватить Картахену; на его кораблях было двадцать семь тысяч человек и три тысячи пушек; осада города длилась пятьдесят шесть дней, и все-таки Вернон был вынужден отступить, потеряв в боях половину своих людей. В воде, красной от крови, плавали трупы.

Лет за сто до этого жил в Картахене монах Педро Клавер (в 1889 году он был причислен к лику святых). Он обходил дома и собирал деньги для рабов, которых рабовладельцы привозили из Африки. Его называли рабом рабов. В монастыре до сих пор еще показывают балкон, на котором он стоял, высматривая подплывающие сюда корабли с живым грузом.

И негры уцелели в Картахене. Этот город, опора и украшение завоевателей, стал городом чернокожих. Вернее, городом мулатов. Его населяет жизнерадостный, чувственный, горячий народ, помесь двух рас; эти люди любят танцевать на улицах, любят пылающую ритмами музыку, они заполняют до отказа церкви и превращают католицизм в восторженное язычество.

Картахена сбросила испанское владычество уже в 1811 году и стала своего рода катапультией для знаменитого молниеносного похода Боливару через всю страну. Однако потом испанцы после долгой осады снова захватили город, учинив совершенно бессмысленную резню. И когда Боливар, сверкнув, словно метеор, на небосклоне славы и добившись почти невозможного, вернулся к частной жизни, он поселился не

в Картахене, а в невзрачной деревушке Санта-Марта в простом крестьянском доме; здесь он и умер в одиночестве и бедности.

Теперь его статуя стоит на рыночной площади в Картахене, так же как и во многих других городах Южной Америки. И сама площадь называется теперь площадью Боливара, а не площадью Инквизиции, как это было раньше.

Всюду, куда ни бросишь взгляд, читаешь историю Картахены. Кажется, будто в воздухе еще можно различить картины минувших битв, еще слышен шум, доносящийся из тьмы веков. Кто знает, может быть, черные полосы на городской стене — это следы крови, а в ржавые железные цепи когда-то заковывали пленников или рабов. Огромной каменной глыбой темнеет где-то высоко-высоко главный форт Сан-Фелипе с его таинственными подземными ходами.

На лесистом холме Ла-Попа возвышаются старая церковь и развалины монастыря; и кажется, будто они застыли в ожидании ночной процессии с зажженными восковыми свечами.

При желании можно въехать на такси прямо на городскую стену, которая достигает более двадцати метров в ширину. Отсюда, из-под навесов для караула, через бойницы, видно море, синее между крышами домов и верхушками пальм. Внизу на веревках раскачивается выстиранное белье. На замусоренном лугу у самого берега лежат купальщики. Неподалеку находится рынок. К берегу подходят небольшие баркасы, груженные продуктами сельского хозяйства, древесным углем и грудями зеленых кокосовых орехов.

Старые мосты едва возвышаются над водой. Когда дует ветер, вода в длинных зеленых заливах подернута легкой зыбью, но вот прошел парусник, и залив перерезали длинные низкие волны. Старые узкие улицы, такие узкие, что два пешехода едва могут разойтись, окутаны тенями от нависающих над ними домов. Если заглянуть через ворота во двор, вы увидите деревья, множество цветов, бассейны и фонтаны.

Картахена, которую Барранкилья оставила далеко позади, превратилась в провинциальный городок, наполовину живущий в прошлом. Однако из этого вовсе не следует, что здесь нет никаких черт нового времени. По нефтепроводу в Картахену поступает нефть с нефтеочистительного завода в Барранка-Бермехе, в пятистах километрах отсюда вверх по течению Магдалены. Кофе идет из горных долин, платина из речек в провинции Чоко. Судходный канал и железная дорога связывают Картахену с Магдаленой.

Что же такое Картахена? Это мертвый город, он тихо шумит, как раковина, прижатая к уху. Его поглотил новый город, живой и шумный.

Для путешествия по Колумбии мы выбираем классический речной путь вверх по Магдалене; этот путь ведет в плодородные долины, спрятавшиеся далеко в горах, и им пользовались еще во времена конкистадоров.

Наш пароход — он называется «Аранго» — был построен, очевидно, очень давно. Спереди — две высоких трубы, на широкой корме — гребное колесо с деревянными лопастями, укрепленными на ржавых железных опорах. У парохода плоское дно, и борт его поднимается всего на полметра над водой. Три палубы возвышаются одна над другой, а над ними устроена еще верхняя открытая палуба. Внизу находится машина с выдыхающими пар цилиндрами, топка, выбрасывающая длинные языки пламени, и огромный штабеля дров. На второй палубе — столовая, бар, кухня и огромный пустой салон, куда редко кто заходит. На третьей палубе расположены каюты первого класса, очень удобные, с аппаратами для охлаждения воздуха, которые занимают половину оконного проема.

«Аранго» толкает перед собой большую железную баржу, привязанную к нему стальными канатами: баржа эта везет несколько сот тонн груза. Навстречу нам несутся мутные и быстрые воды Магдалены; течение с самого начала было очень сильное, и чем ближе мы подвигаемся к верховьям реки, тем оно сильнее. Пароход движется все медленней и медленней, машина пыхтит все тяжелее, словно задыхаясь, а колеса все громче шлепают по воде.

Через неделю рождество, и пассажиров на пароходе немного. Половина из них — это одно семейство, которому принадлежит большая асьенда возле Ла-Дорада. Отец семейства все время перечитывает одни и те же газеты или пускает бумажные стрелы вместе со своими двумя старшими сыновьями. Взрослая дочь, с гладко зачесанными волосами и очень просто одетая, читает по-французски роман Толстого «Война и мир». Младшие дети весело возятся с игрушками под присмотром матери и мрачной, насупленной служанки, которая поглощает за обедом невероятное количество пищи. Семейство возвращается домой после путешествия по Европе. На их асьенде несколько тысяч голов скота, а хозяин асьенды — мясной король, оказавший пароходу большую честь своим присутствием. Поэтому капитан держится с ним очень предупредительно.

Капитан, одетый во все белое, в черных очках от солнца, имеет довольно кислый и сердитый вид. Возможно, ему просто надоело плавать взад и вперед по этой проклятой реке, без всякой надежды на что-нибудь лучшее. А возможно, его выбило из колеи известие о том, какая удача привалила од-

ному из его коллег-капитанов. Этот капитан выиграл по лотерее полмиллиона песо и сразу же перебрался на берег.

Иногда он здороваётся с нами, а иногда не здороваётся, в зависимости от настроения. Вероятно, он думает про себя: «Гринго, проклятые иностранцы, бездельники-туристы, чтоб вас черт побрал». А когда ему все же приходится сказать нам несколько слов, то говорит он как бы в сторону, презрительно-иронически. Он прозрачно намекает на то, что путешествующих по реке писателей теперь развелось видимо-невидимо и он здорово устал от них самих и от их назойливого любопытства. А, так вы *siesta*... шведы... да, и их немало перебивало здесь.

Он не расположен отвечать на вопросы, это ясно с самого начала. А если кто и будет спрашивать, так это он. Но поскольку мы ни о чем его не спрашиваем, то он старается предугадать наши вопросы и сам отвечает на них. Он заверяет нас, что местность по берегам реки самая живописная, но красивее всего бывает на рассвете, надо только пораньше встать. Нет, на пароходе не бывает ни комаров, ни малярии. Нет, не беспокойтесь, мы не сядем на мель и будем на месте точно в назначенный срок, в девять часов утра, ровно через неделю. Что касается крокодилов, обезьян и попугаев, то они здесь действительно есть, но у них не всегда хватает терпения дожидаться парохода, чтобы пассажиры могли вдоволь насмотреться на них.

Несколько пышнотелых мулаток убирают в каютах и приносят на палубу прохладительные напитки. Наиболее решительные матросы и пассажиры любят подойти и похлопать их по задку; при этом мулатки так хохочут, что грудь у них начинает колыхаться. Однако сам капитан воздерживается от столь нежного проявления чувств, по крайней мере на людях.

РЕКА В ЛЕСУ

Почти сразу же со всех сторон нас обступил тропический лес. Берега реки, низкие и ровные, наполовину затоплены водой; немного подальше идут заливные луга и поросшие травой болота, а еще дальше начинается непроходимая лесная чаща, которая вдруг вспыхивает ярко-зеленым огнем и тут же гаснет, окутанная темно-зеленой пеленой. Лишь отдельные деревья возвышаются над лесом, которому не удалось опутать их стволы причудливо переплетающимися лианами. Остальные же деревья изнемогают под густой массой всевозможных растений-паразитов и, пригибаясь от тяжести к земле, образуют гигантские шатры, которые похожи на увитые цветами древние руины.

Берег и река непрерывно воюют друг с другом. Растения выпитывают в себя воду, а речной поток вгрызается в берег,

размывая и унося с собой большие комья земли. Первой можно наблюдать, как одно или несколько деревьев уже совсем потеряли опору под корнями и, вступив в последнюю, решительную схватку с ненасытным потоком, вздрагивают, трясут сучьями, цепляются за окружающую растительность, впадают корнями в землю и жалуется на свою судьбу, в отчаянии взмахивая ветвями.

По реке плывут маленькие зеленые островки и пучки травы, стволы деревьев и обломанные ветки. Иногда на таком зеленом островке стоит стройная белая цапля, прямая и неподвижная, словно геральдический знак. А иногда над самой водой появляются большие черные крылья, плывущие вместе с речным потоком: это коршуны поедают падаль, какую-нибудь утонувшую корову, раздувшуюся, словно огромный пузырь, раздирают на части ее мясо и внутренности.

Вот на берегу появляется несколько маленьких кирпичных заводиков; они дымятся, как огромные кучи горящего мусора. Высятся горы кирпича, напоминающие развалины домов или остатки стен. Баржи подходят прямо к размытому водой берегу, потому что здесь нет ни одной пристани, и полуголые негры носят на баржу кирпич по шатким деревянным мосткам согнувшись в три погибели; они кладут на спину доску с кирпичами, а голову прикрывают мешком.

Рыбаки строят свои хижины на самом берегу в высокой траве. Соломенная крыша на шатких столбиках, на полу несколько досок вместо кровати, клочок утоптанной, покрытой илом земли, где по вечерам разводят костер и готовят еду, — вот и все удобства. Здесь есть защита от солнца, от дождя, но не больше. Выдолбленные стволы деревьев — канноэ — лежат либо прямо на илестом берегу, либо в небольших углублениях, вырытых в земле. Полуголые люди сидят на земле или на досках, глаза по сторонам. Здесь всегда много детей, которые ползают вокруг взрослых. В лучшем случае дети спят в гамаке, целая куча детей в одном гамаке, словно выводок котят.

На полях пасется скот, утопая в высокой траве. Изредка попадает маленькая асьенда, обсаженная со всех сторон деревьями, образующими что-то вроде лесной аллеи. Вместо дороги к реке идет небольшой канал; он пробивает себе путь через чащу леса и густую траву или образует широкий зеленый туннель из лиан и кустарника.

Вот раскинулись пустынные зеленые луга, пересеченные множеством речушек и ручьев. Зыбкая предательская почва уходит из-под ног, едва ступишь на нее. Только птицы, белые, синие или розовые, стоят, прислушиваясь, в высокой траве, будто огромные лилии. Они все так похожи одна на другую, словно это оттиски одного и того же клише, многочисленные репродукции одной и той же картины. Иногда они

вдруг грациозно взлетают, и, когда видишь их изогнутые шеи, подобранные ноги и распластанные крылья, кажется, что они не летят, а висят в воздухе.

Солнечные лучи ослепительными блестками рассыпаются по реке, которая бурлит и кипит десятками водоворотов; возникает живой водяной ковер с серебристо-коричневыми узорами и зеленовато-фиолетовыми полями вдоль берега. Чем выше поднимается солнце, тем сильнее жара; над рекой расстилается молочно-белая дымка, которая постепенно приобретает желтоватый оттенок. Все замерло, словно в параличе, и чуть трепещет, струится в потоках нагретого воздуха.

Но река бежит, не останавливаясь ни на минуту, и наш пароход, пыхтя, продвигается вперед.

Порой воздух вдруг наполняется ароматом свежескошенного сена или только что сорванных гиацинтов.

А перед самым заходом солнца река загорается ярким пламенем. Потом на нее падают длинные тени, а берега превращаются в темные силуэты. Горизонт затягивает клубящееся грозное облако, над бескрайними лесными просторами вспыхивают молнии.

На пароходе зажигаются огни, и на реку тотчас же опускается ночь. Проекторов нет; река кажется светлой лентой, протянувшейся между черными берегами. Пароход вспыхивает воду, озаряя пенящиеся борозды светом фонарей, и вам кажется, что это не река, а несущееся назад темное поле.

Что же касается москитов, то они остались такими же, какими были много веков назад,— жужжащими и жаждущими крови. Спаситесь от них можно только в каюте, где вы с наслаждением вдыхаете чистый охлажденный воздух. А за окном ночные бабочки тучами вертятся вокруг ламп, образуя пушистый ореол, и тяжело падают на палубу, толстые и мучнистые.

По обоим берегам реки черные лесные заросли. Изредка появляются светящиеся точки— это деревня или несколько хижин; между деревьями вдруг вспыхивают красноватые отблески костра. В чаще леса, совсем недалеко от берега, чуть мерцают светлячки, словно блуждающие огоньки, но только бледно-серебристые, похожие на рыбу чешую.

А пароход пыхтит, шлепает по воде колесами и, напрягая все силы, упрямо движется вперед по окутанной мраком реке.

ЛУГА И ПРИСТАНИ

Утром палубу нашего парохода не моют, а просто проходят по ней пылесосом; при виде этого зрелища любой капитан морского судна позеленел бы от злости и изумления. Но наш капитан, выйдя из своей каюты в халате, спокойно

осматривает фарватер, словно перед ним не река, а шоссе, и проводит пальцем по стоящим на палубе креслам, чтобы проверить, протерли ли их специальным составом с довольно приятным запахом. До завтрака он ни с кем не здоровается, ибо до тех пор, пока он не надел форму, он не капитан.

Там, где берега повыше и посуше, выращивают бананы; рабочие корчуют лес, который лежит поваленный, пока его не сожгут, а если его уже сожгли, то вся вырубка завалена обугленными стволами деревьев и пнями. Мы плывем мимо небольших селений: глиняные домики с темными камышовыми крышами, несколько лошадей, пасущихся на лугу. Вон старая церковь, обращенная входом к реке; она такая пустая и ветхая, что похожа на руины.

Нам навстречу скользят по реке плоты, которыми управляют с помощью длинного кормового весла. На этих плотах живут целые семьи; у одних только камышовый настил над головой, у других настоящая палатка, и из костра, разложенного тут же на плоту, вьется дымок.

Возле Маганге мы встречаем несколько таких же речных пароходов, как и наш. Маганге — торговый центр района саванны. Магдалена разделяется здесь на два рукава, и тут же в нее впадают реки Сан-Жорж и Каука. Тихо, спокойно и почти незаметно происходит слияние рек, их мутные воды соединяются, образуя широкое озеро, и текут дальше. На много десятков километров раскинулись болота, и, когда реки выходят из берегов, здесь все залито водой. Вообще в районе нижнего течения Магдалены немислимо заниматься сельским хозяйством, потому что большую часть года земля остается под водой.

На следующее утро мы в Эль-Банко. Это большое селение с церковью на невысоком холме. От реки к церкви ведет длинный ряд ступенек. По ухабистой дороге ходят автобусы. Вокруг рисовой фабрики все покрыто белой рисовой пылью. Воду из реки наливают в высокие четырехугольные бидоны и перевозят на мулах.

К берегу подходят индейцы, одетые довольно странно, и начинают с очень серьезным видом рассматривать пароход; они стоят, широко расставив ноги в парусиновых туфлях, на плечи наброшен халат, вокруг пояса патронная лента, на голове — панاما, а под мышкой чудесный кожаный портфель. Создается впечатление, что эти «лесные индейцы» вдруг заработали много денег и сразу приоделись.

На пароход тащат розового поросенка, но он изо всех сил сопротивляется и пронзительно визжит. Кто-то хватается за задние ноги, чтобы превратить его в живую тачку, но поросенок не хочет быть тачкой, и его приходится тащить по палубе — живой надрывающийся от визга мешок.

А, это и есть наш рождественский поросенок! Ведь сегодня сочельник, и за ужином мы, верно, полакомимся поросятинкой.

На востоке видны покрытые снегом горы. Вода в речных лагунах совершенно неподвижна, ее словно затянуло ледяной коркой. Мимо нас проносится рой огненно-красных бабочек. На зеленом мысе стоят большие одинокие деревья; издали такое дерево напоминает тот самый дуб, что изображен на рекламе шведского банка.

Вечером мы пристаем к местечку, которое называется Гамарра. Здесь всегда встречается множество пароходов, и вот сейчас они стоят, вытянувшись в ряд, празднично украшенные флагами и озаренные светом ламп. Наш капитан сходит на берег, чтобы выпить со своими коллегами. Еще не совсем стемнело, а где-то вдали уже вспыхивают огни фейерверка. На пристани полным ходом идет погрузка; молодые парни в белых штанах или набедренных повязках таскают мешки, и их потные тела блестят в лучах прожекторов.

Поздно вечером мы садимся за праздничный ужин; по случаю сочельника нам подают жареную курицу и жаркое из свежей свинины. Нелегко справиться с таким ужином, если принять во внимание, что в столовой безумно жарко и душно (здесь нет аппаратов для охлаждения воздуха). Вентиляторы только разгоняют по всей комнате жару, и с нас ручьями льет пот. Капитан угощает нас сухим красным вином, и, судя по всему, нам придется просидеть здесь до полуночи. А между тем моя прохладная каюта влечет и манит меня...

(От Гамарры дорога идет на Оканью, где начинаются отроги гор. Кроме того, здесь есть канатная дорога, по которой перевозят кожи и кофе. Недалеко отсюда будет построенная и железная дорога. Она протянется вдоль реки на четырехста километров до самого Ла-Дорада и особенно пригодится в период мелководья, когда навигация по реке прекращается. Государство продает переселенцам огромные земельные площади там, где пройдет железная дорога. Туда переедет около ста тысяч человек, которые будут выращивать рис, какао, кукурузу, хлопчатник и разводить скот.)

Вот наступает рождество. Река, берега — все тот же пейзаж. Становится все жарче.

Вниз по реке плывет баржа, полная скота. Коровы стоят в высоких двухэтажных клетках — загонах, сбитых из досок. Проходит немного времени, и снова баржа, на этот раз почти совсем пустая; на ней нет ничего, кроме одной лошади, да еще какой-то парень дремлет в гамаке за решетчатой перегородкой.

Мы пристаем к довольно жалкому селению, и один из пассажиров сходит на берег. Это совсем еще молодой человек, мрачный и молчаливый; всю дорогу он ни с кем не разговаривал и держался особняком. Сейчас три часа пополудни и жара стоит такая, что мы вот-вот сваримся. Несколько мальчишек несут его багаж. На берегу собралась небольшая толпа людей; они смотрят на него с недоверчивым любопытством; никто с ним не здоровается.

Но молодой человек, очевидно, знает дорогу. Он уверенно идет по тропинке вдоль берега, потом поворачивает на площадь, со всех сторон окруженную домами. Там его дожидается какая-то женщина; она в положении, на руках у нее грудной ребенок. Он не протягивает ей руки, бросает несколько слов и идет дальше. Она идет за ним следом, пытается что-то сказать. Оба тяжело ступают босыми ногами по рыхлой земле.

Очевидно, он вернулся домой. И возвращение не из веселых; невольно содрогаешься, глядя на эту пару.

Потом мы минуем Пуэрто-Вильчес. Это речной порт, связанный узкоколейкой с городом Букараманга в Восточных Кордильерах. На рельсах стоят цистерны, вдоль берега тянется нефтепровод, то исчезаая, то снова появляясь в густых зарослях кустарника.

Сумерки, пароход пристаает к Барранка-Бермеха; здесь мы будем ночевать (уровень воды в реке очень понизился, что создает немалые трудности для прохода судов). На крутых скалистых берегах красновато-бурые полосы — следы нефти. Белые домики на поросших травой холмах. Нефтепроводы, расходящиеся в разных направлениях — на Картахену, Медельин, Боготу.

На следующий день пасмурно, парит, дышать тяжело, как в пивоварне. На реке множество песчаных отмелей, плывут старые стволы деревьев, но аллигаторов не видно. На отмелях живут рыбаки в шалашах из веток и камыша, а возле лежат вытащенные из воды каноэ. Несколько человек ловят рыбу: они стоят по пояс в воде и заводят вокруг косяка сеть.

Течение становится все более капризным, и пароход должен все время менять курс, пробираться через узкие каналы, прижиматься к самому берегу и делать такие развороты, что прибрежные заросли задевают борт судна. Иногда ветки деревьев оказываются над палубой, обметая поручни зеленой листвой. Раз мы проплыли под аркой из высоких папоротникообразных растений с красными цветами в виде толстых мохнатых шишек.

На деревьях сидят ящерицы, прижимаясь к ветвям. У них зеленая кожа, выпуклые глаза и колючие гребни на спине. Когда пароход проходит слишком близко от них, они начинают медленно, словно нехотя, шевелиться.

Поросшие травой холмы, напоминающие своей формой сахарную голову. На склонах — стада коров. Белые и светлосерые коровы индейской породы с горбом на спине и большими лирообразными рогами. У них длинные ноги и короткое туловище, словно сплюснутое спереди и сзади.

Аромат свежескошенной травы, сенокос. Между холмами — небольшая долина и кирпичная церковь, похожая на молочную ферму. Перед церковью священник в белом одеянии.

Очень узкий проход. Первый раз мы садимся на мель. Выбрасывая облака пара, судно дает задний ход, потом делает разбег, и мы благополучно минуем опасное место.

Ночь, порт Пуэрто-Беррио. Снова сбившиеся в кучу суда: свободных мест у причала нет, они швартуются друг к другу, шлепая колесами по воде и с шипением выпуская клубы пара. Пуэрто-Беррио служит речным портом для города Медельина, крупнейшего промышленного центра страны, расположенного в горах.

Товарный состав, идущий по набережной; коршуны, соскакивающие с железнодорожного полотна (они такие ручные, что нам начинает казаться, будто это южноамериканские голуби, черные и жуткие). Подъемные краны. Рабочие в красных полотняных штанах. На всех палубах пассажиры, глазеющие на порт. Некоторые сходят на берег по баржам и шатким мосткам.

Темноту разрывают зеленовато-белые вспышки молний. Внезапно начинается проливной дождь, парализуя порт на всю ночь.

К ЛА-ДОРАДА

Утро, густой туман. Окутанные туманом коровы бредут по высокому откосу. Коровы белые, и в сероватой мгле они кажутся какими-то огромными сказочными существами, а силуэты пальм напоминают лопасти ветряных двигателей. Гудок нашего парохода издает хриплое мычание, тут же его подхватывает глухое эхо, и в ответ по всей реке раздаются гудки.

Ослепительно яркий день, марево, гнетущая влажная жара.

Скоро ночь, пароход пристает к зеленому лугу, швартовые канаты закреплены вокруг деревьев. Недалеко от нас стоит баржа для перевозки скота, в небольших загонах — коровы, на крыше лежат рабочие и курят. Сильный запах навоза.

Однако здесь есть и военные сторожевые посты. Часовые в стальных шлемах, винтовки с примкнутыми штыками. На шаткой вышке из жердей висит сигнальный колокол. Дальше вытянулись в ряд небольшие строения из листового железа без одной, а то и двух-трех стен. По тропинкам бродят сво-

бодные от караула солдаты. В траве тускло мерцают огоньки светлячков. Стрекоучт кузнечики, словно окутывая луг сплошной завесой из тщательно сшитых звуков.

С наступлением темноты солдаты поднимаются на борт парохода и пьют в баре пиво. Некоторые приглашают пассажиров потанцевать. На крыше баржи непрерывно тлеют огоньки сигарет.

На следующий день пароход снова медленно ползет по реке, снова происходит ожесточенная борьба с течением. Часто он почти останавливается, вздрагивая от неистовых ударов гребного колеса по воде.

Едва начинает темнеть, мы пристаем к высокому обрывистому берегу. Лес расступается, между деревьями рассыпались домики небольшой деревушки. Береговой откос достигает не менее пяти метров в высоту. Несколько молодых парней пришли сюда купаться: обвязав вокруг бедер полотенце или старую рубашку, они бросаются в мутную воду и тут же делают несколько глотков. Некоторые остаются на берегу; в одной руке они держат карманное зеркальце, а другой бреются.

В нескольких шагах от берега на траве сидят женщины. Почти все они беременны, и их окружает целая куча ребятишек. Поодаль сидит девушка, черная, как негритянка, в белом шелковом платье; она сидит совсем одна и словно ждет какого-то чуда, чего-то невероятного (и, наверное, ждет напрасно).

Огромная апельсиново-желтая свинья привязана за заднюю ногу к дереву, а поросята играют вместе с детьми, катаясь по траве. Под небольшим тентом качается красный гамак, он все качается и качается, и из него высовываются детские головки.

Ребята чуть постарше собрались возле парохода; они предлагают нам купить небольшие зеленые лимоны, которые держат в своих грязных ручонках. Пассажиры начинают кидать им ломти хлеба; ребята тут же рассыпаются по всему берегу, стараясь поймать ломоть на лету или бросаясь за ним на траву. Но, пока продолжалась эта милая игра, никому из детей так и не удалось поймать хлеб прямо ртом, сколько они ни пытались.

Вечером со всех сторон откуда ни возьмись налетели коршуны и уселись на ветвях одинокого высокого дерева посреди селения. Грозная стража ночи. На фоне золотисто-розового горизонта отчетливо видны строгие вертикальные линии камышовых хижин.

И вот на восьмой день нашего путешествия мы наконец почти у цели, правда с некоторым опозданием. На верхушке мертвого и голого дерева сидит еще совсем маленький зеленый попугайчик (очевидно, он вылетел из клетки и теперь не может найти дорогу домой). Горные цепи по обоим берегам

реки сходятся все ближе и ближе, а пальмы и песчаные дюны медленно скользят мимо нас, словно мираж.

Там, вдали, находится последний речной порт перед порогами — Ла-Дорада (Позолоченный). Это в восьмистах восьмидесяти восьми километрах от Барранкильи, в самом центре Колумбии. От Боготы нас сейчас отделяет лишь горный хребет. На восточном берегу реки лежит Пуэрто-Сальгар, откуда проложена железная дорога до Боготы (мы видели эту железную дорогу: узкое полотно, заросшее травой, ржавые рельсы). На западном берегу — Ла-Дорада с большой церковью и отливающими серебром нефтехранилищами.

Над рекой строится железнодорожный мост; половина пролета уже готова, и выкрашенные в красный цвет огромные металлические конструкции тяжело распростерлись на высоких быках. Течение здесь очень сильное, и, когда судно швартуется у причала, машина должна работать на «полный вперед», чтобы удерживать пароход на месте. Легкие катера, когда идут против течения, становятся на дыбы, как норовистые кони, и буквально выпрыгивают из воды.

Наше путешествие по реке окончено. Капитан стоит с бумагами в руке и обмахивается ими, как веером. Семья скотопромышленника сбилась в кучу, готовясь сойти на берег (они уже с палубы показывают на свою асьенду между цветущими деревьями, на стада, пасущиеся на прибрежных лугах, кричат что-то друг другу в лицо, радуясь, что наконец-то вернулись домой).

Из Ла-Дорады грузы идут по железной дороге или на автомашинах через горы до Боготы или же доставляются сначала в Онду, расположенную в нескольких милях от Ла-Дорады, а оттуда уже их перевозят на речных судах по Магдалене.

Мы берем такси и едем в Ондю; за окном машины мелькают поля, на которых растет высокая кукуруза, кое-где пасется скот, а дальше по обеим сторонам дороги возвышаются крутые склоны гор.

В СТРАНЕ ГОР

Вот она — Колумбия.

Анды, словно гигантская рука, протянулись от южной оконечности Патагонии через весь южноамериканский континент: своим тяжелым локтем они придавили Боливию, а ладонью накрыли Эквадор и всю Колумбию, разрезав ее четырьмя горными хребтами, похожими на растопыренные пальцы. Между горными «пальцами» тянутся глубокие долины и текут широкие реки, а посередине течет самая широкая — Магдалена. Горы совсем молодые, они сложены из мягких пород и еще не сформировались окончательно. Здесь много осадков, много плодородной земли, а снег выпадает лишь на вершинах самых высоких гор.

По численности населения (около тринадцати миллионов человек) Колумбия занимает третье место в Южной Америке. Три четверти ее территории — леса и дикие пустоши, где живет всего один процент населения страны. Наиболее густо заселены узкие речные долины и межгорные котловины, а также несколько районов на побережье. Всего в стране четырнадцать изолированных друг от друга районов с довольно четкими географическими границами, различными климатическими условиями и укладами жизни. Здесь живут и белые, и негры, и индейцы, и мулаты, и метисы.

Со всех сторон вас окружают леса и горы, кустарники и болота; обрабатываемая земля составляет лишь два процента территории страны. Все словно сшито из отдельных лоскутов и лишено всякого единства: кажется, что все время поднимаешься по лестнице и на каждом этаже совершенно другой климат, другая растительность.

Колумбия состоит из трех основных климатических поясов: жаркий пояс (*caliente*), умеренный (*templada*) и холодный (*fría*). Над этими тремя поясами, выше пояса лесов, находятся так называемые *ragatos* — высокогорные луга.

В жарком поясе растут бананы, сахарный тростник, рис, хлопчатник, какао, табак, тропические фрукты; в умеренном поясе — кофе, кукуруза; в холодном — пшеница, картофель. Высокогорные луга покрыты травой. Это отличный корм для пасущихся здесь овец.

Большая часть населения занимается земледелием, скотоводством, заготовкой леса. Правда, в Колумбии насчитывается до пятидесяти тысяч небольших фабрик, но 97 процентов этих фабрик имеют не более двадцати рабочих, и многие из них являются чисто семейными предприятиями, на которых работают только члены данной семьи.

Производство кофе, главной экспортной культуры страны, также расплелено между огромным количеством мелких хозяйств.

Какова же общая картина?

Это разорванная, раздробленная на множество отдельных частей страна, лишенная всякого структурного единства и стоящая перед целым рядом серьезных трудностей.

Одной из таких трудностей является проблема связи, дорог и транспорта, и, хотя все отдают себе отчет в том, какое важное значение имеет этот вопрос, никто не берется за его решение.

Большая часть территории Колумбии недоступна даже для местных жителей. Горы, леса, болота — все создает непреодолимые препятствия.

Колумбию можно назвать страной дорог, висящих в воздухе. Это, во-первых, дороги, которых на самом деле нет или они настолько плохи, что их даже нельзя назвать дорогами.

Во-вторых, горные дороги и тропы, действительно висящие в воздухе, ненадежные, жизненно необходимые и чрезвычайно опасные; они извиваются вдоль самого края пропасти и поднимаются на гребни гор, исчезая в облаках. И в-третьих, настоящие воздушные дороги — авиалинии, которые во многих отношениях являются самым удобным и самым надежным видом транспорта.

Колумбия была первой южноамериканской страной, которая стала пользоваться воздушным транспортом. Многие считают, что это очень характерно и символично именно для Колумбии. Однако нередко можно услышать, что самолет появился в Колумбии слишком рано и в какой-то мере стал несчастьем для страны. На самолет возлагались слишком большие надежды, которых он не оправдал. Вот оно, будущее Колумбии! — таково было всеобщее мнение, и никто не хотел подумать о строительстве шоссейных и железных дорог.

«Авианса», крупнейшая из авиационных компаний Колумбии, не только установила прямое воздушное сообщение с Нью-Йорком и Парижем, но и обеспечила транспортную связь между самыми труднодоступными районами внутри страны.

Колумбийцы говорят, что «Авианса» перевозит на своих самолетах все: английские автомобили, шведские велосипеды, немецкие пианино, американские холодильники, итальянские швейные машины; она перевозит живых коров и коровьи туши, племенных быков и рысаков, рыбу с морского побережья, фрукты и консервы, киноленты и газеты. Но есть еще очень многое, что невозможно погрузить на самолет: железо и цемент, тяжелые машины и промышленное оборудование, пролеты мостов и турбины, кабели и электрические провода.

Приехав в Боготу, вы останавливаетесь в изумлении: каким же образом попало сюда все то, что входит в понятие большого современного города? Не иначе, как силой волшебства, прямо из воздуха.

Богота и Медельин, два крупных города, расположенных в горах, почти отрезаны от внешнего мира. Две узкоколейки, с трудом пробирающиеся между горами, да несколько скверных шоссе — вот и все. Когда начинается период дождей, на дорогах часто происходят обвалы и всякое движение надолго прекращается. Сами дороги опасны и ненадежны.

О Медельине нам рассказывает один словоохотливый пассажир, который плывет вместе с нами по Онде (он работает продавцом в магазине текстильных товаров; получив отпуск, он отправился с женой в путешествие по реке).

В XVII веке группа испанских переселенцев пришла в горы; это были дельные и миролюбивые люди, которые искали не богатств и приключений, а уединения и спокойствия. Они поселились в долине и основали здесь город Медельин;

жили они в небольших домиках, обрабатывали землю, у каждого была большая семья, до двадцати детей (обычай иметь много детей сохранился здесь до сих пор), и никто никогда не пользовался рабским трудом. В городок вели две небольшие тропы, по которым могли пройти лишь несколько мулов. Поселенцы продавали купцам то небольшое количество золота и серебра, которое они намывали из речного песка.

Они выращивали кофе, но экспортировать его начали лишь в конце прошлого века. Кофе обеспечило приток капиталов, необходимых для индустриализации города, и очень скоро Медельин, спрятавшийся в узкой межгорной долине, стал крупным промышленным центром. Медельин дает 80 процентов всей текстильной продукции страны, не говоря о многих других товарах. Над городом поднимается густой лес фабричных труб, и облака дыма клубятся между вершинами гор.

Уроженцы Медельина обитают не только в родном городе, население которого уже достигло полумиллиона человек, но и в окружающей его долине. Одной из статей медельинского экспорта являются, как это ни странно, выдающиеся личности. Их можно найти во всех уголках страны, всюду, где нужны сильные, энергичные и способные люди. Многие жители долины расселились по склонам гор и основали несколько новых городов, таких, как Манисалес.

Манисалес — суровый и холодный город: серые железобетонные дома, одетые в черное люди, залитые дождем огромные цветы, хвойные деревья, словно закованные в железо, и завывающие ветры. Пожалуй, только там еще и осталось то стремление к уединению и покою, которое было вытеснено из долины грохотом индустриального города. (Все это рассказал нам наш спутник.)

БЕЗДОННЫЕ ПРОПАСТИ И ГОРНЫЕ ВЫСИ

Онда лежит в глубине узкого ущелья, разрезавшего пополам высокие горные массивы. У вас такое ощущение, будто вы находитесь на самом дне вселенной, и, когда над головой проплывает черная туча, вам кажется, что на горы вдруг опустилась огромная крышка. Человек чувствует себя здесь запертым со всех сторон и придавленным к земле.

Возле Онды Магдалена превращается в дикую горную реку, порожистую и бурливую. На высоком мосту толпятся люди и, как зачарованные, смотрят на кипящую водоворотами воду. Между бережными камнями бродят свиньи и роются в помоях. Одна из них — наполовину белая, наполовину бурая, и издали кажется, что она щеголяет в красных полотняных штанах.

Над густой сетью переулков возвышается голубая церковь. Множество мостов нависает над небольшими речками, впадающими в Магдалену. Дома стоят у самой воды, и нередко можно наблюдать, как их обитатели, сидя за стаканом пива или играя в бильярд, вдруг подходят к окну и сплевывают прямо в реку.

Все самые лучшие отели (т. е. наименее скверные) заняты, и мы вынуждены остановиться на ночь в гостинице на окраине города. В баре с цементным полом угрюмый буфетчик хозяйничает за стойкой. Перед ним несколько полок с пыльными бутылками. За металлическими столами сидят посетители и пьют пиво.

В нашей комнате три стены не достигают потолка, и мы, таким образом, оказываемся как бы в небольшом закутке с перегородкой, отделяющей нас от большого общего зала. В комнату падает свет от ламп, которые то зажигаются, то гаснут. До нас отчетливо доносится каждый звук из зала, где пьют и веселятся, и из соседней комнаты, где, судя по всему, остановилась семья с многочисленным потомством. Нас явно ожидает очень интимный и очень шумный вечер.

Когда шум, возгласы и крики наконец утихают, вдруг начинается дождь, жуткий проливной дождь, который все идет и идет, не прекращаясь ни на минуту. Я просыпаюсь и прислушиваюсь к монотонному шуму дождя, с тревогой думая о завтрашнем путешествии через горы, об обвалах и покрытых грязью дорогах.

Ночью я вдруг чувствую, что кровать моя как-то странно вздрагивает. А в следующее мгновение на лицо мне сыплется что-то похожее на штукатурку. Я вскакиваю, зажигаю лампу и устремляю взгляд на потолок. Потом ощупываю простыню и убеждаюсь, что на меня действительно обрушилась штукатурка. Очевидно, произошло слабое землетрясение. И, быть может, сейчас последуют новые толчки.

Я чувствую себя запертым в этих четырех стенах, в этих горных массивах, сдавивших город со всех сторон. А дождь все идет и идет — нескончаемый ливень, который может вырыть глубокие овраги и затопить всю долину.

Я больше не пытаюсь заснуть и забиваюсь в угол кровати. Сажу и тщательно осматриваю потолок (он очень высокий и слабо освещен). Кажется, по потолку движется что-то почти бесцветное, грязновато-белое, с несколькими ногами и загнутым вверх хвостом: да ведь это не что иное, как маленький скорпион!

Подвинется вперед на несколько сантиметров, потом замрет на одном месте и долго сидит неподвижно. Очевидно, скорпион ползет нанюхивая по потолку, но ему еще придется проделать немалый путь, прежде чем он доберется до угла, где стоит моя кровать (а ведь он, чего доброго, упадет прямо

на кровать). Мне нечем его схватить, а к тому же до него очень высоко. Значит, я должен держать скорпиона под неусыпным наблюдением, и мне будет не так скучно дожидаться рассвета.

Через час или два скорпион прополз над перегородкой и исчез в соседней комнате. Но ведь он может еще вернуться и на этот раз, скажем, спуститься вниз по стене.

Ночь тянется бесконечно долго. Я пытаюсь немного почитать, но это опасно, ибо я рискую заснуть. С улицы по-прежнему доносится монотонный шум дождя, и по тротуарам, наверное, текут целые реки воды.

Стрелки часов приближаются к шести. Начинает светать. Я уже одет и выхожу в вестибюль. Заспанный хозяин открывает двери. Я хочу посмотреть на ливень, а он уже кончился. Но улицы совершенно сухие. В самой же гостинице по-прежнему слышится шум дождя; тогда я догадываюсь, что дождь шел только в моем воображении. Очевидно, кто-то не завернул как следует кран в душе, и всю ночь на пол лилась вода, а кроме того, шумел какой-нибудь вентилятор.

СНОВА В ПУТИ

Онда позади; мы переезжаем через мост и мчимся вверх, в горы.

Наша машина уже старая, но сильная, а шофер — малый здоровый и очень спокойный. И шофер, и его машина принадлежат одному из многочисленных транспортных предприятий, которые называются *Flota* (флот), или *Autoferry* (автопаром); эти названия явно выдают унаследованное от Колумба пристрастие колумбийцев к морской терминологии: им кажется, что их автомобили несутся через горы, словно легкие парусники, бороздящие просторы океана.

Но вот асфальтированное шоссе внезапно кончается. Мощеная дорога. Магдалена делает небольшую петлю и уходит куда-то вниз. На поворотах ветки кустарника хлещут по кузову. Навстречу идет автоцистерна: ее колеса занимают почти всю ширину проезжего полотна. Все круче становятся горы, а дорога, словно узкая полка, врезается в отвесный склон, исчезая за каждым поворотом в зияющей пустоте.

У края пропасти нет ни барьеров, ни ограждений. Повсюду лежат камни, а то и целые глыбы. Если смотреть вверх, взгляд скользит по шероховатой каменной стене, уходящей в небо. Взгляд вниз — и вам открывается бездна, которая исчезает в серой мгле или в кронах деревьев, растущих на дне ущелий.

Надписи на дорожных щитах: дорога ремонтируется, — и дальше вы едете на собственный страх и риск. Часть горы

обрушилась вниз и завалила дорогу. На место обвала при-
была небольшая команда дорожных рабочих и расчистила
узкую колею от камней и земли.

Наша машина медленно пропахивает дорогу, кренясь то
на одну, то на другую сторону и жалобно поскрипывая.
Но вот мы доезжаем до места, где по склону горы несется
могучий поток и с грохотом исчезает в каком-то углублении
под дорогой. Здесь образовалась огромная лужа, залившая
всю дорогу и неизвестно какой глубины. Однако наш шофер
уже знает это место; во всяком случае он решительно увели-
чивает скорость и на полном ходу преодолевает препятствие,
разбрасывая во все стороны каскады воды.

Чем выше, тем лучше становится дорога, бездонные про-
пасти остаются позади, и мы выезжаем на самую вершину
горы. Лучи солнца борются здесь с огромными массами обла-
ков, которые поминутно проносятся мимо нас; при этом де-
лается так темно, что приходится зажигать фары. Порой нас
окутывает непроницаемая молочно-белая пелена тумана, но
через мгновение снова ослепляет яркое солнце и лазурное
небо: сверху и снизу раскинулась необъятная синяя бездна,
а облака, вздувшиеся по краям или похожие на рваные лос-
куты шерсти, медленно сползают по склону горы в пропасть.

Здесь мы впервые встречаем индейцев. Одни стоят по
обеим сторонам дороги, словно каменные статуи, в одиночку
или небольшими группами. Другие едут верхом, пустив ло-
шадь рысью; фетровая шляпа надвинута на самые глаза, на
плечи наброшено одеяло с дырой посередине, куда просовы-
вают голову, а широкие развевающиеся полы, обшитые ко-
жей, защищают ноги. Третьи идут пешком и гонят перед
собой навьюченных лошадей. Целые семьи идут по дороге не-
стройными толпами, и такую толпу нередко замыкает жен-
щина, которая несет одну или несколько живых кур.
Проезжающие часто останавливаются, присматриваются к
курам, прицениваются.

Когда на мгновение рассеивается облачная дымка, мы ви-
дим, как на краю пропасти рука об руку стоит влюбленная
пара. Это молодые индейцы; улыбаясь они смотрят друг на
друга и не обращают на нас ни малейшего внимания, хотя мы
проезжаем совсем рядом.

Некоторые индейцы едут на экскурсию, набившись в гру-
зовики или в довольно неказистые на вид автобусы (ведь се-
годня воскресенье). Они сидят, тесно прижавшись друг к
другу; каждый закутан в одеяло, на каждом шляпа, и ка-
жется, что все они — и мужчины и женщины — на одно лицо.
Они безмятежно наслаждаются поездкой по самому краю про-
пасти, крутыми поворотами, и, чем страшнее поворот, тем
веселее они смеются, приходя в восторг от грозящей им опас-
ности.

В просветах между облаками сверкает покрытый снегом конус вулкана. Он появляется то перед нами, то над нами, бесконечно прекрасный и грозный. «Невадо дель Руис», — коротко бросает шофер. (Это один из самых высоких в Колумбии вулканов.) Но нам не удается подъехать к нему ближе, потому что дорога сворачивает в долину.

В долине, наполненной светом и тишиной, лежит город Вилета. Здесь шоссе пересекает железную дорогу, идущую со стороны Магдалены. На площади находится большой индейский рынок; он напоминает огромное сборище лунатиков: толпы людей теснятся почти в полном молчании.

Они покупают и продают очень спокойно, с отсутствующим видом, словно во сне, и кажется, что мысли их заняты чем-то совершенно другим. Подвыпившие тоже очень молчаливы; слегка пошатываясь, они тихо бредут по улице, погруженные в зыбкую обволакивающую грезу и как бы озаренные мягким рассеянным светом.

Удивительно запущенная и ветхая гостиница сохранила следы элегантного стиля XIX века, но теперь от этой элегантности мало что осталось. Продранные плетеные кресла, вытертые плюшевые диваны, зеркала в позолоченной оправе, потрескавшиеся и покрытые пятнами, патетические олеографии в изогнутых рамах. Длинные коридоры и обширные холлы, вделанные в стену умывальники с кранами, из которых все время капает вода, ресторанный зал, в котором полно мух. Кажется, что и посетители пришли сюда еще в прошлом столетии, да так и сидят здесь до сих пор.

Проходит немного времени, и мы снова в горах. Хвойные леса смешиваются с эвкалиптовыми рощами. На склонах гор, в самой чаще леса, появляются роскошные виллы, с садами, каменными заборами и плавательными бассейнами, отделанными кафелем. Наиболее состоятельные жители Боготы проводят здесь воскресные дни и отпуска. Мы все чаще встречаем их: они несутся в своих великолепных машинах по отвратительной ухабистой дороге. (Нет, миллионерам и в голову не приходит, что надо хоть немного подремонтировать дорогу.)

Вот промелькнул монастырь, окруженный мрачными кипарисами. По крыше его расхаживают взад и вперед монахи, читая молитвы.

Еще несколько утомительно высоких вершин, и дорога спускается на плоскогорье. Здесь открываются широкие просторы, холодные и необозримые, как у нас на севере: прямые дороги, реки и озера, луга с пасущимися на них пестрыми коровами, полосы белых ромашек и желтых весенних цветов.

В 1536 году испанский завоеватель Гонсало Хименес де Кесада поднялся вверх по Магдалене, прошел со своим конным отрядом на восток через горы и очутился на плоскогорье, где жило одно индейское племя. Чибча — так называлось это племя — сообща владели землей и обрабатывали ее самым примитивным образом. Выращивали они кукурузу и картофель. Индейцы жили в хижинах из глины и соломы: даже их храм Солнца в городе Сугамукси представлял собой довольно неказистое на вид глиняное строение, украшенное тонкими золотыми украшениями. Они научились выплавлять и ковать металлы, добывать соль, ткать и прясть. А возле живописных высокогорных озер они устраивали торжества в честь невидимого бога, олицетворяемого солнцем.

Кесада со своими людьми пронесся, как вихрь, прямо по хижинам, поджигая все, что только может гореть, и натравливая собак на спасающихся бегством индейцев. Отказавшись от дальнейшей борьбы, чибча подчинились завоевателям и стали рабами испанцев. Теперь у Кесады были в избытке продовольствие и рабочая сила. Это позволило ему основать на плоскогорье город Санта-де-Богота и сделать его столицей только что завоеванной страны, которую называли Нуэво-Реино-де-Гранада.

Этот затерянный в горах край с самого начала привлекал к себе внимание европейцев. Сразу же следом за Кесадой сюда пришли два новых завоевателя: лейтенант Белалькасар из Эквадора, раньше служивший у Писарро, и Николас де Фредерман из Венесуэлы, каждый с отрядом солдат, одетых в шкуры диких зверей и полумертвых от усталости и голода.

Однако в дальнейшем сюда приезжали простые бедные испанцы, которые не искали в этой далекой труднодоступной стране огромных богатств. И Богота постепенно превратилась в тихий колониальный город, дремлющий среди гор; интеллектуально этот город развивался быстрее, чем экономически, и в нем всегда бурлила острая критическая мысль, взбодренная чистым горным воздухом.

Люди жили очень просто, обособленно и в общем были довольны своей жизнью. Словно зачарованные горными духами, они забыли о том, что, кроме их гор, есть еще побережье, море и целый мир. Испанцы, позабыв о расовых предрассудках, смешивались со своими рабами, индейцами из племени чибча, количество метисов все возрастало, а пропасть между угнетателями и угнетенными все уменьшалась. Чибча постепенно забывали свою религию и язык, приняв религию и язык завоевателей. Осталась лишь какая-то неопределенная печаль об утраченном, тихая, безмолвная, по-индейски затаенная меланхолия.

В памяти людей сохранилось несколько древних названий рек, озер и гор, а вокруг озер Гуатавита, Тота, Фукуена и Суеска все еще живет несколько старинных преданий, таинственных и непонятных: об Эльдорадо, одетом в золото герое, покоящемся на дне морском; о Зипе, плавающей в озере по ночам в сиянии месяца: она вся покрыта перьями и золотыми украшениями.

Когда Боливар прибыл в Боготу, все были готовы к борьбе за свободу и независимость страны: хозяева-испанцы, метисы, ставшие почти испанцами, и индейцы — все одинаково рвались в бой, объединялись в отряды освобождения, все были охвачены воинственным пылом. Из Боготы эта жажда свободы стала быстро распространяться по всему матерiku и охватила Каракас, Кито, Перу.

Богота стала своего рода факелом свободы, внезапно вспыхнувшим среди гор, она явилась примером для остальных южноамериканских стран, зовущим их к борьбе за подлинную республику и демократию.

Богота гордилась тем, что никогда не знала деспотизма, военных режимов и диктатур. Здесь предпочитали мыслить, а не действовать, читать книги, а не путешествовать, спорить, а не вести дела, расширять собственные знания, а не развивать промышленность. Никто не хотел подумать о развитии средств связи, и не только с заграницей, но и между различными районами внутри страны. Дороги оставались в самом первобытном состоянии. Богота стала своеобразным культурным центром, и ее обаяние притягивало сюда, в горы, всю страну, всех, кто хотел почувствовать их спокойное дыхание. В других южноамериканских государствах культура и торговля расцветали на побережье, в быстрорастущих приморских городах. В Колумбии царила культура гор, царил дух Боготы, отгородившейся от всего остального мира.

Но отсюда вовсе не следует, что свобода здесь никогда не подвергалась гонениям и преследованиям. В Колумбии демократический республиканизм теснейшим образом переплетался с самодовольным консерватизмом. Политически страна была расколота на две враждующие партии — консерваторов и либералов.

Восстание либералов в 1889 году привело к так называемой тысячедневной войне, в результате которой погибло сто тысяч человек. Либералы и консерваторы попеременно приходили к власти; наконец в 1948 году снова началась гражданская война. Она продолжалась пять лет и кончилась установлением военной диктатуры. И опять сто тысяч убитых, ставших жертвой террора и контртеррора.

В Южной Америке часто оплакивают Боготу как падший город, утраченный идеал или грубо попранную традицию.

Чего же еще ждать от других стран, когда такие вещи творятся в Колумбии.

Но установление диктатуры свидетельствует, кроме всего прочего, и о том, что в стране происходят коренные изменения, что дух Боготы переживает глубокий кризис и Колумбия выходит из многовековой изоляции. Богота теряет то влияние, которое она оказывала на остальную страну; особенно это относится к таким высокоразвитым городам, как Барранкилья и Кали, расположенным в районе побережья.

Впрочем, даже Богота очень изменилась за последнее время: она стала промышленным и деловым центром, теперь здесь много высоких домов и автомобилей, много спешки и суеты, много жестокости и много военных. Богота перестала быть заповедником, где процветали свободная мысль, архаическая независимость взглядов, критический скептицизм и возвышенная мечта.

(Эти высказывания находят полное подтверждение в книге колумбийца Кабальеро Кальдерона «Южная Америка — Земля Теней».)

СЕРЫЙ ГОРОД, ЗЕЛЕНАЯ САВАННА

Плоскогорье это называется La Sabana (Саванна) и имеет в длину около сорока километров. Оно темно-зеленое, и его пересекают еще более темные кипарисовые аллеи. В те времена, когда здесь еще жили чибча, плоскогорье неоднократно затоплялось, и тогда между горами возникало широкое озеро (индейцы, которые всегда боялись наводнений, уходили в горы). Теперь по всему плоскогорью рассыпались белые домики, словно снежные сугробы, а вокруг молочных ферм, построенных из кирпича, пасутся стада.

Небо здесь высокое-высокое, а из облаков выглядывает яркое солнце. Воздух сильно разрежен (все-таки 2600 метров над уровнем моря); вам все время кажется, что он слишком легкий, и, сколько ни дышишь, никак не можешь насытиться. Малейший запах или самый легкий дымок пронизывают его насквозь. Чтобы дать легким необходимое количество кислорода, приходится дышать глубоко и часто.

Дорога на Боготу проходит через задымленные пригороды; улицы холодные, пепельно-серые, мрачные. Прямо под открытым небом жарятся на кострах туши скота. На неровном асфальте блестят большие лужи нефти, по обеим сторонам дороги в траве валяются carcасы автомобилей.

Богота лежит у подножия гор, постоянно окутанных облаками. Тени от облаков, падая на город, делают его серым и сумрачным даже в полдень. Сейчас период дождей, и дождь идет каждый день — иногда льет как из ведра, но чаще просто моросит.

Прежде чем вы успеваете заметить, что уже приехали в Боготу, вы вдруг оказываетесь среди разбросанных в беспорядке многоэтажных домов, почти небоскребов; дома эти, похожие на гигантские кубы, словно построены из одних прямых линий; они лишены всяких украшений и, сливаясь с плывущими над городом облаками, кажутся мрачными черно-серыми пятнами.

Еще немного, и вы упираетесь в склон горы, темную массивную стену — это конец города.

Сегодня Новый год. На фоне фасадов домов видны контуры рождественских ангелов, сделанных из стальной проволоки и прикрепленных к фонарным столбам.

Индейцы, одетые в самые фантастические костюмы, танцуют на углах улиц под звуки флейт и барабанный бой. Толпы народа стоят в очереди на фуникулер или поднимаются пешком по крутой дороге, ведущей к церкви на Монсеррате (это самая высокая вершина), чтобы непременно причаститься там после четырехчасового поста. Церковь некрасивая, желтая; ее построили взамен той, что была разрушена землетрясением несколько десятилетий назад. Она очень мрачная, постоянно окутана облаками, и по оконному стеклу, словно слезы, текут капли дождя. А когда ее внезапно озаряет солнце, она вспыхивает над городом, словно язык пламени или обнаженный меч.

За церковью находится зеленая лужайка, где располагается простой народ вокруг корзинок с провизией и бутылок с вином; все лица по-индейски меланхоличны. Внизу, перед Quinta de Bolivar (Усадьба Боливара), тоже собирается много народу; одни лежат на траве, другие ползают на четвереньках по склону холма, третьи бредут, пошатываясь, с мрачной пустотой в глазах. Продавцы воздушных шаров, фотографы, продавцы мороженого, продавцы свистулек, сопливые ребятишки — все они невообразимо шумят.

Новый год. Президент-диктатор созывает в свою загородную резиденцию всех лиц, пользующихся влиянием и уважением. Потом он снимает пиджак и, стоя у костра, где жарится на вертеле мясо, произносит длинную речь. Боливаризм и католицизм! — это его лозунг, его политическая программа, полная угроз и обещаний.

Газеты здесь нарасхват, их читают везде, читают самозабвенно, со страстью. Очевидно, чтение газет в какой-то мере заменяет местным жителям их некогда традиционные дискуссии. Ибо теперь, как это ни странно, в кафе и барах Боготы довольно тихо.

Но зато в ночных клубах танцуют всю ночь напролет. В моей комнате в гостинице все очень хорошо слышно: отовсюду несутся звуки музыки и шум танцев; я просыпаюсь и больше не могу уснуть, только сердце гулко стучит в груди:

ему не хватает кислорода. А там все танцуют и танцуют, час за часом, до самого рассвета, несмотря на разреженный воздух. Часов около четырех-пяти утра, когда музыка и песни звучат особенно громко, наступает кризис, и в неистовстве веселья уже слышится усталость — танцы скоро окончатся.

Богота тяжелый, массивный город. Он хорошо обеспечен всем необходимым, хотя горы отрезали его от внешнего мира. Там и сям строятся многоэтажные дома, тротуары залиты известковым раствором. Улицы имеют цифровые обозначения, так что придумывать им какие-нибудь особые названия не нужно. Городские предприятия, как правило, располагаются таким образом, что банки занимают свой квартал, гостиницы — свой, магазины мужского готового платья — свой. Однако бывают и исключения.

Когда мы спрашиваем дорогу, нам всегда дают самый исчерпывающий ответ, самые подробные и точные указания. И мы неизменно попадаем не туда, куда нужно. Либо адрес оказывается неверным, либо соответствующее учреждение уже давно переехало на новое место. Мы получаем новый адрес и еще более исчерпывающие указания. И снова ошибка. В лучшем случае мы после долгих мытарств находим нужное нам место. Однако нередко нам приходится отказываться от дальнейших поисков.

Это и не удивительно: последние годы город растет очень быстро, и учреждения все время переезжают с места на место. Однако жители Боготы отличаются чрезвычайной ясностью мышления, всегда полагаются на свою осведомленность и не любят прибегать к столь обычному в Южной Америке «No sé» («Я не знаю»).

(Однажды нам понадобилось купить билеты на поезд Богота — Ибагве. Нас посылали в самые невообразимые учреждения, гоняли по всему городу, пока наконец не оказалось, что билеты, как и нужно было предполагать, продаются в большом здании железнодорожной компании в самом центре города.)

В Боготе можно встретить всевозможные типы метисов, но многие из них выглядят как настоящие индейцы. Они бродят по улицам, стоят или сидят, но, по всей видимости, в Боготе чувствуют себя чужими и производят впечатление случайных посетителей; они сохраняют свой сельский облик, закутываются в свои неизменные одеяла, красные или черные, а щеки их блестят, словно лакированные, и отливают ярким румянцем гор.

Их можно увидеть в Парке Независимости, где они стоят и рассматривают каменных идолов — монолиты из таинственной долины статуй в Сан-Агустине. (Там находятся сотни таких монолитов: это высеченные из камня изваяния богов, лю-

дей и животных в типично индейском стиле. Однако их невозможно отнести ни к одной из до сих пор известных цивилизаций, тем более что на этом месте не было найдено ни погребенного под землей города, ни даже просто остатков каких-нибудь строений.)

Индейцы живые смотрят на индейцев каменных и недоуменно моргают, не имея ни малейшего представления о том, что это такое. Кто они — древние ли боги, или цари — эти приземистые широкоплечие существа с гигантской, словно у хищной птицы, головой и огромной хищной пастью, из которой торчат острые зубы?

В Золотом музее, который помещается в здании государственного банка, мы не видели ни одного индейца (быть может, их туда просто не пускают). А там они, пожалуй, могли бы лучше узнать свое прошлое, увидеть себя такими, какими были много веков назад. В музее имеется коллекция золотых вещей, которые создавались до завоевания страны европейцами: ритуальные маски, священные символы, украшения. В основном это тонкие золотые поковки, часто сморщенные, словно истрепанная золотая бумага, и они производят не очень большое впечатление.

В коллекции есть круглые золотые солнца, которые висели в жилищах индейцев как священные хранители домашнего очага, символы знатности или просто праздничные украшения. Солнца, окруженные иглами-лучами или рядами зубов. Маски с узкой щелью для глаз и Н-образной эмблемой, висящей на носу. Вырезанные силуэты людей: один из них поразительно похож на силуэт Наполеона, другой изображает человека с раскинутыми руками и ногами, замершего в невероятном стилизованном прыжке (он напоминает пригвожденную к доске шкуру животного).

Здесь есть фигурки, отлитые из золота. Они более реалистичны по своему содержанию и изображают крокодилов, змей, улиток и птиц. Есть ожерелья, собранные из крошечных изображений пчел, кузнечиков, грудных младенцев, крокодилов и птиц, — все они однотипны и тоже отлиты из золота.

Индейское золото экспонируется в зале, расположенном в самом центре банка; это весьма почетное место отведено давно погибшей культуре, которая рассказывает о мире чуждых нам и все же общечеловеческих понятий и представлений.

ВОДОПАД И СОЛЯНЫЕ КОПИ

Излюбленное место прогулок жителей Боготы — водопад Текендама и соляные копи Сипакира.

Водопад находится в нескольких милях к юго-западу от Боготы. Недалеко от города на дороге всегда стоит оборван-

ный нищий. Он требует дань с каждого проезжающего автомобиля, а в случае отказа осыпает вас отборной бранью. И почти все бросают ему какую-нибудь монету.

Дорога проходит через долину, среди лесистых гор, вдоль узкой реки, романтически бурлящей в мшистых ущельях. И вдруг нам открывается водопад Текендама. Вода низвергается с высоты ста тридцати метров.

Скалистое основание водопада сплошь иссечено потоком (оно сложено из горных пород различной твердости). Внизу после неожиданной задержки река снова начинает свой стремительный бег; сначала возмущенная, она быстро успокаивается и течет дальше как ни в чем не бывало.

Дорога идет вдоль гранитного ложа реки, вгрызаясь в горный склон. Вот перед нами какой-то старый постоялый двор; он прижался к самому краю обрыва и держится на столбах и каменных опорах. Он стоит ветхий и заброшенный, вокруг все занесено зеленым илом, рамы потрескались, а стены покоробились. Если кто-нибудь по неосторожности зайдет туда темным вечером, то наверняка провалится сквозь гнилой пол и полетит в пучину, где кипит и пенится вода.

Иногда сюда долетает водяная пыль от водопада, и тогда кажется, что моросит мелкий дождь. Вода смачивает землю и делает ее скользкой, как мыло, одевая все в зеленый пушистый мох.

Отсюда хорошо виден сам водопад — огромная белая колонна воды. У самого основания эта гигантская колонна раскалывается на несколько частей, а снизу вырываются длинные белые перья водяных струй.

Когда подходишь к обрыву и смотришь в kloкочущую бездну, ощущаешь зовущее к себе движение огромных масс воды, всепокрушающую тяжесть водопада.

Сюда постоянно приходят люди, чтобы в одиночестве предаться печальным размышлениям, подвести итог прожитой жизни и вдруг глубоко ощутить всю тщету и бессмысленность земного существования: вслед за этим падение, бесконечное падение в головокружительном вихре, последнем и роковом.

Да, водопад притягивает к себе столько самоубийц, что государство вынуждено держать здесь полицейского с наручниками наготове и сторожевой собакой, у которой есть особое чутье на желающих покончить с собой.

Немного поодаль вытянулись в ряд могилы самоубийц.

Еще несколько километров, и дорога уходит в узкое ущелье между скалами. Там, в склоне горы, вырублен небольшой грот; в гроте стоит фарфоровая мадонна, а у ее ног горят свечи. Мимо несется переполненный автобус и вдруг резко тормозит. Из автобуса выходит шофер, падает возле грота на колени и зажигает у ног мадонны привезенную с со-

бой свечу. А потом мчится дальше по извилистой горной дороге, небрежно, самоуверенно, выжимая из машины самую высокую скорость, на какую она только способна.

* *
*

Сипакира лежит к северу от Боготы. Дорога идет вдоль самого края равнины, у подножия восточного горного хребта, под огромными деревьями, мимо голых, красновато-серых скал, через ручьи с кристально чистой водой, вдоль полей, где на белом клевере пасутся стада. Иногда мы проносимся мимо фабрики или крупной асьенды, или, наконец, одинокого монастыря, стены которого густо заросли мохом и травой.

Едем дальше между зелеными холмами, вздымающимися над равниной гигантскими горбами, мимо длинных хребтов, поросших редкими рошицами. И вот мы в Бетании, где находится фабрика по производству соды. Из Сипакиры сюда перекачивается по трубам соляной раствор. Мы видим огромные кучи соли, которая потом поступает в хранилища.

Вот и Сипакира, город с длинными пустыми улицами. Дорога, идущая в горы, ворота, проверка документов и снова ворота в черной стене гор. Машина въезжает в этот мрачный проем и катится по многочисленным проходам, прорезавшим гору. Кажется, что вы вдруг очутились в угольной шахте. Здесь все черно: дороги, каменные стены, лужи — черно, уродливо, мрачно.

Где же белая соль? — удивляетесь вы. Где же обещанная величавая красота, где все эти сталактиты, огромные кристаллические короны, ледяные сосульки, похожие на трубы органа? Только не здесь, не в этой черной горе. Здесь лишь подземелье с множеством темных коридоров, низкими сводами и слабым светом электрических ламп. Сверху постоянно капает вода, грязная, черная, как деготь.

Каменную соль вырубают прямо в горе, ту самую соль, которую добывали еще индейцы из племени чибча и которой, как утверждают, здесь столько, что хватило бы для всего мира лет на сто.

Лабиринт штолен, расходящихся в разные стороны, белые стрелы, указывающие, куда ехать. Общая протяженность штолен настолько велика, что их не объехать на машине и за целый час.

Мы едем мимо семейств и небольших компаний, прогуливающих под черными сводами.

Перед нами вырастает собор, вырубленный в соляной горе, — подземный собор, освященный епископом и пользующийся всеми правами католического храма. Алтарь и мадонны, горящие свечи, восковые и бумажные цветы, запах ладана,

шныряющие вокруг продавцы сувениров — и все это под черным сводом пещеры.

Шофер предостерегает нас, что здесь могут быть воры. Мы оглядываемся, желая посмотреть на подземных воров. Но воры, конечно, приходят сюда только по воскресеньям и праздникам, когда пещера переполнена народом и в подземном храме образуется давка. Полумрак покровительствует ворами, и у них нет недостатка в проходах, где можно быстро скрыться.

Черные жуткие катакомбы. Могильный воздух, грозно нависшие своды и соль, лишенная белизны. Какое счастье снова очутиться на поверхности земли!

СОНЕТНЫЙ СОН И ПРОБУЖДЕНИЕ

Но кто особенно страдает в Боготе от разреженного воздуха и кислородного голодания, так это поэзия. Богота — это нечто прямо противоположное тропической оранжерее, как бы огромный экзотический холодильник, где все изолировано от внешнего мира, разрежено, иллюзорно; это спящий шиповник и дыхание ветерка, очарование лунного света и белые лилии из царства грез.

Многие сотни поэтов живут в Боготе, словно в некоем лунном городе; они мыслят сонетами и пишут только сонеты. Богота стала последней незабываемой твердыней сонета. Сонеты создаются здесь с истинно средневековой страстью и рвением, и ими все восхищаются, все без исключения.

Поэты Боготы — поэты-классики, творящие вне времени и пространства. Это романтические кавалеры и трубадуры, опьяненные чистым горным воздухом. Они воспарили над материальной действительностью, и их единственной пищей стали созвучия слов и эхо. Каждый из них — Ариэль, хотя бы он и зарабатывал себе на хлеб каторжным трудом в адвокатской конторе или в канцелярии.

В соответствии с правилами поэтики, принятыми в Боготе, поэзия должна быть чем-то неуловимым, нематериальным, свободным от гнетущего бремени действительности: это чистое искусство слов, чистая музыка, чистая игра воображения.

Крупнейший выразитель этого поэтического кредо — шестидесятилетний Леон де Грейф, по происхождению швед. Его считают, и совершенно справедливо, самым выдающимся скальдом Колумбии.

Он интересен как человек и во всяком случае оригинален как поэт. Его поэзия озадачивает и наводит на размышления. В справочнике сказано, что Леон де Грейф — директор многих предприятий, шахматный мастер, почетный капитан футболь-

ной команды; кроме того, он кавалер нескольких орденов и владеет многими языками. Мы никак не можем поймать его ни дома, ни на работе, и тогда нас посылают в бар.

Он действительно сидит в баре, весь окутанный облаками дыма из трубки. Голубые глаза, седая борода, выражение лица очень приветливое, хотя одновременно какое-то отсутствующее, смесь чего-то немецкого и северного, гибрид, процветающий на широте тропиков среди холодных гор. Поклонник Диониса, фавн, нигилист, вечная богема с невероятным полетом фантазии, великолепный знаток музыки и сугубо классической литературы.

В своих стихах он часто называет себя викингом и скальдом, бежавшим из Упсалы. Его предки прибыли в Швецию из Померании в XVII веке, получили дворянство, а в 1850 году отправились в Колумбию вместе с группой шведов, чтобы найти здесь золотые россыпи. Они поселились в трудолюбивой провинции Антиокиа, в Медельине, где и родился Леон де Грейф. Невысокие горы Медельина поэт сменил впоследствии на высокогорный воздух Боготы. За свою жизнь он сменил очень много занятий и профессий.

Он говорит теперь только по-испански, не сохранил ни малейших воспоминаний о своих шведских предках, пьет неразбавленное виски и жалуется, что совершенно не знает современной поэзии. Держится очень застенчиво, смотрит на нас умоляюще и наивно, словно ангел, вдруг низвергнутый с небес прямо в бар. Не прячет ли он под плащом арфу или лиру? И не вытащит ли он из крыла перо, когда захочет что-нибудь написать? Одна из его книг называется «Variaciones alrededor de nada» («Вариации вокруг ничего»), что очень характерно для всего его творчества. Он замечательный жонглер, играющий словами и ритмами виртуознее, чем кто-либо другой; это второй Моцарт, слагающий музыку рифм, или Бельман¹, слепой ко всему, что называется миром. Он наделен высоким даром, и сам относится к этому дару крайне скептически, мешая себе работать; он поет о морских девах, и сам же подчеркивает, что в природе их не существует, рассказывает о древних мифах и тут же разбивает их в прах, развеивая по ветру.

«Я видел в зеркале глухое море» — вот его манера общения с действительностью. Его стихи превращаются в клубок намеков, противоречий, парадоксов, всевозможных аллегорий, и все это кружится в бешеном вихре музыки, демонической, всепоглощающей. «Существует только музыка. Только поэзия, музыка есть сущее».

В этой форме у него выступают и протест, и революция, и отрицание, и абсолютно индивидуалистический бунт. Сонет

---

¹ Бельман Карл Микаэль — шведский поэт второй половины XVIII века. — *Прим. ред.*

служит ему как бы для разминки пальцев, это просто цирковой трюк. Больше всего он любит сонаты и длинные музыкальные сюиты, конечно, с обилием нотных знаков. Это головокружительная гонка с горы на гору через воображаемый рай, где все краски потускнели, а чувства притупились. Гирлянда воздушных цветов вокруг высочайшей башни из слоновой кости.

Но в Боготе есть и иного рода поэты — модернисты, лишь частично околдованные сонетом. К ним относится Карлос Кастро Сааведра, которого Неруда приветствовал как пробуждение колумбийской поэзии — «тяжелое пробуждение от восхитительного, но опасного сна».

Сааведра творит с юношеской страстью, лихорадочно, словно очнувшись от сна; он бродит по улицам и дорогам, собирает по всей стране факты и явления, дает им соответствующие наименования и создает длинные стихотворения-каталоги, своего рода поэтическую инвентаризацию. Это юный Адам вновь открытого мира, воспевающий природу и людей. Его жена — Америка, а сам он первобытный человек, который только что начал жить. Сборникам своих стихов он дает такие названия, как «Fusiles y luceros» («Винтовки и звезды»), «Escrito en el infierno» («Написано в аду»), «Despierta, joven America» («Проснись, юная Америка»).

Создается впечатление, что он один должен как можно быстрее проделать всю ту работу, которую оставили ему другие колумбийские поэты, забавляющиеся сонетами. Он работает, словно экскаватор, сгребая в огромные кучи явления действительности. Он проповедует, агитирует, обвиняет, восхваляет. Он не боится бродить по жизни по колено в грязи, не боится выпачкаться в крови по самые локти. Своими стихами он кричит вам прямо в ухо, что страну опустошают гражданская война и террор, что людей непрерывно убивают, как скот, а смерть, изменив свое обличье, пляшет по городам и селам.

Хотя Сааведра недостает художественного своеобразия и самобытности, он играл и играет роль настойчиво звящего будильника, столь нужного для колумбийской поэзии.

ЗЕМЛЯ И КРОВЬ

Кроме того, в Колумбии существует реалистический роман, который не имеет ничего общего с поэтическими забавами колумбийских лириков. Наибольший интерес сейчас вызывают такие произведения, как роман Осорио Лисарасо о шахтерах «El hombre bajo la tierra» («Человек под землей»), повесть Саламеа Борда о том, как он провел четыре года среди первобытных индейцев, живущих на побережье, романы Арнольдо Паласиоса и Сапата Оливелья о негритянском населении низменностей, а также острые сатиры Игнасио Гомеса Давилы, высмеивающие безответственную буржуазию.

Однако эти писатели — реалисты в своем большинстве — очень быстро замолкают. Один из наиболее твердых, хотя и умеренных по своим убеждениям, писателей — Эдуардо Кабальеро Кальдерон. Его первый роман — это ироническое введение в «El arte de vivir sin soñar» («Искусство жить без мечтаний»). Следующий роман — «El Cristo de espaldas» («Отвергнутый Христос») — повествует о католическом священнике, который стал чуть ли не революционным героем, слишком исключительным, чтобы в него можно было поверить. Последнюю гражданскую войну Кабальеро Кальдерон очень убедительно показал в своем романе «Siervo sin tierra» («Сиерво без земли»). Главного героя романа зовут Сиерво, но, кроме того, «siervo» по-испански «раб», и, таким образом, заголовок романа приобретает двойной смысл.

Сиерво — самый обыкновенный батрак, бесконечно влюбленный в нищую землю, землю, где он родился между голыми камнями на берегу реки. Он стремится иметь свой собственный клочок земли, и это стремление стало одним из его самых сильных жизненных инстинктов, с которым он прошел через все невзгоды и несчастья. У Сиерво есть жена, которая родила ему кучу детей, но семья занимает в его жизни маленькое место. Хозяин заставляет своего батрака работать с утра до ночи, обещая, что когда-нибудь тот заработает на заветный клочок земли. Церковь требует с него денег, отказываясь иначе крестить его детей. Когда начинаются политические беспорядки, хозяева решают использовать Сиерво в своих целях: они заставляют его убить одного из восставших. Он становится политическим заключенным, вокруг разгорается борьба партий, но в конце концов его освобождают из тюрьмы, ибо в стране произошел государственный переворот.

Сиерво снова возвращается к земле, полный самых радужных надежд. Однако революция обманывает его ожидания, и скоро начинается жесточайшая реакция. Он становится жертвой террора, и его втапывают в грязь глубже, чем когда бы то ни было. Однако хозяевам тоже приходится несладко, и Сиерво наконец получает возможность обрабатывать долгожданный каменистый клочок земли у самого берега реки. Но поздно: старый батрак, отдавший земле всю свою жизнь, умирает.

Каждая деталь повествования раскрывает какую-нибудь характерную особенность жизни в этих отсталых горных долинах, где царяг суровая природа и жесточайший произвол. Приподнимается завеса над одной из неприглядных сторон колумбийской действительности, и, заглянув туда, мы содрогаемся от ужаса.

И все-таки гораздо более волнующей является книга Даниеля Кайседо «Viento seco» («Сухой ветер»). В концентриро-

ванно романической форме автор старается воссоздать типичную картину гражданской войны. В 1948 году был убит видный деятель либеральной партии, вождь народа Хоитан, и либералы призвали страну к забастовке протеста. Воспользовавшись благоприятной обстановкой, консерваторы ответили на это жесточайшим террором. Пять лет в Колумбии царила полная анархия, между вооруженными отрядами шли непрерывные бои, а население поголовно истреблялось, особенно в отдаленных районах страны.

Книга начинается с того, что банда реакционеров нападает на небольшое селение. Бандиты расправляются со всеми, кого считают сторонниками либералов; они сжигают дома и убивают всех без разбора — мужчин, женщин, детей. Среди тех немногих, кому удается спастись, — Антонио Гальярдо и его жена. После всевозможных мытарств они добираются до Кали, но здесь попадают в лапы тайной полиции. Антонио долго пытаются, кастрируют и, считая, что он мертв, выбрасывают вместе с другими замученными в реку. К счастью, его спасают, и Антонио вступает в партизанский отряд. Теперь он живет одной лишь мыслью: уничтожить как можно больше врагов.

Пережитые страдания превращают Антонио в неумолимого мстителя; теперь это — само отчаяние, лишённое всякой надежды: его человеческое будущее убито в нем же самом. Но самые отчаявшиеся оказываются самыми отважными, и их безнадежность — залог победы.

Перед нами открывается жуткая картина: человеческое общество, изуродованное конвульсиями политической реакции и регулярно просыпающейся страстью к убийству и насилию. Некоторые эпизоды ужасны до неправдоподобия, настолько они насыщены диким, разнузданным садизмом: с людей сдирают кожу или медленно разрубают их на куски; палачи пьют прямо из ран теплую кровь или вырезают из груди мальчиков сердца, жарят их над огнем и поедают. Многие развлекаются тем, что под громкий хохот окружающих обливают раненых бензином и поджигают их или насилуют женщин, в то время как у несчастных отрезают груди.

В самый разгар резни мимо проезжает католический священник и благословляет работу палачей. Обличительный пафос книги, помимо всего прочего, направлен и против участия католической церкви в этих чудовищных зверствах. В предисловии, написанном смело и интересно, лидер социалистической партии Колумбии Антонио Гарсиа называет автора книги христианином и социалистом. Вера его, очевидно, носит свободный протестантский характер, и это подтверждает один из эпизодов романа, когда евангелический священник погибает мученической смертью от руки врага. «Сухой ветер» — это крик боли и отчаяния, но в этом крике сосредоточена огромная сила художественного воздействия на читателя.

Чтобы попасть из Боготы в Кали, нужно ехать в три этапа: сначала на «рельсовом автобусе» (это просто один вагон, бегущий по рельсам), потом на машине через ущелье Киндио и снова в автовагоне.

Время отправления — шесть часов утра. Однако уже в половине шестого вагон битком набит пассажирами; полумрак, лампы потушены. Билетов никто не спрашивает, кондуктор только пожимает плечами и показывает на места над капотом мотора, где еще можно разместиться.

Воскресенье. Целые семьи едут на свадьбу, на похороны или просто в гости к родственникам. Празднично одетые дети; стоит им сесть на место, как они тут же набрасываются на пирожки и лимонад. Они едят и пьют до тех пор, пока не засыпают; некоторым делается плохо, и они лежат скрючившись в углу; их тошнит. Женщины вынимают грудь и кормят самых маленьких; вскоре грудь покрывается темными полосами от грязных детских ручонков, залитых молоком.

Над саванной восходит солнце, земля исчерчена длинными тенями деревьев. Наконец вагон трогается, мы проезжаем сортировочную, где формируются составы, и с грохотом несемся через зеленый утренний ландшафт. По обеим сторонам насыпи высятся горы, на поворотах вагон кренится то на одну, то на другую сторону, и нужно очень крепко держаться, чтобы не упасть.

Начинается спуск с высоты трех тысяч метров до трехсот. Спускаемся постепенно, с одного плато на другое, из одного климатического пояса в другой, ровными широкими петлями. Вот кончаются хвойные леса и начинаются эвкалиптовые рощи, редкие, словно трепещущие в потоках согретого солнцем воздуха. Поля покрыты цветочными коврами всевозможных оттенков: красными, розовыми, белыми. Фиолетовые заросли алтеи почти полностью скрывают от посторонних взглядов маленькие домики. Появляются манговые и другие деревья с крупными мохнатыми плодами; издали кажется, будто в ветвях прячутся какие-то маленькие зверьки.

Кусты кофе, словно вырезанные из блестящей темно-зеленой бумаги, невысокие, усыпанные светлыми или красноватыми ягодами (в зависимости от того, насколько они созрели).

Черная земля, георгины с детскую головку, тяжелые розы, словно пьяные от вина. Ручьи, бегущие по черным камням. Прямые шершавые пальмы. И стройные светло-зеленые побеги бамбука.

Райская долина. Люди, живущие на лоне красоты.

Но, чем ниже мы спускаемся, тем тяжелей становится жара. Во всю ширь перед нами раскинулись бескрайние маг-

даленские равнины. Рисовые поля, пастбища, пыльные ветры. Город Хирардот, где кончается судоходство по Магдалене; засыпанные угольной пылью причалы, старые суда, вытасненные на берег. Несколько купальщиков, барахтающихся в грязно-бурой воде.

Следующий город — Ибаге, расположенный среди холмов у подножия Центральных Кордильер. Крутые улицы, сухие и пыльные, печальные церкви, лучший в городе ресторан, скрытый в глубине двора, длинные ряды клеток с птицами.

Здесь кончается железная дорога, и дальше надо ехать на автомобиле через ущелье Киндио. (Как утверждают, в этих горах невозможно построить туннель.) Ущелье начинается в речной долине, которая все глубже врезается в стену гор. Горы обступили нас со всех сторон, они вздымаются выше туч, и кажется, что выхода отсюда уже нет.

Начинается подъем, пока не очень крутой. Дорога взбирается вверх по зеленым склонам гор, описывая круги над долиной, которая остается где-то далеко внизу. По обеим сторонам дороги стоят маленькие домики, тянутся рисовые поля. В зарослях кустарника пасутся овцы.

Под нами на обрывистом плато у самой реки расположилось крупное селение, пожалуй даже небольшой городок. Дорога спускается туда, как бы делая могучий разбег, и снова взмывает ввысь, к самой высокой вершине (3300 метров). Холод, голые скалы, скудная растительность и облака над землей. Высота создает ощущение какой-то необычайной торжественности, а тишина вызывает в ушах свистящий звон. Совсем рядом с нами проносятся огромные птицы — орлы, ястребы.

И вдруг внизу нам открывается уходящее вдаль плоскогорье, изборожденное глубокими морщинами; море зелени, обрамленное сверху мгlistым небом и грядами облаков; города и селения, похожие на разбитые раковины; серебристые прожилки рек.

Теперь дорога бежит круто вниз. Грузовики, которые едут нам навстречу, словно застыли на месте. Весь этот отрезок пути — огромное автомобильное кладбище; дорогу окаймляют разбитые каркасы машин, и их здесь больше, чем где бы то ни было.

В ущелье Киндио мы на каждом шагу убеждаемся, насколько остро стоит в Колумбии транспортная проблема. То и дело мы проезжаем мимо поломавшихся грузовиков; шофер либо лежит под машиной, либо празднично сидит на дороге в ожидании помощи. Нередко можно наблюдать такую картину: машина под тяжестью груза накренилась и стоит, привалившись к отвесному склону горы или к земляной насыпи. А иногда груз оказывается на обочине дороги или в пропасти, а на дороге стоит пустой автомобиль, словно озадачен-

ный происшедшим. Бывает и так, что машина вместе с грузом лежит вверх колесами в придорожном кустарнике или расселине горы.

Однажды мы уперлись в длинный караван машин, и нам пришлось остановиться. Как оказалось, грузовик на крутом повороте чуть не соскользнул в пропасть, но, к счастью, в самый последний момент застрял на небольшом валуне. Через дорогу тянется стальной трос, на котором и висит эта машина; наполовину ее уже вытащили. Другой конец троса закреплен на тяжелом бульдозере, которым управляет парень с сигаретой в зубах. Он небрежно сидит на своем высоком шоферском сиденье и жмет на газ до тех пор, пока бульдозер не встает на задние колеса, угрожая перевернуться или свалиться в пропасть.

Вокруг ревущих машин толпятся сотни зрителей; они жадно следят за происходящим и готовы разразиться смехом, как только произойдет несчастье. Некоторые моют ноги или лицо в горном ручье, низвергающемся с горы, и расчесывают мокрые волосы. Мимо проходят индейцы с ношей на спине; они не останавливаются в ожидании катастрофы, и развлечение подобного рода им явно не по душе. Они быстро поднимаются по крутой горной тропе, и вскоре на фоне неба лишь темнеют их одинокие силуэты.

Некоторые взрывают пистоны, чтобы обстановка была еще более праздничной.

Наконец шофер бульдозера находит выход из положения. Когда канат натянулся, он начал поднимать ковш, и в тот же миг грузовик появился на краю обрыва, выезжая на дорогу. Готово! Груз пропал, но на этот раз обошлось без человеческих жертв. Что поделаешь, в ущелье Киндио бывают случаи и поинтереснее.

СТРАНА КОФЕ

Мы заночевали в Армении. Это богатый город, расположенный у подножия Центральных Кордильер, в самом центре района, который считается крупным производителем кофе. В магазинах Армении можно купить все — от манто до хрустальной люстры, от пианино до сельскохозяйственной машины. Церкви и кинотеатры стоят друг против друга, одинаково ярко освещенные и одинаково соблазнительные для гуляющей по вечерам публики.

В отеле на витрине салона выставлены, помимо прочих сувениров, высушенные человеческие головы. Это головы индейцев со свисающими волосами и сморщенными лицами: зрелище не из приятных, и вряд ли кто-нибудь пожелал бы украсить свой письменный стол подобным сувениром. Настоящие ли это головы или просто искусная подделка — определить трудно.

Раннее утро, снова автовагон, длинная очередь за билетами перед зданием станции, обычная давка из-за мест. Прямо напротив нас сидит индеец, очень похожий на ту засушенную голову, что мы видели вчера. Все сидячие места уже заняты, и одна пожилая женщина вынуждена всю дорогу стоять; она явно выбилась из сил и еле держится на ногах. На остановке в вагон входят несколько монахинь, и пассажиры тотчас же вскакивают, наперебой предлагая им свои места. Монахини принимают это как должное и спокойно рассаживаются, широкозадые, откормленные, здоровые, как лошади. А пожилая женщина по-прежнему стоит.

Мы едем через страну кофе. Кофе редко можно встретить на открытых плантациях; обычно кусты кофе перемежаются с другой какой-нибудь культурой и оно созревает под прикрытием фруктовых деревьев или пальм. Высокий бамбук образует плотную изгородь, а сахарный тростник и бананы растут вместе с кофе. Над плантацией возвышаются кроны огромных тюльпанных деревьев, усыпанных кирпично-красными цветами; можно подумать, что цветы сделаны из бумаги. Глиняные домики с соломенной крышей нарядно раскрашены.

В это время года на кофейной плантации ничего интересного не увидишь. Самый большой урожай здесь собирают в мае — июне, а второй урожай — в октябре. Сейчас кофейные зерна еще только созревают. Для этого необходимы и солнце и дождь. Но не слишком много дождя, иначе плоды начнут гнить. Кроме того, должно быть не слишком жарко и не слишком холодно; кофе хорошо зреет лишь при постоянной температуре. Кофе — культура многолетняя, оно плодоносит начиная с четырехлетнего возраста и до четырнадцати-пятнадцати, а иногда до восемнадцати лет. Кофе нуждается в искусственных удобрениях. Плоды надо собирать очень осторожно, руками.

Крупных кофейных плантаций в Колумбии немного. Чаше всего это мелкие хозяйства, где собирают 100—150 мешков зеленого кофе в год (по 60 килограммов в мешке). Во время уборки урожая берут десять-двенадцать поденщиков (преимущественно женщин и детей). Если членам данного семейства трудно обойтись своими силами, они всегда могут нанять кого-нибудь из числа тех, кто постоянно переходит с места на место в поисках работы. На больших плантациях собирают до пяти тысяч мешков кофе в год: для Колумбии это, пожалуй, предел.

Все владельцы кофейных плантаций, крупных и мелких, объединены в союз; этот союз настолько сильная организация, что при случае он может даже не согласиться с тем или иным постановлением правительства.

Край кофе остается позади, и мы несемся мимо зеленых холмов, на которых пасется скот. Нередко можно видеть, как

коровы и быки длинной вереницей идут на водопой, к одному из ручьев, протекающих в долине.

А потом равнина, которая тянется до самого Кали. Это Валье де Каука — плодородная долина, раскинувшаяся по обоим берегам реки Каука. Каука течет на север между высокими горными хребтами и, оставив позади более тысячи километров, впадает в Магдалену.

Земля словно вздулась от воды и покрыта сплошным ковром водяных кувшинок; здесь масса уток и другой водоплавающей птицы. Сейчас идет уборка кукурузы, всюду горят огромные кучи ботвы, а клубы дыма медленно поднимаются к облакам. Облака низко нависают над горами, обступившими долину со всех сторон.

МОГУЧИЙ КАЛИ

Кали — это сердце Каукской долины, центр кофейной, сахарной, рисовой и мясной промышленности. Здесь много фабрик, сорок североамериканских предприятий, шведский велосипедный завод. Кроме того, Кали — важнейший деловой центр Колумбии. Город выступает против политического курса, проводимого Боготой, поддерживает либералов и, как утверждают многие, оказывает немалую помощь партизанам, которые сражаются в горах с правительственными войсками.

До порта Буэнавентура на побережье Тихого океана отсюда рукой подать, но дорога очень утомительная: она проходит через узкое ущелье в Западных Кордильерах. И тем не менее здесь почти нет того ощущения изолированности от внешнего мира, которое обычно преследует вас в других городах страны.

Здесь живет много негров и мулатов. На берегах Кауки нередко можно наблюдать бытовые сценки, словно перенесенные с африканского материка: в каноэ сидят полуголые негры, а негритянки, широко улыбаясь, стоят по колено в воде и стирают белье.

По всей равнине разбросаны кофеочистительные фабрики и склады кофе. Городской квартал вокруг железнодорожной станции разрушен; в этом году здесь произошел сильный взрыв, и, глядя на развалины, можно подумать, что город подвергся бомбардировке. Центральная часть города — своего рода олицетворение тропического американизма: переполненные бары, роскошный отель «Нью-Йорк», площадь, обрамленная стройными пальмами и новыми высокими домами, над которыми возвышается мраморное здание Кофейного банка.

Мы заезжаем на кофейную фабрику. Владелец фабрики, родом из Антиокии, с энтузиазмом показывает нам свое предприятие. Это очень энергичный человек, своего рода апостол кофе, и, по всей видимости, он придает очень мало значения тем, кто это кофе выращивает. Ведь они лишь поставляют

сырье, не больше Главное же происходит в Кали, где хозяйничают владельцы фабрик и экспортеры кофе.

На фабрику для последующей переработки поступают, конечно, не кофейные плоды с красной кожицей, а еще не очищенные и не отсортированные кофейные зерна. Хозяин фабрики взял несколько штук, очистил их и показал нам беловато-серые или желтоватые зерна Он пробовал их на зуб, нюхал и потом заставил нас проделать то же самое. Очень горькие на вкус и никакого запаха.

Машины здесь довольно сложные: вытянувшись в ряд, стоят высокие и громоздкие кофеочистительные аппараты из листового железа, ленточные транспортеры и огромные труботранспортеры.

Машины приводятся в движение электромоторами, кофе встряхивается и просеивается, а шелуха и отбросы взлетают вверх в виде густого облака пыли. Наконец кофейные зерна, очищенные и просеянные, сплошным потоком высыпаются из машины, и их можно упаковывать в мешки. Девушка негритянка рисует на мешках по трафарету красные и зеленые фирменные знаки.

— Чем была бы наша Колумбия без кофе! — восклицает фабрикант, показав нам свою фабрику. — Нефть составляет не более одиннадцати процентов всего экспорта, а кофе — восемьдесят три процента! Семь миллионов тонн кофе в год! Большая часть идет в США. Но и весь мир нуждается в кофе. Много кофе пьют в Германии. И в Швеции тоже.

— У вас в Швеции производят прекрасные машины, — продолжает он. — Нам нравятся эти машины, и они нам очень нужны. Но у нас трудно с валютой. Нам бы хотелось обменивать кофе на машины.

Мы спрашиваем, что определяет цены на кофе.

— Цены определяет кофейная биржа в Нью-Йорке. Она почти всеильна и может в любой момент вызвать панику на кофейном рынке. Но в конечном счете цены зависят от запасов кофе и спроса на него.

Союз, объединяющий владельцев кофейных плантаций, может в известной степени уравнивать цены, закупая запасы кофе и сохраняя его на складах в ожидании лучшей конъюнктуры. Однако страны, производящие кофе, не сотрудничают между собой и на мировом рынке выступают только как конкуренты.

Беседы со многими жителями Колумбии — политическими деятелями, консулами, дельцами — дали мне возможность получить более полное представление о стране.

Американизация страны все более усиливается, влияние же Европы ослабевает. Раньше колумбийцы учились в Париже и Лондоне, теперь — исключительно в США. Диктатор Пинилья пользуется поддержкой Соединенных Штатов, а его прави-

тельство связано по рукам и ногам крупными долларовыми займами.

Средняя продолжительность жизни в Колумбии едва достигает сорока лет. Детская смертность очень велика. Огромное большинство населения скверно питается, пьет скверную воду и живет в скверных жилищах. В некоторых областях страны восемьдесят процентов населения страдает от базедовой болезни. Повсюду свирепствуют тиф и малярия.

Половина всех жителей Колумбии по-прежнему неграмотна. Имеется четырнадцать тысяч школ, но их едва хватает лишь для половины детского населения страны. Сейчас делаются попытки организовать преподавание по радио для тех, кто живет в сельской местности...

Наиболее развитые отрасли колумбийской промышленности — текстильная, пищевая и пивоваренная (одежда, пища и выпивка). Однако почти все отрасли переживают сейчас серьезный кризис. Их дальнейшему развитию препятствуют следующие факторы: низкий уровень производства; слабость внутреннего рынка; транспортные трудности и отсюда высокие накладные расходы; недостаток энергетических ресурсов и особенно электроэнергии. Чтобы выдержать конкуренцию иностранных фирм, колумбийская промышленность нуждается в высоких таможенных тарифах, которые неимоверно удорожают импортируемые товары.

Колумбия — бедная или богатая страна? И бедная и богатая. Она располагает большими ресурсами, но не может их использовать. Она живет не по средствам и все больше влезает в долги. Армия обходится очень дорого, но она никому не нужна, ибо служит для подавления своего же народа.

ЭКВАДОР

ВУЛКАНЫ, ИНДЕЙЦЫ

Экватор следовало бы назвать Вулканией. В экваториальном поясе много других стран, но ни одна из них не может похвастать таким количеством вулканов, как Экватор. Здесь возник как бы природный музей уснувших вулканов; правда, некоторые из них изредка подают признаки жизни, и вообще все они крайне ненадежны.

Сколько бы ни сзетило горячее тропическое солнце, десять самых высоких вулканов всегда покрыты снегом и льдом. Вокруг них столпились и словно замерли от восхищения вулканы пониже. Они закутываются в облака, на миг сбрасывают с себя их покров и снова надевают.

Над лесами высятся Сангай: из его кратера вырываются столбы пламени, ночью гора охвачена кроваво-красным заревом, а пепел засыпает окрестности. Выше всех Чимборасо; он поднимается на шесть тысяч метров над уровнем моря, и кажется, будто подножие его где-то у самого Тихого океана. Котопахи немного ниже, чем Чимборасо, но это высочайший в мире действующий вулкан. У Илинисы две вершины, одна из них покрыта льдом и совершенно неприступна.

Как правило, в этом краю вулканов царит полное безмолвие и тишина. Но иногда земля вздрагивает, словно от удара, тяжелого, глубокого и первобытно сильного: начинается землетрясение, и людей охватывает ужас. Есть смельчаки, которые смеются над молнией и громом, но вряд ли кому придет охота смеяться над землетрясением.

Анды с их вулканами — это мир индейцев. Молчаливые, с выражением терпеливого ожидания на лице, они обраба-

тывают землю по склонам вулканов, а их селения раскинулись у самого подножия этих опасных гор, будто сама опасность может служить им защитой. Они смотрят сурово, не мигая, и кажется, что глаза их состоят из одного лишь зрачка, заполненного мягким мраком.

У индейцев такой вид, будто они еще не совсем проснулись. От них веет какой-то отрешенностью от жизни. Они могут смеяться, но вы никогда не знаете, что означает этот смех,— он чем-то напоминает землетрясение. В их радости есть что-то зловещее, и в самом волнующем или трагическом событии они могут увидеть нечто такое, что дает им повод посмеяться.

Индейцы либо совершенно неподвижны, словно каменные изваяния, либо, наоборот, делаются быстрыми и порывистыми, и тогда они почти бегут со своей тяжелой ношей в развевающихся одеялах, словно птицы взлетая вверх по склонам гор и крутым обрывам. В их движениях есть что-то электромагнитное: глядя на них, невольно вспоминаешь ящериц или заводные игрушки.

Индейцы Анд живут очень обособленно. Они почти не поддаются влиянию извне и твердо придерживаются того жизненного уклада, к которому с давних пор привыкли. Работают они лишь для того, чтобы существовать, и делают то же самое, что делали их предки, не меньше и не больше. У них нет ни малейшей склонности к коммерции или политике, и они не разбираются в вопросах исторического развития.

Последний вождь племени инков пал несколько веков назад; он был предан и убит. Закатилось солнце, озарявшее инков, их государство погибло, их время прошло. Остались лишь тени минувшего, бесплотные, наполовину мертвые и все-таки, несмотря ни на что, выносливые, крепкие, вечно чего-то ожидающие, терпеливые, как камни. Недоступные и невосприимчивые для всех, быть может и для самих себя, они до сих пор оплакивают свое былое могущество.

Они были побеждены, но не завоеваны. Они склонились, но не подчинились. Они бессильны что-либо изменить, но всегда оказывают внутреннее сопротивление, оставаясь пассивными, замкнутыми и неприступными. Где бы они ни жили, они всюду чувствуют себя чужими, не перуанцами или эквадорцами, а индейцами. Это народ Анд, дети высоких гор, такими они были, такими будут.

ИМБАБУРО, ИБАРРА

Индейский рынок в Отовало — одно из интереснейших в Эквадоре зрелищ. Его можно наблюдать каждую субботу утром. И вот в пятницу мы выезжаем на автомобиле из Кито, направляясь в Отовало.

Машина взбирается по крутым склонам гор, потом спускается в речную долину, лежащую на плоскогорье, на высоте нескольких тысяч метров, и оттуда снова вверх. Между грозно клубящимися облаками просвечивают снежные вершины вулканов Каямбе и Котакачи.

Мы несемся по панамериканскому шоссе, которое здесь превратилось в узенькую ленту, пробирающуюся между горами или нависающую над самой пропастью. На равнине дорога слегка расширяется, превращаясь в пыльную полосу земли с асфальтовым покрытием посредине, где едва может уместиться одна машина. Там, где асфальта меньше, пробивается трава, и, хотя ее пощадил проносящиеся мимо машины, она совсем пожелтела от засухи.

Перед нами индейское селение. Оно не такое пыльное и высушенное, как те, что мы уже проехали. Дома утопают в густых зарослях темно-зеленых садов. Перед домами сидят женщины с фруктами на коленях и ожидают покупателей. Это плоды чиримой, и мы покупаем несколько штук, чтобы попробовать их. Плоды немного напоминают крупные артишоки: они серо-зеленого цвета с черным чешуйчатым узором на кожице. Белая, как тесто, мякоть с черными косточками имеет сладковатый и в то же время очень свежий вкус, несколько напоминающий землянику.

Мы въезжаем в широкую долину между горными хребтами; это плодороднейшая местность, и, куда ни бросишь взгляд, всюду колосится пшеница, пасутся стада. Крупные асьенды и скученные землисто-серые индейские селения; индейцы работают во владениях белых хозяев. Чаше всего можно наблюдать такую картину: пастухи-индейцы охраняют стада овец или коров, при этом они неподвижно стоят или перебегают с места на место, расцвечивая пейзаж желто-красными шерстяными одеждами. Если они идут куда-нибудь, то нередко несут на спине свою собаку, возможно для того, чтобы не идти совсем без ноши.

По склонам гор клубятся дымки от множества невидимых костров, кольцами поднимаются все выше и выше и наконец сливаются с облаками. Наш шофер, метис из столицы, объясняет нам, что это за дым. Оказывается, индейцы зажигают костры, чтобы пошел дождь; это старинный обряд, который распространен в горах. Дым должен достигнуть облаков, тем самым как бы создавая связь между землей и небом, полем и облаком. Поэтому костры надо зажигать высоко в горах и зажигать так, чтобы было побольше дыма и поменьше пламени. Индейцы приносят с полей солому и ботву, собирают колья и обкладывают все это вязанками хвороста и торфом.

— Завтра будет дождь,— говорит шофер. «А может быть, уже сегодня вечером»,— думаем мы. Насыщенные дождем

облака тяжело нависают над землей. Таким образом, индейцы ничем не рискуют, зажигая костры: все равно пойдет дождь.

Местность делается все более холмистой; земля здесь достаточно твердая и каменная, чтобы отдать ее индейцам. На этой земле растут картофель, кукуруза и желто-зеленые в полоску агавы. Вокруг огромных валунов цветет шиповник.

А вот и вулкан Имбабуро, именем которого назван весь этой край. Это не мирно спящий вулкан, а суровый владыка. Он отражается в тихом озере, раскинувшемся у его подножия.

Вершина Имбабуро постоянно окутана облаками, и склоны его часто заливаются дождь. Труд земледельца превратил их в тщательно возделанные поля, и издала кажется, что вулкан усеян аккуратными маленькими квадратиками. Внизу лежат индейские селения; землей здесь владеют, как и в старину, сообща

Озеро у подножия вулкана называется Сан-Пабло; необычайно тихое, глубокое и таинственное, оно напоминает подернутое дымкой зеркало. Голубовато-серые цапли шагают по воде у самого берега. Две индианки купаются в озере, придерживая платье под мышками. Обе они, очевидно, беременны (может быть, это ритуальное купание или какое-нибудь священнодействие?).

Над озером стоит небольшой дом, укрепленный на сваях. Туда можно зайти и выпить пива. Стены оклеены газетами. Дощатый пол прогибается под тяжестью шагов, и сквозь щели видна вода. Небольшой проход ведет к уборной с соломенными стенами и стоком нечистот прямо в озеро. С веранды вы можете кормить рыб и уток. В озере есть прекрасные золотистые форели. А у пристани стоит моторная лодка, которая, говорят, недавно перевернулась на очень глубоком месте — одиннадцать человек утонуло.

Молоденькая девушка индианка, еще совсем ребенок, ставит на шаткий стол бутылки с пивом. У нее длинные до бедер черные косы и румяные щеки.

Погом мы заходим в индейскую хижину, низко осевшую под соломенной крышей. Хижина кишмя кишит какими-то маленькими зверьками: это морские свинки. Они сидят, бегают и кувыркаются где только можно. Обитатели хижины следят за тем, чтобы чего доброго не наступить на зверьков. Дети играют с ними, как со щенятами.

Индейцы разводят морских свинок и очень дорожат ими. В иных домах свинки насчитываются сотнями, спят вместе с людьми, едят остатки их пищи и помой

Мясо морской свинки — излюбленное кушанье индейцев. Его едят по праздникам, приносят в дни поминания умерших на могилы родных и близких. Варят морскую свинку с кар-

тофелем, при этом в котел ее кладут прямо с головой, шкурой и внутренностями: это считается очень вкусным и изысканным блюдом. Возможно, некоторые сначала сдирают со свинки шкуру, потрошат, а потом уже варят, но это дело вкуса.

Мы едем в Ибарру, чтобы заночевать там. Ибарра расположена в длинной спускающейся вниз долине и очень похожа на испанский город. Казармы, деревья с разноцветными фонариками, а под деревьями семьи индейцев: они стоят небольшими группами и словно ждут, что их сейчас будут фотографировать. На колонне, установленной в честь освобождения, изваяние льва, сражающегося с кондором, на кондре настоящие перья.

Ибарра — город портных. Почти в каждом доме либо сидит портной и шьет одежду, либо кто-нибудь торгует тканями. В низинах выращивают сахарный тростник; работают здесь негры с белыми, как сахар, зубами и лицами, отливающими синевой в затененных вулканом сумерках.

Отель для туристов пользуется финансовой поддержкой государства. Стены отеля расписаны сюжетами из жизни индейцев, повсюду стоят статуи и книжные полки. В саду находится плавательный бассейн, в нем прыгают лягушки, а вода светится холодной голубизной.

ИНДЕЙСКИЙ РЫНОК В ОТАВАЛО

Утренняя заря еще прячется в облачной дымке, а на рынке в Отавало уже кипит жизнь. Со всех сторон сюда идут индейцы, по двое или группами, и почти каждый из них низко сгибается под тяжелой ношей. Вот движется целая процессия, которую возглавляют флейтисты и факельщики. Участники процессии несут изображения святых и знамена со священными символами.

Отавальские индейцы происходят от древнего племени инков и многим отличаются от других индейцев, живущих в этой части страны. Они держатся с большим достоинством и лучше других помнят о своем былом величии. Мужчины носят длинные косы, спускающиеся по спине, белые полотняные штаны до колен и шерстяные одеяла. Обычно они сидят дома и ткут, а женщины работают в поле. Косы носят только мужчины, а женщины должны довольствоваться длинными до плеч волосами.

Но выпить отавальские индейцы любят так же, как и все другие индейцы. Они пьют спокойно, неторопливо, пока наконец не погружаются в блаженное опьянение.

Но при этом они говорят все так же тихо и ведут себя так же спокойно: опьянение не производит какого-нибудь

особого действия на индейцев. И незаметно, чтобы они становились хоть чуточку общительнее. Каждый пьет сам по себе, без лишних церемоний. Выпивка — это его личное дело, и он наслаждается ею так, как ему заблагорассудится.

Отавальские индейцы пьют очень осмотрительно и, если можно так выразиться, организованно. Никогда не бывает, чтобы и муж и жена напились бы в один и тот же день. В какую-то субботу пьет муж, а его жена присматривает за хозяйством, не беря в рот ни капли спиртного. В следующую субботу приходит ее очередь напиться допьяна, а муж остается трезвым.

В Отавало есть два рынка: меньший находится в самом городе, а больший — за городом, на открытом месте, огороженном с двух сторон низкой каменной стеной. Торговцы располагаются здесь длинными рядами, начинающимися у самой стены. В первых рядах продаются шерстяные ткани и одеяла, потом фетровые шляпы, потом глиняная посуда и кувшины. На одном конце рынка заключаются сделки по закупке шерсти, на другом стоят лотки с разложенными на них продуктами питания.

Несмотря на толчею, здесь довольно тихо, как, впрочем, и всюду, где собираются индейцы. Это производит очень странное впечатление: кажется, будто вы внезапно оглохли или смотрите немой фильм. Индейцы долго торгуются из-за цены, но при этом произносят лишь отдельные слова, да и то почти шепотом, напоминая стрекотание кузнечиков в траве. Иногда они просто молчат и делают легкие движения рукой или головой. Но чаще всего они стоят совершенно неподвижно, долго глядя на интересующий их товар, словно оцепенев. Потом или внезапно покупают его, или так же внезапно поворачиваются и идут дальше.

Оживленнее всего там, где торгуют шерстью. Груды грязной, вонючей шерсти вываливают прямо на землю для всеобщего обозрения. Потом ее снова набивают в мешки и кладут на весы. Огромные, в человеческий рост, мешки индейцы взваливают на спину и уносят. Шерсть носят и женщины — сильные и здоровые индианки; шляпы их сдвинуты на затылок, а обнаженные руки блестят от пота.

Ткани и одеяла тоже лежат большими кучами на земле, у самых ног торговцев. Покупатели стоят перед продавцами, внимательно разглядывая товар: изредка они даже садятся на корточки, чтобы лучше рассмотреть то, что их заинтересовало. Продавцы шляп воздвигли на ящиках целые колонны из шляп. Изредка они берут одну шляпу, поправляют тулью и поля, очищают ее от пыли и начинают строить новую колонну.

Судя по всему, индейцы очень любят примерять шляпы. Они стоят целыми толпами и примеряют шляпы по очереди

одну за другой. В зеркало они не смотрят, а просто нахлобучивают шляпу и так стоят минуту или две, пробуя, как она сидит.

Торговцы всякой снедью кажутся особенно неопрятными, космы нечесаных волос свисают им на самые глаза и рот. На голове у каждого надета маленькая шапочка, когда-то, очевидно, белая,— чисто символическая дань форме поваров и официантов, в роли которых они сейчас выступают. Они помешивают в горшках и чугунках, разливают по металлическим кружкам грязновато-серый отвар, прямо руками делят еду на порции и подают покупателям на газетных листах. Покупатели по очереди протягивают монету, не говоря при этом ни слова: торговцы, очевидно, заранее знают, что кому нужно, а может быть, это определяется достоинством монеты.

Неожиданно начинается дождь, шерстяные ткани и фетровые шляпы покрываются дождевыми каплями. Однако, судя по всему, никто на это не обращает внимания, торговля идет как ни в чем не бывало, безо всякой спешки. Первыми принимают меры предосторожности торговцы шляпами: они обтирают свой товар рукавом пиджака, потом достают откуда-то толстую оберточную бумагу и расстилают ее над шляпами. Теперь шляпы уже не так бросаются в глаза и желающих купить их становится меньше.

Но вот раздается треск фейерверка, который постепенно приближается к рыночной площади. Стайка детей радостно устремляется туда. Лица индейцев, за минуту перед тем избравшие глубокую меланхолию, вдруг светлеют, как бы в предвкушении неожиданного удовольствия. Треск слышится уже совсем близко и скоро переходит в громкие взрывы, целые серии взрывов, словно кто-то идет и рассыпает перед собой пистоны.

Потом оказывается, что на земле лежит лента, набитая порохом, она тянется от городской окраины через всю рыночную площадь и исчезает на главной улице. Лента горит медленно, одна за другой следуют багрово-красные вспышки пламени, и все вокруг окутывается ядовито-синим вонючим дымом. Индейцы стараются стать как можно ближе к ленте, так что порох воспламеняется у самых ног; они стоят совершенно неподвижно, но лица их сияют необыкновенной радостью.

И все-таки дождь мало-помалу разогнал покупателей; день выдался на редкость неудачный. Многие торговцы связали свои товары в тюки, а сами расположились возле со своими семьями. Однако нельзя сказать, чтобы вид у них был разочарованный или очень несчастный. Скорее наоборот, они, казалось, были вполне довольны и веселы. Они перебирали непроданные штуки сукна, шляпы, одеяла и при этом

беззвучно смеялись, словно дождь, испортивший им всю горговлю, был просто забавным происшествием.

Мы садимся в машину и начинаем наблюдать маленькие сценки, происходящие на рынке.

Какому-то мальчику понадобилась новая шляпа. Мать подошла вместе с ним к торговцу, и тот перебрал одну за другой множество шляп, пока мальчик их примерял. Однако ему явно ни одна из них не пришлась по сердцу. Волосы у него все время лезли на глаза, а лицо было кислое-прекислое, какую бы шляпу на него ни надевали: зеленую, синюю или коричневую.

Другой мальчик, лет пяти-шести, подходит к своей матери, сидящей на земле, решительно зарывается в ее кофту и вытаскивает оттуда длинные коричневато-желтые груди. Он ложится возле матери, не снимая с головы большой широкополой шляпы, и начинает сосать, делая при этом всем телом резкие энергичные движения. Он выдавливает из упрямой материнской груди последние капли молока, потом останавливается, несколько секунд задумчиво созерцает грудь и снова запикивает ее в кофту. Потом он убегает. Все это время мать сидит совершенно неподвижно, словно ничего не произошло.

По рынку идет индианка с морской свинкой в руках, она крепко держит ее за шею. Неизвестно, жив ли еще зверек или уже сдох. Возможно, индианка хочет продать морскую свинку, а возможно, ей просто нужно приготовить из нее обед.

Кошелек с деньгами женщины держат между грудями и в случае надобности выуживают его оттуда. Вот молодая мать с грудным ребенком на спине наклоняется над поставленными на земле кувшинами, осматривает их все подряд, наконец берет один из них в руки и сосредоточенно проводит по нему пальцем. Потом она достает кошелек и покупает этот кувшин. Но как же она понесет и ребенка и огромный кувшин? Для нее это не проблема: она снимает ребенка со спины, сажает его в кувшин так, что из отверстия торчит только голова, обертывает кувшин куском материи, который она уже купила, кладет его себе на спину и быстро идет дальше.

Почти все женщины, как бы бедно они ни были одеты, носят отливающие золотом ожерелья, в несколько рядов обвивающие шею. На первый взгляд может показаться, что ожерелье состоит из крупных золотых слитков с прокладкой из красных кораллов. Однако чаще всего это дешевые немецкие безделушки, простая подделка под старинные золотые украшения тех времен, когда индейцы были безраздельными хозяевами Америки.

Когда рынок пора закрывать, на площади появляется небольшая группа индейцев с медными трубами, позеленев-

шими от времени. Они останавливаются под балконом и начинают дуть в свои трубы, извлекая из них поток мычащих, булькающих звуков, которые ужасно режут слух. Толпа на площади молчаливо смотрит на музыкантов, многие слегка покачиваются, уже изрядно захмелев. А дождь все моросит и моросит.

МАДОННА ИЗ КИНЧЕ

На обратном пути в Кито мы проезжаем районы, где уже давно стоит засуха и все пропитано серой пылью: здесь вчерашние костры не принесли жителям ни капли дождя.

Неподалеку от одного селения мы встречаем процессию индейцев, поющих религиозные гимны. Юноши несут в вытянутых вперед руках букеты цветов, а женщины одеты во все белое, как невесты. Их босые темные ноги тяжело ступают по пыльной дороге.

Несколько человек несут на плечах изображение мадонны — пестро разукрашенную куклу с маленьким фарфоровым личиком. Мадонна восседает на серебряном серпе луны. Серп имеет человеческий профиль, а его концы напоминают длинные изогнутые рога. Это одновременно и новорожденный месяц и бычи рога из серебра.

Перед нами знаменитая мадонна из Кинче, которая следует с одной из обычных процессий, чтобы осенить благодатью поля и деревья, людей и животных. Мадонна из Кинче — эти слова мало что нам говорят, но ведь мы еще не знаем, какой известностью и какой властью она пользуется в Эквадоре.

Об этой мадонне нам рассказала одна шведка — фру Эллен Янсон Кампанга. Вот уже двадцать шесть лет, как она живет в Кито и, между прочим, с интересом изучает жизнь индейцев

— Кинчская мадонна, — рассказывает фру Эллен, — величайшая знаменитость страны, и, быть может, она пользуется даже большей властью, чем сам президент. Иногда ее приносят в Кито, и тогда по дороге движется триумфальное шествие. На голову мадонны надевают небольшую панаму, чтобы она, чего доброго, не загорела под палящими лучами солнца. У нее бесчисленное множество дорогих одеяний, а ее украшения — это целое богатство. У нее есть своя камеристка, которая следит за ее туалетами и переодевает ее. У нее есть даже генеральский мундир, и в этом мундире она прибыла однажды в столицу: ее появление на улицах города в генеральской форме вызвало страшное смятение, ибо многие высокопоставленные особы не знали, должны ли они отдавать мадонне честь, как генералу, или преклонить перед ней колена, как перед мадонной.

Огромные массы народа устремляются в Кинче, чтобы поклониться мадонне в дни ее праздников. Вокруг нее происходит такая давка, что нередко гибнет много людей, в особенности детей. Этим детей почитают здесь за счастливи́ков, ибо теперь они уже наверняка станут ангелами. Один дополнительный поезд, следующий в Кинче, попал в катастрофу, которая стоила жизни двумстам пассажирам. Это несчастье было явным свидетельством того, что мадонну не устраивают слишком удобные средства сообщения, к которым прибегают теперь паломники. Они должны были бы идти пешком, а еще лучше — ползти на коленях.

Все верят в чудеса, которые творит Кинчская мадонна, хотя эти чудеса и принимают иногда несколько экстравагантный характер. Как известно, мадонна покидает по ночам свое место в алтаре церкви и является к обитателям здешних мест, она помогает бедным и больным, облегчает страдания рожениц при трудных родах и творит другие чудеса. Рассказывают, что одна женщина непременно хотела ей что-нибудь дать за оказанную помощь, но у нее не было ничего, кроме лука. Однако мадонна приняла этот дар, и на следующее утро стояла на своем обычном месте в церкви со связкой лука в руках.

В конце концов священники решили, что такой сановитой особе не подобает вести себя так легкомысленно, и заковали мадонну в цепи, чтобы она не шаталась по ночам черт знает где!

* *
*

Когда мы приехали к фру Кампанга в Кито, она рассказала нам немало интересного. У нее красивая вилла в одном из пригородов и прекрасный сад, в котором растут всевозможные цветы. Раньше фру Кампанга была врачом в Чикаго, специалистом по лечебной гимнастике. Там она познакомилась со своим нынешним мужем — эквадорцем и уехала с ним в Кито. Живет она очень интересно, говорит она улыбаясь. Время летит быстро, и вокруг все так неузнаваемо преобразилось. Когда она приехала в Кито, это был грязный захолустный городишко, на его улицах теснились люди и скот. А теперь Кито — вполне современный красивый город со множеством автомобилей и всем прочим.

Фру Кампанга пользуется известностью как шведский диктор местного радиовещания. Каждую неделю она выступает в передачах протестантской радиостанции «Голос Анд», построенной в Кито обществом североамериканских миссионеров. Потом она непременно покажет нам эту радиостанцию, расположенную в горах недалеко от города. В радиостудиях работают миссионеры, говорящие на многих языках; в руках они держат раскрытые библии, а тут же под рукой

у них гитары и граммофоны. В конце концов неотразимая фру Кампанга убеждает нас дать интервью для одной из ее передач, интервью совершенно импровизированное. Она не хочет подавать это как-нибудь слишком торжественно, целиком и полностью уповая на свою способность говорить по вдохновению, как подскажет сердце.

Она — женщина с богатым жизненным опытом, умная и без предрассудков. Она видела, как во время землетрясения из ванны выплескивается вода. В нее стреляли, когда было восстание; однажды на крыше соседнего дома лежал человек и целился в нее, однако в самый последний момент ее кто-то оттолкнул в сторону, и пуля просвистела мимо. Она не отмалчивается и не отсиживается дома, когда католики начинают очередную травлю протестантов. Как-то разъяренная толпа отняла у одной североамериканской миссионерки все ее библии, облила их бензином и подожгла, крича при этом, что проклятую *гринго* (инностранку) тоже надо сжечь, как ведьму. В другой раз автобус попал в аварию, и какой-то католический священник обвинил одну протестантку в том, что авария произошла из-за нее; несчастную женщину чуть не линчевали.

Фру Кампанга говорит, что индейцы — ревностные католики, такие ревностные, что превратили религию в какое-то суеверие. Ведь единственное, что у них есть, — слепая вера, заменяющая им все остальное в жизни и ставшая главным средством борьбы с нуждой, болезнями и всякими несчастьями. Эта религия становится магией, она должна творить чудеса и давать утешение людям, которые живут в ужасной нищете. Мы не знаем, какие именно представления своей древней религии они перенесли в каноны католицизма. Но возможно, что мадонна стала их древней индейской праматерью, а Христос — сыном бога Солнца, который когда-нибудь вернется на Землю, уничтожит белых угнетателей и снова создаст великую страну Солнца.

— Индейцы, — продолжает она, — это народ, который целиком ушел в себя и отгородился от всего, кроме своего великого прошлого. Они любят землю, на которой живут, но больше им ни до чего дела нет. Земля, сама почва, камни и деревья — вот единственное, что их интересует. Но ни одного клочка земли, земли их отцов, им не принадлежит. Часто они живут в страшной бедности, влача самое жалкое существование. Кажется, что главное для них — это существовать: не пить, не есть, а просто существовать, как существуют камни. И вот неподвижные, холодные, со взглядом, устремленным в ничто, они живут, но и только.

На индейцев смотрят здесь просто как на рабочую силу и обращаются с ними крайне грубо и жестоко. Как белые, так и метисы убеждены, что индеец не человек, а своего

рода выючное животное, существо неодошевленное, призванное всю жизнь копать в земле. Но за последние годы отношение к индейцам несколько изменилось и изменилось к лучшему. В газетах нередко появляются статьи о возмутительном обращении с индейцами. Раньше ничего подобного в газете быть не могло. Это свидетельствует о том, что общественное мнение теперь настроено против негуманного отношения к индейцам¹.

Потом фру Кампанга рассказывает нам об индейской свадьбе, на которой ей довелось побывать. Она начинает смеяться уже при одном воспоминании об этом. Свадьба началась с того, что жениха и невесту сковали вместе длинной железной цепью, а сверху над ними расстелили простыню. Так они и сидели весь вечер под простыней, скованные цепью. Потом гости рьяно принялись за мясо морской свинки и жареную картошку. Когда все поели, начались танцы, однако каждый танцевал в одиночку: скажем, только один мужчина или одна женщина, и у каждого в руке было страшно грязный носовой платок или просто рваная тряпка. Это танец с притопами; танцор упорно топчется на одном месте, а его рука с платком вычерчивает в воздухе круги.

— В жизни нашей страны есть еще тневые стороны,— говорит задумчиво Элен Янсон Кампанга, но потом вдруг добавляет оптимистично:— Но есть и много прекрасного. И всегда совершается что-нибудь новое, значительное. Нет, в Эквадоре действительно очень интересно!

КИТО, ТИХАЯ СТОЛИЦА

Кито — самая тихая и самая идиллическая из всех южноамериканских столиц. Хотя здесь живет более двухсот тысяч человек, вам кажется, что вы попали в небольшой провинциальный городок. Пятьдесят семь церквей, узкие крутые улицы, почти полное отсутствие промышленных предприятий — вот облик Кито, который до сих пор производит впечатление старого колониального города.

Эквадор принадлежал инкам всего какое-нибудь столетие, однако этот период наложил неизгладимый отпечаток на коренное население страны. Эквадор скоро стал одной из важнейших областей империи инков, а Кито считался настоящим раем, раскинувшимся среди высоких гор. Кито связывала с Куско очень своеобразная дорога: она проходила по каменным лестницам, высеченным в скалах, и длинным висячим мостам, сплетенным из лиан. По этой дороге двигались военные отряды, караваны с грузом и быстрые гонцы.

¹ В последние годы в стране была создана «Эквадорская конфедерация индейцев», ведущая борьбу за жизненные интересы трудовых индейских масс.— *Прим. ред.*

Незадолго до того как в Перу пришли войска Писарро, в 30-е годы XVI века, страна была разделена между двумя вождями — Уаскаром из Куско и Атауальпой из Кито, двумя братьями, которые немедленно затеяли между собой войну за власть. Писарро удалось застать Атауальпу врасплох; Атауальпа был взят в плен и казнен. Так была завоевана северная часть страны инков. Испанцы начали поход на Куско, где Атауальпу считали предателем, а Писарро приветствовали как союзника.

Тем временем командиры отрядов конкистадоров что есть силы спешили в Кито, чтобы поделить добычу. Между ними началась кровопролитная борьба, в которой они быстро истребляли друг друга. В конце концов один испанский священник с помощью самых жестоких мер взял власть в свои руки, и Эквадор был подчинен вице-королю Перу. В Кито воцарились тишина и порядок, а горстка белых во главе с клерикалами установила свое господство над индейцами, превратив их в рабов. Захватчики строили церкви, украшали их индейским золотом и звонили в колокола с утра до позднего вечера.

За триста лет испанского владычества эта колониальная идиллия не омрачалась даже восстаниями индейцев вроде тех, что вспыхивали в Куско. Освободительное движение Боливара охватило и Эквадор, который в течение нескольких лет входил в федерацию южноамериканских государств Великая Колумбия, однако это ни в коей мере не задевало интересов церкви. В Кито продолжали звонить колокола, а политическая борьба, которая развернулась между реакционной католической партией и антикатолической партией либералов, приводила к многочисленным конфликтам и кровопролитию.

Кито расположен в долине, у подножия древнего вулкана. Если вы подниметесь в ясный солнечный день на один из окрестных холмов, то увидите вздыбленные волнами хребты гор и вершины, покрытые огромными шапками снега. Когда наступает ночь, горные вершины белеют во мраке, словно матовые лампочки, распространяя бледный призрачный свет, а город, раскинувшийся где-то внизу и озаренный сотнями огней, напоминает усеянный звездами небосвод, вдруг погрузившийся на дно сказочного озера.

Сейчас в Кито установилась такая же погода, какая бывает у нас на севере в сентябре. Воздух чист и прозрачен, а небо синее-пресинее. Светлые стволы эвкалиптов с голубовато-зеленой листвой отчетливо вырисовываются на фоне пушистых облаков. Даже на очень большом расстоянии видно все до мельчайших подробностей, словно в бинокль.

Кито вырос на местности, сплошь иссеченной застывшими волнами гор, все улицы города ведут либо круто вверх,

либо вниз. За многие столетия индейцы основательно поистерли своими босыми ногами каменное основание горных троп, когда, согнувшись в три погибели, переносили на спинах свои тяжелые грузы. Теперь по уходящим в горы дорогам взбираются автобусы и грузовики, и от треска их моторов дребезжат стекла в домах, построенных еще в те времена, когда Эквадор был испанской колонией.

Вдоль улиц вытянулись в ряд небольшие магазины; в них торгуют представители многих рас, перемешавшихся между собой, и тем не менее именно индейцы до сих пор превращают Кито в огромный рынок. Они сплошь заполняют и торговую площадь, и прилегающие к ней переулки; куда ни бросишь взгляд, всюду мелькают их пестрые одеяния. Они стоят, сидят или куда-то бегут, а запах уличной грязи смешивается с запахом сырого мяса и фруктов. Индейцы, живущие в городе, несколько более шумливы, чем их деревенские братья, и все-таки вам кажется, будто наибольший шум производят здесь запахи и краски.

В будние дни у вас создается впечатление, что в Кито церковь посещают главным образом индейцы. То и дело можно наблюдать, как они пробираются через тяжелые резные церковные двери с ребенком или ношей на спине. Забыв и о ребенке, и о ноше, они погружаются в молитву или же не мигая смотрят на сверкающее золото, на прекрасных мадонн, на распятого Христа. Если на спине у них нет ребенка, то легко может случиться, что в куске материи завернут шевок, и теперь он высовывает оттуда голову и с любопытством взирает на всю эту пышность, которая царит в церкви.

Церковь для индейца — это настоящий оазис, здесь он отдыхает, окутанный ароматом курений и белых лилий, в блеске утраченного, но обещанного в будущем великолепия. Женщины наклоняются и целуют ступени лестницы, отрывисто причмокивая. Исповедуются они во весь голос, словно желая сообщить всем присутствующим о своих прегрешениях. Когда наступают сумерки, мужчины выходят из церкви и мочатся на большой каменный крест: возможно, это какой-то магический ритуал, выполнение которого приносит счастье.

Четырнадцатого января, в воскресенье, моросил мелкий дождь, но в этот день в Кито произошло немало важных событий (которые я наблюдал из окна моего отеля, расположенного на площади, в самом центре города).

Рано утром нас разбудил неистовый колокольный перезвон, который доносился со всех сторон: звенели колокола во всех церквях города. Затем запели детские хоры, голоса звучали слабо, но нежно и проникновенно, и трудно сказать, чего в них было больше — радости или грусти.

Около полудня мы видели, как хоронили какого-то генерала. По улицам медленно двигалась похоронная процессия: золотое шитье на мундирах, воинские знаки отличия, красные султаны, большой военный оркестр, мерный шаг солдат и офицеров, ступающих по лужам, и брызги солнечных лучей, пробивающихся из-за туч.

Целый день во всех церквах служат мессу за мессой, хотя и с перерывом на обед, ибо одной молитвой сыт не будешь. Люди, одетые в черные плащи, с достоинством шествуют по улицам, невзирая на дождь. Здесь и белые, и метисы, но все они сейчас похожи на испанцев, католиков-колонизаторов. Индейцы в красных одеялах и забавных, сидящих на самой макушке шляпах выделяются в толпе, словно крупные пятна крови. Они шлепают ногами по лужам, так что во все стороны взлетают фонтаны воды.

Ближе к вечеру голпу вдруг охватывает какая-то паника, начинаются шум, давка, слышатся возгласы. Быть может, сейчас вспыхнет революция? Или собираются свергнуть президента, живущего в белом двухэтажном доме на площади?

Нет, это всего-навсего тореадор Эль Пандо возвращается в свой отель. Эль Пандо — национальный герой, но ему сегодня не повезло: кориду испортил дождь, и он не успел убить даже двух быков.

Что же сейчас происходит на площади, приветствуют его или осыпают бранью? Трудно сказать. Надо думать — всего понемногу.

(Потом мы видели Эль Пандо внизу, в вестибюле отеля, где он принимал своих поклонников и почитателей обоего пола: он без конца подходил к телефону, кого-то дружески обнимал за плечи, шептался с каким-нибудь юношей в углу или с молодой дамой в телефонной будке. Когда он уехал из отеля, его комнату не заперли и она оставалась в точно таком виде, как он ее покинул, чтобы сюда могли заглядывать почитатели его таланта и храбрости.)

Перед заходом солнца снова звонят колокола. Идет дождь, окрашенный лиловыми сумерками. Но вот небо проясняется. На небе вспыхивают крупные золотисто-синие или сине-зеленые звезды, а месяц уже плывет высоко над горизонтом. По площади, где все тонет в благоухании роз, гуляют влюбленные парочки. В церквах, не зная ни минуты отдыха, трудятся священники, чтобы выжать из воскресенья все, что только можно; храм сияет огнями, словно золотой ларец, а по стенам и полу колеблются тени.

В понедельник утром нам пришлось наблюдать индейские похороны: за гробом шла жалкая оборванная толпа бедняков. Но гроб был дорогой, с обивкой из фиолетового бархата, и на нем лежало множество шуршащих бумажных цветов. Ближайшие родственники покойного были одеты в

самые яркие цвета, какие только можно вообразить: на женщине, например, была синяя юбка, желтая кофта, красная шаль и зеленая фетровая шляпа (возможно, все это было взято у соседей). Только индейцы умеют смягчить столь кричащие цвета и привести их в какую-то гармонию.

КУЛЬТУРА В КИТО

La Casa de la Cultura (Дом культуры) известен как центр нового активного направления в литературе и искусстве. Он находится на окраине города; это массивное белое здание, а рядом с ним дышит прохладой тенистый парк. Широкие мраморные лестницы, сочно стилизованные картины на сюжеты из народной жизни.

Директором Дома культуры является доктор философии Беньямин Каррион, некогда яркий поборник реализма, а теперь сторонник более консервативных тенденций в литературе. Он издает произведения боевых классиков тридцатых годов, а в своей последней книге делает святой некую поэтессу «санта Габриеллу». Он восседает в ореоле из сигарного дыма в великолепном кабинете, окруженный своими советниками и столпами Дома культуры, словно апостолами. Это человек, который сразу решает несколько дел и любит говорить по-французски.

Мы осматриваем библиотеку, расположенную в подвальном этаже; это собственные издания Дома культуры. Этажом выше находится музей музыкальных инструментов — уникальная коллекция очень своеобразных эквадорских музыкальных инструментов. Например, флейта из перьев кондора, многотрубная панфлейта из бамбука (в целый метр шириной — это своего рода губной орган, мехами которого служат легкие индейца), флейты из черепов, лиры из бычьих рогов и крупных раковин, барабаны из гигантских панцирей галапагосских черепах, ожерелья, из которых можно извлекать всевозможные звуки, и *simbamba de Chimborazo* (ослиная челюсть с выжженным на ней узором).

Вот отдел художественного ткачества, которым руководит художник-модернист из Голландии. Здесь сидят чистокровные (и основательно вымытые) потомки инков с длинными волосами и в фетровых шляпах; они прядут и ткут большие ковры и стенные коврики из самой мягкой вигоневоy шерсти. На коврах старинный индейский орнамент, стилизованный под модерн. Однако купить ничего нельзя: предприятие финансируется ЮНЕСКО, которой и принадлежит вся продукция.

Когда мы хотим сфотографировать индейцев, главный художник велит им снять шляпы. Они подчиняются с явной неохотой, ибо шляпа для индейца не просто привычка, а,

быть может, даже символ личной независимости. Шляпа — это первое, что на него надевают, когда он рождается, и последнее, что снимают с него, когда он умирает (возможно, его и хоронят в шляпе).

Главные «движущие силы» Дома культуры — Хорхе Икаса и Хорхе Энрике Адоум. Однако мы не застаем их в этом процветающем учреждении. У первого из них есть свой книжный магазин, у второго — типография. Создается впечатление, что они не могут отдавать слишком много времени ни литературному творчеству, ни просто культурной работе. Уж не результат ли это ухудшения политического климата, ставшего несколько суровым для людей свободомыслящих?

Икаса, комета современного реализма, — сильный, здоровый мужчина лет пятидесяти. Кожа у него блее, чем у многих, и тем не менее Икаса упрямо твердит, что он *cholo* (метис). Быть может, есть что-то индейское в его огненно-карих глазах, в черных цвета воронова крыла волосах. Входя в комнату, он любит оставаться в шляпе, по индейскому обычаю. Однако нередко он засовывает большие пальцы рук под мышки, как это обычно делают крупные землевладельцы.

Икаса, человек довольно полный, очень веселый, разговорчивый и жизнерадостный. Он радушно принимает нас в своем книжном магазине, где царит самый удивительный беспорядок и хаос, какой только можно себе представить. Здесь все свалено в кучу и покрыто пылью. Это своеобразные джунгли, соблазнительные и опасные в одно и то же время, где вы каждую минуту рискуете проломить ветхий дощатый пол или свалиться с очень шаткой лестницы. Когда мы находим в этих горах книг несколько интересующих нас изданий, Икаса подзывает красивую молодую девушку, которая работает здесь продавщицей, и просит ее смахнуть метелочкой из перьев пыль с переплетов, а потом протереть их резинкой.

В баре нашего отеля Икаса скромно заказывает бутылку пива. Он сидит, сдвинув на затылок шляпу, смотрит на свои карманные часы и обещает, что будет говорить в течение двух часов. Свое обещание он выполняет в точности и говорит, не останавливаясь и не дожидаясь наших вопросов. Вокруг все гудит от шума, который поднимают спящие вокруг нас коммивояжеры, восторженные поклонники тореадоров и сидящие на сцене музыканты, однако шум этот несколько на него не действует. Свободно и непринужденно он рисует нам широкую панораму жизни в Эквадоре.

— Неореализм как литературное течение, — говорит он, — возник ниже по побережью, в Гуаякиле, ибо общественная мысль достигла там гораздо более высокого уровня развития, чем в других городах страны (речь идет о тридцатых

годах, однако положение не изменилось и до сих пор). И все-таки именно в Кито был поставлен один из самых важных для Эквадора вопросов: вопрос о человеческом достоинстве индейцев и их месте в жизни общества. (Икаса был среди тех пионеров, которые первыми отважились выступить в защиту индейцев, и уже в 1934 году он выпустил всемирно известный роман «Уасипонго», самое сильное из произведений, написанных на эту тему.)

Он принадлежит к числу тех писателей, которые решительно встали на сторону индейцев; Икаса признал индейца даже в самом себе, говоря, что он *cholo*. По тем временам это было чрезвычайно смело и произвело сенсацию. Обычно люди стыдились и индейцев вокруг себя и индейца внутри себя: они всячески старались вытравить и уничтожить индейца внутри себя, для того чтобы еще больше преследовать и угнетать индейцев вокруг себя.

— Но именно признание индейца и в том и в другом смысле,— подчеркивает Икаса,— открывает единственную возможность покончить с расовой дискриминацией и создать цельного, настоящего человека (а не половинчатого извращенного урода). Кроме того, это единственная возможность найти с индейцами общий язык и сделать их полезными членами общества, органически слившимися со всем народом.

(Около двух миллионов человек, более половины всего населения страны, живет в высокогорных долинах Анд. В своем большинстве это чистокровные индейцы, а остальные — метисы, если не считать ничтожно малой горстки белых. Население Эквадора на 40 процентов состоит из индейцев, столько же здесь метисов, есть негры и мулаты.

В горах везде жили метисы, но, так сказать, метисы тайные. Всех окружающих они называли правильно, *cholo* (если не в глаза, то уж за глаза непременно), однако сами упорно отрицали, что в их жилах есть хоть малейшая примесь индейской крови. Они брали себе испанские имена, одевались на испанский лад, преклонялись перед всем испанским. Самым изысканным комплиментом считался следующий: «Usted tiene sangre de torero!» («В ваших жилах течет кровь тореадоров!»). Самым страшным оскорблением было назвать кого-нибудь *culo verde* (зеленозадый): дело в том, что многие полагали, будто у индейцев на копчике есть зеленое пятно.

Икаса верит в метисов, в смешение рас. Он говорит, что метисы — будущее Эквадора и не только Эквадора, а еще целого ряда стран Южной Америки. Среди метисов самая высокая рождаемость, они наиболее жизнеспособны, легко приспосабливаются к любым природным условиям и везде чувствуют себя так же хорошо, как чистокровные индейцы. Ме-

тисы сохранили страстную любовь индейцев к земле, их художественную одаренность, однако у них нет и следа этой вялой индейской покорности, этой меланхолической неподвижности. Наоборот, метисы очень энергичны и предприимчивы, они уверены в себе и выносливы ничуть не меньше, чем белые.

— Этот тип сейчас наиболее характерен для Южной Америки,— говорит Икаса.— Однако метисы должны прежде всего обрести равновесие и цельность внутри самих себя. А это возможно лишь в том случае, если они признают в себе наличие двух начал (индейское начало должно быть признано в не меньшей степени, чем белое, испано-европейское), и тогда оба начала органически сольются в единое целое. Только тогда индейцы получают свое законное место в обществе как родоначальники народа и наши братья по крови.

Писатели, изображавшие жизнь индейцев и метисов, не только обратили внимание общественности на эти слои населения, но и пробили брешь в той социально-психологической изоляции, которая мешала решению индейского вопроса. Они начали борьбу с порочной и сложной системой образования, выступали против отвратительного произвола, которому подвергались индейцы. Эта борьба достигла своего апогея в литературе, она привлекла к индейскому вопросу внимание общественности и тем самым сдвинула его с мертвой точки. В дальнейшем интерес к этой проблеме несколько ослаб, хотя она все еще оставалась не решенной окончательно. Однако потом наступило время реакции.

— Что же вместо этой темы пришло в нашу литературу? Ничего столь же значительного и характерного для жизни страны,— говорит Икаса.— Ряды писателей, творивших в предыдущий период, период борьбы, теперь поределели; одни умерли, другие замолчали или резко изменили тематику своего творчества. Сам Икаса написал за последние годы совсем немного: в 1948 году он закончил насыщенный глубоким драматизмом роман «Уаирапамушкас», повествующий о жизни индейцев, а потом выпустил сборник рассказов, проникнутых мотивами смерти.

Хорхе Энрике Адоум — по-видимому, самый мужественный, самый умный и глубокий поэт Эквадора. Это очень своеобразная фигура: интеллигент сугубо интернационального склада. Его отец приехал в Южную Америку из Ливана, однако Адоум уверяет нас, что чувствует себя чистокровным эквадорцем, даже индейцем. Он считает, что глубокими корнями он связан с историей страны, с эпохой ее завоевания и смешения рас: в самой глубине его существа всегда сидит индеец, словно идол в пещере, мрачный, затаившийся, тоскующий.

В некоторых южноамериканских странах, под сенью «благодатных диктатур», называющих себя «сильными», население предпочитает не говорить о политике. В Эквадоре о политике говорят буквально все, утверждает Адоум, и это лучший показатель той свободы, какой они еще пользуются. Всеобщие выборы в значительной мере являются фикцией, и поэтому их нельзя назвать демократическими. Новый президент — по своим убеждениям консерватор и ревностный католик; над страной нависла угроза со стороны реакционных сил, и это может кончиться плохо. Дом культуры все время находится под неусыпным надзором, а его руководителей обвиняют в том, что их деятельность носит слишком левый характер. Возможно, его закроют или заставят стать более консервативным учреждением.

— В Эквадоре все идет вспять, в том числе и литература, — жалуется Адоум. — Ни прозаики, ни поэты не могут похвастать какими-нибудь новыми победами. Молодежь робко пытается искать новые пути, но больше топчется на месте, колеблясь или эстетствуя. Молчат и исполины тридцатых годов. У Икасы, может быть, и наберется тысяча читателей в стране, но если его до сих пор многие приветствуют на улице, то лишь потому, что он приятный и обаятельный человек. Говоря о Каррера Андраде, Адоум называет его поэтической дивой, более или менее прижившейся со своими изысканно тропическими картинками в Париже.

Что же касается самого Адоума, то за последние годы он создал лишь несколько маленьких стихотворных циклов.

Прежде всего это сборник «Ecuador amargo» («Горький Эквадор»), ставший важной вехой в развитии новейшей южноамериканской поэзии. Стихи этого цикла глубоко драматичны, а их страстный реализм — крик кровоточащего сердца поэта; в каком-то неистовом отчаянии он старается слиться с жизнью, с окружающей природой. Как бы там ни было, в Адоуме всегда чувствуется чужеземец, страстно ищущий на новом месте родства и прочной связи с действительностью, стремящийся проникнуть в самую суть вещей, уйти корнями в самую землю

ХУДОЖНИК ГУАЯСАМИН

Освальдо Гуаясамина называют крупнейшим художником Эквадора, хотя ему нет еще и сорока лет. Он только что вернулся из Нью-Йорка, где была выставка его картин. Выставка прошла с большим успехом, и Гуаясамин получил заказ на двести картин для Парижа. Он страстно любит свою работу, его нервные пальцы будто наэлектризованы желанием скорее взяться за кисть. Есть что-то индейское в его

тяжеловесной эмоциональности, однако он по-европейски подвижен и стремителен в своих творческих исканиях.

Он решил изобразить кондора, вступившего в единоборство с диким быком. На большом полотне сделана надпись: «Кондор и бык». Художник замыслил свою картину как неистовство движения и цвета, захлестнувших друг друга в бешеном вихре; преувеличенно реалистические детали будут стилизованы в полуабстрактной манере. Но картина ему никак не давалась, говорит Гуаясамин, она упорно сопротивлялась. Художник сделал к ней больше полутора тысяч эскизов, рассматривал фотографии кондоров, изучал строение их голов и когтей. И все-таки окончательная композиция картины никак не получалась; он бился над ней день и ночь, пока вдруг все не встало на свое место. Он всегда делает десятки и даже сотни эскизов, а сама картина нередко оказывается готова за какой-нибудь вечер.

Гуаясамин — человек чувства, чувства еще сугубо первобытного, цельного и типично национального. Он происходит из старинного рода зодчих и резчиков по дереву. Совсем недавно был обнаружен алтарь, построенный еще в 1630 году, и на нем стояло имя Гуаясамина. Уже десятилетним мальчиком Гуаясамин делал зарисовки Чимборасо и продавал их туристам. Древнее индейское искусство вряд ли сколько-нибудь повлияло на его творчество; больше всего он учился у современных мастеров, таких, как мексиканцы Ороско и Тамайо, парижане Пикассо и Бракэ. А за ними стояли Эль Греко, Гойя.

Он много путешествовал по Америке и Европе, хорошо знает все направления в современной живописи, и все, что он видел, укрепляло в нем желание писать именно по-южноамерикански, исходя из непосредственного и конкретного восприятия действительности. Без этого восприятия, заявляет Гуаясамин, любая техника, школа или стиль теряют всякий смысл. Ему нужна не софистика, а жизнь. В искусстве он стремится передать инстинктивное действие, выражающее главное в человеке. И сам чувствует себя новым первооткрывателем Америки, Колумбом в живописи.

Гуаясамин считает, что создание картины на основе непосредственного наблюдения жизни с наиболее верной передачей образов позволяет снова приблизиться к классическому искусству. Не мелочное самокопание, а могучее устремление ко всеобщему и всеобъемлющему — таково содержание художественного творчества.

— Абстрактная живопись в чистом виде, — говорит Гуаясамин, — это дикое заблуждение, самое уродливое выражение творческой мысли. Абстракция хороша только в том случае, когда она подчинена чему-то конкретному и обостряет наше художественное восприятие образов действительности. Вооб-

ше говоря, в Южной Америке трудно стать абстракционистом: слишком великолепна окружающая природа. Пейзаж здесь словно огромный горный храм — пылающее солнце и вечные снега; это зрелище разобьет вдребезги какую угодно абстракцию.

Гуаясамин вытаскивает несколько картин и ставит их одну возле другой: черно-бело-серые тона, и тут же изумительное богатство красок и цветов, аскетическая суровость и пламенная страсть. Нет, речь идет вовсе не о различных периодах его творчества: Гуаясамин постоянно мечется между подавлением цвета и его усилением. Чувство, именно чувство, а не тема определяет, какую манеру предпочтет художник.

Он показывает нам альбом с репродукциями: целая серия картин, посвященных жизни в Южной Америке. Черно-серые гравюры, гротескно выразительные фигуры, наполовину аллегорические. Вот церковь, представленная ее слушателями: две забываемые поповские физиономии, а между ними коршун, пожирающий труп, и алчная свинья. Есть здесь и жадные старые девы, злющие-презлющие от вечного умерщвления плоти; есть и жестокие завоеватели. Здесь представители всевозможных профессий, чьи судьбы сложились по-разному, но все они выведены как страшное олицетворение убожества и низости.

Картины патетические, назидательные, боевые — судный день и обвинительный акт изнанке южноамериканской действительности. (Гуаясамин называет их своим «Canto general»¹.) Разумеется, некоторые считают его картины никуда не годными, намеренно уродующими и искажающими жизнь. Другие же видят прелесть картин в их серой суровости, их горькой неприкрашенной правде.

В целом ряде других работ Гуаясамин отдает предпочтение богатству и многообразию красок: это девушки-цветошницы, индейские танцы, петушиные бои. Кито художник рисует издали, как бы поместив его на дно гигантского кратера; пожалуй, Эль Греко однажды так нарисовал Толедо: огромная чаша с неровными краями, дома, а сверху черные несущиеся тени облаков, которые одинаково похожи и на хищных птиц и на мрачные предчувствия.

Кроме того, Гуаясамин — тонкий и энергичный критик. Мыслит он так же ярко, как и пишет. С явным пристрастием он противопоставляет Южную Америку Европе и США. Несмотря на все свои недостатки, Южная Америка стала для него единственным прибежищем человека, где чувства, инстинкты, живые человеческие импульсы еще имеют право на существование. Соединенные Штаты и Европа — это сверх-

---

¹ Canto general (*исп.*) — всеобщая песнь.

цивилизация, господство машин и техники, которое грозит погубить человека и уничтожить весь мир.

Он спрашивает себя, почему западноевропейское искусство идет к тому, чтобы полностью раствориться в абстракционизме, и почему у Северной Америки вообще нет своего искусства (то, что там есть, было создано чужестранцами; это плохо приспособившееся к новым условиям искусства Старого Света). Лучшие произведения североамериканской литературы созданы определенным типом писателя-изгнанника, писателя-эмигранта, который отвернулся от своей страны и стремится к цельному мироощущению. Поскольку в Северной Америке нет подлинного вдохновения, в ней нет и подлинной связи с источниками и корнями творчества. Она умертвила свое прошлое, задушила свою природу. Ее культура стала синтетически технической, вместо того чтобы быть органически живой. Все направлено на достижение комфорта, могущества, на создание все новых и новых машин — всего того, что становится между человеком и природой, лишая его способности по-настоящему чувствовать и переживать.

Южная Америка, напротив, бедна комфортом и машинами, но зато она богата непосредственным ощущением природы, могучей связью человека с природой. Кроме того, Южная Америка тесно связана со своим вечно живым прошлым: южноамериканцы, в жилах которых смешалась кровь нескольких рас, строят свое настоящее на основе прочных культурных традиций, как европейских, так и индейских (не говоря о наследии негров, привезенных сюда из Африки).

— Однако, если рассуждать объективно, — подчеркивает Гуаясамин, — Южная Америка только создается. Южноамериканский характер, южноамериканская культура еще находятся в стадии становления. Пока что это — обещание, будущее.

ПУТЕШЕСТВИЕ МЕЖДУ ВУЛКАНАМИ

Рано утром мы садимся в автовагон, и скоро Кито остается позади; мы едем в Гуаякиль. Прекрасный вагон немецкого производства, в эксплуатации он всего какой-то месяц, однако вид у него уже потрепанный, а на ветровом стекле кабины водителя зияет звездообразная трещина.

Дорога здесь узкоколейная, а рельсы очень неровные. На прямых участках пути водитель пытается увеличить скорость, но вагон начинает так подпрыгивать и раскачиваться из стороны в сторону, что приходится все время притормаживать. Кроме того, машинист должен непрерывно сигнализировать, чтобы не наехать на индейцев и скот. Можно подумать, что вся их жизнь проходит на шпалах, и теперь они очень

неохотно и очень медленно сходят с железнодорожного полотна.

Эту дорогу построили лет пятьдесят назад, и в то время о ней говорили как о чуде инженерного искусства. Еще двадцать лет назад она была в хорошем состоянии и поезда по ней ходили гораздо быстрее, чем сейчас. Но постепенно она пришла в негодность, и теперь чуть не каждый день поезда сходят с рельсов.

Погода сегодня пасмурная, так что с вулканами нам не очень повезло. Облака обволакивают их вершины, словно густые черно-белые клубы дыма. Изредка в просвете между облаками промелькнет покрытый снегом гигантский конус и снова исчезнет. Наш вагон несется через узкие долины, вверх и вниз по горным склонам, между кукурузными полями и эвкалиптовыми рощами. Иногда он врезается в стелющиеся по земле облака, и тогда все окутывается непроницаемой пеленой.

Широкий хребет Анд здесь словно продавлен как раз посредине: две горные цепи и длинная долина между ними. Эта высокогорная долина делится на десятки отдельных бассейнов высотой от двух до трех тысяч метров. Земля большей частью покрыта толстым слоем пористого вулканического пепла, реки прорезают в нем глубокие русла, а деревьев очень мало. Лучше всего здесь растут кукуруза, картофель да трава на пастбищах, где пасется крупный рогатый скот и овцы. Потом скот перегоняют на прибрежные пастбища, чтобы он отъелся на сочной траве саванн, и отправляют на бойни Гуаякиля.

У Латакунги нас ждет первое препятствие. Товарный поезд, который мы должны были обогнать, сошел с рельсов, и нам приходится остановиться на неопределенное время. Город раскинулся по обеим сторонам дороги, которая по узкому мосту переходит на другой берег реки. В Латакунге есть довольно грязная гостиница с баром, где всегда можно получить коньяк на льду. Между домами бегают индианки в развевающихся по ветру платьях, на спине у них кувшины с молоком, то и дело выплескивающимся на землю.

Вот останавливается грузовик, и мы видим огромную ящерицу игуану, которую, очевидно, где-то подобрал шофер. Ящерица лежит в кузове, прилепившись к грузу, и кажется совсем мертвой, застывшей от холода. Она пепельно-серого цвета с тяжелыми, нависающими на глаза веками. Ее туловище производит впечатление чего-то шероховатого, безжизненно пустого, словно оно состоит из одной мешковины и стальной проволоки.

Внезапно облака рассеиваются и нам открывается ослепительное зрелище: на северо-востоке, угрожающе нависая над городом, вздымается заснеженная вершина Котопахи.

Этот гигантский вулкан превращает километры в метры, приближает горизонт на расстояние вытянутой руки и ломает все привычные пропорции ландшафта. Но вот облачная завеса вновь затягивает небо, и Латакунга вновь занимает свое место на высокогорной равнине.

Между тем с обеих сторон подъезжают все новые и новые товарные поезда, останавливаются и вытягиваются в длинную очередь возле станции. Лишь через несколько часов железнодорожное полотно полностью очищено от сошедших с рельсов вагонов и движение возобновляется. Мы снова блуждаем между горами и облаками, приближаясь к Чимборасо, самому высокому вулкану, которого, однако, пока что не видим.

Наш вагон петляет по речной долине, медленно спускаясь вниз. А внизу, в довольно опасном соседстве с вулканами, среди роскошных садов расположился город Амбато. В дикой красоте природы есть что-то зловещее, таящее в себе угрозу и смерть. Несколько лет назад Амбато был разрушен сильным землетрясением; жители города укрылись в соборе, он рухнул, и под его развалинами погибли тысячи несчастных. Тем не менее в городе были построены новый ультрасовременный собор и множество новых жилых зданий, которые будут стоять до следующей катастрофы. Она может разразиться сегодня или через сотню лет. Но рано или поздно она непременно разразится в этой коварной речной долине среди вулканов.

Сделав несколько кругов вокруг города, мы осторожно съезжаем в долину и ныряем между домами. Вагон катится по улицам города, как трамвай. На станции толпятся торговцы фруктами и цветами. Некоторые пассажиры вылезают из вагона, и лица у них такие радостные, словно они попали в рай. Другие едят золотистые сливы или прижимают к лицу букеты цветов, вдыхая их аромат. Правда, многие с опаской поглядывают на зияющие трещины и разрушения, причиненные землетрясением; в основном пострадали старые дома в переулках.

Амбато лежит у самого подножия Чимборасо, со стороны его северного склона. Наш вагон медленно карабкается вверх, делая широкие петли вокруг вулкана. Наконец мы взбираемся на пустынное парамо, где зеленеют маленькие островки жесткой, как железная проволока, травы да пасутся ламы. Ветер рьябит воду в небольших озерах, над низкими соломенными хижинами клубится синий дымок, небо сияет ослепительной голубизной.

А вот и сам Чимборасо, окутанный облаками; его покрытая снегом вершина уходит так высоко в небо, что приходится заирать голову, чтобы посмотреть на нее. Вершина Чимборасо не имеет правильной формы: рядом с главной

куполообразной вершиной приютились две вершины поменьше, своими очертаниями они напоминают спину двугорбого верблюда. Гора поднимается так отвесно вверх, что снег с трудом удерживается на ее склонах. Между длинными узкими полосами снега мрачно чернеют каменные глыбы.

А дальше горный склон спускается длинными волнами к Риобамбе. Там растут вишневые деревья, прикасаясь друг к другу ветвями, и, когда от Чимборасо дует холодный ветер, они низко сгибаются под его порывами. Этот ветер всегда начинает дуть ровно в одиннадцать часов утра и несет с собой серовато-белые облака вулканического пепла. Наш вагон стоит на запасном пути, пропуская товарный поезд; мы успеваем выйти подышать свежим воздухом и ощущаем совершающуюся вокруг нас борьбу между жаркими солнечными лучами, согревающими землю, и ледяным дыханием гор. У вишни есть все основания поддумываться с одной стороны и оставаться белой с другой.

С нами едет молодой немец-инженер, его так и подмывает рассказать о себе и своей жизни. Наконец ему удается преодолеть наше молчаливое сопротивление, и вот на нас хлынул целый поток слов, будто вдруг прорвалась плотина. Его специальность — цемент; он построил в долине Риобамбы цементный завод и теперь руководит им. Он покажет нам свой завод; завод называется «Сементо Чимборасо». Он расположен в речной долине, узкой и глубокой, и отлично защищен со всех сторон окружающими горами. И все же, когда завод был построен, часто приходилось прекращать работу из-за огромных масс вулканического пепла, которые приносились сюда ветром в одиннадцать часов утра. Представьте себе, все затянато сплошным туманом, ни зги не видно, а глаза и легкие засыпают пепел.

Чимборасо, какая величественная красота! Из спальни его дома в Риобамбе открывается великолепный вид на вулкан. Он уже сделал сотни снимков, а один из них при свете звезд с часовой выдержкой: незабываемая картина призрачной неземной красоты. Не так давно двое немцев попытались подняться на Чимборасо, но назад так и не вернулись. Он заранее знал, что из этой затеи ничего не выйдет, и предупредил их. Чимборасо опасен и коварен; его красота соблазнительна, она манит к себе, но в ней таится смерть.

Наш собеседник раньше был военным летчиком, во время войны он часто совершал патрульные полеты над атлантическим побережьем между Францией и Нарвиком. Сейчас какая-то брауншвейгская фирма послала его в Южную Америку строить цементные заводы. Из Эквадора он скоро переберется в Перу, чтобы построить там два завода. Цемент нужен всюду.

Через несколько лет он сможет вернуться на родину. Нет, в Эквадоре ему живется не так уж сладко, как может показаться на первый взгляд, эта жизнь не для европейца. Работы по горло, к тому же вечные неприятности из-за бюрократических порядков и дурацкой политики. Рабочим плохо платят, да и с работой они справляются неважно. У него есть жена и дочь, живут они в собственном домике американского типа со всеми удобствами. Но в этой стране вулканов очень пустынно и безлюдно, и он поехал в Кито, чтобы немножко рассеяться.

Он называет нам вулканы, мимо которых мы едем. Вот Эль Алтар; его кратер словно треснул, и мы заглядываем в его разверстую пасть. Немного подальше вырисовывается Сангай, но сейчас он виден плохо. Сразу же возле Чимборасо возвышается Каригуаирасо, а к востоку от него — Тунгурагуа, один из еще действующих вулканов. Но вот и Риобамба...

ДОРОГА НА ПОБЕРЕЖЬЕ

Риобамба лежит в ровной и плоской долине: каменные стены, вулканическая пыль, дым из паровозных труб, деревья, усыпанные белыми и красными цветами. Индейцы, приехавшие сюда верхом, слезают с лошадей и куда-то идут; на них брюки из вывернутых шерстью наружу ламьих шкур. Это пастухи с высокогорных пастбищ, где со снеговых вершин дует ледяной ветер, а по лицу хлещет дождь, колючий и острый, как мокрый песок.

В этом городе торгуют зерном, шьют шерстяную одежду и производят спиртные напитки. Бродячие торговцы предлагают миниатюрные скульптуры. В гостинице, расположенной возле станции, есть специальные стойки, где пассажиры могут быстро пообедать.

Первая задержка; наш вагон не выпускают со станции: бюрократическая возня с какими-то бумагами. Да, не так-то просто улизнуть из Риобамбы. А пока мы успеваем как следует рассмотреть и водокачку, и угольный склад, и пасущихся здесь коров.

Наконец мы снова едем, теперь вниз, описывая спираль вокруг Чимборасо: кажется, что вулкан держит наш вагон на длинной цепи, словно собаку. А дорога тем временем спускается в узкую и длинную речную долину: среди пшеничных полей стоят одинокие асьенды с красно-фиолетовыми крышами. Через узкие быстрые реки перекинуто множество небольших мостов.

Быстро меняется пейзаж.

Длинное мелкое озеро переходит в сильно заболоченный луг, весь поросший камышом и желтой травой. Здесь па-

зутся стада коров, овец, лошадей и мулов; иногда они заходят в озеро, и тогда над водой виднеются только их спины. За ними присматривают пастухи-индейцы и индианки, которые бредут по пояс в воде, чтобы не потерять животных из виду. Некоторые стоят в самой трясине и вяжут на спицах, целиком уйдя в работу.

Одни серлами жнут камыш и уносят его на спине большими вязанками, с которых струится вода. Другие ловят сетями рыбу. Дети влезают на спины пасущихся животных.

Все покрыто зеленью, от всего веет прохладой и свежестью. Вдоль берега вьется дымок от костров, на которых варят обед. Вот она, жизнь индейца, всегда связанная с водой,— настоящая идиллия.

И снова горы обступают долину. Их крутые склоны уходят в самое небо. Здесь, на головокругительной высоте, индейцы на быках или мулах пашут землю. Пашня расположена почти отвесно к горизонту, и кажется просто чудом, что молодые всходы удерживаются на месте, а не сползают вниз. Каким образом управляются там жнецы и косари? Очевидно, снопы просто сбрасываются вниз, и они катятся по склону в долину.

Снизу видны ровные квадраты полей, доходящие до самой вершины. А на вершине нередко стоит группа невзрачных хижин, крытых соломой, и издали кажется, что это гнезда ласточек.

Иногда склоны гор кажутся полосатыми, как зебра, а иногда пятнистыми, как шкура леопарда, в коричневую и бледно-серую клетку. Индейцы же упорно одеваются в красное, и издали они похожи на маленьких красных насекомых, ползущих по крутому обрыву.

Разбросанные по всей долине луковые поля сразу же бросаются в глаза своим удивительно синим цветом; вы будто слышите, как растут стебельки лука, и ощущаете во рту их вкус.

Вдруг всякая растительность исчезает, склоны гор становятся совсем голыми, а земля сухой и пыльной. Куда ни бросишь взгляд — один песок да красноватые кактусы: это кусок пустыни. Река кажется черной и тяжело извивается между камнями. В расщелинах скал виднеются высокие жесткие пучки какой-то лиловой травы.

Потом нас окутывает туман, который как бы сглаживает неровности местности, туман густой, желтый, словно пропитанный пылью. Мы медленно двигаемся вперед, непрерывно давая гудки, как корабль в тумане. Дома, деревья, люди призрачными тенями мелькают за окном.

Но вот начинается спуск, и полоса тумана уходит вверх, превращаясь в огромное облако, плывущее над горами. Мы

едем под широким облачным сводом, в узенькой полоске солнечного света. У нас такое ощущение, будто мы вдруг очутились под водой.

Полотно железной дороги подходит к самому ущелью: это дикая глубокая пропасть, уходящая вниз уступ за уступом. Мы едем по узкой, извивающейся ступеньке, постепенно спускаясь на дно бездны, где несет свои воды река.

Кажется, никогда не будет конца этому спуску; каждую минуту перед нами открывается новое, еще более глубокое ущелье.

Мы проезжаем маленькое селение, вырубленное прямо в скалах; оно похоже на орлиную колонию и совершенно отрезано от внешнего мира. Какая бессмыслица! Горные дороги покрыты грязью. В оврагах лежат кучи мусора.

Высохшие ручьи оставили на горных склонах светлые следы, будто кто-то мелом провел черту.

Постепенно проход становится таким узким, что вагон не может больше сделать ни одного поворота. Теперь он едет зигзагами, попеременно двигаясь то вперед, то назад.

Самое опасное место называется *Nagiz del Diablo* (Нос Дьявола); немало поездов скатилось здесь в пропасть.

В одном глухом ущелье мы чуть не столкнулись с товарным поездом, который шел нам навстречу. Вой гудков, облака пара, крики! Пассажиры высыпают из вагона.

Паровоз толкал перед собой открытую платформу с деревянными скамейками. На скамейках сидело несколько женщин, закутанных в одеяла. Быть может, это придумано для обеспечения безопасности поезда? А женщины сидят для того, чтобы криком предупредить об опасности?

Несколько минут кто-то кричит, кто-то машет руками, но потом оказывается, что товарный поезд может отойти немного назад и пропустить нас.

Наконец мы достигаем дна и мчимся вдоль пенящейся среди камней реки. Это все равно что ехать через огромную каменоломню. Из трещин в скале начинает пробиваться редкая растительность. Снова попадает селение, выросшее возле кладбища, где хоронят рабочих и служащих этой дороги. Там стоят чугунные памятники героям-строителям дороги: английские инженеры в шляпах с опущенными полями и дорожные рабочие.

Растительность становится все богаче, все более тропической. Горы до самых облаков одеты пышной зеленью. Одна за другой они выплывают нам навстречу и тут же расступаются перед обвивающейся вокруг них долиной. Это повторяется снова и снова, и уже кажется просто невероятным, что огромные горные массивы так долго пребывают в трогательном согласии с долиной.

В реке лежат скелеты упавших деревьев. Зажатые тропическим лесом, стоят жалкие соломенные хижины. Повсюду разбросаны рощицы бананов с большими светло-зелеными листьями. Дынное дерево с гроздьями темно-зеленых плодов возвращается, словно живая окаменелость.

Когда становится темно, горы вдруг отступают, и мы въезжаем в небольшой городок, дышащий зноем тропического леса. Дома здесь стоят на сваях, глубоко забитых в болотистую почву, стены сделаны из бамбука и не очень-то защищают обитателей этих домов от посторонних глаз. Когда внутри зажигают свет, на стенах возникают черно-белые узоры из силуэтов, теней и освещенных фигур.

Открытые магазины завалены товарами до самой крыши. У большинства жителей городка темная кожа: на побережье живет население с сильной примесью негритянской крови. Мужчины ходят обнаженными до пояса, их черные тела блестят от пота. Те, кто остались дома, то и дело принимают душ; их единственная одежда — повязанное вокруг бедер полотенце. По длинным деревянным верандам взад и вперед ходят женщины, баюкая детей.

Дальше прямая, как стрела, дорога идет через лес и саванну. Вагон мчится все быстрее, ночные бабочки и всякие насекомые то и дело ударяются о ветровое стекло, и скоро оно уже сплошь покрыто грязными пятнами, так что через него почти ничего не видно. По обеим сторонам железнодорожного полотна высятся деревья гигантской черной стеной, усыпанной огоньками светлячков. Мы проносимся мимо домов на сваях, мимо мадонн, освещенных розовым стеариновым светом. Влюбленные пары быстро отходят от насыпи и исчезают во тьме. Из черной лесной чащи поблескивают чьи-то зеленые глаза, словно горящие безумием: это дикие кошки, ночные птицы, возможно, змеи.

Небольшое селение с множеством огней и толпами людей, одетых в белое. Одни немедленно исчезают во мраке ночи, другие неподвижно стоят на месте, глядя на нас; у них светлые глаза и темные лица. Внезапно раздается громкий звон, предупреждающий об опасности, и в тот же миг нас ослепляет сильный луч прожектора, вонзившийся в наш вагон из темноты; нам навстречу по тому же пути идет поезд...

Наш машинист тормозит, гудит, останавливается, потом дает задний ход. Прожектор уже в нескольких метрах от нас, когда встречный поезд останавливается, а паровоз с шипением выпускает клубы пара. Оба машиниста соскакивают на землю и бегут навстречу друг другу. Однако вовсе не для того, чтобы драться или ругаться. Напротив, они бросаются друг другу в объятия, нежно похлопывая по спине, и вообще ведут себя как добрые старые друзья. Какая приятная встреча на железнодорожном полотне, да еще ночью!

Мы переезжаем на другой путь и снова мчимся в крошечной тьме.

Какие-то склады, причалы, черная вода. Железная дорога поворачивает налево. И на самом горизонте, на фоне ночного неба вдруг появляется бледное сияние, как бы исходящее от огромной, накрытой абажуром лампы. Сияние, привлекающее к себе целые тучи насекомых, которые летят туда со всех сторон, — далекий ночник равнины, Гуаякиль.

Во мраке бушует море огня; высокие языки пламени и золотисто-красные отсветы, перебегающие с места на место, озаряют черные клубы дыма. Что это, опять нефтепромыслы? Нет, на сей раз просто лесной пожар, расчистка леса огнем, которая продолжается днем и ночью. Пламя, борющееся с мраком, придает ночному ландшафту какую-то особенную дикость.

У подножия темного холма находится речной порт Дуран; сюда пристаёт паром. Мы подъезжаем к широкой, кипящей черными водоворотами реке Гуаяс. Низко над водой мерцают огни Гуаякиля. Через полчаса мы на другом берегу.

ТРОПИЧЕСКИЙ ГОРОД ГУАЯКИЛЬ

Гуаякиль — крупнейший город Эквадора (триста тысяч жителей), порт, соединяющий страну со всем миром, важный экономический центр. Гуаякиль — одна из ближайших к экватору гаваней мира; здесь невообразимо много кузнециков, и все завалено бананами. Прямо на тротуарах толстым слоем лежат зерна кофе и какао, подсушиваясь на солнцепеке, а возле медленно ходят негры и переворачивают зерна своими босыми ногами.

Гуаякиль лежит не у самого океана, а на берегу глубокого залива, у широко разветвленной дельты реки Гуаяс. Песчаные наносы значительно затрудняют судоходство, и недавно было запланировано строительство нового порта на одном из рукавов Гуаяса, свободном от наносов. Пока же морские суда не могут приставать к берегу, погрузка и разгрузка осуществляются с помощью небольших пароходов. Течение здесь очень сильное и меняет направление два раза в сутки, в зависимости от приливов и отливов.

На реке непрерывно гремят и скрежещут землечерпалки (из окна нашей комнаты с видом на реку они кажутся какими-то адскими чудовищами), теснятся всевозможные суда и барки, режут гудки, звенит судовая колокол. Полуголые негры быстро плывут в своих каноэ или смело идут под парусами на хрупких и валких суденышках.

По реке плывет множество разных предметов: деревья и кустарники со змеями и всякими зверьками, целые острова из

цветов, трупы животных с поедающими их коршунами и воронами, огромные стволы бальсового дерева, легкого, как пробка, и груды забракованных бананов.

Гуаякиль сильно пострадал от пожаров, и в городе осталось мало старых домов. Теперь здесь высокие многоэтажные здания, хорошие тротуары, решетчатые окна с вентиляторами и установками для охлаждения воздуха. Католическая партия решила воздвигнуть в честь своей победы гигантскую статую Христа, которая стоит восемь миллионов сукре (свыше двух миллионов крон). Пусть полюбуются либеральные язычники! Однако конъюнктура сейчас очень неважная, и школьники рискуют остаться без бесплатных завтраков, которые они получали до сих пор, потому что ассигнуемые на завтраки средства теперь начнут поступать в фонд статуи Христа. (Бесплатные завтраки для школьников за счет государства — явно социалистическая и непристойная выдумка.)

Кроме того, в Гуаякиле строится новый собор, но строительство подвигается медленно, и, хоть прошло уже десять лет, собор еще не готов. Один предприниматель отчаянно ругался из-за того, что уже переплатил черт знает сколько денег по налогам, взимаемым за строительство этого проклятого собора. С Домом культуры дела обстоят еще хуже. По замыслу это очень красивое здание, однако оно так и осталось наполовину недостроенным. Здание напоминает древние развалины с лифтом, поднимающимся среди кирпичных стен и строительных лесов, и со студенческим кафе на самом верху, похожим на повисший в воздухе поднос с людьми.

Однако выше всех в Гуаякиле живут покойники; кладбище расположено амфитеатром на склоне высокой горы: это огромный полукруг из белых крестов, резко выделяющихся на красной земле. С вершины горы открывается превосходный вид на город, реку и саванну. Туристы могут делать подлинно художественные снимки через завесу из репейника и густой травы.

Вы часто можете наблюдать, как по улице идет мужчина, глядя прямо перед собой, и несет на плече детский гробик. Нередко он идет совсем один, но бывает и так, что за ним плетутся изможденная женщина и несколько оборванных ребятшек.

БАНАНОВАЯ ДРАМА

Эквадор принадлежит к числу экономически отсталых стран и испытывает немалые трудности при попытках сбалансировать свой бюджет. Основные статьи экспорта — бананы, какао и кофе. Бывают годы, когда больше всего вывозится какао: так, в 1954 году какао было продано на 34 миллиона долларов, а бананов только на 27 миллионов. Но, как правило, на первом месте стоят бананы. Эквадор является крупнейшим в мире экспортером бананов. Гуаякиль мыслит и чувствует бананами.

В Гуаякиле нам удалось встретиться с Энрике Хилем Хильбертом, и эта встреча была очень кстати. Хильберт — известный романист и в то же время руководитель профсоюза, так что он великолепно знает банановую страну и ее полную драматизма внутреннюю борьбу. Мы встретили Хильберта вечером в Доме культуры в студенческом кафе. Он ждал там Адальберто Ортиса, поэта мулата из Эсмеральдаса.

Хильберт удивительно молодо выглядит, и трудно поверить, что он в течение тридцати лет непрерывно участвовал в той литературной и социальной борьбе, которая происходила на побережье. У него длинные темные вьющиеся волосы, густые брови и полные губы: видно, что в нем есть примесь негритянской крови. Спокойно и веско он говорит о проблемах, стоящих перед Эквадором, анализирует их с точки зрения гуаякильца; иногда он иронически улыбается уголок рта.

Он предлагает нам осмотреть на следующий день банановые плантации, конечно если не будет дождя. (Облака нависают над городом все ниже и ниже, и вечером начинается дождь. Он льет как из ведра всю ночь, но утром небо проясняется. Мы ищем взглядом кузнечиков, которые, если верить рассказам, должны были бы заполнить сейчас улицы и переулки. Говорят, что в это время года после дождя на город опускаются целые тучи огромных кузнечиков. Их давят машины на улицах, они лежат кучами у водосточных канав, мешают продавцам опускать на окна магазинов железные шторы. Но сейчас их почему-то нет...)

Хильберт пришел, как мы условились, и сказал, что ехать можно, хотя дороги порядком раскисли. И вот мы уже плывем через реку на одном из тех катеров, что непрерывно перевозят пассажиров с одного берега на другой. Наше судно имеет довольно жалкий вид: с бортов нас защищает от ветра оборванная мешковина, на дне плещется вода. Мотор так дрожит, что, кажется, вот-вот выскочит из промасленного капота; над ним, согнувшись, стоит машинист негр. Катер благополучно избегает столкновения с плывущими по реке бревнами и разным хламом и быстро приближается к Дурану.

Дуран — крупный перевалочный пункт, куда грузовики доставляют целые горы бананов; каждая связка обернута в целлофан в соответствии с последними требованиями американцев. Высокие кузова грузовиков изнутри покрыты старыми банановыми листьями; листья давно завяли и похожи на коричневую оберточную бумагу, издающую сухое шуршание. Свиньи поедают испорченные бананы; после дождя по улицам текут потоки воды, и все без исключения прохожие шлепают по лужам; тем, кто ходит босиком, это, очевидно, проще всего.

На улицах стоят ларьки торговцев всякой снедью и фруктами; многие утоляют голод прямо у ларька. Тут же на тротуаре играют несколько подростков: они бросают монету в квад-

ратики, каждый из которых соответствует определенному числу очков. По улице медленно прохаживается щеголеватый полицейский, armado hasta los dientes (любимое выражение южноамериканцев, соответствующее нашему «вооруженный до зубов»). На нем патронные ленты и пистолеты, сапоги со шпорами, в руке плеть, на пальцах кольца с крупными рубинами; во рту у него сверкают острые белые зубы, а взгляд подобен удару кинжала. Где бы он ни появился, вокруг сразу становится тихо и пусто, а те, кто не успел уйти, застывают на месте. Он, словно змея, наслаждается сознанием своей власти, уливаясь собственной злобой, как возбуждающим наркотиком. (Хильберт подтверждает, что наше впечатление верно: это очень опасный человек. На банановых плантациях могут быть только такие полицейские — непримиримые враги всего населения района.)

Выбраться из Дурана, чтобы ехать дальше, оказывается не так-то просто. Несколько машин застряли в грязи, на дороге образовалась пробка, и проехать нет никакой возможности. Хильберта здесь, кажется, знают все, однако даже он не может достать машину. Наконец ему удается где-то раздобыть старый, но еще достаточно сильный автобус, и за хорошую плату шофер соглашается сделать попытку выехать из города. Мы садимся в автобус, трогаемся с места и едем через лужи, грязь и железнодорожные рельсы.

Дальше начинается двадцатикилометровое асфальтированное шоссе, бешеная скорость, невероятная тряска, молниеносные обгоны на полном ходу. Мы мчимся очертя голову, словно скорая помощь, пользуясь той относительной свободой, которую предоставляют шоферу загородные дороги. Местность совершенно ровная и плоская, смотреть пока не на что.

Шоссе кончается; дорога такая, будто ее всю перепахали, перекопали или здесь только что схлынула вода после наводнения. Все чаще нам попадаются застрявшие машины, их колеса глубоко зарылись в землю, а груз либо сейчас рухнет, либо уже рухнул на землю. Наш автобус вовремя разворачивается, съезжает с дороги и несется прямо по целине между пней и кустарников. И ничего, мы едем все вперед и вперед.

И вот мы уже в краю бананов. Сначала проезжаем район будущих плантаций, где лишь недавно был пал леса; люди врубаются в землю среди обугленных пней и стволов: женщины, согнувшись в три погибели, сажают побеги бананов, а за спиной у них висят совершенно голые ребятишки. Еще несколько километров, и начинается сплошной банановый «лес». Здесь и там разбросаны жалкие хижинки на столбах, с ветхими лесенками, ведущими наверх, и больше ничего, только отбросы и мусор, а вокруг целое море бананов.

Дороги, врезающиеся в банановый лес, несколько хижин на деревянных столбах, группа деревьев, отбрасывающих редкую

узорную тень, пара спутанных лошадей, небольшой ларек. Мужчины в пропитанных потом куртках, женщины с вздувшимися животами, полуголые дети. Когда мы вылезаем из автобуса, на нас смотрят крайне недоверчиво, пока Хильберт не объясняет им что-то; тогда они, очевидно, его узнают.

Смотреть здесь особенно нечего. Комнаты в хижинах почти пустые, на стенах висит немного одежды, в углу свернуты спальные циновки, на полу лежит грязная посуда. Иногда можно увидеть цветное изображение мадонны с укрепленными перед ним бумажными цветами. Изображение всегда очень стертое и грязное.

Хильберт рассказывает нам о положении тех, кто возделывает бананы.

Здесь господствует своего рода феодальная система. Землевладельцы сами не ведут хозяйство, а сдают землю в аренду беднякам-издольщикам, которые выращивают бананы, какао, кофе или рис. Арендаторы могут уплатить арендную плату только продуктами своего труда, а цена на эти продукты устанавливается очень низкая. Как правило, большая часть урожая идет землевладельцу, а арендатору с семьей остается так мало, что они едва сводят концы с концами.

Конъюнктура на банановом рынке целиком и полностью зависит от североамериканской компании «Юнайтед фрут», которая держит в своих руках весь экспорт фруктов. (Все попытки Эквадора самому взяться за вывоз бананов успеха не имели.) «Юнайтед фрут» определяет качество бананов и определяет так, как это ей выгодно, открывая широкие возможности для спекулятивных сделок и всяких темных махинаций. Бананы, которые оцениваются как «несортовые», настолько дешевы, что продавать их уже не имеет смысла, и их выбрасывают в реку. Бывали годы, когда компания браковала половину всего урожая бананов. Арендатор же слишком беден, чтобы заплатить за транспортировку своих жалких бананов, а другой возможности сбыть их у него нет.

Понятно, что в такой обстановке каждый день может произойти взрыв возмущения. Любой иностранец или представитель властей, появляющийся по ту сторону реки, в общем рискует жизнью. В прошлом году, когда из трех тысяч связок бананов было забраковано две тысячи пятисот, арендаторы взяли за мачете и стали разыскивать хозяев, чтобы свести с ними счеты.

Арендаторы непрерывно борются с землевладельцами через свои объединения, профсоюзы и кооперативы. Однако противоречия уже настолько обострились, что мирные методы борьбы оказываются недостаточными. Дело нередко доходит до кровопролития. Когда обстановка особенно накаляется, правительство посылает сюда войска, разумеется для защиты интересов землевладельцев. В банановых лесах трещат пулеметы, а потом

совершаются массовые погребения. «Юнайтед фрут» экспортирует бананы, обильно политые кровью.

Однако хуже всего положение арендаторов, занимающихся выращиванием риса. Они арендуют землю всего лишь на шесть месяцев и снимают только один урожай. Организованы они плохо и поэтому чаще, чем кто бы то ни было, берутся за ножи.

Землевладельцы делают все возможное для того, чтобы местное население оставалось неграмотным, и, когда нужно построить школу, у них не допросишься даже крошечного клочка земли. Недавно матери устроили здесь демонстрацию: они шли с мачете в руках и требовали, чтобы для их детей была построена школа.

В банановом районе нет никакого социального обеспечения, это своего рода «земля для не людей». В период дождей тут все залито водой и весь район превращается в огромное болото. Однако у бедняков нет возможности уехать отсюда хотя бы на время, и они вынуждены жить среди москитов и змей. Дети мрут как мухи. Здесь, на побережье, самая высокая детская смертность в мире.

КРАЙ БАНАНОВ И ИНДЕЙСКИЕ ГОРЫ

— Что касается побережья, то это район *muu fuerte* (очень сильный), — говорит Хильберт, используя образное выражение гуаякильцев. Но и противоречия здесь тоже очень сильные. Отчасти это противоречия внутри самого района между крупными капиталистическими предприятиями и нищим населением, а отчасти в национальном масштабе — между плодородным побережьем и малопродуктивной горной областью.

Мы уже вернулись в Гуаякиль, сидим и что-то пьем; перед нами река, взад и вперед снуют пароходы и баржи.

— Да, Гуаякиль *muu fuerte*, — говорит Хильберт, и в голосе его слышится восхищение, смешанное с иронией. — Город словно набит динамитом, вот-вот взорвется. В Гуаякиле империализм — это не просто понятие, а реальная действительность. Все отрасли экономики захвачены крупными североамериканскими компаниями, хотя часто они действуют под чужими названиями. «Дженерал электрик», например, владеет большой рыболовной флотилией. «Стандард ойл» эксплуатирует равнину. Концерн Рокфеллера, владеющий кофейной плантацией Робуста, душил рынок низкокачественным демпинговым кофе. Даже гуаякильская электростанция является прибыльным частнокапиталистическим предприятием.

Итак, с одной стороны — крупные компании, экспортеры, банки, церкви. Но другая сторона тоже обладает немалой силой: это хорошо организованные рабочие, их экономические и профессиональные объединения с таким могучим резервом, как

широкие народные массы. Первая большая забастовка произошла в 1920 году, ею руководили анархо-синдикалисты. Два дня в Гуаякиле была рабочая власть, пока в город не ворвались правительственные войска. Однако и в дальнейшем Гуаякиль оставался очагом беспорядков, вечной угрозой для реакции и капитализма, который имеет здесь свою главную точку опоры.

Величайшая опасность для Эквадора заключается в том, что индейцы и негры здесь фактически поставлены вне общества, полностью отрешены от цивилизации и культуры. Они составляют беднейшую часть населения и вытеснены на городские окраины, в леса и болота. Многие из них живут в стадии дикости; они настолько изолированы от остального населения страны, что еще говорят на испанском языке XVIII столетия.

Кроме негров и мулатов, на побережье живут потомки индейцев племени майя, переселившиеся сюда из Мексики. Их легко узнать по довольно угловатым лицам. На побережье перебирается все больше индейцев с гор. Они идут сюда непрерывным потоком в надежде на лучший заработок. Сначала индейцы жестоко страдают от тропического климата приморской низменности, тела их невероятно опухают, однако они упорно носят свои шерстяные одеяла. Привыкнув, они становятся хорошими рабочими, умелыми и старательными. Некоторые из них быстро идут в гору, становятся служащими различных предприятий, берут себе испанские фамилии. Как профсоюзные деятели они не оставляют желать лучшего. Прежде чем принять какое-нибудь решение, они долго взвешивают все «за» и «против», но зато потом они непоколебимы и отстаивают его до конца.

Эквадор — самое маленькое государство в Южной Америке, и все-таки оно глубже, чем любая другая страна, расколото на две части. Горная страна и прибрежная страна не имеют между собой ничего общего. Разница высот между ними составляет три-четыре тысячи метров, а климатические условия прямо противоположны. Горная страна населена индейцами, которые ведут почти растительный образ жизни; здесь производят лишь предметы самой первой необходимости, экономика развита плохо, промышленности нет никакой, нет ничего, что могло бы пойти на экспорт, зато многое нужно импортировать, чтобы удовлетворить потребности населения. На побережье, напротив, изобилие тропических продуктов, идущих на экспорт, энергичное и предприимчивое население, сверхжаркий, даже в политическом смысле, климат.

Горная страна в значительной степени существует за счет побережья, и противоречия между этими двумя областями нередко приводят к гражданской войне (гуаякильские войска однажды захватили Кито, но потом были вынуждены оставить его). Пока что Эквадору удается сохранить свое единство, и надо надеяться, он сохранит его и в будущем, хотя столица

в горах и могучий город-экспортер на побережье тянут в разные стороны.

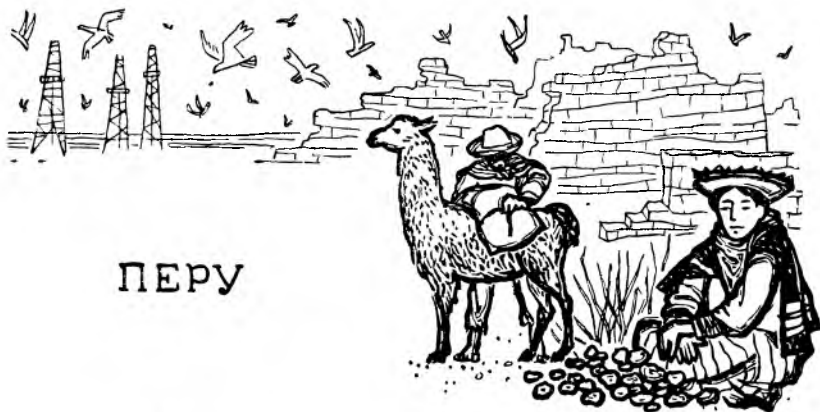
Горы — это край прохлады, тишины и молчания, здесь царят раздумье, покорность, невзыскательность и все тонет в неподвижном безвременье. Здесь нет ничего, кроме вулканов и зияющей пустоты, крестьян и их стад. Зато побережье — страна, где все бурлит страстью, нетерпением, энергией, здесь всегда шумно, это средоточие неисчерпаемых возможностей, куда устремляются все новые и новые потоки людей: здесь царят дороговизна и поножовщина, а воздух насыщен мятежом, который плавится в тропической жаре и с каплями пота стекает на землю.

Хильберт показывает нам статую, стоящую на портовой набережной. Статуя изображает встречу между Боливаром и Сан Мартином в Гуаякиле. Эти два героя освободительной войны прибыли сюда с двух противоположных концов Южной Америки: первый — с Севера, из Венесуэлы, второй — с Юга, из Аргентины. Оба они одерживали замечательные победы, обоих вдохновлял великий энтузиазм народов и мечта о будущей единой и независимой Южной Америке. И все-таки они мыслили и чувствовали слишком по-разному, разногласия между ними наметились уже во время этой встречи в Гуаякиле, те самые разногласия, которые вскоре возникли между южноамериканскими государствами и сделали невозможным их политическое объединение.

Великолепный Боливар жаждал славы, романтически обожал Наполеона, любил рискованные походы и неожиданные маневры, застающие противника врасплох, стремился к неограниченной власти. Этот весьма похожий на диктатора полководец всегда был уверен в себе и смело вмешивался в ход исторического развития целых народов. Сан Мартин, наоборот, был очень аскетичен и очень строг к самому себе: религиозный идеалист, ставший покорным орудием закономерного исторического процесса, он в любой момент был готов сойти со сцены, отдать другому и славу и власть.

Эти два противоположных человеческих типа, два противоположных жизненных принципа встретились в Гуаякиле, и, хотя внешне все обстояло благополучно, они разошлись по всем вопросам. Эта встреча и эти противоречия решили судьбу Южной Америки на многие годы.

Это памятник не единству, а расколу. Именно такой памятник и должен стоять в Гуаякиле.

ПЕРУ

НЕФТЯНОЙ ГОРОД В ПУСТЫНЕ

ы проехали на машине по дорогам Перу свыше двух тысяч километров, от Талары на севере до Арекипы на юге. Почти все время вокруг простиралась голая пустыня, лишь изредка встречались зеленые оазисы. Побережье Перу не знает дождей, но иногда его окутывает сырой туман, надвинувшийся с моря. Оазисы получают воду из рек или оросительных каналов, идущих с гор. Вода здесь — это все. Там, где есть вода, растет сахарный тростник вышиной в человеческий рост и превосходный хлопчатник. Там, где нет воды, сразу же начинается пустыня.

С каждым годом количество оазисов все увеличивается, и теперь их более сорока общей площадью свыше пятисот тысяч гектаров. Ежегодно их удобряют тремьями тысяч тонн гуано, которое доставляется сюда с прибрежных островов, где живут миллиарды морских птиц. Эти птицы ведут самый большой рыбный промысел в мире, истребляя огромные косяки рыб, идущие с холодным береговым течением с юга на север. Иногда, правда очень редко, в это течение попадают массы более теплой воды, которая начинает испаряться; тогда на берег обрушиваются страшные ливни, вся рыба уходит в море и птицы гибнут от голода; целые горы трупов птиц усеивают берег и море.

Оазисы посреди пустыни составляют главное богатство Перу. Металлы и минералы, добываемые в горах, имеют гораздо меньшее значение для экономики страны, чем хлопчатник, сахарный тростник или кофе, выращиваемые на побережье. Один только хлопок дает в три раза больше прибыли,

чем самый важный из добываемых здесь металлов — свинец. А рыбный промысел дает почти столько же, сколько знаменитые серебряные рудники.

Прибрежную область недаром называют «берегом чудес». Как ни парадоксально, пояс пустынь оказывается в то же время поясом садов, а выжженная солнцем земля приносит невиданные урожаи. Здесь расположено большинство крупных городов страны, которые как бы вросли в зеленые оазисы. Таким городом является и сама Лима; с крыш домов видны окружающие пески и голые возвышенности.

Контрасты здесь такие резкие, а переходы столь внезапные, что все представляется чем-то нереальным, словно это мираж, какое-то удивительное явление природы или, наконец, просто чудо. Иногда кажется, что перед тобой гигантские кулисы: снежные вершины гор, как бы написанные маслом на фоне синего неба; утопающие в зелени и цветах оазисы посреди желтой пустыни; белые скалы из гуано, будто нарисованные струящейся акварелью на фоне туманной дымки, затянувшей море.

* *
*

На большом многоместном самолете авиакомпании «Панагра» мы совершаем прыжок из Гуаякиля в Талару: за какой-нибудь час мы переносимся из тропических банановых джунглей Эквадора на холодный лунный ландшафт северного Перу.

Мир под крылом самолета меняется на наших глазах. Дышащая испарениями дельта реки остается позади, и вот мы уже видим сверкающую на солнце поверхность залива; огромные массы белых облаков вдруг переходят в бледную, неподвижную мглу, словно кто-то провел по линейке черту, а дальше насколько хватает глаз раскинулось синее-пресинее небо. Побережье Перу пустынно: голые вершины, веером расходящиеся гребни светлого песка, белая морская пена. Асфальтовые дороги тянутся, как черные линии, проведенные тушью на измятой серовато-коричневой оберточной бумаге.

Талара — настоящий город пустыни. Здесь все скрипит от песка, все сверкает песком, даже залив как бы исчезает под песчаными наносами, а его поверхность кажется сухой и зеркально неподвижной. Разбросанные вокруг дома тоже стоят в глубоком слое песка; они окрашены, вытерты, выскоблены и насквозь пропитаны песком — желтым прахом пустыни. Песчаные барханы подходят вплотную к шоссе и медленно переползают через него светлыми дымящимися языками.

Песком засыпаны нефтепроводы, голые, черные и грубые, — единственные артерии этого мертвого пейзажа. Впрочем, здесь есть и водопровод, по которому идет вода из протекающей

в сорока километрах отсюда горной реки. Все живущее и растущее в Таларе зависит от этого водопровода. Его водой питаются те немногие деревья и цветы, что растут здесь, дети пьют воду из его кранов, ту же воду заливают в радиаторы автомашин на станциях обслуживания.

Сверкающие металлом нефтехранилища возвышаются среди песчаных холмов, словно величественные памятники скрытому в недрах пустыни богатству. Окружая город со всех сторон, они как бы охраняют его и в то же время оправдывают его существование. «Интернейшнл петролеум компани» (филиал «Стандард ойл») — так называется могущественный концерн, который кормит Талару и правит ею. Нефтяная компания за все отвечает и за все платит. Она сотворила этот город в песках и постепенно превратила его в образцовое предприятие.

Недавно отстроенный центр свидетельствует о возможностях американской технической цивилизации. Магазины, банки, рестораны, церковь и кино сверкают на солнце своими великолепными фасадами из стекла и стали. Вы можете купить здесь все, что душе угодно, в упаковке из целлофана или просто в банке: фрукты и бифштексы, шелковые чулки и нейлоновые рубашки. Здесь есть больницы, клубы, теннисные корты, плавательные бассейны и тринадцать школ, в которых учится около пяти тысяч детей.

Длинными рядами тянутся современные жилые дома, безупречно ровные и демократические; они совсем одинаковые: все те же светлые комнаты и пестрые гардины на окнах, все тот же простор и легкость стандартного дома, и перед каждым из них дети катаются на все тех же стандартных трехколесных велосипедах. Из громкоговорителей доносится все та же американская чувствительная музыка, а заход солнца над пустыней и океаном словно написан по специальному заказу неведомым художником: небо окрашено в великолепные золотые, фиолетовые и багряно-красные тона. И у вас невольно создается впечатление, что нефтяная компания ведает также и заходом солнца.

Нефть добывается в пустыне на различных промыслах, и потом очищается в Таларе. На рейде и в гавани стоят танкеры, разгоняя прожекторами тьму, нависшую над морем.

Городской отель — утопающее в песке старое деревянное здание, наполненное духотой и скрипом. Помои выливаются прямо в песчаные наносы перед отелем, и от них исходит тягелый запах.

В соседней комнате живет начальник полиции с женой и детьми. Он уже стал нашим добрым другом и помогает нам чем может: ставит печати, пишет разные бумаги, дает советы, показывает нам городские достопримечательности. По ночам его могучий авторитетный храп доносится через стену.

ХЛОПКОВЫЕ ПОЛЯ И ДОРОГИ ПУСТЫНИ

Машина несется из Талары в Пьюру. Рубашка на нашем стапятидесятикилограммовом шофере уже темная от пота. Рядом с ним сидит его сын, которому он и передает руль. Сам он теперь только руководит, придает машине, так сказать, вес и устойчивость да еще помогает сыну на поворотах, делая чуть заметное движение рукой.

Песок, зазубренные утесы, красновато-желтые ущелья. Но через несколько часов пейзаж сразу меняется. Сквозь облака пыли и дыма мы видим какое-то селение, словно выкрашенное в серовато-землистый цвет. Вытянулись в ряд прямые зеленые деревья. Как оказалось, пыль поднимает трактор, вспахивающий поле возле дороги, а дым идет от огромных куч горящей сорной травы.

Пустыня вдруг переходит в бескрайние хлопковые поля; сев закончился совсем недавно, и поле еще совершенно черное, без единого зеленого ростка. По черным канавам бежит вода; земля ждет, когда же наконец появятся молодые побеги хлопчатника, и словно трепещет от покрывающей ее влаги и тревожного ожидания.

Рабочие — индейцы и метисы — одеты во все белое и издали похожи на больших кукол. Они чистят оросительные каналы, погоняют запряженных в телегу волов или просто стоят группами перед глиняными хижинами.

Миля за милей тянется хлопковое поле, и кажется, что оно стирается от гор до самого моря. Вся эта равнина, видимо, принадлежит какому-нибудь одному владельцу; он сидит себе в Лиме и продает огромные партии хлопка, которого, возможно, даже в глаза не видел. Но зато он заплатил за строительство оросительного канала, подающего воду с гор. До тех пор вся эта земля была голой пустыней. Он рискнул, вложил деньги, а теперь пожинает плоды.

Мы проезжаем хлопковое поле, где зеленеют молодые всходы. Немного дальше хлопчатник уже цветет, а еще дальше хлопок созрел и его можно убирать. Очевидно, хлопчатник здесь можно сеять и убирать в любое время года. Главное для него — вода и солнце.

Оазис тянется до самой Сульяны — города, расположенного на песчаном холме. Там мы проезжаем по длинной пальмовой аллее, затем минуем сильно обмелевшую речку (из пятидесяти рек, протекающих по побережью, едва ли наберется десять, в которых вода есть круглый год). Водовозы на мулах заезжают в реку между песчаными отмелями и наполняют водой свои бочки. На обратном пути в город вода выплескивается из бочек и оставляет в дорожной пыли темный след.

За Сульяной воды нет, здесь снова начинается царство пустыни. На песке лежат скелеты животных. В небе кружат коршуны и ястребы.

Следующий оазис — Пьюра, один из трех крупнейших оазисов страны (два других находятся в районах Чиклайо и Трухильо). Пьюра славится длинноволокнистым хлопком. Кроме того, это старинный и чванливый город, основанный еще до Лимы; тон здесь задают богатые землевладельцы.

На площади Пласа де Армас цветут огромные тигровые лилии, девочки катаются на роликах, а задумчивые адвокаты медленно прогуливаются по тенистым аллеям. Эту восхитительную идиллию охраняют по крайней мере пять родов войск и полиция: от шеголеватых осинового вида офицеров до смахивающих на пожарников парней в форме и по-детски толстощеких юнцов-пехотинцев.

Вечером в воскресенье я покупаю в магазине банку персиков и несу ее в руке. Полицейские пристально смотрят на банку и о чем-то переговариваются не спуская с меня глаз. Очевидно, они заподозрили, что это бомба. Почему же я так открыто несу ее в руке? Наверное, чтобы отвлечь подозрение? Ну, конечно! Однако полицию не проведешь!

Государственный отель для туристов удобный и красивый. (Отели Перу мне очень понравились; они непохожи один на другой, но все очень хороши.) Столовая выходит в сад, куда нередко залетают колибри.

Немного о колибри.

Золотисто-зеленые, по величине нечто среднее между стрекозой и птицей, они порхают среди пунцово-красных цветов. Похожие на насекомых, как бы приводимые в движение аккумуляторами, колибри жужжат, словно маленькие моторчики. Их крыльев почти не видно, это пропеллеры, образующие радужный светящийся ореол. Вот колибри нависает над цветком, как миниатюрный вертолет, потом неожиданно вонзает в него свой длинный клюв, вытаскивает его обратно и снова вонзает и так несколько раз, быстрым и резким движением, словно делает инъекцию или берет на анализ кровь. Судорожными рывками они носятся среди цветов, молниеносно описывая в воздухе круги. В их движениях есть что-то механическое, даже жутко становится. Не очень приятная птичка.

Между Пьюрой и Чиклайо — пустыня Сечура. Однако это не пустыня в полном смысле слова. Среди высушенных кустарников выделяются ядовито-зеленые кустики, а редкие деревца изо всех сил борются за жизнь. Деревца покрыты колючками, а листва по форме напоминает какой-то диковинный орнамент; с ветвей свисают мохнатые плоды. Дорога, эта бесконечная прямая линия, часто исчезает за горизонтом. А иногда совсем рядом вырастают совершенно голые горы, похожие на зубцы пилы. И тогда нашему взору открываются мрачные ущелья, об-

ломки скал, красные, как сырое мясо, каменные глыбы, остро-конечные утесы.

Люди живут здесь в жалких хижинах. Это либо разваливающиеся глиняные коробки, скрепленные кусками железа и тряпками, либо просто навес из ветвей на столбах. Мулы, спутанные лошади стоят возле высохших деревьев. Козы и свиньи бродят по голому полю в поисках пищи.

Из кучи камней торчит шест, украшенный колокольчиком, похожим на те, что вешают на шею коровам. На другом шесте укреплен колокольчик для лошади, на третьем — колокольчик для козы или даже еще меньше, возможно для собаки. Шесты эти стоят на одинаковом расстоянии друг от друга, словно километровые столбы, как бы говоря о жизни, а может о смерти.

Струйки песка, словно дымок, поднимаются вверх, танцуют и извиваются на одном месте, а потом вдруг одним броском перепрыгивают на новое место.

На дороге длинная колонна автомобилей: шоферы завтракают и отдыхают. Они лежат на голом асфальте в тени своих машин. Искать дом или дерево здесь все равно не имеет смысла.

Перед хижинами висят объявления: продается древесный уголь или питьевая вода.

Соломенную хижину украшает старая автомобильная фара. Перед другой хижинкой прямо на песке происходит петушиный бой. Петухи огненно-красные, блестящие, словно лезвие ножа; на них смотрит толпа взрослых и детей. Вдоль горной реки тянется полоска растительности. Возле самой дороги стоят женщины с лотками и продают темные грозди винограда и золотисто-зеленые дыни.

САХАРНЫЕ ЗАВОДЫ И ИНДЕЙСКИЕ КРЕПОСТИ

Чиклайо — важный экономический центр. Здесь находится банк «Банко интернациональ де Перу», отделанный желтым и белым мрамором. Этот район стоит на первом месте в стране по производству риса и на втором — по производству сахара.

За Чиклайо дорога снова идет через пустыню; ландшафт напоминает грубо выполненный чертеж. Песчаник, желтый песок. Горы окрашены в неестественно фиолетовый цвет.

На телефонном проводе мы замечаем какую-то красную птицу. И тут же над пустыней появляется красный самолет.

Снова начинаются оазисы, однако здесь растет уже не хлопчатник, а сахарный тростник. Он возвышается среди пустыни высокой стеной. Поле уходит вдаль насколько хватает глаз, превращая землю в мягкий зеленый ковер. Его пересекают оросительные каналы, а вдоль поля проходит железнодорожная ветка, по которой небольшие составы перевозят тростник на сахарные заводы.

Сахарное производство здесь очень развито, заводы хорошо оборудованы и отличаются высокой производительностью. Самое большое предприятие — «Каса Гранде» насчитывает двадцать тысяч рабочих. Это целый городок. Неподалеку находится другой завод, Чиклин, где можно увидеть много интересного. Образцовое предприятие в патриархально-филантропическом стиле.

Дело здесь поставлено на хорошую ногу: настоящая производственная идиллия, патриархальная и в то же время вполне современная. Дорога проходит через железнодорожные пути, а затем превращается в широкую аллею, словно перенесенную сюда из господской усадьбы; она обсажена деревьями с побеленными известью стволами. Потом аллея делится на несколько более узких аллей, которые переходят в улицы между домами. Здесь только многоквартирные дома, раскрашенные в красный и розовый цвета. Между домами разбиты большие зеленые скверы. Свежий воздух, тенистые деревья и прохладный ветерок.

В скверах играют дети, прогуливаются взрослые, беседуя друг с другом или просто с чем-нибудь размышляя. Над ними возвышается несколько красивых статуй и скульптур: огромная статуя Христа простирает руки, благословляя верующих; старик, похожий на философа, ведет юношей к истинной цели (скульптурная группа).

Среди домов, в которых живут рабочие и служащие предприятия, стоит и домик директора, ничем не отличающийся от всех остальных, хотя изнутри он, может быть, и отделан с патрицианской роскошью. Директор — человек с высокими устремлениями, спокойный, мягкий. Конечно, их главная задача — производить сахар, но, кроме того, они должны жить все вместе, бок о бок, начальники и подчиненные, жить в мире и согласии, и каждый должен иметь свое счастье, для себя и своей семьи, какое бы место в жизни он ни занимал!

Здесь есть железнодорожная станция, больница, школа, кино и церковь, есть даже свой музей, кстати, один из лучших в Перу. На территории завода находится погребенный под землей древний индейский город, построенный в эпоху империи Чиму; его раскопки дали богатейший материал для коллекции музея.

В многочисленных залах музея представлены всевозможные предметы домашнего обихода, расставленные очень изобретательно и с большим вкусом. Глиняная посуда расписана на сюжеты из жизни индейцев: здесь и лица людей, и сцены народных праздников, и картины труда, и наказание провинившихся, и хирургические операции. Кувшины, напоминающие своей формой различных животных или какие-то диковинные фигуры: от белки до крокодила, от карлика до толстого, как пивная бочка, старика. Во всем этом чувствуется огромная ра-

доть художественного откровения, смелое проникновение в природу вещей, тонкий, немного шаловливый юмор. Очевидно, индейцы Чиму были не столь суровы, как инки, они любили радость, любили жизнь.

Экспозиция мумий производит жуткое впечатление. Индейцы, умершие более тысячи лет назад, лежат или сидят в своих могилах: на костях скелета висят засохшие куски мяса, хорошо сохранились рыжие волосы и прекрасные зубы. Многие лица искажены страданием или ужасом, а из широко открытого рта вот-вот вырвется вопль: это выражение, очевидно, застыло на лице индейца в момент смерти. Несмотря на стеклянные колпаки, кажется, что ощущаешь запах трупа, запах тления.

* *
*

На этом побережье находилась древняя индейская страна: здесь и там разбросаны развалины городов, остатки крепостных стен. Рядом с Трухильо находится Чан-Чан, столица империи Чиму, в состав которой входило двадцать речных долин от Гуаякиля до Южного Перу. Приблизительно в 1400 году страну захватили инки, а потом ее опустошили испанцы, которые жадно набросились на погребенные в могилах сокровища: всевозможные украшения, золотые и серебряные статуэтки. Теперь здесь не увидишь ничего, кроме глиняных, сильно разрушенных стен. Когда бродишь среди этих древних развалин, невольно приходишь в голову, что, может быть, когда-то на этом месте стоял царский дворец или храм Солнца. И тогда стараешься вызвать в своем воображении яркие картины жизни, которая некогда кипела на обезлюдившей ныне равнине, спускающейся к морю...

Дальше на юг находится крепость Парамонга, расположенная на холме, откуда видно море. Это главное оборонительное сооружение государства Чиму. Восемь квадратных стен опоясывают холм, поднимаясь широкими ярусами до самой вершины. Конструкция укрепления говорит о том, что их строителям были известны все тонкости военного искусства. Теперь возле нижней стены стоят жалкие индейские хижинки.

У самых гор находится Кахамарка, укрепленный город, куда отступил Атауальпа, чтобы встретить отряды Писарро. Испанцы устроили здесь засаду, схватили Атауальпу, зверски пытали и наконец убили его, предварительно заставив наполнить целую комнату золотом на полтора метра от пола. Эту комнату можно и сейчас увидеть, однако красная линия, обозначающая высоту груды золота, была проведена позднее.

Трухильо — крупнейший город-оазис, основанный Писарро в том же году, что и Лима. Он строился в строгом соответствии с колониальным стилем: дома, опоясанные деревянными рез-

ными балконами, и большие внутренние дворы, в каждом из которых мог бы разместиться целый кавалерийский полк. Белые мраморные плиты, привезенные из Испании, ведут к собору. На Пласа де Армас возвышается памятник свободы: на постаменте стоит Боливар, изображенный в виде обнаженного индейца инки с дубиной в руке, чуть ниже — символические великаны, рвущие на себе волосы и раздирающие грудь... Здешний садовник — очевидно, в высшей степени художественная натура: деревья подстрижены в форме петухов, кроликов и верблюдов.

В Трухильо множество церквей и монастырей, но, кроме того, здесь имеется пять театров. В городе, между прочим, вырабатывают кокаин из листьев коки, которые привозят сюда со склонов гор. Нарядно одетые китайцы сидят в своих магазинах и терпеливо ждут покупателей, мечтая, возможно, о том, чтобы вернуться когда-нибудь домой, в свою восточную страну. Угрюмые индейцы продают мягкие белые коврики, на которых выткано изображение ламы. На одном из домов висит около двадцати адвокатских вывесок.

После Трухильо дорога все ближе подходит к морю. Здесь расположены старые конкистадорские гавани с лодками, лежащими на песчаных берегах заливов с темно-синей или зеленовато-голубой водой. Из моря поднимаются белые, словно покрытые снегом, скалы, но на их вершинах не снег, а птичий помет — гуано. Над морем, недалеко от берега, тянутся караваны птиц, некоторые летят совсем низко, над самой водой.

Чимботе — портовый город, пропахший рыбой и углем. Но зато здесь превосходный пляж, где важно лежат на песке приезжие из Лимы. Окрестные холмы похожи на кегли, а песчаным дюнам ветер придал форму тюльпанов. На самом горизонте виднеется снежная шапка Уаскарана — высочайшей горы Перу.

У реки Санта Анды спускаются к морю и вползают в воду скалами и шхерами.

Мы едем через пустыни, холмы и горы все вперед и вперед. Машины, издали похожие на булавоочные головки, то несутся вниз в долину, то снова взлетают к уходящим в небо вершинам.

Узкое ущелье недалеко от Лимы. Дорога врезается в засыпанный песком горный склон, нависая над пропастью, на дне которой бушует море. Ветер поднимает на дороге песок. Машины идут одна за другой, прижимаясь как можно ближе к песчаной стене. В любой момент песок может начать осыпаться — и тогда...

И тут же начинается сорокакилометровая автострада до самой Лимы. Мы стрелой проносимся мимо последних гор пустыни и въезжаем в пригород с фабриками и заводами, утопающими в зелени. Дорога идет над городскими окраинами,

над трущобами, которые похожи на беспорядочное нагромождение свинных хлевов. И вот мы в Лиме, бывшей резиденции вице-короля, жемчужине тихоокеанского побережья.

ВИЦЕ-КОРОЛЕВСКАЯ ЛИМА

Лима, основанная Писарро в 1535 году, лежит в зеленой долине на берегу реки Римак. Сейчас это город с миллионным населением. В нем сосредоточена почти вся текстильная и пищевая промышленность страны. Город почти сросся с портовым городом Кальяо.

Самое высокое здание в городе — двадцатидвухэтажный небоскреб — занимает министерство просвещения. За ним идут отели и крупные фирмы, также расположившиеся в многоэтажных зданиях. Во время землетрясений здания дрожат, и вода выплескивается из плавательных бассейнов на крышах домов (однако они стоят и разваливаться пока не собираются). На старых улицах Лимы выстроено много роскошных магазинов для городской знати. Новые широкие улицы обсажены деревьями, вдоль тротуаров тянутся цветочные газоны. Эти улицы ведут в районы, где уютно расположились виллы миллионеров, окруженные садами.

Вот на постаменте стоят три ламы: кажется, что они заблудились в этой большой современной Лиме и теперь смотрят на горы, словно стараясь что-то вспомнить. Возле Пласа де Армас на лошади сидит Писарро, мрачный и чужой; во всей его фигуре есть что-то острое и злобно-воинственное — худощавый фанатик в железных латах, жадный и угрюмый. Его мумия лежит теперь в стеклянном гробу в соборе — сморщенная, коричневая, словно старый пергамент (он был убит в своем дворце, в Лиме, сыном казненного им капитана Альмагро).

Нынешняя Лима сохранила многое от прежней вице-королевской Лимы. Она верна своему прошлому, и здесь все напоминает о ее былом величии. Здесь находится старейший университет, построенный еще в 1551 году, и старейшая в Южной Америке арена для боя быков. Именно в Лиме был открыт первый театр и установлен первый печатный станок. С 1570 по 1813 год здесь всю свирепствовала инквизиция. В Санга Роса де Лима Новый Свет обрел свою первую святую, ею стала больничная сиделка, разочаровавшаяся в любви истеричка. В 1670 году город окружил себя стеной для защиты от пиратов. Когда строился Пуенте де Пьедра, мост через реку Римак, горожане пожертвовали сто тысяч яичных белков для известкового раствора.

Наивысшего богатства и славы Лима достигла в XVIII веке, когда она стала одним из самых оживленных городов мира. Ла Перриколи, красавица-актриса, была возлюбленной вице-

короля Амата, и ее воспевали многие поколения поэтов. В 1821 году последний вице-король бежал в Сан-Мартин, и Боливар отплясывал в салонах Лимы среди аристократов, революционеров и конспираторов. Потом в этом городе жил Поль Гоген, именно здесь у него возникла страсть к экзотике и страх перед городом. (В то время в Лиме еще приковывали душевнобольных к крышам домов, и по ночам их дикие крики оглашали город.) В освобожденной от испанского владычества Лиме власть была крайне неустойчивой: вслед за установлением очередной диктатуры немедленно следовало новое восстание; половина всех президентов страны была свергнута или убита.

До сих пор бросается в глаза первоначальная треугольная планировка города. Пласа де Армас по-прежнему остается воплощением тяжелой официальнойности: здесь находятся собор, дворец президента, дворец архиепископа и городская ратуша. Пройдя по главной улице Хирон де ла Унион, вы, как и в былые времена, попадете на площадь Сан-Мартин, где находится большой отель «Боливар». Сохранились здесь и длинные балконы с деревянными узорными барьерами; отсюда можно все отлично видеть без риска быть замеченным — это крайне необходимо для маскарада, шпионажа и тайной любви.

Сохранился и старинный аристократический парк Аламеда де лос Дескальсос (Аллея босоногих) со столетними деревьями и тяжелыми коваными воротами. В свое время здесь стояли мраморные фигуры, олицетворяющие двенадцать месяцев года. В церкви святого Августина стоит статуя Смерти. Рассказывают, что скульптор, увидев однажды свою статую, так испугался, что умер на месте. В церкви монашеского ордена, члены которого проповедовали среди негров, хранится распятый Христос, написанный в 1655 году рабом, получившим свободу. В октябрьские празднества тридцать мужчин, одетых в траурные мантии, несут копию этой картины в золотой раме через весь город на серебряных носилках весом в тысячу килограммов; играет торжественная музыка, и сыплется дождь цветов.

Нет, Лима никак не может забыть, что когда-то она была вице-королевской. Ей нет дела до того, что скажет Южная Америка, она чувствует себя выше этого. Лима осталась более испанской, чем позднейшая Испания, она так и не признала освобождения, проглядела республику и всегда с надеждой взирала на Мадрид и Париж, как на оплот высшего света и аристократической утонченности. Она заперлась за своими балконами и оконными решетками и словно закаменела, убежденная в своей великолепии. Знать Лимы, смешная и нелепая в своем отрицании действительности, до сих пор живет в прошлом, наслаждаясь игрой в условности и традиции давно минувших времен.

Промышленность и техническая цивилизация уже пришли в Лиму, оказывая все более сильное влияние на жизнь этой древней резиденции вице-королей. И тем не менее здесь до сих пор правят потомки знатных родов, похожие на призраки, упивающиеся магической силой своего громкого имени; высокомерные и чванливые, они презирают все то, что не является Лимой, той Лимой, которая стоит над народом и над всей страной. Конечно, американцы утомительны и назойливы с их культом денег, вульгарной предприимчивостью и своими прислешниками из числа перуанских выскочек, но — обратите внимание — знать Лимы никогда не допустит их в свое общество, а в случае нужды попросту вышвырнет их! Ибо знать Лимы имеет нечто такое, чего нет и никогда не будет у всех этих паршивых американцев и всяких выскочек, — высокие традиции и древнюю изысканность культуры! О, потемневшее от времени столовое серебро, сладкозвучные клавикорды, патинированные фолианты, королевские дарственные записи и породистые собаки, которые уже давным-давно разучились лаять!

Кому нужно читать в газетах, что индейцы продают своих детей за мешок картофеля? Действительно, ведь столько страниц уделено светской хронике, а это куда интереснее.

ИЗ СВЕТСКОЙ ЖИЗНИ

Я познакомился с ним давно, лет десять назад, когда мне довелось побывать в Лиме. Тогда это был молодой напористый парень, любитель лихой езды на автомашине. Простой швед, каких много, он приехал в Южную Америку перед второй мировой войной и занялся коммерцией. Он малый с головой и, что самое главное, предприимчивый и энергичный.

Теперь его импортная фирма выросла в крупное предприятие со множеством филиалов, а его деньги вложены в сахар, медь и многое другое. Он сидит в большом здании, в кабинете, окруженный секретарями и всевозможными аппаратами. Он согласен принять меня, но явно не расположен узнавать меня. Он больше не трещит, как пулемет, говорит тише и стал скупее на слова; каждая его фраза теперь имеет значение и вес.

Разумеется, он как и раньше много работает, но зато утратил брызжущую через край жизненную силу, жизнерадостность. На его лице коричневая маска энергичного бизнесмена с тяжелой челюстью и напряженными бровями. Кажется, что эта маска скрывает бледность, совершенно неуместную и непонятную в солнечной Лиме.

Нет, для личной жизни у него почти не остается времени, подтверждает он. Его дело все растет и растет. Лишь в восемь — девять часов вечера он выключает аппараты и садится в машину, чтобы ехать домой. Но, если я не возражаю, добро по-

жаловать к нему как-нибудь вечерком, у него всегда найдется что перекусить, и после восьми часов он может захватить за мной в отель.

Так он и делает. Машина у него огромная, а сам он кажется очень маленьким и очень одиноким в огромном автомобиле. Он ведет машину чрезвычайно осторожно, бормоча что-то насчет большого движения на улицах: вся эта масса машин спешит не то на бокс, не то на футбол. Мы скользим мимо Сан Исидро, мимо старых оливковых деревьев, к Мирафлорес, расположенному у моря. Этот район города напоминает огромный парк: широкие улицы обсажены с обеих сторон цветами и деревьями; виллы, похожие на старинные замки, утопают в зелени садов и окружены высокими стенами.

Он останавливается перед одной из вилл: да, здесь он живет в настоящее время. У него три машины, вернее, одна его, другая — жены, а третья про запас, на случай если что-нибудь произойдет с первыми двумя.

Горничная открывает дверь. Большая прохладная комната. На стене висят портреты: его собственный, немного стилизованный, — он задумчив и величествен, — и его супруги (последней) в полный рост: она молода, элегантна и, кажется, вот-вот выйдет к нам из рамы. Глубокие кресла. Сейчас принесут коктейль. Жены еще нет дома.

Но вот и она! Входит в комнату, постукивая высокими каблучками своих туфель; открытые в улыбке зубы, белокурые волосы, высокая тонкая фигура, чуть покачивающаяся походка; она похожа на пушистую собачонку и фламинго в одно и то же время. Ах, по дороге она встретила так много знакомых, было так чудесно, а движение на улицах такое большое, что она чуть-чуть задержалась. Право же, она не знает, что подать к обеду.

Во время обеда она говорит без умолку (темнокожая чопорная служанка накрывает на стол, не произнося ни слова) и при этом упоминает множество звучных имен. Потом она обнаруживает, что я имею какое-то отношение к книгам, и сообщает, что недавно прочитала совершенно ужасную книгу. Да, какой-то американец написал просто непристойную книгу о жизни высшего общества Лимы. Этот писака пробыл в Лиме всего какие-нибудь две недели, нигде не был принят, ничего не видел, ничего не узнал как следует. Сплошная ложь и непристойности. Хоть бы эта книга не попала кому-нибудь на глаза в Швеции! А то ведь ее родные бог знает что могут подумать, если прочтут такое о Лиме!

После обеда он берет сигару, выпивает несколько чашек крепкого кофе. Из радиолы доносится бархатная, ласкающая музыка. Минутная передышка.

Жена выходит в сад (я должен непременно увидеть их сад) и включает освещение. Она идет, пританцовывая, и играет

с черно-пятнистым датским догом и милыми косолапыми щенятами.

Потом она снова возвращается в комнату и просматривает несколько открыток с приглашениями на великосветские рауты. О, восхитительно! Большой вечер будет там-то и там-то. Туда они должны поехать непременно и непременно вдвоем! Если вы хотите преуспеть в Лиме, то обязательно должны выезжать в свет, бывать в высшем лимском обществе. А там так восхитительно! Какая культура и какая изысканность манер, какая утонченность и какое остроумие! О, высшее общество Лимы вовсе не такое уж высокомерное и неприступное, как говорят! Оно очаровательно! И, разумеется, знает себе цену! Оно ни за что не примет вульгарных, невежественных американцев, этих убогих дельцов и выскочек! Нет, вы только полюбуйте на них! Они думают, что вот так сразу и пролезут в высшие круги благодаря своим паршивым деньгам! Только их там и ждали!

Постепенно ее энтузиазм иссякает, а супруг тем временем рассеянно ей поддакивает. (Как потом оказывается, еще несколько лет назад юная супруга служила манекенщицей в Стокгольме. Так что в высшее лимское общество она была импортирована совсем недавно.)

Теперь наступает его очередь говорить. Он говорит громко, как и десять лет назад, но слегка заикается: очевидно, сказывается нервное напряжение... Лишь после обеда ему удастся преодолеть свою скованность — результат утомления — и речь его течет свободно. Он вспоминает о прошлом, о всяких незначительных событиях, происшедших много лет назад. Потом начинает говорить о будущем, о вещах, гораздо более значительных и интересных. Вложение капитала в различные предприятия, всякие финансовые проекты, путешествие в Нью-Йорк, Сан-Паулу, Буэнос-Айрес, встречи с государственными деятелями, финансовыми гениями и газетными королями. Быть может, это его повседневная действительность, но мне все время кажется, что он грезит наяву. Он сбрасывает маску дельца и превращается в мальчика с необузданной фантазией. Теперь это просто человек, мечтающий о великих делах и уверенный в своем успехе.

Я вдруг замечаю, что ноги его трогательно тонкие и белые, как гипс.

ИНОСТРАННЫЕ РУДНИКИ

В Бразилии есть штат, который называется Minas Gerais (Местные рудники). В Перу, к востоку от Лимы, расположена горная цепь, чрезвычайно богатая всевозможными рудами, и ее следовало бы назвать Minas Extranjeras (Иностранные рудники). Добыча руд и выплавка металлов нахо-

дятся почти целиком в руках трех крупных иностранных компаний. Собственные доходы Перу от эксплуатации рудников сравнительно невелики.

Разработка рудных месторождений в Андах на высоте около четырех тысяч метров над уровнем моря потребовала строительства железной дороги на Орою и далее до Серро-де-Паско со многими ответвлениями. Строительные работы, которые велись под руководством американского инженера, были закончены в 1902 году. В настоящее время дорога принадлежит англичанам. Это, несомненно, самая важная, самая дорогостоящая и самая прибыльная железная дорога в стране. Она насчитывает шестьдесят восемь туннелей, пятьдесят пять мостов, двадцать два зигзагообразных поворота и поднимается на высоту в четыре тысячи семьсот метров; выше нет ни одной железной дороги в мире. Расстояние от Лимы до Орои не превышает ста шестидесяти километров, однако поезд идет туда целых шесть часов.

Проехав через плодородную долину реки Римак, вы попадаете в городок Чосика: горные хребты как бы нависают над улицами. Здесь проходит резкая климатическая граница — долина затянута туманом, а над горами светит солнце; иногда же бывает наоборот: над долиной светит солнце, а в горах идет дождь. Долины следуют одна за другой. Они поднимаются террасами все выше и выше в горы, удивительно зеленые, сплошь поросшие деревьями и цветами. Железнодорожные станции, расположенные на каменных площадках и деревянных платформах, превратились в настоящие рынки, заваленные фруктами.

Бурные потоки с грохотом обрушиваются в ущелья, обрывистые склоны поросли кактусами, огромные утесы высятся друг над другом, образуя гигантские каменные стены. Вам все время кажется, что поезд вот-вот упрется в склон горы, но в самый последний момент он находит узкий проход, делает зигзагообразный поворот или вдруг совершает прыжок через зияющую пропасть (самого моста не видно). Часто кажется, что летишь по воздуху, и если взглянуть вниз, то можно увидеть лишь спины парящих хищных птиц.

Начинаются рудники; вниз с обрывов сыплется порода, через пропасти по канатам ползут огромные железные ковши. Террасы инков окаймляют склоны гор, узенькие кукурузные поля цепляются за почти отвесные обрывы. На самом краю пропасти индейцы жнут серпами кукурузу и навьючивают ее на лам. Стоя над бездной эти горделивые животные с высоко поднятой головой кажутся каким-то геральдическим знаком и чем-то напоминают огромных птиц. Часто они образуют целые скульптурные группы; можно подумать, что у одной ламы несколько голов, которые глядят в разные стороны.

А на самом верху, в кратерах потухших вулканов, застыли, словно зловещие глаза смерти, черные озера. Ослепительно сверкают белые ледники, вечные как камни. Там, высоко в горах, установлен памятник строителям дороги со скрипящими на ветру металлическими флагами (материю ветер давно бы порвал), здесь же находится селение — несколько домиков с ржавыми железными крышами. Горные потоки заключены в трубы и вращают турбины электростанций, а из ущелий бежит окрашенная рудами вода, красная, как кровь.

Ороя лежит в унылой речной долине, почерневшей от копоти, среди по-осеннему серых горных вершин. Вокруг медеплавильных заводов навалены горы шлака, шлаком и углем засыпаны все дороги. Длинными рядами тянутся бараки. В них живут индейцы, которые работают в рудниках. Даже в холод женщины здесь ходят босиком, за спиной у них обычно привязан ребенок. Они останавливаются у ларьков, в которых продается маисовая водка, быстро делают несколько глотков, щеки у них краснеют, а глаза чернеют. В деревянных крестах, украшенных плетеной соломой, воеет ветер, словно плачет по тем, кто похоронен здесь, на горных склонах. Падают снежинки, похожие на крупные цветы, а в небе гремит гром и красноватые молнии разрезают тучи.

Ороя — экономический центр, откуда лучами расходятся шоссе и железные дороги: к рудникам, расположенным еще выше в горах; к угольной шахте Гоильярискисга (куда, по рассказам, упала звезда), которая забралась выше, чем любая другая горная шахта в мире; к Охапампа и Пукальпа, откуда можно попасть по реке в лесную область к востоку от Анд; и, наконец, на юг, к Уанкайо, с его долинами, где расгет пшеница, и большим рынком, где торгуют шерстью.

Крупнейшей горнопромышленной компанией является «Серро де Паско майнинг корпорейшн». На ее долю приходится 70 процентов всей добычи руды. Ей принадлежат богатейшие в мире месторождения свинцовой и цинковой руд, а также множество обогатительных предприятий. Здесь залегают и полиметаллические руды, из которых извлекают свинец, медь, серебро, железо, цинк, вольфрам, золото (порядок перечисления этих металлов соответствует доходу, который они дают). Свинец приносит в десять раз больше дохода, чем золото, а медь дает большую прибыль, чем серебро.

Начальники и специалисты — все иностранцы, в основном американцы. На самих же рудниках и заводах работает тридцать тысяч индейцев, которые хорошо переносят высоту, обходятся без отпусков и не ездят отдыхать на морское побережье. Они едят картошку, пьют маисовую водку и топят свои жилища навозом лам.

Мне довелось проехать на пароходе вдоль всего побережья Перу.

На берегу ничего не видно, кроме исчерченной светлыми полосами пустыни да синевато-фиолетовых гор.

Здесь проходит течение Гумбольдта, распространяя вокруг себя прохладу, принесенную из Антарктики. Воды тропического моря оплодотворяют это течение, и оно кишит всякими существами. Микроорганизмы служат пищей для огромных косяков рыб, а рыбой кормятся миллиарды птиц, которые потом оставляют свой помет на поднимающихся из моря скалах: это гуано для перуанских оазисов.

Мимо нас непрерывной вереницей плывут гигантские медузы. Некоторые из них не меньше обеденного стола, с длинными колышущимися по воде щупальцами. Белые и красные, словно внутренности огромного животного, они похожи на массу извивающихся кишок и раздувающихся легких. Страшное нагромождение символов, олицетворяющих огромную морскую бойню.

Медузы производят жуткое впечатление; это нечто среднее между животным и растением. Разлагаясь, они в то же время живут и едят. Когда их рассекает на части винт корабля, они продолжают существовать, каждая часть сама по себе. Они подвигаются вперед, как бы ощупывая воду своими щупальцами, схватывают добычу и неумолимо обволакивают ее всем телом. Постоянно можно наблюдать, как между медузами мелькнет рыба и вдруг замрет, внезапно схваченная этой обжигающей слизистой смертью. Вероятно, самые большие медузы могли бы при случае парализовать и сожрать человека.

Горы, где гнездятся птицы, возвышаются над морем, словно огромный дымящийся алтарь, на котором от восхода солнца и до заката приносятся жертвы какому-то неведомому божеству. Скалистые острова и прибрежные горы сплошь покрыты птичьим пометом, который нависает над склонами гор и медленно сползает в море. Все это напоминает огромный пирог, еще дымящийся теплом. И во все стороны далеко по воде ползет его запах.

Гуано затвердевает слоями толщиной до десяти метров. Он похож на известку, на какой-то удивительный глетчер. Природа хранит его, а потом приходит человек и опустошает эти отмели плодородия. А вокруг все тонет в бешеном вихре птичьих крыльев.

Словно длинное облако, несется вдоль берега стая птиц, миля за милей, час за часом: птичье облако такое густое, что затмевает солнце. Птицы преследуют рыбий косяк; отделяясь от живого облака, они складывают крылья и стремглав па-

дают вниз густыми потоками, словно струи дождя, сверкают на солнце белыми молниями, врезаясь в поверхность моря, которая все время вздувается маленькими фонтанчиками. В конце концов все море превращается в громадный кипящий котел, кишащий рыбой и птицей, где одни спасаются бегством, а другие жадно пожирают свои жертвы.

После многочасовой охоты птичье облако возвращается домой и опускается на скалы, которые снова начинают дыметься свежим пометом.

Очевидно, такое птичье облако пожирает за день больше рыбы, чем все население земного шара.

Зрелище потрясающее, фантастическое и тошнотворное: яростная жадность, неприкрытая механичность движений, огромные масштабы. Какая неповторимая картина щедрости и жестокосердия природы!

Каждая скала — это фабрика гуано, на которой производителями являются птицы, а сырье поставляют рыбы.

Потом сюда приезжают люди и забирают готовую продукцию. Они приезжают на самоходных баржах и парусниках, сгребают машинами гуано и увозят его. Но делают они это осторожно, стараясь не потревожить птиц; они следят за тем, чтобы птицы могли спокойно высидывать яйца и выращивать птенцов.

Уже индейцы-инки знали, что гуано — прекрасное удобрение, и заботились о птицах. Сто лет назад современные перуанцы жадно набросились на гуано; так из гуано, словно бабочка из куколки, начала развиваться оазисная культура. Запасы хищнически уничтожались, поголовье птиц сокращалось, пока в это дело не вмешалось государство.

Теперь добыча гуано ведется рационально; она целиком находится в руках компании по разработке запасов гуано, которая охраняет птиц от бессмысленного истребления.

На островах созданы специальные станции с дежурными, которые ведут отстрел кондоров и других хищных птиц, прилетающих сюда, чтобы полакомиться яйцами и птенцами. Ловить рыбу здесь запрещено, и дежурные отгоняют даже тюленей. Самолеты не имеют права приближаться к птичьему берегу, а пароходам запрещается давать гудки.

Гуано собирают преимущественно в те дни, когда птицы улетают на другие острова. Умные птицы прекрасно знают, что они нужны, что за ними здесь ухаживают, и совершенно не боятся людей. Они часто сидят рядами на крышах станционных зданий и заваливают их гуано. Они с любопытством смотрят по сторонам, вытянув свои длинные шеи, а тракторы в это время сгребают гуано. И при случае в благодарность за хороший уход они сыплют гуано на шляпы своих благодетелей.

Иностранцам живется сейчас в Перу очень и очень привольно. Еще бы, наконец-то в стране пришло к власти разумное правительство, которое проводит либеральную политику, разрешает предпринимателям устанавливать какие угодно цены, да и само не прочь заняться коммерцией. Оно покровительствует иностранным капиталовложениям; милости просим,— и дела идут отлично к всеобщей выгоде.

Однако сами перуанцы отнюдь не в восторге от своего правительства. Бизнесмены действительно процветают, что верно, то верно, но большая часть населения живет в такой же нищете и бедности, как и раньше. Нынешнее правительство не является диктатурой, но оно реакционно и прежде всего покровительствует крупному капиталу.

Ну, а Народная партия (АПРА)¹, вокруг которой разгорелись в свое время такие страсти, что делает она?

Она выжидает. Нет, это действительно добрая, народная, социалистическая партия, но ее руководитель Торре сидит себе в Трухильо и, как поговаривают, демагогически работает под псевдомарксизм. Это сноб, интеллигент-фразер и большой друг фабрикантов, производящих кока-колу. Здесь явно нужен другой руководитель.

Литература и искусство?

И то и другое в основном служит развлечением для высшего общества. Дамы из почтенных семейств устраивают поэтические вечера, выставки картин. В тридцатые годы в Перу работало целое поколение больших писателей, но диктатура нанесла им тяжелый удар. Одни погибли в тюрьмах, другие бежали за границу.

Сесар Вальехо, величайший скальд современной перуанской литературы, живет в Париже в крайней нищете. Он писал так, что мог заставить плакать даже камни. (Но когда мы попытались достать какую-нибудь из его книг в шикарных книжных магазинах Лимы, продавцы лишь удрученно качали головами.)

Сиро Алегрía, тот самый, что рассказал всему миру о бедственном положении индейцев в Перу, тоже живет за границей, после того как ему сломали шейные позвонки в тюремном застенке. Ксавьер Абриль и весь его сюрреалистический авангард теперь молчат.

Издатели крупных газет принадлежат к высшим классам общества. Аристократия начинает выходить из изоляции, чтобы самыми современными методами бороться за свои привилегии. Она ведет пропаганду, занимается бизнесом. У нее все еще много денег, ей принадлежит большая часть плодородной

¹ Американский народно-революционный союз, основан в 1924 г.—
Прим. ред.

земли страны. Она объединяется с иностранным капиталом и даже с богатыми выскочками.

Церковь играет важную роль в жизни общества и в государственных делах. Однако в Перу существует гражданский брак и возможен развод. Здесь сто четырнадцать бесплатных государственных школ для желающих продолжать свое образование.

До сих пор в Перу возделываемая земля составляет едва ли более одного процента общей площади страны. Перу импортирует пшеницу и мясо, так как собственное производство этих продуктов не удовлетворяет нужд страны даже наполовину. Чего здесь вдоволь, так это картофеля и кукурузы, а также рыбы (однако какой южноамериканец станет добровольно есть рыбу?). Десять крупнейших в стране хозяйств дают 95 процентов сбора сахарного тростника. Почти так же обстоит дело с хлопком.

В отеле «Боливар» сидят американские эксперты по рудам и английские скупщики хлопка. Большой бар с окнами, выходящими на площадь, — главное место деловых встреч. Но это не такое уж спокойное место. То и дело здесь все начинает греметь, вздрагивает пол, на столе дребезжат чашки и рюмки. И никто точно не знает причины, то ли это проезжающие мимо трамваи, то ли землетрясение.

Однажды ночью я проснулся стоя на полу посреди комнаты. И сразу понял, что произошло: очевидно, повинувшись инстинкту, я вскочил с постели при первом же толчке. Стою так несколько секунд, очень долгих секунд, не зная что делать; толчки очень сильные, и их огромная всеуничтожающая мощь непрерывно нарастает. Но грохота не слышно. В комнате все дребезжит и звенит. А на улице раздаются крики выбежавших из домов людей.

Но вот толчки прекращаются. Тишина, бесконечное ожидание. Внизу под вами пять этажей, на лифт рассчитывать нечего. Выскочить на улицу все равно не успеешь. И сверху еще несколько этажей со стенами, крышей и потолками, которые в любой миг могут рухнуть вам на голову. Делать нечего, абсолютно нечего. Только ждать.

Проходят минуты. Все спокойно. В эту ночь толчков больше не было.

На следующий день вы читаете в газетах об *un temblor*¹. В городе небольшая паника, разрушено несколько домов, однако человеческих жертв нет. Люди говорят о землетрясении и смеются — ничего особенного. Разве это землетрясение! Вот в 1940 году было настоящее землетрясение: улицы и дома раскачивались, как на волнах, машины в панике наезжали на людей. Тогда многие думали, что всему конец.

---

¹ Temblor (исп.) — землетрясение.

Жители Лимы говорят, что сейчас как раз подходящий сезон для землетрясений. Погода резко меняется. В горах начинаются дожди, и недра земли приходят в беспокойство.

Мы решаем распрощаться с Лимой немного раньше, чем предполагали сначала. Нанимаем машину с шофером негром и едем на юг, в Арекипу.

В ИКУ..

Сразу же на юг от Лимы снова начинаются места, напоминающие о культуре древних инков. Там находятся развалины Пачакамака; этот город, жители которого поклонялись Луне, был самым могущественным на побережье до нашествия испанцев. Огромная кирпичная пирамида была храмом, воздвигнутым в честь бога плодородия.

Затем следует Паракас со своими усыпальницами, которым более тысячи лет, и Накса. В IX веке это был большой процветающий город с многочисленными храмами и замечательной оросительной системой, с плотинами и подземными трубопроводами.

На побережье одна культура сменяла другую и, развиваясь, вбирала в себя все лучшее, что было создано предыдущими поколениями. Люди поклонялись богам, олицетворяющим природу, и всякого рода космическим силам. Камни, обработанные рукой человека, повсюду рассказывают о его прошлом; высеченные из камня изображения богов мирно спят в земле, а в гротах, глубоких, как колодец, покоятся мумии.

Когда-то это были рослые индейцы, в великолепных вышитых одеждах, с золотыми солнцами в ушах, а на плечи им ниспадали иссиня-черные или темно-каштановые волосы. После смерти их тела высушивали возле огня, они сморщивались от дыма бальзамических трав, и вот теперь покоятся в земле в течение столетий или даже тысячелетий в плетеных гробах, завернутые в свои мантии, все еще прижимая к себе кружки для воды и чаши с бобами.

Одежду и посуду индейцы украшали красочными узорами и разными фигурами, в которых было что-то абстрактно-демоническое. Здесь и рыбы, и пеликаны, и леопарды, и люди, которые держат в руках в качестве военного трофея человеческие головы, и боги с жуткой усмешкой на ярко-красных губах, и воины, изображенные наполовину в виде хищных птиц с клювом и когтями, а иногда, как это ни странно, вооруженные трубами.

Теперь установлено, что Чавинская культура господствовала на территории между Пиурой и Писко в период с II по VI век. Из этой культуры возникла Мочикская культура на Севере с присущим ей художественным реализмом и Наска-Паракасская культура на Юге с ее абстрактной стилизацией; особенно широкое распространение последняя, очевидно, по-

лучила в горных районах страны, достигнув наибольшего расцвета в Тиауанаку, расположенном возле озера Титикака. Чиму на Севере и Ика на Юге господствовали на побережье приблизительно с 900 по 1200 год. К концу XI века возникла империя инков, которые постепенно завоевали все побережье.

Теперь здесь раскинулись унылые пыльные селения с глиняными хижинами под дырявыми крышами из веток. Однако вечерами по улицам едут на велосипедах продавцы мороженого, а к пляжу по песку проложена дорога, по которой ездят автомобили. Возле дороги стоят женщины с широкими плоскими рыбинами в руках. Зеленые ивы резко выделяются на фоне железно-красноватых гор и песчаных холмов, словно покрытых голубовато-зеленой плесенью.

У обочины дороги вдруг что-то ярко вспыхивает: это огромная куча разбитых бутылок; машина, которая развозила прохладительные напитки, не то перевернулась, не то налетела на другую машину.

Река Каньете. Хлопковый оазис у подножия Серро-Асуль (Синья гора). Идет уборка урожая. На плантации работают индейцы, метисы, негры, китайцы, японцы, и, следовательно, белое хлопковое волокно собирают руки с более или менее темной кожей.

Хлопок сгребается в огромные кучи, которые возвышаются среди поля, словно снежные горы. Потом его накладывают в мешки вышиной в человеческий рост и ставят их у обочины дороги. Скоро за ними приедет мул, запряженный в телегу, или грузовик.

Серро-Асуль — это порт, через который вывозят хлопок. Пароходы стоят на рейде, а баржи подходят к самому причалу, слегка покачиваясь на подернутой зыбью воде. Баржи, изношенные и ободранные, перепачканы птичьим пометом и сплошь облеплены крупными раковинами. Они завалены тюками с хлопком, на которых лежат босые в соломенных шляпах грузчики. Многие купаются в кишасем медузами море возле своих судов, несколько человек работают: таскают в ведрах воду из трюма. Дело в том, что баржа течет, и хлопок может подмокнуть.

Хлопок лежит в мешках, по сто пятьдесят килограммов в каждом. Часть мешков порвана, из дырок вылезают белые пучки хлопковой ваты и разлетаются по воде; поверхность моря скоро оказывается в белых пятнах, словно оно только что перенесло операцию.

В сумерках мы приезжаем в Писко, очень старый город с узкими улицами и портом, через который тоже вывозится хлопок. Писко известен тем, что здесь производят водку (в западной части Южной Америки водку до сих пор все называют писко). В воздухе стоит запах китового жира, рыбных консер-

вов и хлопкового масла. Набегая на берег, море приносит с собой черный ил и белые цветы хлопка.

Ночуем мы в туристском отеле в Паракасе. В окна ресторана врывается свежий морской бриз. У самого берега среди цветочных клумб находится плавательный бассейн. Меж одиноких бунгало, утопая в траве, извиваются выложенные камнем дорожки.

Тихое, тихое утро. Море, гладкое как зеркало, неподвижные суда, неподвижные птицы на бортах и выступающие из воды скалы. Темные острова вдали.

* *
*

В Ику. Пустыня, пересеченная ржавыми рельсами. Над песчаными далями струится и переливается горячий воздух. Вдоль дороги уже ставшая привычной картина: могилы и скелеты животных. Песчаные просторы кажутся белыми, как снег на вершинах Кордильер.

На песке сидит человек в черном костюме и черной шляпе.

У святого источника построена часовня, вода бьет фонтаном из зеленой каменной стены.

Здесь наш шофер негр останавливает машину, вылезает из нее, смачивает голову под струей воды и крестится; потом он отходит немного в сторону и мочится. Освеженный и бодрый, он возвращается к машине, бросает вопросительный взгляд на нас, безбожников, и бормочет что-то о святости источника.

Его явно беспокоит мысль о том, что такие отъявленные грешники, как мы, не доведут его до добра. И он делает все возможное, чтобы своим благочестием уравновесить наше безбожие: выполняет все мыслимые и немыслимые ритуалы, крестится перед каждой могилой и каждой церковью на нашем пути и ополаскивается всякой мало-мальски святой водой, подставляя под благостную струю свою черную коротко остриженную голову.

Подобно большинству шоферов, с которыми нам довелось ехать, он находит утешение в непрерывно передаваемой по радио популярной песенке «Que será será» или «What will be will be» («Будь что будет») с рефреном, повторяющимся по-испански и по-английски. Эта песенка великолепно отвечает его суеверности и всему духу суеверно-католической Южной Америки. До чего же приятно слушать эту песенку, когда шофер дремлет и отпускает руль машины, несущейся над самой пропастью. «Que será será!»

(Эта песенка является одним из тех низкосортных товаров, которые были в избытке экспортированы сюда капитализмом: пропаганда бессмысленного фатализма и слепого само-

довольства. Чему быть, того не миновать, человек бессилён, и ему ничего не остается, как покориться обстоятельствам. Все будет так, как хотят судьба и хозяева.)

Кроме того, у нас создается впечатление, что наш шофер очень страдает от жары. Он все время прикладывает руки к своей крупной голове, проводит ладонями по лбу. Но он совсем не потеет, его серо-черная, как асфальт, кожа остается сухой. Мы слышим, как он все чаще что-то бормочет про себя, а его темные губы при этом нервно подергиваются. Что он бормочет, понять невозможно. Может быть, это молитвы. А может, какие-то заклинания.

Однако мы стали всерьез опасаться за его рассудок лишь в горах, перед самой Арекипой. Автомобиль вдруг начинает танцевать вальс на шоссе, мечется от одной обочины к другой, выписывая замысловатые кривые. А сам шофер что-то бормочет про себя, и вид у него самый сокрушенный. Мы очень обеспокоены и спрашиваем его, что это все значит. И тут, к нашему неопишуемому удивлению, оказывается, что шофер поступает очень разумно, он не сошел с ума и не колдует. Просто дорога на этом участке идет слишком круто вверх, и он, чтобы уменьшить нагрузку на мотор, едет зигзагами, уменьшая угол наклона и удлиняя путь!

Но хватит о шофере!

Мы в Ике. Пыльный город в колониальном стиле, строящиеся церкви, обсаженные деревьями площади, гладиолусы. Район, производящий хлопок, вино и шерсть.

Дальше за городом начинаются песчаные холмы, такие белые и такие изыщные, что их невольно хочется назвать песчаными девами.

Шоссе с проезжей частью, разделенной пополам, бежит между холмами к Уакачина. Там, между песчаными хребтами, находится кратер древнего вулкана, заполненный водой — мрачный провал с зеленовато-серой грязью и толстым слоем плесени, распространяющей тошнотворный запах. Вода так и кишит какими-то белыми червями, и нужно сделать над собой усилие, чтобы принять здесь ванну.

Однако Уакачина — это крупный курорт, и вдоль берега тянутся отели. Считается, что здешние ванны помогают от кожных заболеваний и ревматизма, а также оказывают стимулирующее влияние на деятельность половых желез. Скрученные болью люди залезают в воду, опираясь друг на друга или на костыли. Некоторые даже втирают зеленую грязь в кожу лица. Вокруг них стоит такая вонь, будто они купаются в тухлых яйцах.

Существует предание о том, что на дне кратера живет индейская принцесса, которая каждый год оставляет у себя одного из купающихся. Один перуанский поэт написал об этом сонет, вырезав его на каменной плите.

Песчаные гряды, которых здесь немало, возможно прячут от людских глаз засыпанные индейские города и разукрашенные золотом древние храмы. Озаренные заходящим солнцем холмы резко выделяются на фоне лиловато-синего неба. По песчаному откосу медленно скользит тень какой-то хищной птицы.

Несколько юношей и девушек в купальных костюмах карабкаются вверх по склону, и скоро они достигают поля, окутанного черными, как сажа, вечерними сумерками.

...И В АРЕКИПУ

Волны песка. Дикие горы, красные, черные, фиолетовые. Острые и колючие, словно кактус, утесы.

Высокогорная долина, городок Наска, где более тысячи лет назад уже расцвела индейская культура. Теперь здесь покосившиеся глиняные хижины, залитые помоями переулки и выгребные ямы. Вокруг круто вздымаются в небо зеленые горы, а над горами плывут черно-синие облака — сейчас время дождей. Но в Наске дождей нет: только тучи да ветер, поднимающий столбы пыли.

Туристический отель (государственный), словно оазис в пустыне; во дворе сад с плавательным бассейном, газонами и розовыми кустами. В клетке прыгает обезьяна, по саду летают попугаи.

Дорога снова приближается к океану и местами идет у самой воды. Зеленоватые волны с шумом разбиваются о берег. Над водой густыми стаями летают морские птицы. Вокруг пусто. Тихий океан одиноко отбивает о скалы часы бесконечности.

Потом дорога снова петлями бежит вверх, извивается между скалами, пробивается сквозь причудливые нагромождения каменных глыб. То и дело далеко внизу мелькают бурлящие волны, а над ними в водяной пыли сверкает радуга. К океану с гор стекает несколько рек, которые образуют илистые или песчаные устья. На их берегах растет немного сахарного тростника, хлопчатника, винограда, фруктовых деревьев и дынь (красноватых и сладких *sandias*). Там лежат полностью отрезанные от внешнего мира селения: Ломас, Чала, Атико, Оканья, Камана. Отличить одно селение от другого просто невозможно — все те же необъятные горные выси, те же зеленые полосы земли в ложбинах между горами, те же крутые обрывы, те же ручьи, омывающие камни или песчаные откосы.

В одном селении занимаются пчеловодством. В другом на каменистой почве разбита прекрасная плантация: пять тысяч оливковых деревьев.

Ночевка в Чала. Белье, развешанное между домами, — словно огромные морские птицы вдруг расправили свои

крылья. Бой часов, доносящийся с колокольни старой церкви; сама церковь затеряна высоко между скалами и напоминает старинную крепость. Козы, с блянием прыгающие по уступам гор.

Как только мы зажигаем свет, он тут же гаснет. Море становится все темнее и темнее. В тучах, нависших над горами, сверкают молнии. Кругом заливаются лаем собаки. На дороге между скалами вспыхивают и снова исчезают фары автомобилей.

Свет загорается и через несколько мгновений опять гаснет. На балконе отеля сидят люди и ждут обеда. Сидят в темноте и курят; на миг чье-нибудь лицо озаряется огоньком спички или зажигалки.

Наконец, появляется официант и вешает несколько ламп, с шумом выбрасывающих языки голубовато-белого пламени. Они медленно покачиваются под порывами вечернего ветра, дующего с моря; драпри мрачно колышутся по стенам. Поздний и довольно меланхолический обед, состоящий из козьего мяса и дынь.

На следующий день мы с трудом преодолеваем засыпанный песком проход между скалами, обрывающимися прямо в море. Несколько грузовиков уже застряло здесь.

Поверх песка пришлось положить солому, чтобы колеса не буксовали. Несколько хижин, словно ракушки, прилепились к самому краю пропасти. Песок все время засыпает стены и проникает за порог. На песке сидят голые ребятишки и разглядывают проезжающих.

Мы выезжаем на высокое плато, перерезанное наискось ущельями. Машина то съезжает на дно ущелий, то снова карабкается вверх. Грунт здесь сплошь каменистый, нет ни капли воды, ни кустика, ни деревца. Голая холодная земля, выскобленная песком. Полукруглые песчаные дюны, медленно переползающие с места на место. Черные трещины, возможно образовавшиеся в результате землетрясений.

Через пересохшую реку переброшен деревянный мост. Здесь же находится шлагбаум и несколько домиков. К нам подходят два полицейских и проверяют паспорта. Жарко, как в печке, с полицейских градом катит пот, но они удивительно вежливы. Детишки пытаются продать нам какие-то маленькие сморщенные плоды.

У селения Витор мы пересекаем шоссе и железную дорогу из портов Мольендо и Матарани. Машин здесь совсем мало, кругом высятся дикие пустынные горы. Дорога идет все вверх и вверх, к черным вершинам. И вот мы уже на пороге Арекипской долины.

Издали долина кажется окрашенной в холодные зелено-вато-синие тона, затененные облаками и вулканами. Каменный лев охраняет въезд в долину. Через нее протекает река с про-

зрачной серебристой водой и каменистыми берегами. Между черными валунами растет мягкая сочная трава. Женщины стирают белье и тут же сушат, разложив его на траве. Индейцы, одетые в красные одеяла и круглые шляпы, жнут пшеницу. Там, где уже прошли жнецы, пасутся мулы.

Некоторые дома кажутся вылепленными из одного куска глины; крыши тоже из глины, которую, вероятно, клали поверх соломы.

По обеим сторонам дороги возвышаются каменные стены, и в город идешь как по лабиринту. Улицы постепенно поднимаются вверх, и у вас создается впечатление, что весь город немного покосился. Церкви и многие дома построены из светло-серого вулканического камня. Взад и вперед снуют маленькие трамвайчики, круто поворачивая на углу улиц.

На окраине парк с видом на город. Эвкалиптовые деревья, шпалеры, увитые цветами. Пруд с лодками. Государственный отель для туристов, выкрашенный в красный цвет, приземистый, с железными дымовыми трубами. Через окно можно легко выскочить на улицу. Как-никак город лежит у подножия вулкана, и землетрясения бывают довольно часто.

* *
*

Арекипа — это второй по величине город Перу. Он лишь на пять лет моложе Лимы (но раньше на его месте находился город инков). Несколько небольших фабрик производят шерстяные ткани, изделия из кожи, мыло, стеариновые свечи, пшеничную муку и пиво. Индейцы ткут ковры из шерсти альпаки.

Весь город одет в шерстяные одежды. Женщины обычно носят шерстяные кофты поверх шелковых блузок, на плечи набрасывают шерстяную шаль, на ноги надевают шерстяные чулки. Когда находишься в горах, все время кажется, что на дворе осень.

Адвокатских контор здесь видимо-невидимо. Все они мрачные, со скрипучими половицами. В них все преисполнено значения и какой-то особой торжественности. У адвоката не очень-то пошутить: ведь тут речь идет не просто о жизни и смерти, это все ерунда, речь идет о собственности, о праве. Многие из тех, кто годами ждет решения своей судьбы, выглядят ужасно изможденными, ходят в заношенных до дыр костюмах; видно, чтобы добиться справедливости, нужно уметь ждать, терпеть и переносить лишения.

На стенах висят фотографии людей, которые дожили до ста двадцати пяти лет.

А в газетах можно прочитать о людях, которые были съедены собаками.

Однажды утром мы вышли из отеля и увидели Эль Мисти во всей его ослепительной красоте. Это ближайший и прекрасный из трех больших вулканов, которые охраняют подступы к Арекипе. Эль Мисти, закованный в вечные снега, — алтарь и бог в одно и то же время.

В Арекипе я часто думал о поэте Альберто Идальго, который вырос в этом городе, а теперь живет в изгнании. Его творчество — это поэзия вулканических потрясений, беспрестанной борьбы, совершающейся между человеком, пшеничной землей и горами, покрытыми снегом.

ВВЕРХ, В ГОРЫ

И вот мы попадаем в самое сердце древних поселений инков: в область горного разреженного воздуха. Люди здесь уже рождаются йогами с их глубоким дыханием: в горах они обретают мир, уединение и неизменность бытия. Если они спустятся вниз, в долину, они рискуют умереть. Они распухнут и будут медленно задыхаться в слишком плотном воздухе.

Нам, жителям низменностей, не хватает воздуха в индейских горах; нам приходится накачивать его в себя в огромных количествах. Мы вынуждены двигаться там медленно и осторожно, словно старики или больные. То и дело приходится останавливаться и пыхтеть, будто загнанная лошадь. Как можно больше времени нужно лежать в постели. А когда спишь, нужно иногда просыпаться, чтобы вдохнуть в легкие недостающий им воздух. Обычного, естественного дыхания здесь не хватает, и его приходится стимулировать с помощью лекарств. И все-таки у вас такое ощущение, что легкие слишком малы, словно они вдруг превратились в маленькие узкие мешочки. Вам хочется расшириться, раздуться, как воздушный шар, хочется пробить эту невидимую перепонку, которая мешает вам вдохнуть настоящего воздуха.

Чем выше вы поднимаетесь в горы, тем лучше понимаете живущих здесь индейцев. Вся их жизнь должна быть посвящена решению проблемы дыхания. Проблему эту они, очевидно, решили уже давным-давно, но расплачиваться за это решение им приходится и по сей день. Потребность в кислороде должна быть удовлетворена в первую очередь, и поэтому дыхание становится для индейцев единственной жизненной необходимостью. Они целиком уходят в дыхание и только в дыхании. Это странное полуощепение, мечтательное забытьё, какое-то каменное мышление, горное сознание. У них мало потребностей и мало желаний; воздух — основная потребность и главное желание.

А как же империя инков с ее быстрым энергичным развитием? Но ведь по сути дела это все та же система экономии энергии, которая принесла совершенно поразительные результаты. Каждый индеец получал раз и навсегда какое-то опре-

деленное место в обществе и, подобно дереву в лесу, стоял на этом месте до гробовой доски. Империя инков и была таким человеческим лесом, который охватывал, как полагают, тридцать миллионов живых деревьев. И каждый жил там, где указал ему повелитель, облеченный властью Солнца: на небольшом поле, террасой прилепившемся к обрыву; в ущелье, где он врубался в камень; на лугу, где он пас лам.

Здесь ничего не выбрасывалось: клочок шерсти, крупинка золота, травинка — все находило свое применение. Картофель, кукурузные початки — все подлежало строгому учету и распределению. Здесь не зря обрабатывали золото: его созерцали, им восхищались. Ни одного камушка не выбрасывали без тщательного осмотра. Если кто-нибудь пытался оставить у себя немного вигоневой (самой лучшей) шерсти, его за это карали смертью. Здесь все принадлежало властелину, который представлял на Земле Солнце. Каждый жил на выделенную ему часть общественного продукта, которую в одинаковой мере можно рассматривать и как дар, и как принадлежащую по праву.

Экономика гор. Дефицит преодолевается системой. Бедность превращается в достаток, в изобилие, даже в богатство.

Во-первых, дефицитен воздух. Во-вторых, дефицитна земля. В-третьих, вода. В-четвертых, скот. В-пятых, растения, идущие в пищу.

Индейцы с избытком покрыли весь этот дефицит. Они приучили себя к глубокому дыханию и научились бегать и таскать камни лучше, чем кто бы то ни было; вскопали всю землю и превратили ее в поля; провели воду в каменные желоба, спускающиеся по склонам гор; научились собирать, сохранять и распределять ее; приучили лам к условиям жизни в горах, сделали их сильными и выносливыми, своей человеческой волей сломили их гордость и получили от них одежду, пищу, топливо, тепло их тела, их дружбу; заставили картофель, кукурузу и хлеб подняться вслед за ними в горы на невиданную прежде высоту.

Пока я думаю об этом, поезд медленно выползает из Арекипской долины, поднимая нас все выше и выше, мимо вулканов, в первобытный мир камня и воздуха, холода и облаков. Последние участки земли, засаженные пшеницей, исчезают в скалистых ущельях, теперь нас провожает только трава, которая ведет упорную борьбу с каменной почвой. Внизу, на дне ущелий, мелькают крохотные деревушки, обрамленные полоской зелени; со всех сторон их окружают отвесные каменные стены, словно деревушки находятся на дне глубокого колодца. Единственное, что их связывает с внешним миром, — это вырубленная в каменном обрыве лестница.

Вода, заблудившись в ущельях, ищет себе выхода. Она заливаает острые края скал, словно блестящая окантовка из железного листа, и бежит вниз, в пропасть, тонкими серебри-

стыми нитями. Даже воде приходится трудно в этих горах; она должна пробивать себе дорогу, вытаскивая в камне узенькие бороздки. И вид у нее очень грустный и изможденный.

Склоны гор нередко засыпаны пронесшимися лавинами. Это беспорядочное, чуть не до неба, нагромождение каменных глыб. Кажется, достаточно сдвинуть один камень, как вся масса придет в движение и превратится в поток низвергающихся камней.

Мы поднимаемся еще выше, и вот перед нами расстилается высокогорное плато; трава растет острыми жесткими пучками, а между ними чернеют полосы голой земли. Здесь находятся железнодорожная станция, несколько крытых железом домиков, защищенных от ветра насыпью из камней, целый лабиринт каменных стен. Возле стен лежат сложенные штабелем связки риса; индейцы сидят либо на этих связках, либо на сваленных в кучу шкурах, либо просто на земле возле каменной насыпи. Они чувствуют себя здесь очень уютно.

Тут же бегают босые, сопливые ребятишки. Какой-то мальчуган привязал к ржавой консервной банке шнурок — это его игрушечный автомобиль.

Несколько лам стоят за каменной загородкой; из-за загородки торчат их головы, словно цветы из вазы. У них такой вид, будто они дожидаются, чтобы поезд подошел поближе, и тогда они смогут плюнуть на это стальное чудовище.

Все вперед и вперед. Со всех сторон горы. Черные каменные громады с белыми изломанными вершинами. Возле Крусеро мы уже на высоте четырех тысяч четырехсот метров над уровнем моря. Здесь под самыми облаками раскинулись озера, свинцово-серые или иссиня-черные с зеленоватыми полосами. Мертвые озера, без единой птицы, без единого кустика на берегу и, очевидно, без единой рыбешки. Вода, которая омывает эти камни и ударяется в скалистые стены гор, не знает, что такое жизнь.

Холмистое плато, вокруг пучков травы белыми кольцами лежит снег. Здесь пасутся стада альпак; издали кажется, что на них надеты длинные, до самых копыт, кальсоны. На скале одиноко сидит индианка, одетая в красное, и смотрит на пустынное озеро. Иногда между холмами появляется путник или всадник. А как-то раз мы видели велосипедиста, ехавшего прямо по неровной земле.

В облаке вспыхивает синеvато-белая молния, и тут же начинается град; градины ударяются о скалы и собираются небольшими сугробами возле каждой трещины. Рядом со станцией, в бараках с нумерованными дверями, живут железнодорожные рабочие — индейцы. Вдоль стены сидят их жены и дети с космами спутанных, спадающих на лицо волос. У них такой вид, будто они сидят здесь целыми днями. Они не проявляют к поезду ни малейшего интереса, и вообще не верится,

что их может что-нибудь заинтересовать. Они просто сидят — и все.

Мы едем уже десять часов и наконец спускаемся в речную долину. Наш поезд мчится наперегонки со стремительно бегущей рекой, которая впадает в озеро Титикака.

В сумерках мы выезжаем на большую, залитую водой равнину. Дождь летит как из ведра. Глиняные деревни кажутся маленькими зелеными островками. Дороги превратились в потоки бурой грязи. Тут же пасутся коровы, овцы, ламы: они бредут по колену в воде или неподвижно стоят, унылые, темные от дождя.

Хулиака — индейский город со складами шерсти и дубильнями. Улицы сплошь покрыты грязными лужами, а глиняные домики, кажется, вот-вот развалятся под проливным дождем. Здесь мы переночуем и на следующий день отправимся в Куско. Мы с трудом пробираемся сквозь толпу индейцев, от которых пахнет сырой овчиной, шлепаем по лужам, увязая в грязи; вокруг не видно ни одной машины. К счастью, отель находится прямо перед нами.

Крутая деревянная лестница ведет наверх. За окошечком в деревянной стене сидит старик, укутанный в шерстяную шаль. Он записывает наши имена в книгу приезжающих. Комнаты расположены вокруг длинных балконов, выходящих во двор. Двери не запираются и даже не закрываются как следует. Свет можно зажечь, лишь зная секрет выключателя, и вы всякий раз должны звать на помощь коридорного, который владеет этим секретом.

В отеле есть большая общая ванная, не запирающаяся, с открытыми окнами, в которые хлещет дождь. Пол весь залит, грязная ванна наполнена холодной грязной водой. Туалет забит газетной бумагой, на полу — экскременты. Зеркало перепачкано чем-то белым, будто его залили молоком.

В отеле есть несколько больших пустых залов. Посередине стоят стулья, у стены — старое разбитое пианино. Какой-то индеец вдруг начинает играть. Он играет много часов подряд с жаром и какой-то мрачной решимостью. Пианино расстроено, и вылетающие из-под клавиш грохочущие звуки сливаются в дикий диссонанс. Это целая буря звуков, и тот Вагнер, который живет в душе нашего индейца, явно доволен.

В столовой холодно и ветрено, как на палубе корабля; двери открыты настежь: за ними мрак и шум дождя. Все в пиджаках и шляпах, на шеях — шерстяные кашне. Ужин ужасен: все полухолодное, жирное. «Но зато есть пиво!» — гордо заявляет буфетчик-индеец.

Дрожа от холода и сырости, мы, не раздеваясь, ложимся спать, укрывшись целым ворохом грубых одеял из шерсти лам. Очень холодно, но все равно нужно глубже дышать, чтобы дать легким достаточно воздуха.

ДОЛИНА ВИЛЬКАНОТА

На следующий день из-за облаков выглядывает солнце, равнина сверкает речушками и озерками, словно инкрустированная индейским серебром. У лам такой вид, будто их только что причесали мокрым гребешком; через широкую мокрую спину животного идет нечто вроде пробора, а от боков, согретых солнечными лучами, валит пар. Индейцы в одеялах и шляпах снуют взад и вперед, охваченные жаждой деятельности. Одни гонят стадо, другие — несколько выючных животных с поклажей, третьи сами несут на себе огромные выюки.

Поезд приближается к долине Вильканота. Нас медленно обступают горы, превращая равнину в крошечное блюдце. Здесь лежит большое индейское селение: множество домиков, гончарные мастерские, хлева, где стоят ламы. На соломенных крышах разложены шкуры лам. Крыши обычно украшены какими-нибудь крестами: медными, деревянными или просто соломенными. А рядом с крестом нередко можно увидеть изображение Солнца или Луны.

Долина суживается и снова расширяется, становится все более голой и пустынной; все ближе граница вечных снегов. Это страна лам; иногда вдали стоит пастух, но чаще нет никого, и ламы, как дикие животные, бродяг без всякого присмотра. Они совсем не пугливы, вид у них скорее равнодушный или даже презрительный. В случае необходимости они всегда готовы постоять за себя, отразить нападение противника. При этом они топают передними ногами, прижимают уши, а глаза их загораются черным блеском.

Если их потревожат или разозлят, они вытягивают шею и быстро вращают головой, как птицы. Они все время ожесточенно жуют (и вообще они чем-то смахивают на американцев, жующих резинку). Ламы хлопают своими длинными черными ресницами и шевелят маленьким хвостом. В случае опасности они стремительно вскакивают на все четыре ноги, словно прыгают в воду. Иногда их любвеобильные хозяева вдевают им в уши серьги, украшают их кисточками из красной или синей пряжи. Бывает, что на шею им надевают красивую ленту. Эти украшения ламы носят с явным удовольствием, словно настоящие женщины.

Возле Ла-Райя через долину проходит горный хребет, служащий водоразделом: с одной его стороны реки текут в Титикаку, а с другой — в Амазонку. Здешние индейцы носят шляпы с наушниками, которые защищают от холодного ветра. На площади стоит зеленый генерал (статуя). Возле Агуа-кальентес из земли от горячих источников поднимаются столбы пара, как в Исландии.

Потом река Урубамба, уже у истоков бурная и стремительная. Все лучше возделана земля, все крупнее селения, все

добротнее дома, часто с черепичной крышей. Картофельные поля, усеянные белыми и розовыми цветами; бобовые поля, густо поросшие высокими стеблями с яркими голубовато-фиолетовыми цветами. Крестьяне индейцы пахут на быках, вскапывают землю большими изогнутыми лопатами. Некоторые женщины сидят перед своими домами и ткут, другие идут по дороге и прядут намотанную на веретено красную шерсть, третьи работают на зеленоющем поле пшеницы, выдергивая сорняки с желтыми цветами.

В стране индейцев все окрашено в яркие чистые цвета. Вы можете увидеть зеленовато-стеклянный ручей с синими камнями. Скала вздымается до самых туч, как гигантский медный орган. Эвкалиптовая роща кажется голубовато-стальной на фоне мшисто-зеленой горы.

Шляпы индианок (это либо обычные мягкие фетровые шляпы, либо твердые котелки) бывают светло-зеленые, синие, коричневые, красные, фиолетовые. Пусть они будут почти черные от грязи, все-таки их украшает лента золотой парчи или розового шелка.

Для индейцев красота — это краски. А может быть, это вовсе не вопрос красоты? Может быть, у них краски означают нечто совершенно иное: символ рода, родственные связи, положение в обществе, количество детей, желание вступить в брак — кто знает? Или, может быть, внутреннее тепло, жизненную силу, радость бытия?

Начинается район, который дает дорогую вигоневую шерсть. Здесь не видно ни одной ламы: одни вигони. Вигонь — это прекраснейшая кузина ламы; она меньше ламы, тоньше, нежнее, пугливее и реже встречается. Шерсть у вигони превосходная: мягкая, воздушная и легкая. (Альпака стоит ближе к ламе, чем к вигони, и дает шерсти больше, хотя и более низкого сорта. Шерсть ламы слишком груба для прядения и ее используют в качестве набивочного материала и т. п.)

Далее мы проезжаем богатый сельскохозяйственный район. На лугах пасутся пестрые коровы и быки, отары овец. Здесь построены висячие мосты, двухэтажные глиняные дома с застекленными верандами, мельницы, на которых мелют пшеничную муку. По дороге едут автобусы (один красный автобус останавливается возле водопада: индейцы любят природу своей долины, словно приезжие туристы). Женщины важно расхаживают в коротких, до колен, юбках; несколько юбок надеты одна на другую, выпирают колесом и делают индианок круглыми, как бочка. Зато под юбками у них ничего нет: стоит им побежать или подуть ветру, как обнажаются и бедра и живот.

На станциях можно наблюдать индейских музыкантов с большими гитарами, грубо выструганными из дерева; гитары прикрыты мешками.

У подножия крутой горы стоит крест с напяленной на него старой одеждой. Не подумайте, что крест кощунственно превращен в воронье пугало. Это должно напоминать об одежде Христа, которую стражники разыграли в кости.

Недалеко от Куско поезд снова въезжает в речную долину, такую узкую, что там едва хватает места для реки и железнодорожного полотна. С обеих сторон поднимаются тысячеметровые каменные стены; иногда они почти смыкаются у нас над головой, образуя нечто вроде туннеля.

Долина расширяется, и перед нами как на ладони лежит Куско. Своими кирпичными крышами и колокольнями он напоминает старинный испанский город.

КУСКО — ПОБЕЖДЕННЫЙ ГОРОД

«Куско» означает пупок. Этот город когда-то был центром мира инков. Отсюда лучами расходились дороги на север, юг, запад и восток, в самые отдаленные уголки империи. Отсюда бежали гонцы и скороходы, неся местным правителям приказы верховного властелина. Отсюда выступали войска, торжественным маршем проходя мимо Великого Инки в солнечном облачении, и снова возвращались, чтобы сложить у его ног богатую добычу.

Куско — это город, особо отмеченный милостью божественного Солнца. Оно взирало с высоты небес на своего земного сына, Великого Инку, и видело, как благостный свет его лучей отражают золотые солнца на земле (золото, этот таинственный металл Солнца, добытый ему во славу). В храме Солнца один раз в год вспыхивал священный огонь; его зажигало само Солнце. Там совершалось торжественное служение пламенному божеству небес с ритуальными танцами и обрядами; там питали священный огонь жертвенным мясом; туда приносили мумии царей из их каменных усыпальниц, чтобы их снова озарило Солнце во всей их былой пышности.

В Куско на большие празднества свозилось все, чем государство инков владело благодаря усилиям вождей, военачальников и жрецов. Над всеми красками господствовали золотой и красный цвета: всюду сверкали золотые украшения, багровели красные одеяния, символы власти и жизненной силы — солнце и кровь.

В Куско хранились связки шнуров с завязанными на них узлами. Это был своего рода государственный архив. По разноцветным узлам на шнурках мудрецы читали, как по книге, а это создавало известную гарантию, что о важнейших делах и событиях не будут толковать вкривь и вкось, только по памяти.

Куско — столица. Куско, одетый зеленью и камнем. Куско — побежденный город Солнца: павший символ, действительность в развалинах. Мертвый город, который еще живет, но живет в полжизни.

Государство инков было искусно построенной пирамидой, где все концентрировалось в Великом Инке, пирамидой перевернутой, опирающейся на острие, а Великий Инка был единственной точкой опоры. Достаточно было одного толчка, одного удара испанских копий, и вся пирамида рухнула. Непоправимо, навсегда.

Но еще раньше пирамида была расколота на две части, покоящиеся на двух отдельных точках опоры (Уаскар и Атауальпа, Куско и Кито). Борьба между обеими частями империи грозила государственному зданию окончательным расколом и гибелью, делала его чрезвычайно уязвимым для нападения извне. Испанцы убили одного из властителей, Атауальпу, и обратили в бегство его войска. Уаскар приветствовал испанцев как друзей и союзников, открыв им все дороги на Куско (лиановые мосты остались целы, горные проходы не были защищены).

Появление испанцев предвещали различные предзнаменования, землетрясения и грозы. (Инки, подобно другим индейским племенам, испытывали суеверный страх перед грозой. Возможно, они считали, что гроза вызывается гневом Солнца или подчиненных Солнцу сил природы. Этим же можно объяснить и их страх перед наводнениями, что, возможно, послужило причиной их ухода в горы. Они связывали грозы с вулканическими извержениями: в обоих случаях на потемневшем небе вспыхивает огонь и слышен грохот.)

И когда испанцы пришли в страну инков, можно было подумать, что именно их приход и предвещала природа. У них было оружие, которое выбрасывало огонь, гремело громом и убивало на расстоянии, быстро и непостижимо, как удар молнии. У них росли бороды, как у богов, в глазах было и пламя и лед в одно и то же время. Закованные в железо, они ехали верхом на лошадях, с которыми словно срослись, напоминая кентавров или каких-то многоруких, многоногих чудовищ.

Но, увы, они не были посланцами бога Солнца! Вскоре оказалось, что они его злейшие враги, его победители и убийцы. Куско был тотчас же разграблен; в бешеной погоне за золотом испанцы разрушили храм Солнца и царский дворец; они вытащили на улицу святые мумии и надругались над девами Солнца — жрицами его храма. Государство инков было уничтожено, это было полное поражение, и скорее внутреннее, чем внешнее, а потому окончательное. Ведь пал сам бог и рухнул трон — опора всего.

Куско долго еще оставался очень беспокойным городом. Здесь часто происходили землетрясения и пожары, то и дело вспыхивали кровавые, хоть и обреченные на поражение восстания индейцев, а нередко начинались распри между самими испанцами. Теперь Куско должен был превратиться из победленного города в город-победитель, и на поле недавней битвы нужно было поставить памятник новым властителям страны. Дома инков, с таким мастерством сложенные из каменных глыб, дали завоевателям материал для строительства церквей и дворцов или стали фундаментом новых жилых зданий. Дворец Писарро был построен на месте дворца Великого Инки, храм Солнца и храм Змея стали церквями, а святилище дев Солнца превратилось в женский монастырь. Это было очень символично: белые властители, белая раса, белая культура и религия возвысились над всем индейским и теперь наслаждались своим триумфом, попирая ногами побежденных.

Однако Куско, отрезанный горами от внешнего мира, не мог соперничать с Лимой. Он уже не притягивал к себе выдающихся людей, знатных, богатых и ученых. Новых церквей и дворцов здесь больше не строили. Никто не хотел даже чинить здания, поврежденные землетрясениями (последнее разрушительное землетрясение произошло в 1950 году).

Вокруг Пласа де Армас теперь стоят покосившиеся церкви, все в копоти стеариновых свечей. Посреди площади возвышается раскрашенная скульптура полуобнаженного индейца с луком и стрелами, дикого и воинственного и несколько не похожего на своих потомков, которые сидят тут же на корточках и чистят обувь или продают фрукты. Караваны лам медленно проходят через площадь звеня колокольчиками; они испуганно шарахаются от грузовиков, жмутся ближе друг к другу и, как птицы, быстро вертят головами в разные стороны.

В соборе индейцы смотрят на изображение кровоточащего сердца, обгаряющего кровью стоящих внизу агнцев. Что может сказать им эта картина? Индейцы не кажутся ни пораженными, ни растроганными, они погружены в спокойное раздумье. Они уже привыкли чувствовать себя этим сердцем или агнцами, или и тем и другим вместе.

В городе много узких грязных переулков, и когда идешь по одному из них, то нередко можно увидеть стены, построенные еще инками. Огромные каменные плиты, ровные, как лалонь, лежат плита к плите; вся стена кажется сшитой тончайшими швами, а сами плиты напоминают крепко сжатые губы, между которыми нельзя просунуть даже лезвие ножа (что отмечали еще первые испанские авторы исторических хроник). Эти каменные плиты не квадратные, а нередко восьми- или двенадцатиугольные, они подогнаны друг к другу

почти так же точно, как зубчатые колеса. Не имея ничего, кроме весьма непрочных инструментов из бронзы, инки-ремесленники обтесывали камень с такой легкостью, словно это сыр. Кажется, что по их воле эти огромные глыбы сами срослись, — люди одержали величайшую победу над упорством и неподатливостью камня. Это подлинная поэзия камня, вдохновенная каменная лирика.

Если посмотреть на камни чуть внимательней, на них можно обнаружить декоративную резьбу. Она совершенно хаотическая и беспорядочная. Змея или еще какое-нибудь животное, нарисованные на одном камне. Змеи прямые, как палка, и змеи в виде одной волнистой линии. Толстые вялые змеи, и змеи с открытыми пастьями, готовые к нападению, змеи, вытянувшиеся вверх над землей, змеи, свисающие вниз или обвиняющиеся вокруг камня. Иногда рядом со змеей изображена ящерица; она нарисована сверху с растопыренными лапами.

Во времена инков стены нередко украшались различными золотыми предметами: это были реалистически исполненные изображения ящериц, цветов, фруктов. Кроме того, на стене можно было увидеть разноцветные перья птиц или красивую шкуру какого-нибудь животного.

Интересно также походить по Куско и осмотреть украшения на воротах домов. Есть ворота со змеями в стиле инков, ворота со свинными головами, ворота с женской грудью и медными руками, ворота и балконы с большими солнцами из дерева; на монастырских воротах изображены пригнутые к земле птичьи головы, а на еще каких-то воротах — медное человеческое лицо с маленьким сморщенным будто от насморка носом.

Заходит солнце, на Куско падают синие тени, а ясное чистое небо как бы отделано медью и сталью. Холмы окрашены в мягкие синевато-зеленые тона, возле собора сидит индеец и тихо наигрывает на губной гармонике.

ПИСАК, СЕЛЕНИЕ ИНКОВ

Из Куско дорога идет на север, мимо эвкалиптового леса, через поросшие травой горы. Здесь лежит древняя крепость инков Саксауаман, напоминающая развалины гигантского храма из монолитов. Огромные каменные глыбы величиной с дом образуют стены. Все то же замечательное искусство обработки камня, присущее инкам, но здесь это искусство выражено в грандиозной по масштабам работе. Глыбы так отшлифованы, так подходят одна к другой, словно это крошечные камешки.

Каменных дел мастера из племени инков любили камень, любили страстной, но вместе с тем терпеливой и верной лю-

бовью. Они ласкали его нежнее, чем мужчина ласкает женщину, шлифовали его неумоимо, день за днем, год за годом, поколение за поколением. Камень был предметом их горячего обожания, почти так же, как любой из богов, которым они поклонялись. Обработка камня была для них не только хлебом насущным, но и глубочайшим смыслом всей жизни, священнодействием, совершаемым во славу властелина и Солнца. Они заставили камень ответить на эту любовь и слиться с той великой божественной волей, которую он выполняет.

Каменные глыбы весом в несколько десятков тысяч тонн инки доставляли издалека, втаскивали их на крутые обрывы без помощи даже какого-нибудь подобия колес или рычагов. Огромные партии носильщиков, возможно, передвигали их всего на несколько метров в день. Но время и рабочая сила здесь ровно ничего не значили, все зависело исключительно от воли великого властелина, которая поддерживала и сплаивала их воедино. Его воля и власть были смыслом и содержанием всего.

Прямо перед крепостью в скале высечен трон Верховного Инки и каменные ступени, которые ведут к подножию трона. Здесь он сидел, глядя на проходящие мимо него войска. Гремели барабаны и глухо звучали изогнутые рожки. Саксауаман был неприступной крепостью и замком, запирающим все подступы к городу Солнца.

Немного выше в горах находится древнее кладбище инков. Рядом в скалах вырублено зернохранилище. До сих пор существует предание о погребенном здесь городе, однако единственным подтверждением предания пока что остаются два золотых пальца, найденных кем-то в окрестностях.

Мы минуем еще несколько гор и попадаем в речную долину, где лежит небольшое селение Писак, сохранившееся почти без изменений с тех времен, когда здесь жили инки. Мы едем в Писак. Сейчас утро, воскресенье; там сегодня ярмарка и народный праздник.

Среди скал там и сям разбросаны могилы. Склоны гор покрыты широкими террасами и желобами для воды, которые были вырублены еще инками. Многие участки, расположенные на террасах, уже давно покинуты хозяевами. Да это и не удивительно: они расположены на огромной высоте и почти недоступны; попасть на свое поле крестьянин мог только по канату, подобно собирателю птичьих яиц. Водостоки до сих пор хорошо служат местным жителям. Камни в желобах подогнаны с такой точностью, что и сейчас, спустя много столетий, из них не вытекает ни капли воды.

Проходя через селение, дорога делает крутой поворот у низвергающегося в пропасть водопада. Мы видим дырявые соломенные крыши, мальчуганов в рваных штанишках, кре-

стьян в шляпах из плетеной соломы. Навстречу нам попадают лохматые ламы, навьюченные мешками с рисом; они медленно идут под гору, словно движущиеся кусты.

Рыночная площадь находится в центре селения. На нее падает тень от двух больших деревьев. Над кучей камней высится деревянный крест; он был установлен еще в первые годы испанской колонизации. Вокруг креста индейцы укладывают привезенные для продажи товары, а на стволах деревьев развешивают ковры и всякие украшения. Большинство торговцев сидит прямо на глинистой, пропахшей навозом земле, разложив перед собой свои товары. Здесь изделия из железа, глиняная посуда, связки риса, листья коки, засиженная мухами рыба, горы всяких семян, перец, целлюлозные гребни, бумажные цветы. Все перемешалось: сельскохозяйственные продукты, предметы домашнего обихода, всякие старинные вещи и просто старый хлам.

Многие индейцы одеты очень своеобразно, как в старину. Мужчины в коротких до колен облегающих штанах, босые, в коротких куртках; свернутое одеяло переброшено через плечо, а на голове широкая шляпа с загнутыми вверх полями, похожая на блюдо. У некоторых в ушах металлические серьги (во времена империи лишь высокопоставленным инкам разрешалось носить серьги). Женщины надевают красиво вышитые платья, увешанные металлическими дисками (золотыми, серебряными, а чаще всего бронзовыми). На головах у них фантастические шляпы, широкие, как колеса, со свисающей вниз бахромой или с целыми клумбами цветов. Через плечо переброшена шаль, закрепленная спереди металлической брошью в форме рыбы (у индейцев, как и у многих других народов, рыба считается священной: это символ плодородия и плодовитости), двуглавого орла, павлина или голубя (ох, вечно эта мне геральдика).

Они все время жуют, жуют, как ламы, но при этом рот у них полуоткрыт, что придает им какой-то удивленный и даже придурковатый вид. Они жуют листья коки, все время переворачивая языком зеленую жвачку; зубы у них тоже зеленые, и они поминутно выплевывают зеленую смолу. Листья коки вы можете купить на рынке, где угодно и сколько угодно. Коку привозят сюда на ламах. Груды листьев лежат прямо на земле перед торговцами. Если вы попробуете пожевать несколько листочков, то не почувствуете ни вкуса, ни запаха, лишь чуть-чуть листья отдадут чем-то горьковатым.

Для индейцев листья коки служат и пищей и утешением. Кока заменяет им и хлеб, и табак, и витамины, и шоколад. Это их питание, их единственное удовольствие, их ядовитая греза. Кто знает, быть может, кока — это и есть та величайшая тайна индейцев инков, которая объясняет их выносли-

вость, их силу и их покорность, их удивительную отрешенность от всего земного и практическую деловитость. Быть может, именно эта всеобщая наркомания дала им возможность нести тяжелое бремя империи и гор не только с покорностью и спокойствием, но и с тем слепым фанатизмом, в котором они обрели глубочайшее удовлетворение и подлинное счастье.

Коку жуют все. Но это в будни, а на праздники им мало одной коки, им нужно выпить. Пьяных становится все больше, и они пьянеют все сильнее и сильнее. Мужчины в коротких штанах, пошатываясь, бродят по площади, смотрят ничего не видящими глазами, хватаются за деревья, повозки, автомобили, хватаются за людей, чтобы только найти точку опоры и хоть как-нибудь удержаться на ногах. Они лезут к женщинам, а те, хихикая, убегают от них, но без особого негодования, это полубегство и полунегодование, а следовательно, и полупоощрение. Многие женщины и сами, по-видимому, уже выпили. Их тяжелые цветастые шляпы сдвинуты набекрень, волосы падают на глаза, они смеются, показывая зеленые зубы, а потом вдруг ложатся на спину возле дерева, на какую-нибудь подстилку или просто на землю.

Некоторые из пьяных мужчин настолько осмелели, что начинают приставать к многочисленным женщинам-туристкам, которые приехали сюда посмотреть ярмарку. Раскинув руки и пошатываясь, они медленно подходят к приглянувшимся им дамам и хрипло бормочут: «Mujer! Mujer!» («Женщина! Женщина!»). Молодые туристки либо сразу убегают, либо уклоняются от объятий, любуясь этой по первобытному живописной сценой, и щелкают фотоаппаратами, снимая своих обожателей. А тех в это время оттаскивают подальше другие, более трезвые мужчины.

По рынку носят изображение мадонны. Это небольшая цветная литография в рамке, к которой прикладываются только женщины. Когда к ним подносят мадонну, они быстро приводят себя в порядок, вытирают нос и рот, потихоньку выплевывают жвачку. С жаром и в то же время с благоговением они хватают святое изображение, нежно проводят по нему руками, прижимают к груди, подносят к губам и с чувством громко целуют. Потом мадонну несут дальше. А приобшившаяся святой благодати опускает монету в кружку, которую несут за мадонной.

За рынком виднеются развалины церкви, которая была разрушена землетрясением в 1950 году. На строительных лесах висят три бронзовых колокола, тут же среди развалин сидят люди и чего-то дожидаются. Вот появляется пономарь и начинает звонить в колокола; колокола раскачиваются так, что пыль поднимается столбом, и тяжелый бронзовый звон

плывет над рынком, селением, долиной. Сейчас начнется месса.

Многие уходят с рынка и исчезают на одной из улиц. Мы идем за ними следом. Узкая улица, липкая от грязи и навса, с канавой посредине, по которой течет грязно-черная вода. Улица проходит через все селение, и вот мы уже на окраине, где растет зеленая трава и несколько деревьев. Здесь построена временная церковь, похожая на большой белый ящик. Крыша сделана из жердей и соломы. Церковь уже битком набита народом, а толпа все прибывает и прибывает.

Индейцы в пестрых одеждах и в шляпах сидят на своих местах, они глядят прямо перед собой, серьезные, молчаливые и неподвижные. Какая-то женщина протискивается к алтарю и затягивает что-то вроде песни, литанию, которая может выражать и горе и радость. Индейцы, сидящие тесными рядами, начинают медленно раскачиваться из стороны в сторону. А женщина все больше впадает в экстаз и постепенно доводит себя до иступления.

Но это еще только подготовка, так сказать, прелюдия. Теперь появляется священник в развевающейся черной рясе; он быстро прокладывает себе дорогу, нетерпеливо расталкивая толпу; лицо у него покраснелось, он явно опоздал и теперь спешит. Женщина замолкает и садится на скамью. Ее место занимает священник. Мы выходим из церкви.

Возле церкви, прислонившись к церковной стене, стоят музыканты. Их пятеро, все они в коротких, до колен, штанах. Тут же лежат их инструменты: барабан и трубы из дерева и позеленевшей меди. Музыканты пьяны, на глазах у них бельма, но они не падают, так как опираются о стену. Они ждут, когда закончится месса. Растущая вокруг них толпа народа тоже ждет окончания мессы, чтобы начать танцы.

И вот народ валом повалил из церкви: священник снова нетерпеливо проталкивается через толпу; лицо у него попрежнему красное, и он опять куда-то спешит. Начинает играть музыка — неровно, фальшиво и не в такт. И все равно это музыка, пусть трескучая и грохочущая. Но скоро музыканты сыгрались, навык берет верх над опьянением. Однако танцы еще не начинаются. Все ждут, когда кто-нибудь первым пойдет танцевать. Но никто не хочет быть первым.

Наконец выходят несколько человек, разодетых, как на карнавал, в великолепных национальных костюмах, увешанных украшениями. Они в причудливых масках, с какими-то удивительными головами, сверкающими красной и посеребренной бронзой. Собравшиеся образуют круг, и танцоры начинают танцевать, каждый что-то свое: они притопывают ногами, раскачиваются, кружатся на месте. Движения их

очень медленны, и кажется, что танец будет длиться целую вечность. Возможно, танец этот связан с какой-нибудь древней традицией или ритуалом. Это тоже месса, только гораздо более индейская и более народная.

К вечеру Писак пустеет: индейцы уходят из селения, из родной долины и собираются на одной из гор, откуда виден Куско. С детьми, стариками и ламами они усаживаются на землю и молчаливо смотрят, как солнце заходит между горами, а в долине, медленно меркнет солнечный город. Потом в городе вспыхивает электрический свет. Они не шевелятся, не говорят ни слова. Быть может, в этот момент они ни о чем не думают и ничего не чувствуют. Кто знает? Быть может, это уже просто обычай приходить сюда, обычай, утративший со временем свой первоначальный смысл. А быть может, это нечто большее, чем обычай, нечто непостижимое, невысказанное, но полное глубокого сокровенного смысла, до сих пор живущее в душе индейца.

МАЧУ-ПИКЧУ

Дорога в Мачу-Пикчу — один из самых оживленных туристских маршрутов. Туда проложена железная дорога, которая идет на север через долину реки Урубамба. Туристов, как правило, возят в автовагонах, рассчитанных на восемьдесят пассажиров. Из окна можно совсем близко наблюдать и людей и природу. Наш маленький вагон то осторожно стелкивает с железнодорожного полотна скот, то ожидает, пока его пропустят сидящие на рельсах индейцы. Фруктовые деревья и цветы растут у самого полотна, так что до них нередко можно дотянуться рукой из окна вагона, а ярко-красные вишни как раз созрели. Цветы кажутся нам удивительно похожими на «рыцарские шпоры», а это — ракитник, «разбитое сердце», ивняк.

Долина становится все уже, река все быстрее, а горы все выше и круче. Здесь жарко, почти как в тропиках. Растительность все более напоминает джунгли: густые заросли бамбука перевиты лианами и образуют непроходимую чащу. Порхают крупные бабочки, а на деревьях, высоко над землей, цветут орхидеи. В чаще леса прячутся ягуары, попугаи и желтые ядовитые змеи.

Бурная с красноватым оттенком Урубамба стремительно несет между каменными глыбами через ущелья и утесы, кипит и пенится, словно взбитый яичный белок. Река все время норовит отеснить железную дорогу подальше от берега, заставляя ее время от времени перебираться по мосту на другую сторону. Иногда приходилось пробивать сквозь скалу туннель, черное отверстие которого зияет над рекой, словно узкий каменный портал.

Возле Мачу-Пикчу Урубамба сгибается в три погибели, чтобы проскочить между уходящими ввысь горными хребтами; их голые каменные стены и похожие на сахарную голову вершины поднимаются на тысячу метров над окружающей местностью, достигая облаков. Добраться туда кажется немислимым и неосуществимым: без лифта тут не обойтись.

Но вот пассажиры втискиваются в автобусы, и автобусы выползают на дорогу, поднимающуюся по склону горы. Она извивается змеей, образуя террасы, соединенные между собой крутыми поворотами. При каждом повороте колесо автобуса проходит всего в десяти сантиметрах от края пропасти. Многие туристы хватаются за сердце, а женщины поднимают крик, словно стая испуганных птиц. Меньше чем за полчаса автобус добирается до самой вершины.

Итак, из царства леса мы снова попали в горы. Это мир камня, травы и облаков. Лишь стоя над самой бездной, можно различить далеко внизу дно ущелья и узкую серебристую полоску реки. Повсюду в беспорядке навалены черные, словно закопченные, камни; можно подумать, что совсем недавно горы были охвачены огромным пожаром. Вокруг высаты гигантские каменные исполины, голые и черные, изборожденные морщинами, по которым струится вода. По небу плывут облака, рваные и черные, и сквозь них, как через закопченное стекло, изредка просвечивает солнце.

Наверху находится туристский отель, построенный из каменных глыб; вокруг отеля растет трава. Узкие тропки, протянувшиеся вдоль самого края пропасти, ведут к Мачу-Пикчу — городу инков, затерявшемуся на самой вершине горы и никому не ведомому до тех пор, пока в 1911 году его не нашел американец Хайрем Бингхем. Сначала идут неказистые старые жилища из черного камня, похожие на сараи для коз. Потом начинаются вырубленные в скалах лестницы и комнаты, водостоки и купальни (там не менее семнадцати ванн, устроенных таким образом, что в них можно стоять или сидеть, в то время как вода льется сверху).

Дворец частично вырублен в скале, а частично сложен из каменных глыб, обтесанных и подогнанных так же искусно, как и всюду в стране инков. Здесь есть даже изогнутые стены из совершенно круглых камней. В стенах сделаны глубокие ниши, которые использовались как склады, на полках стоят изображения богов, светильники и всякие украшения. В комнатах нет никакой мебели, лишь каменный пол, на котором и сидели и лежали. Выемка в камне указывает, где была укреплена соломенная крыша (которую, очевидно, можно было убрать, если нужно). Дверные проемы суживаются кверху и закрываются деревянными или каменными засовами.

А на самой высокой вершине, откуда видна вся долина, расположен храм Солнца. Пол в храме выложен камнем; здесь находятся солнечные часы, и, по преданию, именно здесь Солнце касалось Земли. Люди приходили в храм, приветствовали восход Солнца и пели гимны в честь Солнца и Луны; под его сводами блестели золотые идолы и высушивались мумии, чтобы они не сгнили, не истлели и могли ощущать Солнце. В стене было проделано три окна; они располагались таким образом, чтобы первые и последние лучи Солнца всегда проникали внутрь храма, а в определенные дни сюда проникал и свет Луны.

Здесь же находится дворец дев Солнца с красными стенами. В красном алтаре сидели жрецы и ткали. В одном из приделов храма стоял так называемый камень ягуаров. (место, где ягуары играли и получали жертвоприношения). На скале, у самого края обрыва, приводились в исполнение смертные приговоры; в скале были сделаны выемки для рук осужденного, который висел над пропастью, пока не умирал.

На скалистых выступах были разбиты крошечные висячие сады площадью в три-четыре квадратных метра. Теперь там в траве растет земляника. Между скалами вырублены большие резервуары для дождевой воды. Наверху, на горных вершинах, располагались сторожевые посты. В этих неприступных горах горстка воинов могла отразить наступление целой армии.

И вот Хайрем Бингхэм обнаружил развалины города; они сплошь поросли травой и уже много столетий здесь не ступала нога человека. Он не нашел никаких кладов и сокровищ, зато нашел много предметов домашнего обихода, мумии и множество скелетов (однако это были скелеты только женщин и детей). На некоторых скелетах были следы сифилиса; Бингхэм утверждает, что инки уже очень давно болели сифилисом.

В Мачу-Пикчу (город был назван именем горы, на которой он находится) Бингхэм нашел развалины горной крепости Вильямпа. Здесь древнее индейское население пряталось от нашествия инков, полчища которых наступали с юга. Инки захватили крепость, храм Солнца и дворец. Они переняли и развили культуру своих предшественников, их религию, строительное искусство и государственное устройство.

Таким образом, инки являются не столько создателями чего-то нового, сколько продолжателями того, что уже было создано до них.

Потом Вильямпа опустела на целых триста лет; о ней забыли все, кроме жрецов и дев Солнца. Храм Солнца оставался их древней святыней, прообразом храма Солнца в Куско, их тайным глубокопочитаемым божеством. Когда ис-

панцы захватили и разрушили Куско, Вильямпа снова стала последним прибежищем побежденных, но на этот раз властителей-инков, которые укрылись здесь вместе со жрецами, служительницами храма и девами Солнца. Они жили здесь, запертые в горах, отрезанные от всего мира, и испанцы не пришли сюда. Возможно, инки страдали от недостатка воды и пищи. Так или иначе, но все мужчины покинули крепость. Остались лишь женщины и дети, которые постепенно умирали. Никто и не догадывался о существовании мертвого города на горе, пока наконец почти через четыреста лет его не нашел Хайрем Бингхэм.

* * *

*

Так на протяжении веков индейская культура сменяла одна другую, постепенно поднимаясь с побережья и плато все выше и выше в горы, и наконец достигла своего наивысшего расцвета при инках.

Инки довели до совершенства свою иерархическую государственную систему, превратили ее в построенный с математической точностью муравейник или улей, где у каждого есть своя ячейка и свои обязанности, которые он должен выполнять.

Инки расширяли границы своего государства с помощью военной силы. В то же время они легко ассимилировали побежденные народы именно потому, что обладали более высокой культурой и более совершенным государственным устройством. Их законы были суровы (даже убийство птицы на берегах, где откладывалось гуано, каралось смертью), однако они исключали всякий произвол, и поэтому восстания против бладычества инков, очевидно, вспыхивали чрезвычайно редко.

Из основного диалекта, *кечуа*, инки создали государственный язык, на котором говорили на всей территории от Аргентины до Колумбии (вернее, в тех областях южноамериканского материка, которые впоследствии стали так называться). Этот язык ни за что не хочет умирать или смешиваться с другими языками, он упорно цепляется за жизнь, словно дерево с невероятно крепкими корнями, ушедшими глубоко в землю. Он до сих пор воплощает в себе древние традиции индейского народа, напоминает о его былом величии, укрепляет его непоколебимую веру в некогда существовавший рай на земле.

Ах, это было время, когда у каждого было свое предназначение, каждый служил Солнцу и властелину, каждый подчинялся объединенной в одном лице божественной и светской власти. Одним была поручена земля, другим — домашний скот, третьим — камни, все трудились и все были счастли-

вы, все были необходимы как специалисты, художники и мастера своего дела.

Они (или их предки) нашли картофель и стали выращивать его, превратив в свой главный продукт питания. Они нашли лист коки и научились использовать ее как тонизирующее средство. Из другого растения они приготавливали специальный порошок, который нюхали жрецы; тогда им являлись пророческие видения, открывались мудрые предначертания свыше. К праздникам инки приготавливали из кукурузы ви́чо и хранили его в глиняных кувшинах с изображением головы какого-нибудь хищника, чтобы отпугивать от напитка демонов.

Они (или их предки) пригнали в горы гуанако — низкорослого патагонского верблюда и, вероятно, путем скрещивания вывели ламу, таскающую тяжести, и альпаку, которая дает много шерсти. Они придумали болеадор — два тяжелых предмета, связанных шнуром или веревкой, — с помощью которого ловили самых пугливых и самых быстрых животных (вроде дикой вигони): болеадор, брошенный рукой индейца, обвивается вокруг ног животного и валит его на землю. Лучшие болеадоры представляют собой два бронзовых шара, соединенных тонким шнуром; такими болеадорами индейцы налету сбивали попугаев и других птиц с красивым оперением (птичьи перья ценились очень высоко у инков, равно как и у других индейских племен). Самыми тяжельми болеадорами индейцы могли обвить, словно цепью, испанского всадника или опрокинуть на землю его лошадь.

Они ловили морских свинок и превращали их в домашних животных, своего рода поросят в миниатюре, с очень вкусным мясом (по-испански морская свинка называется *copejes de India*, то есть индийский кролик). Инки наладили прямое сообщение с побережьем Тихого океана и покрывали это расстояние так быстро, что жители Куско могли есть свежую тихоокеанскую рыбу, а из морских звезд, пока они не испортились, приготавливали лекарство. Они делали зеркала из бронзы, всегда вогнутые, которые можно было использовать и в качестве зажигательного стекла для получения огня (на это чаще всего шел клочок хлопка). Очевидно, они даже создали письменность, однако пользоваться ею было запрещено. Инки считали, что их вполне устраивает символическая система шнуров и узелков, позволяющая удерживать в памяти определенные явления и события.

Инки во многих отношениях стояли гораздо выше испанцев, которые лишь благодаря стечению обстоятельств одержали над ними такую быструю и решительную победу. Нового государства инков так больше и не возникло, по крайней мере такого, которое имело хотя бы отдаленное сходство с государственным устройством древних инков.

Однако индейцы Анд отнюдь не относятся к числу вымирающих народов. Они очень жизнеспособны и отлично приспособились к условиям жизни в горах. В особенности это относится к Перу. Население Перу увеличилось за последние двадцать лет с шести до девяти миллионов, главным образом за счет индейцев.

Индейцы упорно не смешиваются с остальным населением. И поэтому Перу в еще большей степени, чем Эквадор, фактически состоит из двух разных стран, двух разных народов, живущих бок о бок и в то же время не имеющих между собой ничего общего.

БОЛИВИЯ

ОЗЕРО ТИТИКАКА

Было уже темно, когда мы подъехали к Пуно, расположенному на берегу озера Титикака. Отсюда пароход перевезет нас в Боливию. Дует холодный ветер; при свете фонарей вода в озере кажется черной. Вдруг у вас возникает ощущение, что вы находитесь где-то очень высоко, а может быть, очень низко. Перед вами гора и море одновременно. Титикака — необъятный водный массив на высоте три тысячи семьсот метров, холодный бриллиант чистой воды в оправе из камня и земли.

Покончив со всякого рода бюрократическими церемониями и формальностями, мы поднимаемся на борт «Ольянты». Это большой и самый современный из трех пароходов, курсирующих сейчас на Титикаке. Водоизмещение «Ольянты» — тысяча двести тонн, у него два винта и каюты на сто двадцать пассажиров. Пароход построен в Англии в 1930 году и доставлен сюда в разобранном виде. К сожалению, обед входит в стоимость билета: длинный стол, капелька водянистого супа, кусочек жесткого, как подошва, мяса и неразборчиво написанное объявление, что десерта не будет.

У причала взад и вперед ездят подъемные краны, изрыгающие языки пламени и дымящие, словно это не подъемные краны, а котлы для варки асфальта. Они приводятся в движение паром и напминают вставшие на дыбы паровозы. Можно подумать, что они прибыли сюда вместе с первым пароходом для озера Титикака — в 1862 году.

Когда мы наконец отчаливаем, начинается настоящее морское путешествие. Воет ветер, волны с грохотом ударя-

ются о борт парохода, огни на берегу быстро исчезают во мраке ночи. Потом на небе появляется месяц, и я вижу через иллюминатор озаренную призрачным светом серебристую гладь озера, рваные черные облака и зубчатые белые вершины гор.

Рассвет. Узкий пролив между островами и остроконечными мысами, на берегу силуэты согнутых бурей деревьев. Пронизывающий холод.

Прозрачный, как стекло, легкий воздух. А на северо-востоке мрачные зловещие горы: сверкающая снежной белизной, изломанная извержениями вулканическая цепь.

Вода — темно-зеленая; пучина, словно бутылочное стекло, рассеивает и поглощает солнечный свет. А на самом дне озера, быть может, лежат затонувшие города и несметные, но недостижимые сокровища! Есть люди, которым эти сокровища никак не дают покоя.

Все ближе берега озера, на лугах пасется скот, по склонам гор разбросаны индейские деревушки и светло-зеленые поля, засеянные злаками. В приозерной области часто идут дожди, и земля дает хороший урожай. Здесь довольно холодно, но зато почти круглый год держится одна и та же температура. В отличие от высокогорных равнин здесь не бывает ночных заморозков. Огромные водные массы озера смягчают здешний климат.

В заливе возле Гуаки мы встречаем несколько рыбачьих лодок, идущих с попутным ветром под красными парусами. Это легкие каноэ индейцев Титикаки, сплетенные из соломы или камыша. Нос и корма сильно вытянуты, индейцы сидят на дне каноэ, словно в башмаке с двумя носами. Они правят одним веслом и сидят совершенно неподвижно: на воде у них такой же безразличный вид, как и в горах.

Вокруг лодок мечется множество водоплавающих птиц; они взлетают в небо или камнем падают на воду, оставляя за собой длинный след.

Гуаки — захолустный городишко с обветшалыми причалами, сараями, разбитыми остовами машин и ржавыми железнодорожными рельсами. Пассажиров, прибывших с парходом, поджидает поезд. Мы уже заняли места в вагоне, проходят часы, а поезд все стоит и стоит. Оборванные индейцы то и дело втискиваются в вагоны, проходят по купе и бесцеремонно разглядывают сидящих в них пассажиров. Грязные нищие с засаленными сумками пытаются расположиться на полу, и их вытаскивают из вагона на перрон. Торговцы раскладывают у вас под носом какие-то удивительные лакомства или стараются привлечь ваше внимание к маленьким ламам из серебра, глиняным кукушкам или шерстяным варежкам.

Наконец поезд трогается и проезжает несколько километров, сотрясаясь и поднимая облака пыли. Потом он останавливается и снова чего-то ждет. Новое нашествие нищих, торговцев и просто любопытных. Опять проезжаем несколько километров, останавливаемся. Чтобы проехать сто километров до Ла-Паса, нам понадобилось полдня.

Мы едем через высокогорное плато между двумя огромными горными хребтами — Западной и Восточной Кордильерами.

Пустынная холмистая равнина, раскинувшаяся на высоте около четырех тысяч метров над уровнем моря, сухая, без единого деревца, голая, пыльная с ночными заморозками, продуваемая насквозь ледяными ветрами. Плато занимает треть часть всей площади Боливии, здесь находится большинство городов и проживает четыре пятых населения страны. В основном это индейцы — потомки тех самых индейцев, которые некогда населяли государство инков, самые мрачные и угрюмые люди на этой серой, пронизываемой холодом равнине (хотя количество красных кровяных телец у них на 40 процентов выше нормы). На севере живут аймары, которые говорят на своем собственном гортанном наречии. Остальные говорят на языке инков кечуа.

Мы проезжаем развалины Тиауанако, древнего таинственного города с каменными стенами, Вратами Солнца и лестницами, которые некогда вели в храм. Именно здесь достигла своего расцвета аймарская культура, привезенная сюда с побережья Перу, из Наски. Аймары поклонялись Солнцу, строили монументальные каменные здания, искусно изготавливали ткани, изделия из керамики и металла. Через триста лет (около девятисотого года) эта культура погибла и полностью исчезла с лица земли в результате какой-то необъяснимой катастрофы. Прошло еще триста лет, и, когда войска инков захватили город, аймары не имели ни малейшего понятия о своем былом величии.

Сегодня некоторые представители аймарской интеллигенции нередко ссылаются на Тиауанако, когда вспоминают о великих культурных традициях своего народа. Скорбь по утраченному величию проявляется у аймаров столь же сильно, как и у потомков древних инков.

Из окна поезда мы видим несколько древних каменных статуй и глиняных колонн, поддерживающих ворота, которые ведут в никуда, одиноко зияя среди мрачной пустоты равнины.

Ослы и коровы покрыты длинной спутанной шерстью. Мужчины прядут намотанную на веретено шерсть. Некоторые лежат на животе возле мутной лужи и играют на флейте.

Нет, вы не увидите Ла-Пас на плато. Этот город затаился где-то под землей, словно некая невидимая столица. Кстати, Ла-Пас — столица не только по названию, но прежде всего по своему значению. Вы едете все прямо и прямо к Восточной Кордильере, к возвышающемуся до самого неба барьеру снежных гор. И сколько ни озираешься по сторонам, не увидишь ни клочка ровной земли, где мог бы уместиться город.

Перед нами три громадных вулкана: Ильямпу (свыше семи тысяч метров), Ильимани (прекраснейший из всех, он сверкает над Ла-Пасом, словно гигантский ледяной светильник) и Уаини-Потоси. Над горизонтом, словно белые крылья, раскинулись облака. А небо ослепительно ясное и синее, как синька.

Мы миновали Виачу, которая издали казалась городом, но, когда поезд подошел поближе, она вдруг как-то съежилась и превратилась в обыкновенный железнодорожный узел с большим цементным заводом. Потом появляется совсем маленький городишко Эль-Альто; здесь поезд останавливается, снова чего-то ждет, а потом вдруг поворачивает и едет назад. Он переезжает на другой путь и устремляется вниз, в пропасть, в глубокое ущелье. И там, на самом дне ущелья, перед нами вырастает город, словно огромный гриб: беспорядочное нагромождение крыш, кирпично-красных, серых, как кровельное железо, бурых от ржавчины и черных от копоти. Ла-Пас.

Спрашивается, почему город был построен в ущелье, чуть ли не под землей? Чтобы укрыть его от холодных ветров равнины? Или чтобы спрятаться от высоты с ее разреженным воздухом? Нет, совсем нет: испанцам это и в голову не приходило, когда они пришли сюда. Просто они добывали золото из реки, протекающей по дну ущелья, и на этом месте, естественно, возник город. Золото иссякло, а город остался.

Поезд медленно ползет вниз. Город лежит на пятьсот метров ниже уровня плато. Эвкалиптовые рощи сменяются высокими красноватыми обрывами, словно срезанными ножом. Глубокие расщелины резко выделяются на фоне песчаных гряд. Город внизу то появляется, то снова исчезает, все приближаясь и приближаясь.

Мимо проплывают текстильные фабрики с высокими железными трубами, укрепленными стальной проволокой. Из труб валит дым, и его словно засасывают верхушки эвкалиптов или растущая на обрывах трава. Появляются сложенные из земляного кирпича стены, грязные переулки, заполненные людской толпой. Поезд идет вдоль берега реки, перегоро-

женной каскадом плотин, между бетонными стенами с опорами для массивных железных засовов (не мера ли это предосторожности на случай, если произойдет революция?) и опускается все глубже и глубже в ущелье. Но дна пока что не видно, мы даже не въехали в город.

Ни одна столица не расположена так высоко и в то же время так низко, как Ла-Пас. Здесь все шиворот-навыворот. Поезда и автомобили проносятся где-то высоко над городом. Водопровод и линии электропередач приходится прокладывать с невероятными трудностями, опуская трубы и провода вниз с уступа на уступ. Трущобы, где живут индейцы, и заводские кварталы находятся наверху, над городом. Они прилепились к крутому обрыву, и пролетарии, прогуливающиеся по узким выступам, могут сколько им заблагорассудится плевать на легковые машины и благовоспитанных буржуа, прогуливающих где-то далеко внизу. Между верхней и нижней частями города находится деловой и административный квартал. Еще ниже идет главная улица Прадо (или Проспект 16 июля): особенно франтоватый вид ей придают девушки-цветочницы и духовая музыка. Ниже всего расположены виллы богачей, сады, клубы, теннисные корты и плавательные бассейны: это утопающее в зелени и цветах дно ущелья.

Воздух здесь такой разреженный и так беден кислородом, что, как утверждают, городу не нужна пожарная команда. Покрытые снегом склоны вулканов кажутся продолжением стен ущелья. Куда ни посмотришь, всюду вулканы; стоит только выглянуть из окна, и они тяжело нависают над вами, словно грозные тюремные стены, словно огромная каменная глыба, застывшая над городом. Ла-Пас уже лежит в могиле, которую вот-вот засыпят. Он может смотреть только вверх. Очутившись на дне колодца, город все время созерцает небо, которым его явно обделили. Ла-Пас внушает ужас дипломатам и представителям иностранных фирм: нередко его называют могилой иностранцев, но при них об этом лучше не говорить. И без того многие из них, едва появившись в городе, тут же укладывают чемоданы и пускаются в обратный путь: они не выносят головокружения, сердцебиения и беспрестанных кровотечений из носа.

И тем не менее жизнь в городе бьет ключом: это своеобразное сочетание идиллии и романтического порыва, тишины и буйного кипения страстей. В часе езды отсюда, на горе Чакалтайя, можно покататься на лыжах; это самая высокая в мире лыжная трасса (около пяти тысяч метров над уровнем моря), и она проходит почти над самыми крышами Ла-Паса. Можно съездить в какую-нибудь из речных долин с тропической растительностью. Всего в каких-нибудь пятнадцати километрах от города находится перевал высотой в

четыре тысячи пятьсот метров. Оттуда вам открываются необъятные просторы неба и величественная красота бездны.

А потом лавины, ливни, наводнения, размытые и засыпанные обвалами дороги, так что месяцами здесь не проехать и не пройти, и множество других приятных и интересных вещей.

Крутые улицы ведут к площади Мурильо, вокруг нее — дворец президента, дом правительства и собор. Фонарные столбы словно специально приспособлены для того, чтобы вешать на них президентов и министров. Вы как бы чутьем угадываете тайные выходы, скрытые на окраинных улицах города; через них в самый последний момент улепетывают всякие важные господа, прихватив с собой государственную казну или еще более солидную сумму денег. Горняки устраивают на этой площади демонстрации и, набив предварительно свои карманы динамитом, предъявляют здесь ультиматум правительству. Нередко случается и так, что государственных деятелей разрывают на куски или просто пристреливают, а потом выбрасывают с балкона на каменную мостовую.

Боливия до предела насыщена драматизмом, и Ла-Пас — ее подлинная столица. Мирное название города (Ла-Пас значит мир) лишь подчеркивает этот факт: оно словно корректив, словно охлаждающая повязка, закрывающая лоб и глаза больного.

Иностранцу, прибывшему в Ла-Пас, приходится неделями бегать по площади Мурильо, чтобы получить разрешение на выезд из страны (вернее, четыре различных разрешения) и разрешение забрать с собой пишущую машинку и фотоаппарат (последнее получить особенно трудно, ибо власти, как правило, запрещают вывозить такие вещи как фотоаппараты и пишущие машинки, и потом продают их с аукциона). Но это еще не все. Достать билеты на поезд, идущий в Антофагасту, тоже не так-то просто: официально все билеты на поезд всегда проданы, и вам приходится любой ценой преодолевать это непредвиденное препятствие. Если против ожидания круглая сумма долларов не поможет, нужно пригласить в кафе какого-нибудь швейцара, долго и сильно хлопать его по плечу и непрерывно повторять: «*Mi amigo! Mi amigo!*» («Мой друг! Мой друг!»). Но, разумеется, этот швейцар — дальний родственник кого-то, кто в свою очередь является родственником министра или какой-нибудь другой высокопоставленной особы.

На Прадо, по обе стороны от церкви, маленькой и голый, стоят веселые ночные клубы. Здесь же находится мрачное здание министерства горной и нефтяной промышленности; его фасад революционные профсоюзы расписали грандиозными панно в пламенном мексиканском стиле: во-

оруженные рабочие топчут гидру капитализма. Есть здесь и Academia de Billar (клуб бильярдистов), а фасад соседнего дома весь покрыт кованым железом. И вообще в Ла-Пасе немало конкурирующих между собой клубов: еврейский, арабский, а также по крайней мере три немецких клуба: клуб истинных пруссаков, клуб чистокровных арийцев и клуб немецких евреев.

Новый университет — это самый высокий небоскреб в городе; очень тяжелое и внушительное здание с порталами и колоннами из черного и белого камня. Другим зданиям повезло меньше. Строительство многих из них было прекращено на полпути, и они так и остались стоять, все более напоминая руины: черные жалкие скелеты домов, поросшие зеленым мхом стены с торчащими во все стороны ржавыми железными дутьями (деньги кончились, а возможно, с ними кто-нибудь сбежал за границу или расходы на строительство оказались слишком велики).

Желтое здание военного министерства, как и подобает, сплошь изрешечено пулями. Тюрьма здесь называется Национальный паноптикум, и шофер такси с готовностью показывает справку о том, что он просидел в тюрьме восемь месяцев. За политическую деятельность? Нет, не совсем. Просто он одно время работал там, где бывали повстанцы.

Внизу, в живописной речной долине, множество собак охраняют богатые виллы с газонами белого клевера. Здесь находится ресторан, где мэр города и один из министров дрались на пистолетах. Дорога идет мимо обрыва, куда иногда скатываются каменные глыбы. Недавно по дороге над обрывом шла машина; она соскользнула вниз и свалилась на трамвайные пути; все, кто был в машине, погибли.

Если ехать в противоположном направлении, вы попадете на расположенный высоко в горах проспект Буэнос-Айрес. Это центр трущоб, населенных индейцами. Здесь же находится большой рынок, где сбывают краденое, и, если вас обчистили, вы всегда можете найти и снова купить то, что у вас украли. Тут изготавливают и продают маскарадные маски для всяких праздников. Нетрудно здесь достать и чичу, боливийскую водку, которую гонят из зерен квиноа. Лист коки продают в старых мешках из-под муки. Желающие могут приобрести контрабандные спички, изготовленные в Швеции и привезенные сюда из Перу.

По обеим сторонам улиц сидят индейцы и с удовольствием жуют коку, сверху — Ильимани, снизу — город, и, возможно, им грезится, что это Куско или Тиауанако. Они выплевывают зеленую жвачку прямо на каменную мостовую и поминутно поправляют свои шляпы: они должны сидеть на голове как можно выше.

Боливия — это крыша Южной Америки, где по-прежнему грохочут революции и государственные перевороты. Кроме того, это высокогорная страна военных гроз и социальных оползней.

Индейцы восставали бесчисленное множество раз, они осаждали города, захватывали и самый Ла-Пас. Они были рабами, работали в рудниках и привыкли к кирке, пороху и даже к динамиту. Они добывали серебро из Серро-Рико, огромной горы, таящей в себе всевозможные руды. У подножия Серро-Рико поднялся, расцвел и умер Потоси — город серебра; потом он возродился вновь, но уже как город олова. По старинной дороге индейцы ездили на ламах и мулах через горные перевалы, по пампе, все ниже и ниже к морскому порту Буэнос-Айрес (и серебро, которое они возили, теперь звучит в таких названиях, как Аргентина и Ла-Плата).

Победа генерала Сукре над испанцами при Аякучо (в горах к западу от Куско) освободила страну от господства Испании. Однако Боливия оставалась самым несчастным больным на южноамериканской крыше, у которого каждый старался что-нибудь урвать. Чили удалось победить Боливию и Перу в продолжавшейся пять лет Тихоокеанской войне; в результате Боливия потеряла селитровую пустыню, портовый город Антофагасту и выход к морю. Взамен она получила железную дорогу в Арику. Аргентина отхватила кусок области Чако, а за это провела в Боливию железную дорогу. Бразилия прибрала к рукам территорию Акре и обещала провести через лесную область железную дорогу, которая, однако, так и не была закончена. Парагвай вел опустошительную войну за остатки Чако, а в утешение дал боливийцам право свободного судоходства по реке Парагвай.

Для Боливии это было слишком большим испытанием. Война из-за Чако подорвала экономику страны, нарушила общественную структуру и равновесие сил. Настало смутное время военных переворотов и диктатур, президентов одного за другим убивали или изгоняли из страны. На арене политической борьбы выросли две партии, политика которых определялась не только тайными интересами их лидеров: Рабочая партия, опирающаяся на профсоюзы и в первую очередь на сто двадцать тысяч горняков, и Националистическое революционное движение (МНР) — *Movimiento Nacionalista Revolucionario*. МНР была запрещена военной диктатурой, и тем не менее она одержала решительную победу на выборах 1951 года. Вновь избранный президент, Эстенсоро, разумеется, не мог тотчас же вернуться в страну из эмиграции, однако

уже через год, в мае 1952 года, военная клика была свергнута в результате широкого народного восстания и новый президент приступил к исполнению своих обязанностей.

Правительство МНР, поддержанное Рабочей партией, с тех пор находится у власти. С самого начала оно стало претворять в жизнь свою революционную программу. Оловянные рудники, а также большая часть других рудников были национализированы. Государство конфисковало крупные земельные владения и распределило землю между теми, кто ее действительно обрабатывает. Первая реформа предоставила горнякам большую самостоятельность, и вопросы управления шахтами стали в той или иной степени решаться на профсоюзных собраниях. В результате второй реформы огромные массы индейцев, прежде обрабатывавших чужую землю, получили ее в полную собственность.

Третья и, возможно, важнейшая из этих реформ, однако, так и осталась на стадии обсуждения. Речь идет о всеобщем избирательном праве для всех жителей Боливии вне зависимости от их дохода или умения читать (в настоящее время избирательным правом пользуются сто шестьдесят тысяч человек из трехмиллионного населения страны, которое на 95 процентов неграмотно). Осуществление этой реформы позволило бы индейцам-пролетариям (составляющим подавляющее большинство населения Боливии) прийти к политической власти. Белые, т. е. потомки выходцев из Европы (составляющие лишь 8 процентов населения), были бы оттеснены на задний план. (С другой стороны, некоторые политические деятели уже готовы к тому, чтобы тем или иным способом направить волеизъявление народа по удобному для себя руслу.)

Президентом страны был избран лидер МНР Эрнан Силес Суасо. Рабочий центр, возглавляемый Хуаном Лечином, в какой-то степени отошел от МНР. Став правительственной партией, МНР начала проводить более умеренную и более осторожную политику; партия не спешила с проведением новых реформ и в основном направила усилия на стабилизацию экономики, на борьбу с инфляцией и коррупцией. Лечин по-прежнему размахивает знаменем восстания и требует дальнейшего улучшения условий жизни рабочих — членов своей организации. (Вполне возможно, что его поддерживают и индейцы-земледельцы, начавшие понимать те немалые выгоды, которые им сулит сотрудничество с рабочими, и приступившие к созданию своих собственных организаций.)

Экономическое положение страны внушает большие опасения. Долларовый заем, полученный от США, исчез, как капля воды в пустыне. После национализации добыча руды сильно упала, в то же время рабочие все настоятельнее требуют повышения заработной платы. Земельная реформа

должна была привести к значительному увеличению сельскохозяйственного производства, но этого не произошло. Положение индейцев, получивших землю, несколько улучшилось, однако ненамного, и они еле-еле сводят концы с концами, почти так же, как и раньше. К сожалению, была упущена возможность создать рационально организованные коллективные земледельческие хозяйства, что как раз соответствует индейским традициям.

* *
*

Что же происходит сейчас?

Горняки бастуют. Их возглавляет Лечин — человек, весьма гордый на обещания. Ко всеобщему изумлению, президент ответил на это тоже своеобразной забастовкой: он объявил голодовку. Он заявил, что не будет есть до тех пор, пока горняки не возобновят работу. Он лишь пьет минеральную воду и курит сигареты.

Так проходит несколько недель. Напряжение растет. Поступают сообщения, что президент совсем ослабел от голода, что жизнь его находится в опасности. Но он полон решимости продолжать голодовку. Он хочет стать боливийским Ганди. Президент в роли мученика, возможно даже святого.

Тогда горняки приходят в движение. Они идут походом на Ла-Пас, грозными рядами, со взрывчаткой в карманах. Они собираются на площади Мурильо, перед президентским дворцом. Над площадью несется тысячеголосый крик: давайте президента сюда, мы рассчитаемся с ним.

Голодный, бастующий президент не пытается бежать или скрыться, подобно многим своим предшественникам. Он выходит на лестницу, бледный, но не потерявший присутствия духа. Он стоит лицом к лицу с огромной толпой рабочих, потом начинает говорить, обращаясь непосредственно к ним. Стране угрожает экономическая катастрофа, объясняет рабочим президент. Абсолютно необходимо, чтобы все они помогли спасти страну, спасти революцию, чтобы они выступили единым фронтом против реакционеров и спекулянтов, против чужеземных захватчиков, желающих поживиться за счет их родины. Он призывает всех горняков вспомнить о солидарности и возобновить работу. Да, они должны увеличить добычу руды без повышения заработной платы.

Ему удается убедить рабочих, убедить не столько своими доводами, сколько своим бесстрашием, тем, что он говорит с ними без посредников. Вместо того чтобы повесить его на одном из фонарных столбов или схватиться за взрывчатку, они бурно приветствуют его, немедленно прекращают забастовку и возобновляют работу.

Победа президента очень театральна, его поведение вызывает немало насмешек в высшем обществе Ла-Паса. Президент, объявляющий голодовку и идущий навстречу разъяренной толпе,— ведь это просто смехотворно и неприлично! Успехи, достигнутые таким способом, недолговечны и непрочны! Но, понятно, надо отдать должное его мужеству...

Президент и его правительство ведут большую игру, а Лечин в это время выжидает. (Да, кстати, что же представляет собой Лечин? Попытка получить у него интервью ни к чему не приводит. Мнения о нем расходятся, однако, по всей видимости, никто ему полностью не доверяет. Демагог, властолюбец, человек чрезвычайно тщеславный; он готов пойти на что угодно, лишь бы быть на виду. В будущем — сильная личность, а пока он готовит для этого почву. Профсоюзный папа римский, вечно плетущий интриги и оказавшийся не на высоте положения. Блефовый революционер, меньше всего думающий о революции. Таковы некоторые из характеристик, которые ему дают.)

Оппозиция справа тоже дожидается удобного случая. Она усердно устраивает заговоры и всячески подкапывается под правительство. Но пока время работает на президента — его политика начинает приносить свои результаты, уже появляются признаки того, что положение стабилизируется. Правительство может рассчитывать на американскую поддержку. США не хотят, чтобы в Боливии начался хаос и развал. Это было бы слишком большим соблазном для соседних стран, которые тут же попытались бы, как это случалось и прежде, отхватить кусочек боливийской территории. При этом мог бы возникнуть вопрос о разделе Боливии, а так как ни на какое соглашение тут рассчитывать не приходится, то, вероятнее всего, это привело бы к войне между многими южноамериканскими государствами. Однако США не могут рисковать; такая война нарушила бы равновесие сил на континенте, нанесла бы жестокий удар по торговым связям и поставкам сырья, создала бы предпосылки для опасных революционных движений.

Нет, лучше уж США будут по-прежнему платить за олово, в котором они не нуждаются и которое, быть может, еще лежит в рудниках.

ГИМН ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЕ

В августе 1953 года в Боливии был принят закон о перераспределении земли. Закон этот немедленно вступил в силу, означая революционное вмешательство государства в социально-экономические отношения столетней давности, сложившиеся в деревне. Эта реформа непосредственно затрагивала

интересы бóльшей части населения Боливии; она проводилась в жизнь при поддержке всей государственной машины и не встретила сколько-нибудь значительного сопротивления.

Огромные массы крестьян, индейцев и метисов впервые после завоевания страны испанцами получили землю, которую могли обрабатывать лично для себя. Таким образом было раз и навсегда покончено с рабским трудом на невидимого помещика под бичом жестокого надсмотрщика.

Это было радостное и в то же время почти невероятное событие. Когда индейцы узнали о реформе, они были ошеломлены и сбиты с толку. Бóльшая часть индейского населения вначале отнеслась к этому нововведению крайне недоверчиво или даже неприязненно, их пугала неожиданная ломка привычных условий жизни. Им нужно было многое разъяснить, их нужно было убеждать.

О том, как разворачивались события в связи с разделом земли, можно узнать более подробно, прочитав небольшой роман Марио Гусмана Аспиасу «*Nombres sin tierra*» («Люди без земли»). Роман этот был отмечен премией и издан городским управлением Ла-Паса.

Автор — молодой публицист, человек очень образованный, очевидно индейского происхождения. Во всяком случае он прекрасно знает жизнь индейских крестьян, их взгляды и манеру мыслить.

Для южноамериканской прозы роман «Люди без земли» необычайно лиричен, он более эмоционален, чем нагleden, это не конкретное бытописание, а скорее взволнованный речитатив, яркое повествование о типических, полных драматизма событиях, происшедших в индейской деревне.

Над равниной воеет ветер, обжигаяще холодный, темный от пыли. Индейцы сидят в своих хижинах или в поле прямо на голой земле и безнадежно смотрят на голые стены, на пустынную равнину. На одиноких эвкалиптах дрожат от ветра листья, люди тоже дрожат от холода и голода. Но им кажется, что вóй ветра доносит до них голос из далекого прошлого: — Все это принадлежало нам! И все утрачено, утрачено! Все это...

Теперь и земля и вода — все принадлежит другим, принадлежит господам, которые живут где-то далеко-далеко отсюда, и им нет никакого дела до людей, заброшенных на эту дикую равнину. Но вот до нескольких индейцев, побывавших в городе, доходят слухи о разделе земли. Они набираются храбрости, идут на помещичьи поля, начинают пахать эту чужую запущенную землю, берут чужую воду, к которой им запретили и близко подходить. Землевладельцы тут же забеспокоились, и полиция немедленно спешит им на помощь: несколько непослушных индейцев убито, остальные обращены в бегство. Они слишком рано начали борьбу.

Тогда индейцы посылают одного из своих товарищей в город с письмом.

Проходит много времени, но о нем ни слуху, ни духу: то ли он все еще идет, то ли сидит в одном из длинных коридоров и дожидается приема — неизвестно. В конце концов на помощь крестьянам приходят горняки и выступают в поддержку их требований о земле. Горняки — реальная общественная сила, горняков объединяют их организации, и если они объявляют забастовку, то это немедленно парализует жизненно необходимый для страны экспорт руды (горняки составляют всего лишь 4 процента населения, но дают 91 процент экспортной продукции Боливии). Горняки добиваются проведения земельной реформы в жизнь.

Индейцы, бежавшие из родных деревень, вновь возвращаются домой. Они испытывают страх и ждут, что их встретят пулями и репрессиями. Но их бывшие хозяева держатся в стороне, полиция больше не вмешивается. Индейцы толпами устремляются на поля и готовят землю к посеву. В деревнях идет сплошной праздник, индейцы танцуют, пьют и в изнеможении засыпают: они, земледельцы, наконец вновь обрели свою землю, землю своих отцов, такую нужную и столько лет им не принадлежавшую.

Книга Гусмана Аспиасу — это гимн победе над страданиями и несправедливостью. Она не касается тех проблем, которые возникают в связи с разделом помещичьей земли между индейцами: конец книги весь окрашен ощущением надежды и счастья. Это счастье возвращения на родину, и автор как бы подводит вас к мысли, что индейцы впервые обрели дом и родину лишь после того, как их земля перестала принадлежать иностранцам.

Х У Д О Ж Н И К - К Р И Т И К

С критикой не столько самой земельной реформы, сколько способов ее проведения выступил Мануэль Итурри Гусман, молодой художник, с которым мы познакомились в Ла-Пасе. Гусман — метис, и он чувствует себя связанным кровными узами с древним индейским населением страны. Он принимал участие в экспедиции, которая откапывала Тиауанако. Живо и ярко художник воссоздает образы предков, поклонявшихся Солнцу и Луне. Он небольшого роста, но все его существо словно излучает силу духа и неиссякаемый энтузиазм. Он прекрасно знает, что нужно ему лично и что должно быть сделано в интересах общества.

Земельная реформа была необходима, говорит он. Старая система была слишком обветшалой, несправедливой и неэффективной. Но вся беда в том, что теперь индейцы оказались собственниками крошечных клочков земли, и никому

более не подчиняются. Они теперь больше едят и нередко слишком много пьют, они даже могут купить кое-какие товары. Но работают они мало, как хотят и сколько хотят, лишь бы свести концы с концами. У них нет ни малейшего стремления сколько-нибудь улучшить свой быт, они слишком привыкли к нужде и лишениям.

Сейчас они получили почти полную свободу, но не знают, что с ней делать. Свобода эта стала пустой и бессмысленной. Они напиваются допьяна, чтобы хоть как-нибудь убить время. Быть может, они научатся читать и писать, но они не знают, для чего им это нужно. Они потеряли почву под ногами и в какой-то мере висят в воздухе. К ним не вернулась та общность интересов, которая связывала воедино их предков, и поэтому земельная реформа не только не сплотила их, а, наоборот, разъединила и обрекла на одиночество.

О своей древней культуре индейцы почти забыли. Они больше не изготавливают посуду и предметы домашнего обихода, а покупают готовую фабричную продукцию. Они не исполняют больше своих национальных мелодий, а слушают граммофон или радио. И скоро они, очевидно, перестанут прясть и ткать, перестанут изготавливать материю и шляпы, не будут сами шить себе одежду. Но они упорно держатся за свои старые способы обработки земли, вместо того чтобы научиться новым, более совершенным методам ведения сельского хозяйства. Свою свободу они видят в том, чтобы пахать и жать ровно столько, сколько им самим нужно, дабы не умереть с голоду. А в результате в городах не хватает продуктов питания и приходится импортировать даже картофель и хлеб.

Когда индейцу надоедает деревня, надоедает его жалкий клочок земли на сером и пустынном плато, он уходит в город.

Все чаще и чаще современная цивилизация начинает привлекать его взоры, город притягивает его к себе тысячами соблазнов. Но в городе он никому не нужен и настоящего места себе здесь не находит. Индеец становится городским пролетарием, снова лишенным земли, лишенным корней; он быстро тупеет, цепенеет и все человеческое в нем умирает.

И вот он сидит на улице, в сточной канаве и что-нибудь продает, неважно что и неважно где. Возможно, он станет карабинером или контрабандистом, но вероятнее всего, горняком, возьмет в руки кирку или лопату. Потом профсоюз возьмет на себя защиту его интересов, он почувствует себя членом мощной организации и будет зарабатывать больше, чем, например, преподаватель, он будет покупать товары по более низкой цене и, возможно, будет перепродавать их не без прибыли для себя. И все-таки у него не появится никаких новых интересов в жизни; он будет лишь прозябать, пить

и ждать, когда заболит силикозом, который и сведет его в могилу.

Это очень суровая критика, но Итурри Гусман утверждает, что он прав. Земельная реформа не решила индейской проблемы. Это одновременно и культурно-психологическая и социальная проблема. У индейцев необходимо выработать новое отношение к самим себе и окружающей среде, к труду и производству. Они должны начать мыслить по-новому, вернее, новыми понятиями. Слишком затянулся период гнета, нужды и лишений, и за этот долгий период индейцы слишком глубоко смирились со своим положением, слишком обнищали и окаменели.

Именно эта пустая свобода и представляет главную опасность для индейцев. Они должны стать подлинными членами общества, занять в нем подобающее место, участвовать в общественном производстве. Необходимо, чтобы они стали нужными стране! Необходимо разбудить в них сознание общности их интересов, а этого нужно добиться путем создания коллективных сельскохозяйственных кооперативов в той или иной форме. Но в свою очередь это станет возможно лишь в рамках общества, организованного на более или менее социалистических началах, что в лучшем случае является делом будущего...

* *
*

Что касается самого Итурри Гусмана, то он делает все возможное, чтобы вывести индейцев из их многовековой дремоты. Здесь он действует и как красноречивый пропагандист, и как искусствовед, и как художник. В небольшом введении, которое он предпосылает последней выставке своих картин, художник патетически пишет о Тиауанако: «Тиауанако — родина небывало высокой культуры. Каменные глыбы, поющие звуками крови над равниной пшеницы и золота. Поэзия гранитных лестниц, которые начинаются на Земле и кончаются на Солнце, в объятиях грозы и бури».

Все полотна носят индейские названия и требуют небольших пояснений, которые раскрывают смысл древнеиндейских мифов. «Сотворение человека»: Солнце, которое на аймарском языке называлось «божий пупок», посылает на землю свои лучи, зажигающие в человеческом теле жизнь. С тех пор индеец неустанно возносит Солнцу благодарность за дарованную ему жизнь; рядом с Солнцем он ставит в своем представлении Луну как невесту Солнца; рядом с собой ставит собаку, которая, как он считает, является почитателем Солнца из животного царства. Мать прикрывает своему маленькому сыну глаза рукой: на древних жителей гор Солнце действовало так сильно что они боялись ослепнуть. Но мать — это еще и земля, дающая тень и прохладу.

«Логово пум» — ослепительно-белые пятна на солнечно-золотом и небесно-голубом фоне; спина пумы, словно снежное ущелье на склонах вулкана Ильмани. «Жрец с Ильмани» — он заключил союз с силами природы и подчинил их себе, ему открыто будущее, и он спасает людей от землетрясений, гроз, бурь и наводнений. Как гласит предание, индейцы бежали с прибрежной равнины на Ильмани, чтобы спастись от страшного наводнения (возможно, это наводнение и стало причиной гибели Тиауанако). Изучая древние символические письма на камне, можно заметить часто повторяющуюся волнистую линию, которая, как полагают, изображает воды Титикака — водный порог, за которым начинается мир индейцев. Это знак, что все хорошо и жизнь идет своим чередом на плодородной индейской земле. Появляется другая линия, круто поднимающаяся вверх, к Солнцу, изображенному в виде маленькой звездочки, а над Солнцем выбит крест: это линия, очевидно, означает великую силу жизни, а крест (задолго до того, как сюда пришло христианство) символизирует какую-то высшую силу, вроде Солнца.

Это лишь незначительная часть индейской мифологии и метафизики, которую Итурри Гусман старается воплотить в своих картинах. Почти со всех его полотен бьет в глаза ярко-красный цвет — цвет жизни у индейцев: пылающее Солнце, высшее выражение красоты и силы. Красный цвет составляет резкий кричащий контраст с желтыми, как зерно, зелеными, как листва, бурыми, как земля, и голубыми, как небо, тонами. Черный и белый цвета также играют важную роль в общем колорите картины: это снеговые вершины и мрачные затемненные ущелья. Иногда изображаемые на полотне формы тяжело статичны, в духе гранитной индейской неподвижности. А иногда все приходит в движение, плавно кружится или несется в бешеном вихре танца. Это яйцо, рожденное землей, круглое и оплодотворенное, чтобы создать новые символы жизни, гармонии и вечной борьбы, совершающейся в природе.

Итурри Гусман черпает образы и краски из сокровеннейших глубин своей души, души индейца, но для художественного воплощения этих образов он пользуется самыми современными и конкретными художественными средствами. Именно это удивительное сочетание чувства и мастерства — самое интересное в творчестве Итурри Гусмана.

АЙМАРСКАЯ МАДОННА

В Боливии (так же, как, например, в Мексике) индейская традиция оказывает на изобразительное искусство совершенно иное действие, нежели на литературу. Конечно, и здесь есть несколько известных писателей-реалистов (таких, как

Адольфо Коста и Аугусто Сеспедес), однако вряд ли о них можно говорить как о больших художниках. А Франс Тамайо — ведущий поэт современной Боливии? Он классичен до мозга костей, чтобы не сказать архаичен, и к тому же заимствовал у европейских поэтов и их форму версификации и их чувствительность.

Зато в Боливии есть немало выдающихся мастеров изобразительного искусства. Знаменитый Хорхе Карраско живет за границей, и мы видели лишь несколько его картин.

К счастью, нам удалось повидать не менее известную Мариану Нуньес дель Прадо, женщину-скульптора; мы были у нее дома, в мастерской, и видели, как она работает.

Она живет на одной из верхних улиц Ла-Паса и занимает два старых деревянных дома с утопающим в цветах двориком между ними, с кошками, лазающими по крышам, и старой служанкой, неподвижно сидящей на стуле между скульптурами.

Ее искусство производит огромное, незабываемое впечатление. Кто бы мог подумать, что женщина способна создавать такие замечательные творения из гранита или твердого, как камень, дерева, такие сильные и в то же время эмоциональные!

Насколько мне известно, никто еще не назвал Нуньес дель Прадо южноамериканской Габриэлой Мистраль, хотя сравнение это напрашивается само собой. Все ее работы — воплощение могучей, всепобеждающей женственности и нежного материнства. Каждый ее образ говорит о силе и отваге, дающих защиту и покровительство, о мягкости и любви.

Нуньес дель Прадо вышла из семьи, где знали и любили искусство. С самого начала она испытывала тяготение ко всему индейскому, изучала индейское искусство, хорошо узнала образ жизни индейцев, их особую любовь ко всему объемному, пластичному.

Ее фигуры словно схвачены ритмом медленного танца. Это сильное и в то же время сдержанное движение, извлеченное из камня или дерева. Замкнутые кривые замерли в какой-то непостижимой гармонии, словно дышащей тишиной и покоем, а тяжесть вдруг превратилась в парящую легкость. Каменные формы кажутся высеченными из стремительных потоков воды, застывших в терпеливой неподвижности. Каждая черта так проста и непринужденна, что кажется созданной самой природой. В то же время все вместе взятое является триумфом творческой воли художника.

Ее ранние работы по манере напоминают пламенное неистовство революционных мексиканцев: это Ороско в скульптуре. Все подчинено натуралистическому выражению силы, и в то же время все на своем месте, как, например, в скульпп-

турной группе «Горняки». Сжатые кулаки взметнулись вверх, словно молоты, а широко расставленные ноги как бы образуют гигантский пролет моста. Склоненные головы на заднем плане говорят о страшном напряжении и бесконечном изнурительном труде, выматывающем силы.

«Аймарская мадонна» знаменует собой новый этап в творчестве Нуньес дель Прадо. Это типично индейская мать с ребенком за спиной или на руках; она обнимает и баюкает свое дитя, словно волна.

Постоянно возвращаясь к образу матери, скульптор вкладывает в него все новые и новые черты гармонической законченности, душевного покоя, глубокого внутреннего совершенства и органического роста.

Дель Прадо ищет все новые и новые формы художественного воплощения женщины; этими формами становятся полумесяц, лодка, яйцо или плод какого-нибудь дерева. И все до краев переполнено задумчивой плодоносной нежностью: это ласковая улыбка, заснувшая в камне. Голова, руки, ноги словно слились с туловищем, образуя единое совершенное тело, неуязвимое, цельное, как камень или древесный ствол, и все-таки глубоко человеческое.

Скульптор все время подчеркивает великую общность и родство всех живых существ на земле. Женщины, дети и птицы выходят из одного дерева, и красноватые прожилки мрамора как бы объединяют их общим кровообращением. Птицы напоминают женщин, женщины — птиц, но в них есть еще что-то и от рыбы. «Влюбленные кошки» нежно обвили друг друга своими телами; слитые воедино, они в то же время сохраняют какую-то удивительную индивидуальность; шерстисто-мягкие и нежные, они сверкают упругостью и силой, словно изогнутая струя воды.

Скульптор создает вогнутые формы, или антиформы, продолжает ваять как бы прямо из воздуха, превращая окружающую пустоту в четкую форму. В этом она вся: с помощью камня или дерева она выхватывает из пространства какой-то объем и высекает из него художественный образ. Это чистое вдохновение, обретающее плоть и кровь, беззвучно звенящая творческая воля.

Мариана Нуньес дель Прадо проявляет большую сдержанность, когда речь заходит об искусстве; вообще об искусстве она говорит мало, предпочитая говорить о поэзии. Однако ее сдержанность никак не может скрыть одного факта: она очень внимательно следит за тем, как реагируют посетители на ее картины; с напряженным беспокойством матери она старается понять, какое впечатление производят ее дети — ее любимые творения.

О чем говорят в Ла-Пасе?

О политике и снова о политике. А еще о делах.

Жители Ла-Паса вспоминают о тех ужасах, которые им пришлось пережить во время революции. Дни проходили за днями, а люди сидели в своих квартирах, заперев двери, и прислушивались к выстрелам, доносящимся с улицы; они не решались даже подойти к окну. Люди умные и предусмотрительные вовремя запаслись продовольствием, а тем, кто не позаботился об этом, пришлось плохо.

Жители Ла-Паса говорят о возмутительных действиях горняков, о мастерах и инженерах, которым горняки предложили ультиматум: либо вы уйдете отсюда, либо мы вас повесим. Почти все иностранцы, работающие на рудниках, уехали отсюда добровольно, а может быть, и не совсем добровольно. Во всяком случае теперь их нет.

Говорят о необходимости иметь армию и об опасности, которая всегда исходит от армии. Необходимость: без военных будет полная анархия, одни группы населения немедленно вступят в борьбу с другими. Опасность: армия всегда стремится стать независимой силой в государстве и нередко оказывается послушным орудием в руках жаждущих власти офицеров и будущих диктаторов.

В настоящее время здесь, очевидно, решили, что самое лучшее не впадать в крайность: в городе имеются небольшие и в какой-то мере контролируемые военные подразделения. Недавно офицерское училище окончил двадцать один кадет; они стали предметом гордости всех лапасцев. По воскресеньям они прогуливаются по Прадо, весь выпуск в полном составе. Все одеты в щегольские мундиры и молодежато отдают честь друг другу, своим знакомым и знакомым своих знакомых. Они прогуливаются с молодыми девушками и их подругами, как бы олицетворяя все добродетели юного офицера.

Говорят о том, что во время второй мировой войны в страну приехало много евреев; они начали с небольших лавчонок на улицах Ла-Паса, но скоро перешли к более крупным делам. Теперь они уже снова собираются уезжать, имея солидные суммы денег в иностранных банках. С Боливии больше ничего не возьмешь.

Говорят об оловянных королях, которым пришлось бежать из страны, об их покинутых дворцах, оставшихся непроданными и медленно превращающихся в руины. Оловянные короли, подобно самому могущественному из них, ныне покойному Симону Патино, боялись жить в своих собственных роскошных дворцах, боялись горняков со взрывчаткой, хотя их охрана была вооружена пулеметами.

Говорят о Кочабамбе, городе, который расположен на пороге страны будущего. Эта страна — огромная тропическая область, занимающая свыше двух третей территории Боливии, мало населенная, почти без дорог, труднодоступная, но богатая и плодородная. Она покрыта необъятными лесными массивами, на ее пастбищах могли бы прокормиться бесчисленные стада, необозримые пространства и безграничные богатства ждут переселенцев (японцы уже устремились сюда).

В райских речных долинах, уungas, выращивают коку и сушат ее лист; это — основное занятие местного населения, национальная отрасль промышленности, которая дает несколько десятков тысяч тонн листа коки в год.

Одной из крупнейших иностранных фирм в Ла-Пасе является шведская фирма «Юханссон и К°». В течение многих десятилетий она непрерывно росла и крепла под руководством Эйнара Юханссона, ныне генерального консула и прочее и прочее. Эйнар Юханссон объединил в своей фирме целый ряд импортных контор и предприятий, которые снабжают Боливию шведскими телефонами, шарикоподшипниками, зубоорудованием, холодильниками, лодочными подвесными моторами и т. д. Однако Эйнар Юханссон не ограничился импортом. В полуполюгендарном эпическом стиле боливийцы рассказывают о принадлежащих ему тропических лесных районах, где растет строевой лес, стоящий миллионы, но пока недоступный. Рассказывают об огромных скотоводческих асьендах, где состарившиеся шведские авантюристы находят приют и работу, где скот режут прямо на месте, замораживают и на самолетах отправляют в Ла-Пас.

Каким образом ему удалось развить такую кипучую деятельность не где-нибудь, а именно в Боливии, стране разреженного воздуха, стране революций и инфляций, стране анархической бюрократии, — это остается тайной самого генерального консула. У нас не было никакой возможности спросить его об этом, ибо в то время он был за границей.

ЧЕРЕЗ ПЛАТО

В Ла-Пасе идет дождь, когда мы садимся в поезд и занимаем места. (Чтобы достать билеты, нам пришлось потратить немало времени и труда.) Дождь льет как из ведра, и потоки воды бегут по крутым улицам города, по склонам гор, исчерченных длинными красноватыми бороздами. Не видно ни неба, ни снеговых вершин, город словно закрыт огромной крышкой.

Около двух часов поезд карабкается вверх, и вот мы на широком плато.

Мы смотрим вдаль, сквозь гигантские ущелья из облаков, образующих длинные коридоры. За ними виднеется плоскогорье, аэродром, самолеты, взлетающие и снижающиеся между клубящимися массами, похожими на огромные глыбы мрамора, а на самом горизонте появляются и вновь пропадают снежные вершины гор и полосы синего неба.

Величественное зрелище: весь ландшафт в основном стоит из неба, и он скорее вертикален, чем горизонтален. Вереница небесных соборов, которые возникают у вас на глазах и вновь разрушаются. Ущелья, которые раскрываются в синюю глубину небес, наполненную светом и надеждой, и снова исчезают, затянутые бесформенной тьмой.

Поезд подолгу стоит на каждой станции. Мы все ждем и ждем, но чего ждем, никто не знает.

Можно подумать, что железная дорога еще только строится или на каждой остановке люди выходят из вагона, чтобы построить себе дом, вступить в брак и народить детей. А быть может, это просто своеобразное упражнение, которое должно приучить пассажиров к терпению и печальному однообразию плато.

Перед нами плато: песок, пучки жесткой травы, узкие полосы возделанной земли, небольшие стада крупного рогатого скота, овец и лам, грязновато-серые лужи, несколько глиняных хижин и несколько жалких раззалин, которые когда-то были глиняными хижинами. Собаки, мокрые, иззябшие, со слезящимися глазами, боязливо перебегающие с места на место.

И торговцы, чем-то напоминающие собак. Отчаявшиеся, апатичные. Вот стоит какая-то индианка и держит в протянутой руке чашку чаю; она стоит так целых полчаса, молча и неподвижно. Когда поезд наконец трогается, она выливает чай на землю и садится на то же самое место, где стояла. Неподалеку идет мальчик индеец. Он держит папку, которую ни разу не открыл. Эта папка кажется ему чем-то таинственным, ведь никто не знает, что там внутри, и он никому не скажет об этом даже шепотом. Какой-то старик пытается продать одну-единственную газету, которую он, наверное, где-то подобрал или взял у кого-нибудь. Но, увы, никто не хочет читать эту газету!

Лучше всего идут дела у торговцев хлебом. От их корзины исходит удивительно приятный запах, и пассажиры манят их из окон своих купе, чтобы купить хлеба. Торговцы в восторге, их тоже охватывает желание отведать хлеба, и они начинают есть в самый разгар торговли.

Вот сидят две индианки, похожие на наседок, крепкие и широкозадые. Перед ними корзины с бананами. Они жуют лист коки, но сидят совершенно неподвижно, равнодушные

ко всему. Несколько женщин, сидящих на корточках перед сваленными в кучу тканями, бросаются навстречу поезду, обступают вагоны и наперебой предлагают свой товар, тараторя что-то на своем странном, непонятном языке.

Это какая-то вспышка, быть может искусственная, но все-таки вспышка какой-то надежды, радости, даже счастья. И тут же они снова потухают, мрачнеют одна за другой и снова ждут следующего поезда, единственной возможности что-нибудь продать.

Здесь много нищих, которые тоже не теряют надежды на успех. Торопливоковыляя, они подходят к кому-нибудь из пассажиров, молят о помощи, кричат о своем крайне бедственном положении, выставляют напоказ свои язвы и опухоли, изо всех сил трясут головой и руками, срывают с себя лохмотья, обнажают свою ужасную худобу. Так они и перебегают от одного пассажира к другому, пока не обойдут всех. Как только они отходят от последнего, то сразу успокаиваются и лица у них приобретают очень благодушное и даже довольное выражение. Один из них поднимает с земли почерневшую кожуру банана и приступает к еде, а какая-то собака укоризненно смотрит на него.

К вечеру небо проясняется. Облака с белой каймой расплазуются по краям плоскогорья. Кажется, будто плато лежит так высоко, что многие облака никак не могут до него добраться. Зато ветер дует вовсю. Слышно, как он свистит в многочисленных юбках индианок, которые шелестят, словно густой кустарник. Собаки стараются идти под углом к ветру, и шерсть на них так развеивается, будто они горят. Вода в лужах подернута рябью и напоминает листы гофрированного железа.

Посреди равнины (дорог здесь нет) встретились три индейца на велосипедах; они стоят и о чем-то беседуют. Судя по всему, они вовсе не спешат вернуться домой до наступления темноты.

В расселине скалы спрятался небольшой рудник. Весь поселок состоит из одного-единственного барака около ста метров длиной, с окнами и дверями, прижимающимися друг к другу; здесь живут инженеры, рабочие, служащие — все вместе.

Ночь. Гулкий грохот мостов над ущельями (иногда без рек, без воды). Станции, окутанные тьмой. На земле сидят индианки, тут же стоят фонари со сгериновыми свечами. В неровном свете фонаря виден только что заколотый баран, лежащий на спине.

Внезапно вся земля оказывается усеянной какими-то светлыми пятнами, словно выпал снег. Возможно, это и

есть снег, а возможно соль. Мы въезжаем в край соляных озер.

Утром все сверкает ослепительной белизной. Ну, конечно, это соль. По изборожденной трещинами горькой земле, бродят вигони, постукивая своими оленьими копытами. Соль хрустит под копытами, будто снег в сильный мороз; можно подумать, что кто-то размалывает на мельнице стекло. Мимо проплывают ряды красновато-синих вулканов, одни поближе, другие подальше. Кажется, что некоторые вершины тоже посыпаны солью.

ЧИЛИ

ЧИЛИ — СТРАНА ПРЕКРАСНАЯ, СУРОВАЯ, ЛЮБИМАЯ

или — самая длинная и самая узкая страна в мире. На четыре с половиной тысячи километров протянулась она от перуанской границы до мыса Горн, хотя расстояние от гор до океана редко превышает полтора ста километров.

Чили напоминает огромный меч с чуть изогнутым острием: Анды образуют тыльную часть меча, а тихоокеанский пенистый прибой — его лезвие.

Чили — страна вулканов; на всем своем протяжении с севера на юг она содрогается от землетрясений.

Кроме того, Чили — страна резких контрастов: искрящаяся солончаковая пустыня, высокие заснеженные вулканы, зеленые долины, голые обрывистые берега, темные леса, глубокие озера, а на юге шхеры, врезающиеся в берег между одетых льдом скал. В одних районах годами не выпадает ни капли дождя, в других почти непрерывно идут проливные дожди, розы вдруг покрываются снегом, а пингвины разгуливают по пляжу, заблудившись среди купающихся. Здесь все совсем рядом: пустыня и ледник, кондоры и колибри, пальмы и березы, соль и виноград.

Чили — это длинный уступ между горами и морем; страна повернулась спиной ко всему остальному миру, лицом — к Великому океану, бескрайней водной пустыне. Это древняя индейская страна, а ее побережье — старое пиратское гнездо: чилийцы — потомки никем не покоренных индейцев и отважных авантюристов, высадившихся с кораблей на берег. Чилийцев называют островитянами, жителями шхер, море

заменяет им шоссейные дороги, а морское хозяйство (рыболовство, судоходство) имеет для них не менее важное значение, чем сельское.

Но с таким же успехом их можно было бы назвать скотоводами, чьи стада пасутся в плодородных долинах, земледельцами, чьи сады и виноградники раскинулись по берегам рек, или, наконец, рудознатоками, ищущими сокровища в глубоких ущельях.

У Чили короткая, но очень драматическая история. Первым сюда пришел с юга Магеллан. За ним пришел с севера Альмагро, жаждавший богатой добычи. Но надежды его не оправдались, и, найдя лишь соль вместо золота, он вскоре покинул этот край. Через несколько лет здесь появился Педро де Вальдивия; он занял земли арауканцев, диких лесных индейцев (которых не смогли победить даже инки), и заложил колонию Вальдивия. Однако ему так и не удалось создать колонию: индейцы захватили его в плен, пытали, а потом убили. Индейские племена объединили свои силы, быстро научились у врагов их военному искусству и стали оказывать европейцам решительное сопротивление. В их страну, расположенную к югу от реки Био-Био, до 1870 года не мог проникнуть ни один чужеземец.

Впоследствии офицеры армии завоевателей поделили между собой индейские земли, а сами стали помещиками вроде средневековых феодалов; индейцев они обращали в рабов, брали себе в жены индианок и наводняли страну метисами. Священники выступали против рабства. Вскоре его заменила так называемая система инкилино: крестьяне перестали быть крепостными, но все-таки полностью зависели от хозяина, в поместье которого работали; лишь с 1953 года они стали получать хоть какую-то гарантированную законом заработную плату.

Землетрясения и моретрясения (в результате которых возникают огромные приливные волны) разрушили много городов и селений. Пираты непрерывно опустошали побережье, контрабандисты боролись против запрещения торговать с любой страной, кроме Перу, а война с арауканцами не прекращалась ни на один день. Уже в 1810 году Бернардо О'Хиггинс начал борьбу против испанских войск (хотя сам он был генералом испанской армии; мать его была чилийка, а отец, ирландец, занимал пост вице-короля в Лиме). В 1818 году Бернардо О'Хиггинс стал президентом республики. Вскоре он попытался провести аграрную реформу, но тщетно: подлинная власть по-прежнему была сосредоточена в руках крупных помещиков-землевладельцев, которые безраздельно правили страной еще добрую сотню лет.

В результате тихоокеанской войны к Чили отошли месторождения селитры, расположенные в северной части пу-

стыни; из недр пустыни были добыты огромные богатства. Инкилино покидали поместья своих хозяев и целыми толпами устремлялись туда, где добывали селитру; в борьбе за существование они быстро постигали, что такое единство и солидарность, становились настоящими рабочими, сознающими общность своих интересов, устраивали забастовки. Когда время селитры миновало, они не захотели возвращаться в хозяйские поместья, а осели в городах или потянулись на юг, где происходила колонизация новых земель.

Первые иммигранты-колонисты из Европы, в основном немцы, появились здесь уже в сороковых годах XIX века; они начали обрабатывать землю и вскоре наложили свой особый отпечаток на южные лесные районы.

Чили — очень суровая, но и прекрасная страна; ее любят страстной, вдохновенной любовью. Все чилийцы — невероятные патриоты, возможно в еще большей степени, чем остальные южноамериканцы: они обожают природу, обожают землю и скалы, реки и берега своей родины.

Плодородная центральная область занимает лишь третью часть страны, однако здесь живет пять с половиной миллионов человек из шестимиллионного населения Чили. Центральная область — сердце Чили — славится своей живописной природой и мягким благодатным климатом, своими фруктами и винами, обширными поместьями и зелеными лесами. Здесь чилийцы строили крупные города, здесь развивалась их культура.

Разумеется, эта обетованная земля дорога сердцу каждого чилийца, но оценить и полюбить такую ведь может всякий, а потому свое самое горячее чувство чилиец отдает далеким землям на севере и юге страны, суровым и недоступным, диким и пустынным.

Однако природа крайнего Юга слишком сурова даже для чилийца, хотя никогда не было недостатка в поэтах, воспевавших его суровую экзотику, его нефтяные богатства и отары овец, его зловещую антарктическую красоту и холодное очарование скал, нависающих над пропастью, где ревет и клокочет океан.

Шхеры Чоноса и залитые дождем леса на острове Чилоэ имеют своих энтузиастов, приозерный край — своих. Но, быть может, самой большой любовью чилийцы любят свой Эль-Норте, героический Север, где были одержаны великие победы над неумолимой природой и вражескими армиями. В этих пустынях, в которых нет ничего живого, селитра и медь, словно по волшебству, создавали целые города, похожие на гигантский мираж, и нередко эти города исчезали тоже, как мираж. Сколько раз Эль-Норте навевал людям золотые сны, и всегда за ними следовало жестокое пробуждение.

Север любят за обманутые надежды, за тяжелые испытания и жестокость к людям, любят нелепо, с обожанием и тоской.

Когда мы приехали в Сантьяго, то в один из первых же вечеров побывали в театре, довольно примитивном на вид и явно рассчитанном на самую широкую публику; в нем помещается несколько тысяч человек, за которыми наблюдают вооруженные пистолетами полицейские, сидящие на галерее. Спектакль, который мы видели, назывался «Sierra rapra» и, как гласила афиша, являлся фольклорно-художественным. Это высокопатриотическая по духу и развлекательная по форме пьеса. Пампой здесь называется равнинная пустыня, а точнее, селитровая пустыня. Очевидно, за этим словом кроется слишком много жестокого и ужасного, чтобы произносить его вслух. За весь спектакль никто даже не заикнулся о «пустыне».

На сцену выходит женщина, одетая во все черное; она, запинаясь, читает пункт за пунктом программу представления, написанную от руки на большом листке бумаги. С потолка опускаются ярко раскрашенные декорации: перед нами панорама пустыни. Представление начинается. Маленькая труппа актеров играет, поет, танцует. Большинство из них — индейцы, они играют не только на гитарах, но и на индейских музыкальных инструментах: деревянных дудках, глиняных барабанах, трещотках.

Перед каждой новой сценой меняются декорации и костюмы. Вот начинается народный любовный танец с развевающимися носовыми платками; его исполняют в знаменитом национальном стиле «куэко» (это танец жениха и невесты, причем партнеры по-птичьи кружатся друг возле друга, напуская на себя важность, и отвешивают поклоны). А вот индейский танец с притопами, который исполняется перед изображением мадонны; танцоры так стучат каблучками о подмостки, словно хотят заставить прорасти посеянные здесь семена или затоптать в землю лужу воды. Танцевальные номера чередуются с драматическими сценами, которые рассказывают о жизни рабочих, добывающих селитру, о нищете и одиночестве глухих, словно вымерших, селений, залитых лунным светом.

Зрители сидят на деревянных скамьях, тесно прижавшись друг к другу, всхлипывают или бурно выражают свой восторг, сплевывают прямо на пол, прикрикивают на расшумевшихся ребяташек. Возбуждение нарастает, все целиком захвачены разворачивающимся действием. Какой-то седовласый мужчина выскакивает на сцену и вот уже скользит в танце куэко: спина прямая, в руке платок, которым он гордо размахивает, словно тореадор, и при этом всячески завлекает стоящую перед ним женщину. Буря аплодисмен-

тов. Пока меняют декорации, другой мужчина, полный и румяный, начинает читать длинное стихотворение о погибшем горняке и его маленьком сыне, читает с огромным пафосом, с дрожью в голосе и рыданиями.

Чаще всего со сцены несутся слова «tierra» и «coazón» — «земля» и «сердце». Ведь это праздник людей, отдавших свое сердце земле и собравшихся здесь, чтобы насладиться спектаклем о своей любимой стране — Чили.

СЕЛИТРОВАЯ ПУСТЫНЯ

Ольягуэ находится высоко в горах, возле самой боливийской границы; это небольшое селение, состоящее из маленьких железных домиков. Вокруг десятки вулканов, некоторые все время курятся. Лунный ландшафт, богатый серой и бурой. Все выбелено солью и искрится в солнечных лучах.

Сера лежит ядовито-желтыми пирамидами. Ее привозят сюда сверху, с вулкана Ауканкилча, поднимающегося на шесть тысяч метров над уровнем моря: это высочайший в мире рудник. Вверх по склонам других вулканов к серным рудникам в старых кратерах тянутся дороги, сплошь засыпанные желтой серной пылью. На одном из кратеров когда-то образовалась трещина, и по всему конусу протянулись разноцветные полосы застывшей лавы: красные, желтые, лиловые.

Наш поезд минует несколько селитровых озер, идет между высоких соляных сугробов. Селитра покрывает воду толстой коркой, словно это снег, засыпавший лед. В несколько рядов стоят загружаемые механическими скребками самосвалы — черные машины на бескрайних белых просторах. Возле берега зияют проруби; вода в них прозрачно-зеленая, мертвая и застывшая, как стекло.

Высокими штабелями лежат какие-то странные предметы; по форме они напоминают окаменевшие стволы деревьев доледникового периода; они нередко встречаются на склонах вулканов в виде огромных колонн. Их взрывают динамитом и потом используют как топливо; по своим качествам они напоминают уголь.

Но в железных домиках топливом служит высушенный ламий навоз. Ламы пасутся на пропитанной солью почве, поедая редкую жесткую траву, длинными караванами идут с мешками соли на спине. Колеса автомашин оставляют белые полосы, словно кто-то провел меловую черту по серой земле.

Вокруг покинутых поселков лежат сваленные в кучу железные листы, одиноко стоят столбы электропередач, белые и обглоданные, как старые скелеты, валяются груды кон-

сервных банок и разбитых бутылок. И где-нибудь поблизости вы непременно увидите кладбище, затерянное среди барханов песка и соли.

Покойники, просушенные и просоленные, вероятно, превращаются здесь в настоящие мумии. Однако соль не разъедает мертвых людей так, как она разъедает мертвые машины.

Да, мы все чаще видим разбитые и брошенные машины, которых жадно, словно жаркий медленный огонь, пожирает ржавчина, они теряют свои резкие очертания, свою агрессивность, делаются мягче, как-то распухают, и в их облик появляется что-то от животного, страшного разлагающегося чудовища.

Склоны вулканов покрыты черной лавой. Ручьи вырыли в ней глубокие ущелья. Среди мягких холмов пустыни уютно расположился завод взрывчатых веществ. Ниже находится зеленый оазис Калама, где дома стоят под зеленой сенью деревьев и все заросло клевером. Товарные составы привозят медную руду из Чукикамата (крупнейшего в стране медного рудника, принадлежащего американской компании «Анаконда»).

Здесь начинается двойной трубопровод, он тянется вдоль железной дороги через всю пустыню к побережью — до самой Антофагасты (двести пятьдесят километров). Трубы идут по поверхности земли, и через равные промежутки на них насыпаны маленькие земляные холмики; кажется, будто это бесконечная вереница безымянных могил.

От Сьерра-Горда начинается уже настоящая селитровая пустыня. Разграбленная, разоренная, изрытая людьми — пустыня в руинах. Каждый порыв ветра поднимает клубы смешанной с солью пыли и больно щиплет глаза. Земля словно покрыта инеем или битым стеклом. Небольшое селение напоминает концентрационный лагерь: железные бараки, окруженные железным полуразвалившимся забором, который раскачивается и лязгает на ветру своими железными зубами.

Время от времени поезд останавливается возле какого-нибудь дерева, удивительно одинокого и удивительно зеленого, как бы чудом выросшего в этой пустыне; к дереву бежит вода из водопроводного крана. Такое дерево обозначает станцию, а вокруг нет ничего, даже жалких железных лачуг...

Заходящее солнце окрашивает соляную пустыню в апельсинно-желтые тона, а на небе, в облаках, устраивает дикую оргию красок: розовато-красных, ядовито-зеленых, купоросно-синих. Но по-прежнему все остается неподвижным и мертвым.

Поезд мчится через озаренную луной ночь, среди черных

массивов гор. Соляная пустыня сверкает холодным морозным светом — настоящий лунный ландшафт.

Около полуночи спускаемся по песчаным ущельям вниз к Антофагасте; ветер, дующий с Тихого океана, доносит запах иода. По кладбищам, как призраки в сиянии месяца, бродят влюбленные пары. А вот и сам город. Его короткие прямые улицы, похожие на гладко причесанные волосы, протянулись от песчаного обрыва до океана.

Новый отель для туристов, построенный на самом берегу, выглядит очень многообещающе. Хочется скорее принять ванну, душ, смыть с тела колючую соляную пыль. Но увы, в кранах ни капли воды: ночью в Антофагасте воды нет.

ВСТРЕЧА С СЫНОМ СЕЛИТРЫ

В Антофагасте праздник, на улицах развеваются флаги, к вершине песчаного холма движется факельное шествие. Площадь украсилась новым зданием, в котором разместились различные службы авиационной компании. Отель для туристов внушительно возвышается над застывшими потоками лавы: раньше здесь жили только морские птицы, окрашивающие скалы в белый цвет.

Но у порта удивительно мертвый вид, ни единого судна. Склады тоже почти пусты: всего несколько вагонов пшеницы из Боливии да штабеля медных болванок. Лишь изредка через город грохоча пройдет поезд с селитрой, оставляя на улицах белую соляную пудру. Кажется, что Антофагаста растерянно озирается вокруг, не зная, за что бы ей теперь взяться.

Повсюду слышишь одно и то же: с селитрой покончено. Покончено по двум причинам: во-первых, ее заменили синтетические нитраты, а во-вторых, самые богатые месторождения уже иссякли. Как же теперь живет этот край пустыни и что стало с людьми, добывавшими селитру?

Нас познакомили с человеком, который мог ответить на этот вопрос. Володя Тейтельбойм — романист и большой знаток всего, что связано с селитрой. Одна из его самых известных книг называется «Сын селитры», и это название очень ярко и метко характеризует его самого. Он вырос в краю селитры, был свидетелем его расцвета, а теперь вместе с ним переживает все нарастающий кризис. Это очень спокойный, уверенный в себе человек, говорит он короткими фразами, обдумывая каждое слово. У него широкое лицо, рыжие усы и большая лысина.

— Когда-то,— рассказывает Тейтельбойм,— здесь были две-три тысячи небольших месторождений. Добыча велась самыми примитивными методами, почти вручную; селитра выходила на поверхность земли, и рабочий, разрабатывая по-

роду, опускался все ниже и ниже, на глубину пятидесяти — ста метров. Это был тяжкий, изнурительный труд; у рабочего не было ничего, кроме кирки и лопаты, каждый мешок с селитрой весил по сто двадцать килограммов. Соль развела руки, кожа лопалась, все тело покрывалось ранами и язвами. Воды было мало, и рабочий не мог даже как следует помыться. Постоянно мучила жажда. Днем было невыносимо жарко, железные хижины превращались в раскаленные печи, а ночью людей до костей пронизывал ледяной холод.

Рабочие разбивали лагерь, а вокруг была мертвая земля да зияющая пустота, от которой хотелось кричать. Поблизости ни деревьев, ни цветка, ни даже травинки; как сказал Неруда, «прекрасны были только звезды». Они, словно огромные бриллианты, густо усеивали черный небосвод. Вечерами рабочие могли любоваться ими сколько угодно, если только у них хватало сил выйти из своих железных лачуг. Единственное, что здесь росло, — это кладбище, где бок о бок лежали дети и сломленные селитрой рабочие. Кладбище становилось все больше, а селитры оставалось все меньше. И вот наступал день, когда все обитатели лагеря снимались с места и уходили на поиски нового месторождения, а позади оставались только железные хижины, могилы да изрытая земля.

Все лагерное оборудование доставлялось сюда издалека и стоило очень дорого. В лагере был небольшой магазин, принадлежавший компании; рабочие могли в нем купить предметы первой необходимости по ценам, установленным самой компанией. За длинный рабочий день с них сходило семь потов, и вечером они обычно пили пиво. Кроме того, они играли в карты, пели под гитару, а иногда даже играли в футбол. И еще они часто наведывались в профсоюз; рабочие очень серьезно относились к своей организации и всегда были настроены по-боевому.

В пустыне часто бывали забастовки. Власти посылали против бастующих войска и полицию, рабочих расстреливали и бросали в тюрьмы. В 1907 году правительство учинило страшное кровопролитие, о котором никогда не забудут в краю селитры: за несколько минут было скошено из пульметов четыре тысячи рабочих.

Позже такие события стали невозможны, так как несколько раз при подобных обстоятельствах создавались государственные следственные комиссии и правительству приходилось нести ответственность за случившееся.

Теперь уже покончено со старыми примитивными лагерями в селитровой пустыне. Почти все небольшие предприятия закрылись, и толпы рабочих устремились на Юг, до отказа переполняя поезда. Большинство из них — бывшие батраки, которые занялись добычей селитры в надежде подкопить немного денег и купить клочок собственной земли. Но, как

правило, они возвращались домой такими же бедняками, какими уходили.

Весь заработок был истрачен на еду, на пиво, на какие-нибудь удовольствия во время отпуска, который они ежегодно проводили в одном из портовых городов.

Однако с селитрой еще не совсем покончено. На нескольких крупных месторождениях, принадлежащих американцам, добыча продолжается и ведется более современными методами, чем раньше. Селитра составляет около 18 процентов экспорта страны, а медь — 60 процентов.

Рассказав о селитре, Тейтельбойм переходит к меди. Да, медь — это главная опора чилийской экономики. Медные рудники работают на полную мощность, однако на 90 процентов они принадлежат американцам, которые получают половину всей прибыли. (Компания «Анаконда» разрабатывает медь в районах Чукикамата и Потрерильос, компания «Кеннекот» — возле Эль-Теньенте. Кроме того, компания «Бетлехэм стил» добывает железную руду в районе Кокимбо.) Пользуясь своим монопольным положением, США устанавливают чрезвычайно низкие цены на медь; даже если Европа согласна платить больше, Чили все равно не может продавать ей свою медь. Даже Аргентине оно может продать что-нибудь только через США.

Что же теперь будет с этим краем пустыни, каковы перспективы его дальнейшего развития?

В настоящее время население края катастрофически сокращается, и многие города скоро могут почти обезлюдеть. В селитровой промышленности занято сейчас не более тридцати тысяч рабочих; кроме них, есть еще несколько десятков тысяч горняков. Развитие новых отраслей промышленности не предвидится, а заниматься сельским хозяйством здесь невозможно, потому что нет воды. Процветание Севера было кратковременным, лихорадочным и искусственным.

— Эль-Норте (Север) — это наш дикий Дальний Запад, — рассказывает сын селитры. — Некоторые искатели приключений до сих пор остаются здесь, ищут золото и другие драгоценные металлы. Но основная масса населения уходит на Юг и оседает в промышленных городах. За два десятка лет население Сантьяго и других городов удвоилось. Страна располагает огромными богатствами, которые до сих пор лежат втуне: минералы в горах, леса на юге, плодородные земли. Они ждут своих новых владельцев.

В АНТОФАГASTE

Антофагаста — самый крупный город прибрежной пустыни Ему всячески подражают другие города, такие, как Арика, Икике, Токопилья, Талтал.

Все улицы города оканчиваются в песках; горы, идущие вдоль побережья, очень затрудняют транспортную связь с пустыней (шоферы такси требуют даже дополнительную плату, если нужно подниматься вверх по обрывистым склонам). Вода в город подается по трубам, земли не хватает даже для цветочных горшков. Чтобы посадить несколько деревьев, привезли взрыв и получившуюся выемку засыпали землей, привезенной сюда с юга. Нередко побережье затягивает густая туманная дымка, но из нее не выпадает ни капли дождя. В Антофагасте есть лачуги без крыши, и крыши здесь действительно не нужны.

В самом центре города можно увидеть накалившиеся под солнцем железные домики, от которых так и пышет жаром. Там есть целые кварталы бараков, похожие на селитровые лагеря, но есть и роскошные виллы, окруженные дорогими цветочными клумбами. На городском пляже стоят черные железные кабины и цементные скамейки. Утопанный песок заменяет детям площадки для игр. Железные стены домов образуют длинный коридор, который приводит вас к старой фабрике. Это какие-то странные кубические руины; своими винтовыми лестницами, башнями и зубцами они напоминают и сказочный замок и средневековую крепость. Для заплочных дел мастера трудно придумать более подходящее жилище.

На песчаных откосах разбросаны обширные кладбища с длинными рядами бедных могил. Из песка торчат человеческие кости, нередко вы видите в яме ветхий полуразвалившийся гроб. Каждый может унести отсюда в качестве сувенира зеленовато-белый череп. Местные жители часто увозят с кладбища мраморные плиты и более легкие могильные камни, превращая их в обеденный стол или доску для резания хлеба, мяса и овощей.

Мне запомнилась одна могила, которую я видел здесь десять лет назад, а теперь так и не смог найти. В ней покоилась молодая девушка; надгробие утопало в венках из искусственных цветов, здесь же лежало множество маленьких дощечек с надписями. Девушку почитали святой и верили в ее чудотворную силу. Она покончила с собой, после того как была изнасилована, и, удивительно, страшное отчаяние чистой души полностью искупило в глазах верующих тяжкий грех самоубийства! Потом могила либо была забыта, либо ее перенесли на более почетное место.

У самого берега когда-то стоял полуразвалившийся отель, построенный еще в годы селитровой лихорадки. Он весь был покрыт мхом и ракушками величиной с кулак. Туда прилетали раздувшиеся от рыбы пеликаны и снова улетали, тяжело взмахивая крыльями. По берегу бродили женщины и собирали в передники морских ежей. Сейчас здесь растет новый

отель для туристов; он еще недостроен, но уже великолепен; главное здание изогнуто в виде полумесяца, бары напоминают заросшие папоротниками гроты, а столовая тонет в подводном полумраке и кажется, что в зал вот-вот хлынет прибой, заливая массивные колонны. Внизу находится небольшой пляж; его неусыпно охраняет полицейский, и у него такой решительный вид, что он, наверное, будет стрелять, если вы подойдете слишком близко.

Мальчишки бросают камни в железную ограду, чтобы послушать, как здорово она гремит. Неподалеку отсюда находится порт; рядом, словно группа безработных, одиноко стоят подъемные краны, дожидаясь лучших времен. И посреди всего этого запустения новый великолепный отель кажется каким-то заклинанием, магическим словом, волшебством, которое должно принести городу богатство. «С каждым днем мы будем жить все лучше и лучше!» — говорит он всем своим видом. Кто знает, может быть, это и поможет.

Если вы проедете несколько километров вдоль берега к северу от города, то увидите, каким замечательным зодчим бывает природа. Огромные амфитеатры из отшлифованных ветром и водой береговых скал, облепленных птичьими гнездами (помет стекает вниз и застывает на утесах длинными сосульками). Причудливая архитектура моря, создавшего гроты и туннели; шум прибоя отдается в них, словно в завитках гигантской раковины. Все это построено из песка, смешанного с ракушками, быть может, миллионы лет назад и затвердевшего как цемент.

Нередко с горных вершин сюда прилетают кондоры, охраняющие свои владения; у них острые загнутые клювы, змеиные шеи и белые воротники. Некоторое время они парят над скалами, а потом снова уплывают на своих зазубренных крыльях в синие просторы небес. По всему берегу разбросаны какие-то странные шары из зеленых «волос» моря, гонимые ветром по песку. Некоторые из них такие плотные, что ими можно играть в футбол. Но интереснее всего здесь скала, возвышающаяся над морскими просторами довольно далеко от берега. По форме она напоминает ворота или триумфальную арку, воздвигнутую в честь какого-то бога, владыки побережья. Но теперь под ней проходят лишь вспененные ветром волны да проплывают морские птицы.

В САНТЯГО

Нам не очень хотелось тащиться на поезде через Чилийскую пустыню в самый разгар летней жары, и мы решили лететь. Самолет доставил нас в Сантьяго всего за три часа. Под крыльями растянулась выжженная солнцем земля — песок и камень; с одной стороны сверкало море, с другой — возвы-

шались засыпанные снегом вершины Кордильер. Потом промелькнула узкая зеленая долина реки Ла-Серена и показался неровный ослепительно белый конус Аконкагуа.

Сантьяго лежит в широкой долине между песчаными холмами; он словно втулка колеса, от которой спицами расходятся дороги и тополиные аллеи. Самолет еще не коснулся колесами земли, а мы уже увидели табуны пасущихся на лугах лошадей, дома, окруженные виноградниками, повозки с колесами высотой в человеческий рост, запряженные тремя лошадьми.

Сантьяго — сердце и мозг самой цветущей области страны. Это город, умеющий глубоко чувствовать и мыслить, могучий деятельный мускул. Город, сочетающий в себе тяжесть вулкана и его импульсивную эмоциональность, город двух сезонов — солнечного света и дождевой мглы.

Прошлый раз я был здесь поздней осенью, все было затянуто серой пеленой, и сквозь серые клубы облаков изредка пробивалось серебристое сияние снежных гор. Я видел, как рабочие выметали из парков последние желтые листья, видел жителей Сантьяго в зимних пальто и шерстяных шарфах, в шляпах, нахлобученных на самые уши. На улицах всюду был слышен громкий кашель; многие прохожие в одной руке держали раскрытую книгу, а в другой наготове носовой платок.

Теперь лето, жаркое февральское лето, с корзинами и повозками, полными фруктов. Ярко-красные помидоры и розовые дыни, черные, как эбеновое дерево, аллигаторовы груши, плоды с похожим на масло содержимым (их едят с острым соусом), и зеленовато-чешуйчатые плоды черимойи. Бархатистые с бахромой цветы излучают такой пронзительно синий цвет, что во рту у вас появляется привкус электричества. На витрине молочного кафе стоит в качестве рекламы чучело коровы. Все женщины одеты в светлые летние платья.

Итак, летом Сантьяго превращается насколько возможно в веселый курортный город, но его жителям этого мало; все, кто может, уезжают из города. В январе и феврале, в самый разгар лета, обитателей столицы, как никогда, охватывает тоска по родной природе. И тут уже с неодолимой силой прорывается присущая каждому чилийцу любовь к горам и лесам, земле и воде. Они как бы снова живут в древнейшую эпоху мироздания, превращаются в дикарей, поклоняющихся Солнцу, наслаждаются той первобытной и давно утраченной жизнью, которую вели их предки.

Поезда, автобусы и машины непрерывным потоком везут жителей Сантьяго за город, на побережье, в горные долины Анд и на их заснеженные склоны, везут на юг, где раскинулись зеленые леса и синие озера. Оставшиеся в городе отдыхают в парках, на городских холмах, на одетых виноградни-

ками террасах Санта-Люсия, в павильонах и кафе, в зоопарке Сан-Крисгобаль и на лесистом откосе, где величественно простирает руки гигантская мадонна, а из ресторанов доносится музыка.

На Пласа де Армас растет много деревьев, и повсюду развешаются плакаты с предвыборными лозунгами (в скором времени должны состояться парламентские выборы). Прогуливаясь под тенистыми аркадами в деловом квартале города, вы можете немного отдохнуть от палящих лучей солнца. Пласа де Бульнес окаймляют высокие здания (последний крик строительной моды) — подавляюще тяжелые прямоугольники, черные, как лава; на стоящих вдоль тротуара автомашинах играют солнечные блики.

Сантьяго хотел бы стать настоящим европейским городом вроде Парижа, легким и утонченным. Но для этого он слишком чилийский, добродушно деревенский, с примесью индейской зимней меланхолии, которая уживается бок о бок с немецкой основательностью и любовью к порядку. Ведь в Сантьяго нет даже открытых кафе, а охлаждать льдом красное вино здесь научились только от аргентинцев.

В душе каждого чилийца, особенно жителя Сантьяго, вечно клокочет вулканическое беспокойство. Это мучительная неудовлетворенность жизнью, горестное сознание своей неспособности быть сразу всем, чем он хочет: европейцем и в то же время индейцем, чилийцем и гражданином мира, сыном природы и цивилизованного человека. Сердце его сжигают совершенно противоположные стремления: к земле и техническому прогрессу, к деревенскому лету и городской зиме, к уединению и обществу.

Так возникает совершенно новая проблематика в совершенно традиционной обстановке.

ЛЕТО В СЕРДЦЕ СТРАНЫ

Мы присоединяемся к потоку пассажиров, едущих в Вальпараисо и Винья-дель-Мар. Электропоезд-экспресс алюминиевого цвета несется на север среди песчаных холмов. Кактусы покрыты ярко-красными цветами, словно кровавыми ранами. Кактусы растут и на полях ровными рядами. Для чего их здесь сажают — непонятно.

Возле Льяи-Льяи мы пересекаем железную дорогу, идущую с Анд, и реку Аконкагуа. Местность становится все более цветущей: виноградники, плакучие ивы, склонившиеся над водой, высокие ирисы. Фермеры в желтых замшевых куртках скачут на лошадях. И вообще на улицах маленьких провинциальных городков верховых не менее, чем автомобилей.

Вальпараисо. Портовый город, раскинувшийся полукругом на крутом прибрежном обрыве. Дома поднимаются терра-

сами все выше и выше в гору, и фуникулер здесь так же необходим, как трамвай. Все улицы ведут к порту, где на крышах сидят морские птицы, а люди выстраиваются в длинные очереди, ожидая парома

На рейде стоит эскадра американских военных кораблей; они со всех сторон окружили огромный черный авианосец, который зловещим силуэтом вырисовывается на горизонте. Город буквально кишит юнцами, похожими на диснеевского утенка Калле; они одеты в белые рубашки и белые брюки, обтягивающие их поджарые зады; каждый вооружен фотоаппаратом. Вокруг них увиваются уличные девицы, загоня испуганных юнцов в немецкие кондитерские или кафе-мороженое; там они утешаются венскими булочками и пирожными.

В городе есть большие литейные и пивоваренные заводы; от винных складов пахнет чем-то кислым; лошади-тяжеловозы медленно идут по мостовой, цокая копытами. В переулках воздух пропитан сырым запахом моря. Со склонов гор течет какая-то черная вонючая жижа; в трещинах, образовавшихся в результате землетрясений, растет трава.

Маленькие автобусы один за другим мчатся в Виньядель-Мар, купальный рай. Шоссе все время петляет вдоль отвесного склона горы, в точности повторяя извивы береговой линии и железной дороги. Происходит бешеная гонка, все стремятся доехать до Винья за десять минут, что не так-то просто.

Виллы, зеленые лужайки, розовые кусты, множество чаек. Широко раскинувшийся во все стороны город-сад с разбросанными там и сям фабриками. Посреди него высится черная каменная гора. Немного подальше город пересекает река с почти стоячей водой; от моря ее отделяет песчаная коса. Купаться здесь строго воспрещается, но купающихся полно.

В парке находится казино. Это довольно известный игровой дом, где есть даже балкон для самоубийц (только что смыли кровь последнего из них). Перед фонтаном на скамейке сидят двое юнцов-утят, а между ними удобно расположилась белокурая Валькирия. Юноши заняты тем, что по очереди расчесывают ее длинные волнистые волосы цвета спелой ржи. Когда они встают, оказывается, что прекрасная обольстительница на голову выше своих обожателей. И тут же несколько юнцов снова окружают ее, как корабли свою плавучую базу.

На скале, которая поднимается над морем, находится ресторан, по форме напоминающий корабль. Прямо против ресторана высится гигантская статуя, привезенная сюда с острова Пасхи. На двухметровом каменном лице застыло странное загадочное выражение силы и ума. У этой скульптуры

есть только фасад, сзади камень не обработан. Немного поодаль стоит еще один ресторан, побольше, со стеклянными верандами, выходящими на море. Отсюда начинается настоящий пляж, кишачий продавцами мороженого и уличными фотографами. Прибой здесь очень сильный, и купающиеся изо всех сил цепляются за толстый трос, протянутый над водой. Они так густо облепили его, что издали напоминают огромный косяк рыбы.

Широкая бетонная терраса, предназначенная для обозрения морских далей, дала трещину и теперь закрыта для посетителей. У нас сложилось впечатление, что в Чили не так-то просто выкупаться и любителей моря здесь ждет много неприятностей.

Маленький автобус везет нас в Сан-Антонио.

Места в автобусе нумерованные, и приобретать билеты нужно заранее. Сначала это производит на нас очень приятное и солидное впечатление. Но вскоре оказывается, что наш автобус — самый обычный загородный автобус и каждый сидит на том месте, которое успел захватить. Жалкий, слабый мотор трещит, как швейная машина. Он быстро перегревается и каждую минуту грозит остановиться.

Пыльная мощеная дорога проходит через городские трущобы, и вскоре море скрывается за песчаными дюнами, поросшими эвкалиптами. Пейзаж скудный, унылый. Глядя на поля, можно подумать, что здесь возделывают репейник: все сливается в сплошную решетку из высоченного репейника, медно-желтого или голубовато-стального. Мы видим поля подсолнухов, пасеки, низкие белые домики под большими соломенными крышами и оседланных лошадей у крыльца. Целые табуны стройных красивых коней, сливочно-желтых, молочно-белых и вороных, бродят вокруг, пощипывая чахлую траву.

Пассажиры садятся в автобус и выходят из него, не считаясь с остановками, там, где им удобно, а чаще всего перед крыльцом собственного дома. Они везут ящики яиц, корзины с овощами, живых кур, связанных вместе за лапки; все это запихивается прямо в автобус или кладется на крышу. Все настроены очень добродушно. Супруги сидят в обнимку, словно их приклеили друг к другу (может быть, они хотят быть похожими на французов?). Какой-то малый, оставшийся без места, стоит, нежно склонившись над своей остроносой беременной женой, поглаживает ей шею, словно котенку, поминутно кладет ей руку на голову и заботливо привлекает ее к себе.

Важный господин, по виду адвокат, занял сразу два места, положив рядом с собой какой-то пакет. Он весь ушел

в чтение иллюстрированных журналов; нетерпеливо переводчивая страницы, он жадно глотает занимательные истории о кровавых расправах, убийствах, взрывах и т. п.—невинное развлечение для пятилетних мальчиков и девочек. Окно, возле которого он сидит, все время подскакивает от толчков, и важный господин раздраженно поглядывает на него: ему явно мешают наслаждаться чтением, а кроме того, он смертельно боится сквозняка, хотя в его воображении рисуются сейчас горы трупов.

Все это время возле него стоит бедно одетая женщина с ребенком на руках, однако важный господин уже объяснил ей, что место, где лежит пакет, занято. Проходит немало времени, прежде чем кондуктор решает вмешаться. Адвокат страшно возмущен, но все-таки пододвигает пакет к себе, и женщина с ребенком наконец садится на край скамейки. Это оборотная сторона чилийского добродушия.

Хвойные леса, растущие по склонам гор. Маленькие семейные кавалькады: даже пятилетние дети едут каждый на своей лошади. Поля созревающей пшеницы, усеянные ярко-красными маками.

Сан-Антонио. Портовый город посреди долины, железнодорожная станция у самой воды, вдоль дороги — ряды торговцев рыбой.

Поиски такси. Мимо проезжает несколько машин, но их приходится забрakovать: это просто грохочущие кучи старого железа на колесах. Наконец появляется что-то более приличное. Но при ближайшем рассмотрении и эта машина оказывается изрядно потрепанной, с обшарпанными окнами и дверями. Однако шофер клятвенно уверяет, что довезет нас до Табо, хотя это очень далеко. Он весь мокрый от пота, в одной майке и очень возбужден.

С грохотом и тряской мы едем вдоль берега моря, вниз и вверх по крутым обрывам. Верховой полицейский соскочил с лошади и теперь сидит под араукарией, восхищенно глядя на море, на дымящийся водяной пылью прибой и черные скалистые рифы.

Картахена — очень старый город с крутыми, как крыша, улицами. Ложбины, поросшие высоким камышом и усеянные ракушками. В хвойном лесу у самого края пропасти стоит двухэтажный деревянный дом с красными стенами и белыми оконными рамами.

Эль-Табо. ОТЕЛЬ для туристов, о чем извещают большие вывески (тем не менее наш шофер ухитряется проехать мимо отеля три раза, ибо, судя по всему, он не умеет читать). Летние виллы, весьма эксцентричные по своей архитектуре. Дома из гранитных глыб, соединенных белым известковым швом. Хрупкие деревянные дачки, взобравшиеся на вершины холмов. Домики, одним боком примостившиеся к горному

склону, а другим опирающиеся на столбы или каменные стены.

Дороги, занесенные песком. Усыпанные цветами деревья с широкими кронами, похожими на зонтики: естественный гараж для автомобилей. Пенистый прибой и водяная пыль, стелющаяся над берегом, словно мокрое покрывало. Сырость ощущается всюду, даже в комнате. И буквально всюду проникает могучий голос моря, похожий на отдаленные раскаты грома.

Наш отель — обычный летний пансионат, устроенный по немецкому образцу, с обильными завтраками, обедами и ужинами под гармонику. Один за другим звучат немецкие вальсы и марши, которые наигрывает по нотам красноносый герр капельмейстер. В перерывах ему иногда подносят стакан красного вина, и он выпивает его залпом, стоя навтыжку перед поклонником своего таланта.

Утром нас безжалостно будят здоровенные чилийки, которые разносят по номерам кофе и поджаренные хлебцы (твердые, как камень). На полу, перед кроватью, лежит порядком истертая лисья шкура: каждый раз мы забрасываем ее подальше под кровать, но она неизменно выползает оттуда. Деревянные некрашеные стелы затянуты какой-то цветастой бумажной тканью. Вообще все в отеле выдержано в подчеркнуто деревенском стиле, причем явно намеренно, ибо это близко сердцу каждого чилийца.

Пляж живет шумной купальной жизнью, хотя по-настоящему никто не купается. Сюда приезжают в автомобилях, в автобусах, в украшенных зеленой листвой повозках, приходят пешком — великое переселение народов к морю. Люди ставят палатки, располагаются между скалами. Дует сырой, холодный ветер, и многие надевают поверх купальных костюмов шерстяные куртки. Вода просто ледяная, а прибой обрушивается на берег пятиметровые валы. Синий флаг, который должен извещать о хорошей погоде, никогда не появляется на вышке (возможно, там и нет такого флага). Собаки, выдрессированные спасать утопающих, преспокойно спят, зарывшись в песок и спрятав нос под хвост.

У самого края воды всегда стоит несколько сот чилийцев; они притопывают ногами и подпрыгивают на месте, как бы предвкушая купание, которого никогда не будет. Они не отрываясь следят за набегающими на берег волнами, объятые страхом и в то же время зачарованные. Кто-нибудь уже вот-вот готов броситься в воду, но в самый последний момент решает воздержаться. Слишком уж разыгралось море, и именно сейчас! И снова напряженное ожидание. Когда начинает понемногу темнеть, толпа на пляже представляется огромным племенем черных дикарей, совершающих какой-то странный ритуал в честь моря.

Рыболовы-любители вытягивают бесконечные черные мотки водорослей, похожие на спутанные киноленты. Можно подумать, что волны принесли сюда все старые голливудские фильмы. Среди скал расположились невероятно толстые пожилые женщины в голубых ситцевых платьях. Внезапно их заливают волна, и они визгливо хохочут. Немного подальше, укрывшись за каменной глыбой, сидят нищие и, вытащив из своих сумок еду, закусывают.

Перед заходом солнца на всех береговых утесах появляются люди; они сидят или неподвижно стоят, глядя на море и красный солнечный диск; каждый как бы погружен в немую молитву, обращенную к великой природе. Стаями проносятся буревестники, взмывая над гребнями волн. Солнце медленно опускается в воду, словно корабль, исчезающий в морской дали. Водяная пустыня медленно зеленеет и чернеет под апельсинно-желтой полосой горизонта. В наступающих сумерках люди возвращаются домой. Они восторженно и терпеливо поклоняются богине-природе, но их страстная, почти мучительная любовь к земле и морю остается вечно неудовлетворенной.

В последнее воскресенье февраля все празднуют прощание с летом. Только и слышишь, что разговоры о последнем воскресенье лета. Можно подумать, что умер какой-то близкий родственник и его собираются хоронить. Переполненные автобусы медленно карабкаются в гору, пассажиры машут из окон носовыми платками. На лес опускается горчично-желтая мгла.

В отеле во время обеда нам объявляют, что сейчас выступит маленькая девочка, которая заблудилась в лесу. На сцену выходит, приседая и кланяясь, переодетый герр гармонист; он представляет девочку, заблудившуюся в лесу, и тут же начинает играть что-то очень чувствительное. Из глаз растроганных зрителей текут слезы радости, осушаются стаканы с вином, а потом все хором поют песню под немецкую гармонику.

Последнее воскресенье лета.

ЧИЛИЙСКОЕ ПОМЕСТЬЕ

Крупные имения и помещичьи усадьбы занимают около 90 процентов всей обрабатываемой земли. Владельцу самого большого имения, расположенного неподалеку от Сантьяго, принадлежит свыше ста шестидесяти тысяч гектаров.

За четыреста лет существования таких имений жизненный уклад в них почти не изменился; он словно застыл на феодальной стадии и остался более или менее патриархальным. Обрабатывается лишь десятая часть земли, остальная площадь занята лугами, на которых пасутся табуны лошадей и

стада коров. От рек и ручьев отводятся оросительные каналы; воды в них много, потому что летом в Андах тают снега.

Сельское хозяйство Чили, страдающее от недостатка земли, ведется по старинке, и продуктивность его крайне низка. Поэтому Чили не может обеспечить себя продуктами питания, и продовольствие составляет основную статью чилийского импорта. Половина населения страны постоянно живет впроголодь. Это одна из причин, диктующих необходимость проведения коренной земельной реформы.

Другая причина заключается в том, что давно назрела пора покончить с экономическим и политическим засильем реакционной помещицкой верхушки, тормозящей развитие страны. Необходимо, конечно, ликвидировать систему инклинто и превратить батраков в самостоятельных хозяев.

Обо всем этом надо помнить, знакомясь с жизнью чилийских поместий, во многих отношениях идиллической и привлекательной.

Нас пригласили на целый день в одну помещицью усадьбу (нет необходимости уточнять, в какую именно). Мы выехали туда из Сантьяго на автомобиле в обществе нескольких поэтов и сотрудников посольства.

Усадьба находится на окраине небольшого селения; здесь есть и прохладные веранды, и старые тенистые деревья, и зеленые лужайки, и живые изгороди из роз. Портреты предков на стенах, полки со множеством книг, дорогие вазы для цветов, хрустальные люстры, серебряные сервизы. А к этому вполне современная туалетная комната и вообще все удобства. Очень приятное и культурное общество, радушная встреча, непринужденная атмосфера.

(Возможно, это не совсем типичная для Чили усадьба. Хозяева называют себя либералами и, несомненно, очень интересуются искусством и литературой. Их дедушка был англичанин и строил железную дорогу между Сантьяго и Вальпараисо.)

Нас принимает дочь хозяина, потому что самих хозяев нет дома. Она немного разбирается в литературе и политике, говорит по-английски, много ездила. Она искренне восхищается стихами Пабло Неруды, несмотря на его радикализм. Ей очень хотелось бы познакомиться с ним, но она тут же объясняет, что у них в Чили это не принято, а потому невозможно.

В усадьбе есть свой собственный поэт, который гостит здесь постоянно или по крайней мере большую часть года. Фамилия его Писарро. Это совсем молодой человек, который откровенно сообщает нам, что пишет весьма примитивные сонеты.

Наш ленч воздаст должное католической пятнице отсутствием мяса. Мы позволяем себе немного пошутить над при-

страстием чилийцев ко всему немецкому. Что же является исконно чилийским? Ведь всюду натыкаешься на что-нибудь немецкое: отели, кулинария, музыка, мечты на лоне природы! Взять хотя бы пирог с сыром, который объявлен чилийским национальным блюдом. Но ведь он тоже немецкий, типично немецкий пирог с сыром! Мы получаем решительный отпор: нет, нет, вы ошибаетесь, в Чили нет ничего немецкого! Мы ориентируемся только на Англию и Францию. И дочь хозяина торжественно вносит в комнату большой портрет господина Черчилля, поставив его на пустующий сегодня стул отца. Вот, пожалуйста, можете полюбоваться и бульдожьей физиономией и неизменной сигарой!

Наша юная хозяйка с жаром пропагандирует свой либерализм, доказывая, что она тоже за свободу для всех, но *они* должны работать.

— И получать справедливую плату за свой труд, или как вы это себе представляете?

— Мы им уже платим в наших имениях! И слишком много платим,— вырывается у нее.

Мы едем осмотреть поместье. Едем мимо полей пшеницы и виноградников, через речушки без мостов, через лужайки, густо поросшие гиацинтами. Дорога очень плохая, вся покрыта ухабами и засыпана песком, но тратить деньги на ремонт не имеет смысла, уверяет дочь хозяина. Она показывает на густые заросли кустарника и объясняет, что нередко там прячутся пумы, подстерегающие какого-нибудь ягненка или теленка. Иногда на пум устраивают охоту и преследуют их до логова, которое находится в каком-нибудь горном ущелье.

Сначала мы заходим в старую винодельню, похожую на здание мельницы, с мостками и воротами для поднятия тяжестей, отверстиями в стенах, деревянными люками и покатыми настилами из досок. Внутри в полумраке рядами стоят огромные винные бочки, из кранов что-то капает, воздух пропитан кислым запахом вина. Скрипучая деревянная лестница ведет на второй этаж, пол здесь весь в дырах; потом мы осторожно спускаемся вниз по новой лестнице. Помещение, куда нас привели, чем-то напоминает лабораторию. С нами здоровается мастер-винодел в белом халате; у него густые черные усы и большой нос.

Он достает бутылку красного вина и один-единственный стакан. Соблюдая строгий порядок и очередность, мы должны пробовать его продукцию: одни делают лишь несколько глотков, другие осушают стакан до дна. Во дворе стоит старый деревянный насос, весь обросший зеленым мхом; от него во все стороны расходятся деревянные желоба. Возле насоса установлена маленькая паровая машина, очень старая и ржавая, похожая на четырехугольную кухонную железную плиту.

Да, это очень древнее сооружение, но оно до сих пор хорошо служит людям. И вино, получаемое старыми методами, в общем не хуже...

Немного подалее расположены жилища рабочих, так называемые «*lucas*». Это земляные хижины, вытянувшиеся рядами вдоль пыльной дороги; их серые от пыли соломенные крыши спускаются до самых окон, через открытые двери виден земляной пол. Кухни в них нет, еду готовят в углу двора, иногда под железным навесом; огонь разводят между закопченными камнями и на них ставят глиняный горшок. Воду берут прямо из оросительного канала.

Есть здесь и маленькая школа, выкрашенная в белый цвет; ее открыли совсем недавно для детей сельскохозяйственных рабочих. Нет, раньше во всей округе не было ни одной школы.

Право же, сейчас нашим рабочим живется совсем неплохо. Они получают заработную плату продуктами и наличными деньгами, а кроме того, у каждого есть собственный участок земли. Они могут создавать свои организации. Те, кто умеет хоть немного читать, могут участвовать в выборах в парламент. Помешик нередко бывает настолько предусмотрителен, что отвозит их к избирательным участкам на собственном транспорте...

Мы встречаем повозки, окутанные облаками пыли, и верховых, которые гонят перед собой стада.

А здесь находятся амбары, сараи, конюшни, склады, загоны для скота, молочная ферма, кузница, небольшая лесопилка. Работа идет полным ходом, каждый занят своим делом. Женщины выпекают хлеб в печах, расположенных прямо под открытым небом, мужчины грузят мешки на повозки, запряженные быками, из кузницы доносятся удары молота по наковальне, кто-то обьезжает молодого коня, гоняя его вокруг дерева. Лают собаки, дети с любопытством поглядывают на прохожих, и проезжающих, десятники, скачущие нам навстречу, при виде хозяйской дочери приветственно прикладывают хлыст к широкополой шляпе и показывают белые зубы, расплываясь в угодливой улыбке. Подходит пожилая женщина и подает ей несколько свежее испеченных булок: пусть хозяйка попробует, скажет свое мнение...

Перед нами очень старый сад с пальмами, черимойей и цветущими магнолиями. Из ствола такой пальмы вытекает медовый сок, настоящий мед, как из улья. Сильно пахнут магнолии; вы можете отломить веточку с цветком и сунуть ее в петлицу или за ухо...

Мы возвращаемся назад. Пишем слова благодарности в книгу гостей; при этом мы испытываем какое-то очень противоречивое чувство: многое нам понравилось, а кое-что очень не понравилось. И это кое-что ложится черным пятном

на патриархальную идиллию помещицкой усадьбы, пятном, которое не скроешь никакими разговорами о традициях и обычаях этого края. Господа и слуги, собственники и неимущие.

На столе стоит ваза с благоухающими магнолиями.

Хозяин имения находится сейчас в Сантьяго; ведь скоро выборы, и он мужественно отстаивает экономические и политические интересы помещиков (разумеется, под самыми либеральными лозунгами).

На обратном пути мы встречаем множество молодых людей верхом, одетых с деревенской шеголеватостью; на каждом высокие, начищенные до блеска сапоги, серебряные шпоры и обшитая серебром широкополая шляпа, искусно вытканное пончо переброшено через плечо и складками опускается на грудь. Очень изысканно. Старинный чилийский национальный костюм.

Мы заглядываем в один из крестьянских дворов, где в саду устроено что-то вроде столовой. Входим в дом. Перед нами открывается длинный ряд комнат; в будни сюда редко кто заходит. На кроватях лежат перины и подушки под белыми вязаными покрывалами. В гостиной, где принимают по праздникам гостей, собраны все красивые вещи, какие только есть в доме: вышитые стенные ковры, цветные литографии в немецком романтическом стиле, с горами и старинными замками, фотографии родственников в обрамлении из бумажных цветов, вазы с фруктами и куропаточки яйца.

Просто удивительно, до чего крестьянские жилища во всем мире похожи одно на другое.

У ПАБЛО НЕРУДЫ

Чилийский климат очень полезен для поэтов. Возможно, это объясняется тем, что страна живет очень обособленно и вместе с тем крайне подвержена всякому воздействию извне. Это и захолустная провинция, заброшенная где-то в горах, и форпост, выдвинутый к самому Тихому океану. Чилийская национальная культура служит благодатной почвой для поэтического творчества, а вся жизнь чилийцев — яркая картина великой борьбы человека с суровой и непреклонной природой.

Страна недавно лишилась двух больших поэтов: Габриэлы Мистраль и Висенте Уидобро. Зато остался Пабло Неруда, боевой и очень плодовитый поэт; его могучий голос гремит над Южной Америкой и разносится по всему миру. В политическом отношении он подобен несокрушимой скале, вокруг которой всегда бушует шторм. Но даже его злейшие враги гордятся им, ибо Неруда — это национальное достояние Чили. Он олицетворяет поэтическую душу народа и

его боевую силу. Он сердце народа, живое и кровоточащее.

Неруда, сын простого железнодорожника из края лесов, был дипломатом и сенатором. Во времена диктатуры он жил в изгнании, за пределами родной страны, и возвратился обратно уже как знаменитый национальный поэт. Вместе с сорока пятью тысячами других радикалов он был лишен права голоса, но голос его звучит всюду благодаря неиссякаемой силе поэтического вдохновения. Сначала в его творчестве преобладала личная тема, но постепенно он расширяет проблематику своих произведений, все чаще обращается к эпосу, охватывает все больше стран и исторических эпох и, наконец, становится великим певцом материка и океана, певцом народных масс и классовой борьбы.

Его любовная лирика двадцатых годов, такая свежая и смело непосредственная, пленила сердца миллионов читателей, говорящих на испанском языке. Из его последующих крупных работ в первую очередь нужно отметить следующие: «Residencia en la tierra» («Пребывание на земле») — цикл стихотворений о мрачных веяниях эпохи и тех грозных процессах, которые, словно раковая опухоль, разъедают общество и обрекают его на гибель; «Canto general» («Всеобщая песнь») — эпос об Америке, величественный, как вершина горы, и в то же время лирическая автобиография поэта; наконец, «Odas elementares» («Оды простым вещам»), над которыми он работает и сейчас, — возвращение ко всему простому и привычному, поэтическое изображение будничной жизни и будничной природы.

Стихи Неруды дышат, дышат легко, глубоко и свободно, в них слышно биение сердца и плеск волны. Поэт одинаково вдохновенно рисует и широкие панно и маленькие жанровые картинки. Его поэзия всегда насыщена пафосом, порой в ней слышится грохот бури и сила гнева, порой тихая светлая радость и глубокая нежность. Она пробуждает в человеке жажду ярких и свежих впечатлений, сильных и ярких чувств. Она глубоко художественна и приближается к подлинно народной поэзии.

* *
*

Неруда только что вернулся в Сантьяго из турнэ по югу страны, во время которого он выступал с чтением своих стихов. Мы застали поэта в его доме у подножия холма Сан-Кристобаль. Неруда недавно поселился здесь. Ко всем его достоинствам нужно прибавить еще одно: как никто другой, он умеет найти подходящее жилье. На этот раз он отыскал весьма ветхий дом на окраине города, который должен вскоре стать райским уголком для поэта.

Мы входим в довольно неприглядные ворота и поднимаемся по лестнице, в то время как служанка изо всех сил удерживает надрывающегося от лая пса. Здесь находится первая зеленая терраса. На ней стоит небольшой домик, где помещаются столовая и кухня. Отсюда мы поднимаемся по временной лестнице на вторую террасу, где Неруда как раз дает указания нескольким рабочим, которые рыхлят землю и сажают виноградные лозы.

Главное здание отвечает всем требованиям, какие поэт может предъявить к своей поэтической мастерской: грубые каменные стены, фасад и перегородки из стекла, опоры из обтесанных древесных стволов. Через участок с шумом низвергается водопад: это бурный поток с холма Сан-Кристобаль, неистовый, почти грозный. К сожалению, вода в нем землисто-бурого цвета, и ей очень не хватает кристальной чистоты.

Перебравшись через поток, вы попадаете на последнюю террасу, которая скоро полностью освободится от покрывающей ее густой растительности. Здесь строится открытый павильон в форме полумесяца, в котором уже разместились фигуры, украшавшие когда-то форштевни судов, и старинные изваяния из коллекции Неруды. На этой террасе можно будет любоваться окружающей природой, пить и беседовать с добрыми друзьями.

Неруда обладает истинно художественным вкусом, он любит художественную обстановку, и его тянет ко всему роскошно первозданному. Каждая вещь, даже самая мелкая деталь, должна воздействовать на ваши чувства, давать ощущение вкуса, запаха, прикосновения и прежде всего ощущение самого материала, будь то камень, дерево, железо или стекло.

Пол и стулья в его кабинете обтянуты пятнистой кожей. В каменную стену вмуровано в виде виноградной грозди несколько аметистов. В большом, как ведро, синем стакане из граненого стекла стоят хризантемы. На стеклянных полках — книги, здесь же разложены морские раковины. На стене висит портрет жены Неруды, написанный в Мексике художником Диего Риверо; под огромной волной медно-красных волос вырисовываются два лица, обращенные в разные стороны.

В течение получаса Неруда готовит для нас вкусный и крепкий напиток, в который он кладет лимон, сахар, зеленую мяту, добавляет белый кубинский ром и что-то еще. Неруда говорит, что, когда рабочие закончат отделку дома, будет очень уютно, но пока он чувствует себя в Сантьяго неважно. Одолевают телефонные звонки, посетители. В такой обстановке он не может писать, не может сосредоточиться, нервничает. Нет, его единственное прибежище теперь — Исла-

Негра, который находится на самом берегу океана. Там царят тишина и покой, суровая, величественная природа. Мы должны непременно съездить с ним туда, нельзя уехать из Чили, не побывав в Исла-Негра!

Неруда рассказывает, что он ничего не писал уже около трех месяцев и настроение у него скверное. Во многих городах страны он выступал с чтением своих стихов, публики было очень много. Однако некоторые консервативные газеты и организации пытались сорвать его выступления. О них он написал несколько сонетов. (Неруда извлекает из кармана листки бумаги и начинает читать немного в нос, нараспев.) Вообще он сонетов не пишет, кроме сатирических и обличительных.

Вечером мы вместе с хозяином и его женой едем осматривать город. У Неруды маленький старенький автомобиль, который он, кстати сказать, сам не водит. Что-то случилось с рулевым управлением, и руль все время заедает. Увы, он беден, живет только на свои стихи и поэтому не может приобрести новую большую машину! Мы встречаем одного из его друзей, одиноко сидящего в роскошном автомобиле. Пересаживаемся к нему; наш новый знакомый очень разговорчив, он итаलो-чилиец и занимается продажей автомашин. Неруда спрашивает его, сколько может стоить такая машина. По крайней мере половину Нобелевской премии, отвечает тот и многозначительно подмигивает.

Неруда показывает нам рабочий квартал города: бесконечно длинные улицы с унылыми домами и маленькими магазинами. Он говорит, что здесь не живет ни один буржуа, ни один мало-мальски обеспеченный человек (его жена вздыхает). Это простой и честный пролетарский район, добавляет он. Мы выходим из машины, чтобы немного пройтись. На тротуаре толчея; здесь и домашние хозяйки, и дети, и рабочие, возвращающиеся домой. Некоторые прохожие слегка навеселе.

— Чудесный город,— говорит Неруда,— настоящие, неиспорченные чилийцы.

Да, вы не забыли еще, что с нами его жена? Факельно-рыжие волосы придают ей очень эффектный вид, и она нежно висит на руке супруга. Он, очевидно, один из тех счастливых, которые умеют по-настоящему наслаждаться жизнью. Этот зрелый маэстро знает секрет вечной юности и всегда остается молодым. Он даже играет, как ребенок, но только на свой лад, и выдумывает массу самых удивительных вещей. Вдруг он начинает фантазировать: как было бы чудесно, если бы у человека вырос хвост! Как удобно вешать на него покупки, показывать им, куда надо ехать, а как бы он пошел молодым женщинам...

Ранним воскресным утром мы садимся в машину Неруда, чтобы ехать в Исла-Негра. Сегодня выборы, госпожа Неруда и шофер должны сначала проголосовать, а избирательные участки найти не так-то просто. Перед участком стоит полицейский и строго следит за порядком (в руках у него винтовка). Машины у участков ставить запрещено. Мужчины и женщины голосуют раздельно; если два человека начинают разговаривать друг с другом, им немедленно приказывают разойтись. Выборы проходят чинно и спокойно.

— Да, в Чили запрещена коммунистическая партия,— говорит Неруда.— Однако есть много прогрессивных кандидатов от разрешенных левых партий, за которых вы можете голосовать. Разумеется, если вас не лишили избирательных прав! Коммунистическая партия была запрещена по требованию американцев, но ни один чилиец не одобрил этого. Даже консерваторы недовольны уступчивостью правительства: ведь если коммунисты придут к власти, у них будут все основания в свою очередь запретить остальные политические партии...

А мы тем временем едем, к нашему удовольствию, не очень быстро, на запад, на побережье Тихого океана, где находится Исла-Негра. По обеим сторонам дороги пламенеют красные виноградные листья, цветут подсолнухи, в зеленых садах лежат белые тыквы, словно груды гигантских яиц. Уже чувствуется первое дыхание осени над летним чилийским ландшафтом.

В Сан-Антонио мы останавливаемся возле торговцев рыбой. Неруда любит рыбу; каждую он берет в руки, подолгу рассматривает, указывает на особенности ее строения. Здесь действительно своеобразная выставка очень вкусных и очень редких рыб. Голубовато-желтые уроды с присосками на брюхе (которыми рыбы крепко-накрепко прицепляются к скалам); *Locos* («безумцы», «сумасшедшие»), похожие на квадратные куски мяса; морские угри — огненно-красные, словно длинные языки пламени; лангусты в бледно-красном панцире, из-под которого проглядывает темно-фиолетовое мясо; коричневые в пятнах омары, черные тунцы и невинные маленькие акулы с белой зубастой пастью. У камбалы на спине выведено мелом: «*Lleveme fresco*» («Бери, пока я свежая»). Другим рыбам тоже написаны всякие посвящения, но только на самом лотке: «*Estoy soltero*» («Я холостой»), «*Me moreria por un colorado*» («Я умерла бы за гольца»), «*Soy dueño de la casa*» («Я хозяин дома»).

Мы минуем Эль-Табо (ужасное место, говорит Неруда) и едем дальше по все более пустынному и скалистому берегу.

И вот мы у цели; Неруда восклицает: «Исла-Негра!» («Черный остров!»). Но он далеко не черный и даже совсем

не остров: это просто часть берегового обрыва с дикими скалами и белым песком. Впервые Пабло Неруда приехал сюда почти двадцать лет назад. Хозяин участка хотел дать этому уголку тривиальное имя «La Gaviota» («Чайка»), но Неруда настоял на «Исла-Негра». Его каменный дом стоит на высоко открытом месте, словно старинная крепость. На почтительном расстоянии построили себе дома его друзья и знакомые.

И снова настоящий нерудовский дом. Толстые каменные стены, поддерживающие железную крышу, мебель из некрашеного дерева, выложенное камнем крыльцо с вмурованными в него раковинами. Все здание задумано как корабль; спальня в башне — это капитанский мостик, лестница похожа на трап с поручнями, а большая гостиная обставлена как каюткомпания: здесь есть старая подзорная труба, модели кораблей, скелеты рыб, морские карты. На стене висит белая капитанская фуражка.

У подножия обрыва грохочет море, волны бьются о скалы, и весь дом содрогается от их могучих ударов. Сырой соленый запах моря проникает в комнаты. Над обрывом нависает скала, на которой установлена большая деревянная статуя женщины — украшение старого корабля; на ней надета туника, а глаза у нее слепые, как у Сибилены. Здесь же стоит каменная скамейка. С этого места поэт глядит на Великий океан.

* *

*

Вечером вспыхивает пламя в очаге, который сложен из больших круглых камней, отшлифованных морем. Именно здесь, перед огнем, начинается наша беседа. Сам Неруда делается похожим на какое-то морское божество, отшлифованное, как прибрежный камень или как те фигуры со старых судов, которые собраны у него в доме. В полумраке он кажется грузным и тяжелым, но в то же время сильным и гибким: он и индеец и сын океана, и камень и волна.

— Исла-Негра, — говорит он, — возможно, производит немного мрачное впечатление. Но здесь, как нигде, он чувствует себя самим собой. По сути своей каждый поэт — сын природы, дикий обитатель лесов или морей. Вот это дикое природное начало и дает ему возможность творить, видеть и чувствовать то, что другие проглядели, затоптали, предали. Весь Исла-Негра пронизан могучим светом океана, который можно сравнить с рентгеновскими лучами: он озаряет все главное и оставляет в тени второстепенное, привходящее. Это и есть свет поэзии, проникающий до самых корней жизни.

Но поэзию нельзя отрывать от политики. Политика определяет и образ жизни и условия жизни. Поэт ни в коем случае не должен отгораживаться от политической борьбы, осо-

бенно в Южной Америке. Здесь ни на один день не прекращается глубокий политический кризис; иногда происходят государственные перевороты, но это не ведет к каким-нибудь существенным переменам. Дело сводится к переходу власти из одних рук в другие, к псевдореволюции, революции-выкидышу. В Южной Америке общество так насыщено противоречиями и в то же время настолько консервативно, что коренных изменений пока ждать нечего. Но только пока. Положение изменится, когда народ достигнет более высокой политической зрелости.

Главное, что определяет сейчас положение Южной Америки,— это ее зависимость от США. В экономическом и других отношениях южноамериканские государства являются не чем иным, как колониями США. Соединенные Штаты держат в своих руках внешнюю торговлю Южной Америки и направляют развитие ее экономики. Североамериканцы либо препятствуют созданию индустрии, либо монополизуют ее. Они хотели бы, чтобы Южная Америка навсегда осталась сельскохозяйственным районом, поставщиком сырья и рынком сбыта для товаров США.

В Чили происходит ожесточенная борьба между силами реакции и силами социального прогресса. И судя по всему, левые силы медленно, но верно укрепляют свои позиции. Свергнута диктатура, в стране установлен относительно демократический режим. Однако инфляция все усиливается и бьет прежде всего по менее обеспеченным слоям населения, поэтому народ относится с недоверием к политике правительства. А политика эта заключается в том, чтобы получить как можно больше долларов, продавая США все, что те пожелают купить.

У Чили есть одно важное преимущество перед остальными латиноамериканскими странами — богатые демократические традиции, основанные на борьбе хорошо организованного рабочего класса, вот уже шестьдесят лет выступающего единым фронтом против католической реакции. Исключение составляют сельскохозяйственные рабочие, отсталые и целиком зависимые от своих хозяев, в основном неграмотные. Таким образом, у прогресса есть только одна нога — городские рабочие, и поэтому он иногда прихрамывает, спотыкается, ковыляет.

Сельскохозяйственные рабочие получают всего 50 песо в день и полностью зависят от своих помещиков; они даже думают так, как прикажет им хозяин. Искушенные в политических махинациях помещики умело обходят законы, лишают их силы. По закону сельскохозяйственные рабочие имеют право создавать свои организации, но хозяева сделали две маленькие оговорки: вступать в организацию могут лишь умеющие читать, а председатель должен меняться не

реже одного раза в год. Таким образом, помещики парализовали всю профсоюзную работу среди крестьян.

Крупные землевладельцы не только дают в несколько раз меньше сельскохозяйственной продукции, чем можно было бы ожидать от их имений, но и не платят всей суммы налога. Согласно закону бухгалтерские книги имения не подлежат проверке, и, как правило, помещик платит не более одной трети причитающегося с него налога. Этот застойный феодализм является самой страшной изнанкой чилийского общества.

Правда, в стране существует социальное законодательство и социальное обеспечение. Государство ведает жилищным строительством, которое крайне необходимо (из десяти рабочих семей девять имеют по одной комнате). Существует специальный государственный орган *Corporacion de Fomento de la Produccion*, который в основном уже национализировал промышленность, нефть, электростанции, сталь, цемент и т. д.

О ПОЭЗИИ И МОЛОДОСТИ

Разговор постепенно переходит к южноамериканской литературе. Неруда считает, что в социальном отношении роман — главный и наиболее художественный жанр литературного творчества. Южноамериканский роман почти полностью освободился от подражания иностранным образцам; писатель-романист обращается непосредственно к народу и реалистически изображает жизнь в Южной Америке. Даже сила его художественного воздействия на читателя заключается прежде всего в его ярко выраженном южноамериканизме.

Поэзия более подвержена влиянию европейских образцов, что, пожалуй, неизбежно. Задача состоит в том, чтобы сделать южноамериканскую поэзию более национальной, помочь ей обрести корни в самом южноамериканском континенте, усилить ее воздействие на широкие слои населения. Только в Чили живут тысячи поэтов, но они топчутся на месте. Попытка же механически перенести на южноамериканскую почву метод социалистического реализма вряд ли увенчалась бы успехом.

Сам Неруда занят в настоящее время своими простыми одами: очевидно, они составят пять стихотворных сборников (два уже вышли из печати). У него теперь совершенно новый поэтический стиль. Он пишет короткими рублеными фразами в манере Маяковского и старается сделать свои стихи близкими и понятными каждому читателю. Такой поворот в его творчестве является сейчас предметом самого живого обсуждения и критики в литературных кругах Чили. Что это — творческий прогресс или деградация, новое слово в поэзии или оскудение творческой мысли? Уж не говорят ли эти оды

об отказе от политической тематики? Или это новый вид народной поэзии, романтика будней, углубленный реализм?

Сам Неруда говорит, что эта манера поэтического письма пришла к нему сама по себе, вместе с вдохновением. Так писать для него — одно удовольствие, а раньше он испытывал немало мук. Он хочет писать о простых и понятных всем вещах, не загромождая стихи более сложными понятиями и явлениями: дерево, стул, груша, дождь или, например, выпечка хлеба. На этом языке можно говорить со всеми людьми, каждый найдет в его стихах что-то близкое и родное. В этом и заключается его цель: писать так, чтобы его поэтический язык был понятен всем людям.

Новая поэтическая манера писателя является выражением его творческой молодости, с которой время ничего не может поделать. Ведь он еще совсем молодой поэт, живущий в стране молодой поэзии! А критики не хотят понять этого, считая его старым и ожесточенным. Они кричат о слишком коротких строчках! (Тут Неруда вспыхивает.) Будто он не имеет права писать свои собственные стихи так, как хочет! Он никогда не следовал никаким установленным образцам и будет расчленять свои стихи на строчки так, как считает нужным.

Слишком незначительные маленькие темы? Но маленьких тем нет, все зависит от глубины проникновения в природу вещей. Не слишком ли у нас пренебрегают тем, что называется обыденным и привычным? Почему мы должны чего-то избегать, бояться? Во всем, что живет и существует, есть своя поэзия, даже в самом обыденном и привычном. Настоящему поэту не нужно тратить время на поиски прекрасного, таинственного и особенного: прекрасное и таинственное скрыто во всем, что его окружает.

И почему поэзия не может быть дидактической, поучительной? Он, Неруда, всегда стремится научить чему-то своих читателей, рассказать им что-то новое, скажем, о раковине или о цветке или хотя бы о том, как надо подбивать подметки и варить рыбный суп. В своих одах он, например, сообщит читателям способ приготовления морского угря. А что в этом страшного?

Беседа продолжается за поздним обедом, кстати сказать, совершенно необычным: обед состоит исключительно из рыбных блюд — даров моря. Это полночный пир на берегу Великого океана. Неруда озарен неровным светом толстой свечи: загадочный Нептун, бог моря, с узкими сверкающими глазами на отшлифованном, похожем на маску лице.

Внезапно он спрашивает, слышал ли я что-нибудь о книге, которая называется «Los versos del capitán» («Песни капитана»), сборник любовных стихов, изданных анонимным автором,

Я отвечаю, что книгу эту читал и много слышал о ней еще в Эквадоре.

— Что же говорят о ней в Эквадоре?

— Что ее написал Неруда.

— Да, в Чили об этом тоже говорят.

— А разве это не так?

Но Неруда не признает и не отрицает своего авторства; каждый может думать, что ему угодно.

Автор не пожелал себя назвать, но это поэтический стиль Неруды, его образный язык, его мироощущение и пафос. Кроме того, стихи рассказывают о его жизни последних лет, воссоздают день за днем историю его любви, воспевают жизнь на берегу океана, где все рядом: скалы и земля, хлеб и виноград (вы невольно вспоминаете Исла-Негра)! Но почему он скрыл свое имя? Из скромности? Или он считает, что, когда тебе за пятьдесят, неприлично писать любовные стихи?

Неруда начинает говорить о поэтах, которые кое-что значат для него самого. Недавно он открыл Теннисона: очень интересный поэт. Но он никогда не забудет, как в середине тридцатых годов начал читать Кеведо, испанского поэта XVII века. Никто не производил на него более сильного и более глубокого впечатления. И Неруда читает нам один из сонетов Кеведо вдохновенно, с элегической грустью в голосе.

Современные поэты? Во Франции это прежде всего Аполлинэр, которого он ставит выше Элюара и Пэrsa. В Испании, разумеется, Лорка и Альберти. В Южной Америке Вальехо, Паунд, Эллиот? Нет, но Уитмэн. И, наконец, Маяковский, прежде всего Маяковский.

ЧЕРЕЗ ЛЕСА ЧИЛИ

Поезд идет на юг: плодородная долина между вулканическими цепями Анд и узким поясом прибрежных гор.

Помещицьи усадьбы, окруженные рощами, перелески из тополей и плакучих ив, идиллические реки, а между ними почти плоская равнина. Быки, тяжело дышащие в своем ярме, табуны вольных и счастливых коней, люди, отдыхающие на лоне природы, а возле них корзинки с провизией и бутылки с вином.

Между Конселсьоном и Темуко начинается край лесов. Холмы превращаются в лесистые хребты гор, речные долины постепенно покрываются вьющимися растениями, кустарниками и небольшими рощицами.

Это древняя индейская страна. Здесь живут триста тысяч арауканцев, которые занимаются земледелием. Постепенно они привыкли к «мирному сосуществованию» и оставили свои

воинственные наклонности. Тем не менее арауканцы держатся гордо и независимо, ибо никому не удалось победить и покорить их. Когда они появляются около станций, то их можно принять за цыган. Вид у них очень самоуверенный: шляпа набекрень, руки в карманах брюк, светло-коричневые лица, орлиный нос.

Кроме того, это край восьмисот лесопильных заводов и ста тысяч рабочих, занятых в лесной промышленности. На железнодорожных станциях огромными штабелями лежат бревна. Кучами навалены светлые стружки, а между ними торчат железные дымовые трубы. Селения в основном состоят из маленьких деревянных домиков, часто некрашенных. Эти селения чем-то напоминают старую русскую деревню: белые с черной березы, яблони вокруг домиков.

Кусты шиповника и синие lupinus. Но больше всего здесь ежевики; кусты ежевики растут всюду и образуют целые заросли. Коровы утопают в них по шею. Ягоды, созревая целой гроздью, становятся красными и темно-коричневыми. Ягод здесь столько, что можно было бы обеспечить витаминами всю полуголодную Южную Америку. Но их, кажется, никто не собирает, никто не ест. Даже дети, даже птицы.

Небольшие лесные хутора, крестьяне, пашущие на быках, поля пшеницы, обожженные летней засухой. Облака дыма, клубящиеся над горящими лесами, запах гари, насквозь пропитавший и воздух, и землю. Дым клубится и над вулканом Льяйма, который виден на много миль вокруг. Целыми неделями сообщения об извержении Льяймы не сходят с первых страниц чилийских газет: горящие леса и деревни, толпы беженцев.

Реки, причудливо извивающиеся в густом кустарнике, более зеленые, чем деревья и трава. Упавшие стволы деревьев перегораживают русла, царапают блестящую зеленую поверхность воды. Лососи чешутся о белые, как скелет, ветви, а форели перескакивают через них. Глубокие, скованные мистическим покоем реки, совершенно первобытные, словно здесь никогда не ступала нога человека. Однако на заросшие кустарником обрывы нередко взбираются белые козы — живые иллюстрации к книге о лесах.

Облик таких городков, как Вальдивия или Осорно, несет на себе сильный отпечаток немецкого города. Готические церкви, дома, выложенные деревянными плитками, будто их покрыли рыбьей чешуей. Все выглядит основательно, опрятно и нарядно: палисадники, посыпанные гравием дорожки, девушки с красными или синими бантами в белокурых волосах. Во дворах рядами стоят перевернутые ведра из-под молока, дети купаются в деревянных корытах.

За Осорно начинается покрытая травой равнина, на которой пасется скот. В рошицах, в тени деревьев, коровы пере-

жевывают свою жвачку. Луга постепенно опускаются к озеру Льянкиуэ, одному из самых больших в стране; на противоположном берегу его высится вулкан Осорно, красивый и величественный. Снежный конус Осорно, будто огромный белый цветок, огражается в недвижно-синих водах озера. У южной оконечности озера находится Пуэрто-Варас; отсюда пароходы идут по реке в Пуэрто-Монт, город на самом берегу океана.

Вечер, затянутый дождевой мглой; во рту привкус дыма; над стройным хвойным лесом висит водянисто-желтый полумесяц. Мертвая тишина, нарушаемая изредка лаем собак да громоуханием маневрового паровоза на станции.

Отель для туристов: мрачное каменное здание, гяжело застывшее над береговым обрывом. Большие террасы с палисадниками, по каменным столбам медленно ползут улитки с раковинами на спинах. В тяжелых вазах стоят бледно-желтые розы.

Маленький белый пароходик неслышно скользит по воде и причаливает к пристани. Пассажиры, молчаливые, как призраки, сходят на берег.

Влажный, прохладный, благоухающий и неподвижный, как греза, Пуэрто-Варас.

ЧЕРЕЗ ОЗЕРА

Туристический автобус везет нас в Энсенаду. Дорога идет по берегу озера Льянкиуэ. С каждым поворотом вулкан Осорно отодвигается немного в сторону.

Черная лава, покрытая снегом, потом густой лохматый мех темно-зеленых лесов. По-прежнему сплошные заросли ежевики и чешуйчатые дома с кружевными занавесками на окнах. Сельскохозяйственные машины, утонувшие в высокой траве, сине-зеленые ручьи, бегущие по камням.

Возле Энсенады — помещичья усадьба, окруженная высокими деревьями. Свора охотничьих собак, над дверьми — лосевые рога. Короткая остановка у водопада. Часть туристов — молчаливые, погруженные в созерцание природы чилийцы, другая часть — шумные аргентинцы, самозабвенно рассказывающие о всех местах, какие им довелось повидать. Кроме того, здесь есть и белокурые чилийцы немецкого происхождения. На них надеты пьексы, пиджаки в косую полоску и зеленые шляпы.

Вулкан следует за нами всюду, то и дело мелькая среди деревьев. Мы минуем несколько маленьких первобытно-черных озер с неподвижной, как зеркало, водой.

Петройе. Деревянная гостиница на берегу озера Лаго-де-Тодос-лос-Сантос (озеро Всех святых), пристань с магазином. Несколько хуторов, окруженных лесом. Широкие ленты за-

стывшей лавы, пролегающие от вулкана до самого озера, черные и голые. Хрустящие тропинки, проложенные по лавовым пластам.

Гостиничная столовая, мужеподобные официантки, холодное молоко в больших кувшинах.

Пастух, сидящий верхом на лошади, пасет отару овец. Вот он слезает с лошади и садится под одинокое дерево. Его собаки не дают овцам разбежаться.

Но пора ехать дальше. У бревенчатой пристани уже стоит наш катер с мощным мотором и сиденьями, как в автобусе. Озеро, словно павлиний хвост, отликает прохладно-зелеными тонами и струится, как шелк. Это, пожалуй, самое красивое озеро в Чили. Оно вытянулось на много миль, извинаясь между горами; на западе высится вулкан Осорно, на востоке — огромный Тронадор.

Катер «Дон Роберто» быстро пабирает скорость и несется вперед, вспенивая воду зеленовато-синими бурунами. Горные склоны, словно облицованные камнем, усеяны зияющими рас-селинами, заросшими мхом. Лес наполовину состоит из мерг-вых деревьев с торчащими во все стороны беловато-серыми ветками. Вдоль берега барьерами лежит густой бурелом. Там, где был пожар, лесистый обрыв кажется ржаво-бурым. Вер-оятно, это была величественная картина: на фоне темного неба горит лес и отражается в зеленых водах озера, окра-шивая ночь в кроваво-красные тона.

Позади остаются небольшие островки, похожие на волны темного леса. Несколько остановок, пристани возле малень-ких селений, расположенных у подножия гор. Потом начи-наются хутора: одинокие деревянные домики, нередко забро-шенные высоко на уступы гор. У самого края пропасти пасут-ся коровы; стадо гусей кажется большим белым пятном только что выпавшего снега. Между кршечными полями на лесных вырубках летяют узенькие тропинки.

Всякий раз, когда катер дает гудок, от берега отчалива-ют лодки с подвесным мотором и направляются к нам. В лод-ках сидят белокурые загорелые молодые люди, по одному или по двое, а с ними нередко такие же загорелые девушки. Они забирают с катера почту и посылки, обмениваются с пассажирами несколькими фразами, машут руками, смеются и едут дальше. На берегу перед избами стоят дети и ста-рики и словно чего-то ждут.

На берегу залива, в узкой долине между горами, лежит Пеулья. На лугах пасутся коровы, в болотах квакают лягуш-ки, вдоль дороги тянутся заросли ежевики. Снова доморо-щенная гостиница с очень жесткими стульями и кроватями. В саду растут бук и раkitник. Черная гора с грязно-желтым ледником: ледник напоминает шкуру мертвой овцы.

Начинается новый день. Мы едем на автобусе через реч-

ную долину по очень плохой дороге. Река растекается среди светлых камней, ее почти не видно. На пограничной станции развевается чилийский флаг. Над осенними астрами гудят шмели. Дряхлая-предряхлая собака никак не решается сойти с веранды и недовольно поглядывает на проходящих мимо туристов. Девушка продает крупные свежие яблоки. В траве валяется множество яблочных огрызков с красными следами губной помады.

Мы едем через ущелье Перес-Росалес: дорога прорезает огромный девственно-первобытный лес. Лес, который живет и умирает в одно и то же время, раскрывая сущность естественных процессов во всей их жестокой и бесстыдной наготе. Деревья пожирают, душат и топчут друг друга. Всюду медленное умирание, тоскливая мука, загнивание и вновь рождение.

Почти половина деревьев стоит с мертвыми верхушками, похожими на воткнувшиеся в небо камертоны. Многие рухнули на землю, образовав широкие улицы серой лесной смерти. Некоторые зацепились при падении за другие деревья и остались висеть, медленно разлагаясь. А некоторые уже давно превратились в невысокие вытянутые в длину холмы, заросшие мхом и травой, словно старые могилы.

Живые деревья цветут бурно, как в лихорадке; растения-паразиты тоже цветут, создавая феерическую игру красок и оттенков. Некоторые вершины деревьев словно засыпаны снегом, другие усеяны маленькими колючими язычками пламени, третьи будто убрали себя подснежниками. Гигантские прямые деревья покрыты крошечными, как у шиповника, листочками: эта колючая жесткая листва, словно панцирь, защищает ствол.

По длинному темному склону мы спускаемся к озеру, зеленому, как гороховый суп или как абсент с молоком: Лагуна Фриас. Мы в Аргентине.

АРГЕНТИНА

НА БЕРЕГАХ НАУЭЛЬ-УАПИ

Науэль-Уапи — самое большое озеро в аргентинском озерном крае, лежащем у подножия Анд. Весь этот район — национальный парк, чудо природы для каждого аргентинца, будь он из пампы или из столицы, для всех тех, кто никогда не видел снега, гор, лесов и озер.

Летом сюда устремляются многотысячные толпы аргентинцев на всевозможных видах транспорта. Все места в самолетах и спальных вагонах бывают проданы за несколько месяцев вперед. Аргентинцы едут сюда как в свой собственный аргентинский рай. Он заменяет им Швейцарию, Шотландию, Норвегию. Здесь они могут любоваться своими Альпами, забираться на вершины гор, кататься на лыжах, ловить рыбу, ходить под парусом, бродить по лесам, охотиться, жить в палатках, трястись от холода в самом разгаре лета и блуждать, не зная дороги, среди тысячелетних деревьев. Но только не купаться — вода слишком холодная.

Науэль-Уапи протянулось до самой чилийской границы. Из Пуэрто-Блест (пристань и отель для туристов) пароход «Модеста Виктория» водоизмещением в триста тонн доставляет нас за несколько часов в Сан-Карлос-де-Барилоче: это центр озерного района, конечная станция на железной дороге «Генерал Рока».

Пока мы едем, природа как-то мелькает у нас на глазах. Величественное горное озеро, обрамленное гигантскими деревьями и дикими обрывами, остается позади, и вот мы уже плывем по темно-синей воде между холмистыми и камени-

стыми берегами. Снеговые вершины сменяются невысокими песчаными грядами, на берегу каждого залива стоит гостиница или летний пансионат. Начинает дуть холодный ветер и дует, жалобно завывая, день и ночь.

Пассажиры тоже быстро мельчают, становятся все крикливее, все громче и настойчивее предъявляют свои права на окружающий ландшафт и природу в целом; они толпятся на палубе и хором изощряются в употреблении превосходной степени прилагательных. Мы немедленно убеждаемся, что вряд ли кто знает превосходную степень лучше, чем аргентинцы. Без умолку они восхищаются берегами, горами, громкогласно оценивают каждую деталь пейзажа, с невероятным апломбом, категорически, вызывающе.

Во всех случаях жизни аргентинцы выражают свой крайний и неумеренный восторг тремя восклицаниями, меняя лишь очередность их употребления: «*Que maravilla!*» («Чудесно!»), «*Que lindo!*» («Восхитительно!»), «*Que rico!*» («Роскошно!»). Нередко все три восклицания выкрикиваются одно за другим по одному и тому же поводу, будь то ребенок, дерево, дамская шляпа или автомобиль. Когда на какого-нибудь малыша обрушивают целый поток «роскошно!», вам невольно приходит в голову, что речь идет о сыне миллионера, хотя на самом деле это сын бедняка из бедняков.

Помимо превосходной степени, в жизни каждого аргентинца весьма важную роль играют уменьшительные суффиксы. Аргентинец пьет не вино, а винцо, не кофе, а кофеек. Тяжеловесную матрону он называет *nina* (девочка) или *hijita* (дочка), или наконец, *chiquilla* (крошка). Друга он нежно называет *amiguito* (дружок), а *señorito* означает шеголь или франт. *Pobrecito* (бедняжка) чаще всего относится к детям или собакам и служит выражением особой нежности. И вообще вряд ли есть такое существительное или прилагательное, которое не употреблялось бы с уменьшительными суффиксами.

Обычный разговор проходит примерно так:

— Посмотри на эту гору! Чудесно! Роскошно!

— Да, да! Роскошно! Восхитительно! Чудесно!

— А вон там, посмотри, какая крошка! О бедняжка! Восхитительно!

— О бедняжка! Чудесная девочка! О дочка!

— А вон едет мой дружок в своем новеньком автомобильчике! Роскошно!

— О да, его новенький автомобильчик! Чудесно!

— Вы были в Мар-дель-Плато, крошка?

— А как же? О, это чудесно! Восхитительно!

— И в Игуасу?

— Да, да! Восхитительно! Роскошно!

Подобные диалоги длятся часами: города, дети, горы, ав-

томобили, друзья — все немедленно переименовывается и получает одну из этих исчерпывающих характеристик: *maravillosa, lindo* или *rico, hijita, chiquita* или *pobrecito*.

В Барилоче есть облицованная камнем набережная, круто спускающаяся к озеру. Со стороны Тронадора и других снеговых гор дует ледяной ветер, одежда на прогуливающихся по набережной раздувается, словно парус. Поверхность озера сплошь изрыта острыми гребешками волн и отликает темно-синими и свинцово-серыми тонами. Ландшафт кажется прозрачно-суровым и жестким, иногда его затягивают облака курящегося песка.

Город в основном состоит из деревянных домов в швейцарском стиле, разбросанных на очень большой территории. Вы можете пройти несколько километров, прежде чем попадете в банк, в туристическое бюро или кондитерскую.

Внезапно начинается ливень. Улицы здесь — просто грунтовые дороги, и вы идете по колено в грязи. Без плаща, зонтика и резиновых сапог в Барилоче не обойтись. Некоторые опрометчиво вышли на улицу в шортах и сандалиях. Надо было видеть пожилых дам с голыми белыми ногами, похожими на тонкие березки: не хватало только бересты для полного сходства.

Заходящее солнце рассыпает над озером желтую искрящуюся слюду. Синие от холода пассажиры «Модеста Виктория» сходят на берег.

В гостинице отеля целыми днями сидят какие-то парни и играют в карты. В баре стойка и диваны затянуты пестрой телячьей кожей. Перед обедом здесь начинается невероятная толчея. Столовая пока что закрыта; ее откроют, когда старший официант ударит в маленький гонг, который он прижимает к груди. Потом вам подадут большие куски жареного мяса и красное вино со льдом.

Сотни тысяч жителей Буэнос-Айреса целый год отказывают себе во всем, чтобы провести здесь одну-две недели. Они, может быть, и простужены, и измучены, но не разочарованы. О нет, ведь они видели это чудо природы, национальный рай. Чудесно! Роскошно!

Но ничего не поделаешь, надо возвращаться в Буэнос-Айрес.

СТРАНА БОЛЬШИХ НОГ

Мы полагали, что купим билеты заранее и поедем в Буэнос-Айрес в спальном вагоне. Не тут-то было. Все места оказались распроданными по крайней мере за месяц вперед. Весьма прискорбно, очень досадная ошибка, но ничем помочь не можем. Придется ехать в «сидячем» вагоне. Плацкарта? Еще что придумали! Лучше приходите на станцию за час до отхода поезда.

И вот мы на станции. Длинные очереди отъезжающих. Поезда еще нет. Зато очереди все растут и растут. Барьеры из походных сумок тоже растут.

Когда поезд наконец подкатывает к перрону, всех охватывает паника. В дверях застревают грозди людей. Сумки летят в открытые окна.

Те немногие счастливицы, которым удалось занять места, немедленно укрепляют свои позиции баррикадами из сумок и чемоданов. Остальные носятся как угорелые по вагону двумя встречными потоками, давят друг друга, спотыкаются о багаж. Окончательно убедившись в том, что места им не найти, они становятся в проходах и чуть ли не повисают над сидящими в купе, коридорах, всюду, где вообще можно висеть.

Это первый класс? Так написано на вагоне снаружи. Но внутри он хуже любого третьего класса. Старый и дряхлый английский вагон, ему по меньшей мере пятьдесят лет; он скрипит, гремит и трясется, как немазаная телега. Здесь все серое от пыли, которая забивается в нос, словно мука. Туалет — просто дырка в полу, и вскоре она оказывается забитой испражнениями и газетной бумагой. Воды нет. Таз для мытья тоже покрыт густым слоем пыли.

Но постепенно люди устраиваются поудобнее, знакомятся друг с другом, заводят свои обычные разговоры (Чудесно! Роскошно! Крошка! Бедняжка!). Меняются местами, складывают вещи таким образом, чтобы получилось изголовье. Некоторые играют в карты, некоторые принимаются за еду. За окном вагона пампу затягивает вечерний сумрак.

Кое-кто из пассажиров начинает засыпать. Вагон наполняется храпом; у одних голова упала на грудь, у других запрокинута назад, третьи прикорнули на плече у соседа. Иногда они вздрагивают и просыпаются, но тут же снова погружаются в сон.

Женщина средних лет, полная и мягкая, словно надувная резиновая игрушка, захватила для себя всю скамейку. Она заняла оборону, облокотившись о большую походную сумку, и стойко отражает все посягательства на свою скамейку: еще бы, она сама заняла оба места, и никто, кроме нее, не имеет права здесь сидеть! Многие пытаются умиловить ее, жалуются, угрожают. Вокруг то и дело разгораются яростные споры, но она всегда выходит из них победительницей.

Наконец, ее атакует проводник. Безуспешно, она моментально оглушает его своим криком. Это безобразие! Ее обманули! У нее было заказано место в спальном вагоне! Она потребует возмещения убытков, железная дорога ответит за все! Проводник и пассажиры удивленно взирают на нее: наверное, она не аргентинка! Прикидывается обиженной пассажиркой!

Всю ночь она удерживает свои позиции, отбивая ожесточенные атаки неприятеля. Утром проводник получает подкрепление в лице оберкондуктора, и женщина складывает оружие лишь под угрозой применения грубой силы: если она не подвинется, ее попросту выбросят из вагона.

Ночью поезд несколько раз останавливается на маленьких полустанках среди бескрайней пампы и стоит долго-долго. Жители пампы собираются на станциях в ожидании поезда. Но им мало поглазеть на него и разойтись. Они забираются в вагоны, толкуются в проходах, стоят и висят вместе с пассажирами, стараясь ошутить, что значит ехать в поезде, наслаждаются теснотой и давкой. И лишь когда поезд трогается, они выскакивают из вагона и снова остаются наедине со своей пампой; всю остальную часть ночи они, возможно, едут домой, переполненные впечатлениями.

Мы пересекаем северную Патагонию. Слово «Патагония» означает страна больших ног (от *pata gones* — большие ноги). Испанцы, которые первыми пришли сюда, считали, что у здешних индейцев необычайно большие ступни.

Сейчас здесь хватает места для людей с какими-угодно ступнями. Это пустынный край, насквозь продуваемый ветром. На юге имеются небольшие месторождения нефти и угля, но прежде всего Патагония — страна овец. На ее равнинах пасется восемнадцать миллионов овец. Они дают около пятидесяти тысяч тонн шерсти в год (шерсть тяжелая, смешанная с песком). Поезда в основном перевозят туристов и шерсть. Во всем краю, от Анд до Сан-Антонио-Оэсте на атлантическом побережье, вы не найдете ни травинки: лишь кочки да кусты. Это уже не настоящая пампа, а скорее полупустыня. И не настоящая равнина, а просто слегка холмистая местность, усеянная голыми каменными утесами. Пасутся отары овец (совсем небольшие; даже непонятно, как их набирается восемнадцать миллионов), по кочкам прыгают зайцы. Несколько лошадей одиноко стоят в отдалении. Есть здесь и кабаны (они убивают и поедают зайцев и ягнят).

На станции мы видели ручного броненосца. Он принадлежит одному железнодорожнику, живущему здесь же в синем деревянном домике. Когда железнодорожник идет домой, броненосец немедленно проскальзывает мимо него в дверь. Когда же хозяин выходит на улицу, броненосец выбегает следом за ним, обнюхивая землю, как собака. Спина его, защищенная панцирем, изогнута дугой.

На каждой станции обычно стоят три-четыре дома и ветряной двигатель. Здесь же несколько грузовиков, джипов и телег, запряженных тощими клячами. Мужчины, хотя бы они ходили только пешком, одеты будто для верховой езды: брюки с широкими штанинами заправлены в короткие сапоги; голенища собраны в складки, словно мехи гармонии; пест-

рый шарф, берет, хлыст. Можно подумать, что здешние жители наполовину индейцы, наполовину итальянцы: черные блестящие волосы, красивый точеный профиль. Особенно это относится к женщинам, правда их крупные руки и ноги похожи на утиные лапы.

В Сан-Антонио есть склады шерсти и железные гаражи: это конечный пункт дороги «Транспортес Патагоникос», которая идет до самого Пунта-Аренас на берегу Магелланова пролива. Кроме того, это небольшой порт, где швартуются корабли каботажного флота. Землевладельцы (вернее, овцевладельцы) едут на своих стареньких открытых машинах, стараясь не отстать от поезда. Они вовсе не собираются догонять нас, а просто хотят на людей посмотреть и себя показать. С очень внушительным видом они похлопывают хлыстом по брюкам и сапогам, пьют пиво прямо из горлышка и оценивающе посматривают на женщин. А потом поворачивают руль и исчезают в облаках пыли.

Рио-Негро — спокойная медленная река с блестящей поверхностью. Берега ее покрыты зелеными зарослями кустарника. Пароходы и буксиры идут вверх по течению до самого Неукена. Это река плодородия: на ее берегах растет половина аргентинских яблонь и груш.

На одном берегу Рио-Негро лежит Вьедма, на другом — Кармен-де-Патагонес; их соединяет мост. Деревянные домики, утопающие в высокой траве, пышные сады, тропинки среди подсолнухов.

Здесь заправляются водой и паровоз и пассажиры. Люди толпятся вокруг кранов, моют лицо, голову, некоторые моются до пояса. Смывают дорожную грязь, пыль, усталость.

Потом пассажиры наводят порядок в своих купе, сметают кучи пыли с окон. Волосы у них напудрены пылью; можно подумать, что они щеголяют в париках XVIII века. Многие просидели целый день, обвязав нос и рот шарфом или носовым платком.

Мы уже стали закадычными друзьями с нашими соседями по купе. Два господина, которые с утра до ночи режутся в карты, были уволены из отеля Барилоче; пожилой был старшим эфициантом, а молодой — просто эфициантом. Они так и брызжут сочным аргентинским юмором, все время что-то насвистывают и напевают. Изредка молодой восклицает: «*Rap, vino у Marcelino!*» («Хлеб, вино и Марселина» — название испанского кинофильма), и оба заразительно хохочут.

Женщина, столь отважно обзорявшая свою скамейку, проявляет все растущий интерес к обоим картежникам; на ее мягких, как резина, щеках, очаровательные ямочки, и она затевает со своими новыми знакомыми бесконечный разговор. Они вспоминают все рестораны Буэнос-Айреса, потом все кинотеатры и множество других мест, общих знакомых, разные

события и т. д. и т. п. Это бесконечное перечисление сопровождается короткими одобрительными возгласами: «*Marvilloso, muy rico, lindo bueno*»¹ или, наоборот, осуждающими: «*Malo, muy malo, no es bueno*»².

Кто-то начинает длинную дискуссию о мясе, делая особый упор на кошащем мясе: каково оно на вкус и т. д. Четверо красивых юношей, похожих на итальянцев, с черными локонами вокруг низких лбов, подробно обсуждают достоинства своих пистолетов: такая-то фирма, модель, калибр, дальность боя и собственное умение метко стрелять. Молодожены или собирающиеся стать молодоженами сидят, прижавшись друг к другу, словно скульптурные группы; молодые люди обросли щетиной, глаза у них красные, как у кроликов, от бессонной ночи и табачного дыма; раскрасневшиеся от духоты молодые женщины явно страдают в своих слишком тесных платьях.

Большое и очень организованное семейство меняется местами, подушками и одеялами; потом появляется большая железная кастрюля, и семейство принимается за жареную курицу. Вот это настоящие аргентинцы, искушенные в путешествиях по железной дороге. У ирландцев более унылый вид, но они упрямы и потому выносливы. Патагонцы, жесткие, как дерево, и невозмутимые, как скала, пристально следят за всем происходящим вокруг; им и в голову не приходит, что ехать в поезде утомительно или неприятно. Пусть бы это продолжалось бесконечно долго, и чем дольше, тем лучше, ведь деньги за билет заплачены.

На одной из станций в вагон входит какой-то мужчина и устраивается напротив нас. Он сидит с очень надменным видом и критическим взглядом оглядывает присутствующих. Это явно какая-то важная птица. После короткого молчания он переходит в словесное наступление. Иностранцы? Отлично! Едете в Баию-Бланку? Превосходно! Он как раз из Баии-Бланки, он знает Баию-Бланку как свои пять пальцев, он может дать нам самые исчерпывающие сведения о Баии-Бланке! И вообще о всей Аргентине! Ибо он настоящий, коренной аргентинец, не то что все эти паршивые иммигранты.

Баия-Бланка — это столица Юга, очень богатый, очень сильный город. Его порт — самый важный во всей Аргентине. Аргентина — тоже очень богатая, очень сильная страна. Такая же богатая и сильная, как США, возможно, даже богаче и сильнее, чем США. Только вот с политикой здесь обстоит неважно: новый режим терпит провал за провалом, раньше было гораздо лучше. Католики снова поднимают голову, эта черная опасность снова нависла над страной. К черту религию! Предпринимательство, промышленность, скотоводство —

---

¹ Чудесно, роскошно, прекрасно.

² Плохо, очень плохо, скверно.

вот она, настоящая Аргентина! Аргентинцы — большой и сильный народ. Они питаются лучше, чем все другие народы Южной Америки, они крупнее, сильнее и красивее. Да вы же сами видите!

Поезд подходит к Баии-Бланке. Действительно, очень большой город, уходящий вдаль, насколько хватает глаз; гавани, станции, фабрики и заводы — все залито светом ламп и фонарей. Он рад нас приветствовать в Баии-Бланке и желает нам всего наилучшего...

БАИЯ-БЛАНКА

В Баии-Бланке мы познакомились с одним судовым маклером, англичанином по происхождению, и молодым шведом, мойщиком шерсти. Они рассказали нам о городе и снабдили свой рассказ немаловажными комментариями.

Баия-Бланка играет довольно важную роль в жизни страны, хотя ее население составляет всего сто тысяч жителей. По объему экспорта она временами соперничает даже с Буэнос-Айресом, но сейчас значительно отстает от столицы. Через местный порт вывозится продукция всего южного района, дающего миллионы тонн пшеницы в год. Кроме того, через Баию-Бланку проходит большая часть патагонской шерсти.

— Это очень самостоятельный город, — подчеркивает маклер. — Он не желает подчиняться распоряжениям Буэнос-Айреса. Он богат и ни с кем не хочет делиться своим богатством. В Баии-Бланке много миллионеров, но они сидят на своих деньгах, не пуская их в оборот. К ним обращены все взоры, все говорят только о них; и с них этого достаточно.

У могучего города маленькое, скарденое и ханжеское сердце. Стоит только какой-нибудь компании молодых людей спуститься душной летней ночью на берег и выкупаться, как сразу же разразится скандал, все будут говорить о непристойном поведении и диких оргиях. Когда был построен новый отель «Аустрал», все в один голос заявили, что это нигде не годится и для жителя Баии-Бланки он слишком роскошен и дорог. Но прошло время, и к нему привыкли; теперь отель стал очень доходным предприятием.

Что касается политической жизни, то теперь здесь вообще трудно что-нибудь понять. Раньше все было очень просто: люди делились на перонистов и антиперонистов. А нынче все партии проводят какую-то непонятную и крайне непоследовательную политику; в одной и той же партии может быть несколько лидеров, которые в основном занимаются интригами и тянут в разные стороны. Каждый старается урвать что-нибудь от пирога, который оставил Перон. Это борьба за самый большой и самый лакомый кусок. Часть перонистов исчезла, но многие остались, живут на уже захваченную до-

бычу и ждут, когда им представится случай снова чем-нибудь поживиться.

Перон пагубно действовал на общественную мораль. Когда он был у власти, каждый мог подкупить весь суд, начиная от председателя и кончая прокурором; люди привыкли к тому, что все продается и покупается. Это коснулось также и морали рабочего класса. Мойщик окон, продолжаят маклер, получает такое же жалованье, как инженер,— две тысячи песо. Рабочего нельзя уволить, даже если он совершил какой-нибудь тяжкий проступок или совершенно не справляется с работой. Когда ему заблагорассудится, он может объявить себя больным и не ходить на работу: проверить же, болен он или нет, почти невозможно.

В последние годы своего правления Перон начал борьбу с католической церковью, желая покончить с той огромной властью, какой она пользовалась в стране. Теперь католики снова считают себя хозяевами положения. Самую большую опасность представляет их попытка добиться разделения школ по религиозному признаку: католические школы для католиков, протестантские для протестантов и так далее. Но девять человек из десяти считаются католиками, и, как правило, никто, кроме католиков, не может содержать собственные школы; таким образом, люди, исповедующие другие религии, будут вынуждены посылать своих детей в католические школы.

Все это поведал нам судовой маклер, пока мы сидели в его конторе. А потом мы отправились осматривать город.

Баия-Бланка — очень просторный город. Дома здесь низкие, улицы кажутся почти пустыми и словно уходят куда-то в пространство. Нам показывают не слишком внушительные деревянные дома, где живут миллионеры; дома стоили много миллионов песо, ибо в этом городе всякое строительство обходится очень дорого. Есть и здание университета, но оно осталось недостроенным из-за начавшегося экономического кризиса.

В городском парке растут еще совсем молодые деревья. От фонтанов идет пар, это и не удивительно: вода в фонтанах теплая. Здесь под землей течет горячая вода, и многие жители проводят ее в свои дома прямо из земли. Температура воды — семьдесят градусов.

Сразу же за городом лежат небольшие холмы: здесь перонисты установили свою артиллерию, а потом окружили город. Их отряды насчитывали до десяти тысяч человек. Прилетел самолет и сбросил на город несколько бомб. Однако боев не было. Начальник отрядов заключил соглашение с командованием военно-морского флота в Пуэрто-Бельграно, после чего войска перонистов немедленно отступили и рассеялись.

Теперь здесь начали разводить оливы — совершенно новую для Аргентины культуру, увлечение которой быстро перерастает в бум. Возможно, в самом недалеком будущем весь район сплошь покроется оливковыми плантациями и вспыхнет настоящая оливковая лихорадка.

Дорога подходит к самому порту, вернее, к одному из пяти портов. Дорога вымощена камнем, очень неровная, вся разбитая грузовиками. Нужна новая дорога, но решение о ее строительстве может принять только Буэнос-Айрес, а потому воз и ныне там.

Порт, в который мы едем, Инхениеро Уайт, находится в каких-нибудь десяти километрах от следующего порта, Гальван, но никакого сообщения между ними нет. После того как Буэнос-Айрес ассигновал средства, началось строительство дороги, но оно еще не закончено и, возможно, никогда не будет закончено.

Это один из недостатков государственного устройства Аргентины: все централизовано, все важные решения, приказы и распоряжения исходят только из Буэнос-Айреса. Подобная централизация тормозит развитие провинции, зато сама столица, пользуясь выгодой своего положения, растет, как на дрожжах, превращается в неповоротливого великана и ложится обременительным грузом на плечи всей страны.

А вот и залив, который дал городу свое название (Баия-Бланка — Белая бухта). Но он скорее черный, чем белый: тина, мелководье, морские каналы, по которым проходят суда. Во время отлива воды в заливе остается так мало, что суда садятся чуть не на самое дно. Моря не видно, оно слишком далеко. (И вообще в Аргентине моря не увидишь: оно всегда за горизонтом, оттесненное туда пампой; всюду море земли вместо моря воды.)

Здание электростанции выстроено в ошеломляюще романтическом стиле, словно это не электростанция, а старинный Ренборгский замок в Германии. Она находится под военной охраной, и фотографировать здесь запрещено. Рядом стоит еще более высокое и более классическое по архитектуре здание с гигантскими цементными колоннами вдоль фасада: это элеватор, самый современный. Есть еще один элеватор, не такой новый; он был построен англичанами в своеобразном дворцовом стиле.

Словно висячий мост, распростерся над обоими причалами огромный транспортер. По движущейся ленте непрерывным потоком поступает к судну зерно и сыпается в трюм. Мощность транспортера — двадцать тысяч тонн в день. У причалов могут разместиться сорок судов, но теперь здесь редко стоит больше трех-четырех. Сразу после войны был небывалый спрос на пшеницу: из Баия-Бланки было экспортировано семь миллионов тонн.

На другой стороне залива виднеется Пуэрто-Бельграно, крупнейшая в Аргентине военно-морская база. Обходится она очень дорого, ибо жизнь морских офицеров, которые являются привилегированной кастой, обставлена там со всевозможной роскошью. Это они свергли режим Перона и в конечном счете управляют страной, они, герои морских просторов, украшение военных парадов, гвоздь программы. Но флот в Аргентине довольно слабый.

ПАМПА

Мы уже видели к югу от Баии-Бланки плодороднейшую пампу с чередованием зерновых культур и люцерны. Пампа тянется на север до самого Буэнос-Айреса, ровная, бескрайняя, однообразная. Это скотоводческий оазис и житница всей Аргентины.

Пампа занимает лишь пятую часть территории страны (к тому же надо иметь в виду, что засушливые районы могут быть использованы как пастбища только для непородистого скота). Однако в пампе живет три четверти населения, здесь сосредоточена почти вся промышленность и большая часть сельскохозяйственного производства страны.

Пампа вливается в огромный Буэнос-Айрес: сюда ведут все шоссе, все железные дороги, водные пути и авиалинии. Буэнос-Айрес — это могущественный паук, который сидит на самом краю паутины, опутывающей страну. Раскинувшийся вширь и поднявшийся ввысь город вобрал в себя всю великую силу пампы, сконцентрированную здесь, словно в гигантском фокусе. Именно здесь, где собраны огромные богатства и живут миллионы людей, поток крови вливается в неутомимо бьющееся сердце.

Но есть и другая пампа, пустынная и суровая, плоская и бескрайняя: один план, одна ровная поверхность, абстрактное сочетание линий и плоскостей; море земли под совершенно пустым небом.

Селений очень мало. Пыльные или размытые дождем дороги уходят вдаль, проваливаясь в ничто. Железнодорожное полотно разрезает пампу только по прямой, словно оно проведено по линейке.

В первую очередь пампу романтизируют жители Буэнос-Айреса. Они рассказывают о ней легенды, но стараются держаться от нее подальше; она их кормит, но в то же время внушает какие-то смутные опасения, какое-то ощущение вины. Они называют ее пампа (*la pampa*); люди, живущие в этом пустынном крае, говорят «*el campo*» (поле). Только жители городов еще рассказывают всякие сказки и басни о *гаучо*, ковбоях, скачущих за своими стадами; на самом деле прежних гаучо уже давно нет и в помине.

Вся история Аргентины — это борьба за пампу. Когда-то пампу населяли дикие индейские племена, которые сумели дать отпор даже полчищам инков (инки дошли лишь до расположенного на плоскогорье города Тукуман). Первые испанские поселения в пампе и на побережье были уничтожены, а самим испанцам пришлось перебраться в Парагвай и поселиться среди более миролюбивых индейцев племени гуарани. Лишь через пятьдесят лет Буэнос-Айрес пережил второе рождение, но и потом он еще долго оставался простым портовым городом.

Сразу же после освобождения от испанского владычества в стране была установлена террористическая диктатура Росаса, которого поддерживали крупные землевладельцы и дикие гаучо. Росас, самый кровожадный из южноамериканских тиранов, был свергнут в 1852 году и переселился в Англию, где стал простым земледельцем. К тому времени борьба между Буэнос-Айресом и внутренними областями страны достигла наивысшего накала, нередко переходя в гражданскую войну, а правительство непрерывно кочевало между Буэнос-Айресом и другими городами, которые на время становились столицей. Население страны в то время не превышало нескольких миллионов человек, а Буэнос-Айрес насчитывал каких-нибудь семьдесят тысяч жителей.

Истребительная война против индейцев, которую вел полковник (впоследствии генерал) Рока, закончилась в 1883 году. Началась широкая колонизация пампы. Офицеры — участники войны получили крупные земельные наделы, и таким образом были созданы предпосылки для создания здесь крупных земледельческих и скотоводческих хозяйств. Одновременно начала развиваться в самых различных направлениях и экономика Аргентины, в результате чего пампа превратилась в важнейший экономический район, а сам Буэнос-Айрес вырос в крупнейший город страны.

Приток иммигрантов достигал ста тысяч человек в год (в основном это были испанцы и итальянцы). Скотоводство развивалось неслыханными темпами, и был введен севооборот. Это стало возможным благодаря использованию целого ряда технических средств. Появились сельскохозяйственные машины для обработки земли, буры для строительства колодцев и ветряные двигатели, качающие грунтовую воду (другой воды в пампе нет), колючая проволока, без которой невозможно отделить пастбища от полей, засеянных зерновыми культурами, железные дороги для транспортировки продукции в морские порты, пароходы с холодильниками для экспорта мяса (первый пароход с холодильной установкой прибыл в Буэнос-Айрес из Англии в 1877 году).

Для увеличения поголовья породистого скота сюда привозились быки-производители из Европы. Дикие пастбища

засевались люцерной, которая чередовалась в севообороте с зерновыми культурами; это привело к огромному увеличению экспорта пшеницы, кукурузы и ржи. Севооборот долгое время осуществлялся следующим образом: крупные землевладельцы-скотоводы сдавали земельные угодья арендаторам, которые в течение трех лет снимали здесь урожай зерновых. Потом они засевали свои участки люцерной и переходили на новое место, а землевладелец в течение нескольких лет пас здесь скот, пока не наступало время снова сажать зерновые.

Буэнос-Айрес безраздельно владеет пампой, руководит ее хозяйственным развитием. Прежде всего он является столицей пампы и, уже как следствие этого, бесспорной столицей всей страны. Важную роль в экономике пампы играла Англия, которая была главным покупателем замороженного мяса и главным поставщиком необходимого оборудования и машин; англичанам принадлежали железные дороги (до установления режима Перона), банки, электростанции, телефон, трамвай и т. д. В Аргентине до сих пор многое носит ярко выраженный отпечаток английского влияния.

Плодородие пампы содействовало быстрому росту населения страны, которое увеличивалось в значительной мере благодаря иммиграции. (Из девятнадцати миллионов жителей Аргентины три миллиона родились за границей.) Три четверти населения живет в городах, из них шесть миллионов — в Буэнос-Айресе и его пригородах. Очень большой процент населения занят в промышленности и во всякого рода коммерческих предприятиях, и лишь незначительная часть — в сельском хозяйстве.

Промышленное производство достигло в Аргентине широкого размаха. Отчасти это объясняется тем, что во время обеих мировых войн страна могла рассчитывать лишь на свои собственные ресурсы, а отчасти сознательным стремлением освободиться от иностранной зависимости, которая попахивает империализмом и колониализмом.

Однако капиталовложения в сельское хозяйство уменьшились, что привело к снижению производства зерна и мяса. В то время как потребление продуктов питания внутри страны непрерывно растет, их экспорт катастрофически падает, что самым пагубным образом сказывается на экономике страны. Это главная причина нынешнего тяжелого экономического кризиса.

ЧТО МЫ ВИДЕЛИ В ПАМПЕ

С шести часов утра до десяти часов вечера мы едем в автобусе из Баии-Бланки в Буэнос-Айрес; это почти семьсот километров. Автобус построен на аргентинском заводе. Его обслуживают два шофера в длинных белых пиджаках:

здоровые, румяные, с неизменной волной в чуть тронутых седьмой волосах, они больше похожи на директоров банка, чем на шоферов, особенно когда, сменяя друг друга за рулем, садятся на шоферское кресло и резким движением поддерживают брюки чуть ли не до колен.

Меняются они каждый час. На ближайшей станции обслуживания заливают воду в радиатор, проверяют давление в камерах и бегло осматривают машину. Десять минут отдыха, и снова в путь. Можно подумать, что это не автобус, а какое-то учреждение с очень размеренным ритмом работы. Да и наши водители имеют мало общего с простыми рабочими; это скорее государственные служащие, с достоинством выполняющие свои высокие обязанности.

В то же время они очень терпеливы и снисходительны; когда кому-нибудь надо войти или выйти, они всегда останавливают автобус, хотя и с легким оттенком недовольства, распоряжения отдают властно, немного резко, без лишних слов.

Сельскохозяйственные рабочие садятся в автобус, чтобы проехать каких-нибудь полкилометра — от одного участка поля до другого. Домашние хозяйки едут в автобусе до расположенного совсем рядом магазина. Учительницы садятся в автобус в деревне, а выходят из него возле школы, заброшенной где-нибудь в пампе и огороженной стальной проволокой. Классы похожи на пустые мастерские, а номер школы выведен крупными цифрами снаружи.

Дети, одетые в белые пиджачки, тоже едут в школу на автобусе. Родители нередко стоят у обочины дороги, когда их ребенок садится в автобус; при этом они ласково берут его за руку и целуют на прощание в щеку; родители здесь очень нежно относятся к своим детям. Многие ребята едут в школу верхом, и перед школьным зданием всегда можно увидеть несколько стреноженных лошадей.

Трудно даже представить себе, как выглядела бы пампа без севооборота. Необозримые пшеничные поля чередуются с такими же необозримыми пастбищами, засеянными травой.

Иногда попадает поле подсолнечника, похожее на огромный ломоть хлеба, намазанный маслом. Между полями, словно телефонные провода, протянулись изгороди из стальной проволоки; она натянута на редко расставленные столбы из белого кебрачо, твердого, как железо, дерева, доставляемого сюда из Чако.

Крестьянские дворы издали кажутся совсем маленькими и невзрачными, они прячутся в небольших рощицах, похожих на зеленые островки, плывущие по безбрежному морю пампы. Каждый двор стоит на большом расстоянии от другого такого же двора. Над рощицей обычно возвышается ветряной дви-

гатель: насос, дающий воду, дающий жизнь. От насоса тянутся длинные желоба из оцинкованного железа. Сюда на водопой приходит скот.

Возле железнодорожных станций нередко нет ничего, кроме складов зерна. Они похожи на аккуратные кварталы длинных многоквартирных домов под железной крышей, построенных из мешков с пшеницей, кукурузой и рожью. Скоро мешки погрузят в товарные вагоны и увезут далеко, далеко...

На дороге, покрытой красноватой пылью, изредка появляется одинокая телега или автомобиль; как правило, это древний квадратный фордик на вихляющихся из стороны в сторону колесах. Порой можно увидеть лошадей, впряженных в сельскохозяйственную машину вместо трактора: девять серо-стальных лошадей тащут за собой комбайн или многолемешный плуг.

И большие стада. Не сбившееся в кучу стадо, как вы, может быть, себе представляете, а редкие группы коров, пасущихся на большом расстоянии друг от друга. Иногда они уходят так далеко, что их можно принять за стаю черных птиц. А иногда подходят к самой изгороди у дороги, хоть пиши с них портрет: пятнисто-черные или бурые головы, мокрые морды и большие глаза, в которых застыл ужас. Когда они шиплют траву, головы их обращены в одну сторону. А то вдруг они устремляются куда-то, будто чего-то ищут.

В полдень коровы, лошади и овцы идиллически стоят под палящими лучами солнца или лежат где-нибудь возле воды в тени дерева, а то просто прячутся друг другу за спину. Овцы забираются в небольшие углубления в земле и сжимаются в комок, так что издали их можно принять за камни. Иногда они пытаются найти тень возле кола, на котором держится проволока; что же, это все-таки лучше, чем ничего.

Среди обитателей пампы царят мир и согласие. Оно и понятно. Всем хватает пастбищ, всех опалает солнце, всех ожидает нож мясника. Они кажутся грустными, покорными, словно ожидающими смерти. Их жизнь сурова и непродолжительна, за ними никто не присматривает, о них никто не заботится. Массовое производство...

Matadero (бойня) — это слово написано на многих строениях, стоящих в пампе. Но коровы не умеют читать и спокойно пасутся возле них.

Смерть подстерегает животных не только на бойне. Она ищет их по всей пампе. Скот часто гибнет от жажды в периоды засух. Его убивает молнией во время сильных гроз, когда огненная стрела разрезает испуганное стадо, оставляя лишь груды обуглившегося мяса. Корова или овца может сдохнуть от болезни или просто сломать ногу; тогда она долго тащится за стадом, пока смерть не прекратит ее мучений.

Даже из окна автобуса видны трупы животных, лежащие на полях. Они лежат в одиночку или целыми грудями, словно их скосила пулеметная очередь. Они гниют, и никому не придет в голову содрать с них шкуру, а все остальное закопать в землю. Зато хищные птицы, грызуны да насекомые поедают и шкуру и мясо, оставляя один белый скелет.

Животные страдают, гибнут, но в то же время растут, размножаются, прибавляют в весе, безотчетно выполняя все, что от них требует человек. В Аргентине сорок четыре миллиона голов крупного рогатого скота, пятьдесят пять миллионов овец, семь миллионов лошадей.

Что же еще мы видели в пампе? Серебристо-голубую гладь несуществующей реки — настоящий мираж, совсем как в пустыне.

Тучи лимонно-желтых бабочек, внезапно налетевших, словно сорванные ветром листья.

Трактора с плугами, за которыми тянутся длинные вереницы белых птиц.

Только что остриженных овец, похожих на ободранные синева-темные туши.

Серых причесанных дождем страусов, чем-то напоминающих старые соломенные крыши.

Деревянные таблички с указанием расположенных поблизости асьенд: Лас дос Мариас, Лос Лириос, Лома Пампа. И, разумеется, таблички с именами святых: Санта Ана, Санта Тереза, Санта Эвлалия.

Города в пампе: Трес-Арройос (Три ручья), Асуль (Голубой), Лас-Флорес (Цветы).

В каждом городе есть душное станционное здание, площади с голубыми эвкалиптами, сонные кафе, куда с шумом врываю-ются пассажиры автобусов, и длинные караваны грузовиков, которые забирают скот и везут его в Буэнос-Айрес.

Вечер. Несколько человек останавливают автобус, размахивая карманными фонарями.

А Буэнос-Айрес все ближе. Множество железнодорожных переездов и сверкающих огнями поездов; один населенный пункт почти сразу переходит в другой; люди на верандах, пригородные автобусы, темные силуэты фабрик и заводов. А вот и сам город с его бесконечными улицами и непрерывным потоком машин. Буэнос-Айрес...

БОЛЬШАЯ БОЙНЯ

Побывать на какой-нибудь бойне Буэнос-Айреса — значит проникнуть в самую суть жизни Аргентины и ее колоссальной столицы.

Мы останавливаем свой выбор на Муниципальной бойне, самой крупной и наиболее типичной (разрешение на осмотр

было получено заранее). Ворота, которые ведут на территорию бойни, находятся под неусыпной охраной, и каждая машина, въезжающая или выезжающая, подвергается тщательному осмотру. Многочисленные строения — по виду нечто среднее между заводом и больницей — поражают своими огромными размерами. Во дворе можно увидеть множество людей в белых халатах, похожих на врачей. Однако они не ведут борьбы со смертью, здесь саму смерть ставят на конвейер.

Уже во дворе нам ударяет в нос какой-то неприятный запах, а на лестнице и в лифте он становится все сильнее и удушливей. Сладковато-едкий запах сырого мяса, внутренностей, крови и испражнений, запах, который пропитывает одежду и кожу и таит в себе какой-то странный неведомый страх. Запах смерти.

Сначала нас ведут в кабинет директора — человека, очень любезного; здесь почти нет ни запаха, ни страха. Смерть вдруг приняла обличье абстрактных цифровых данных, таблиц и диаграмм, висящих на стенах. Нам немедленно наливают по чашке крепкого черного кофе, который, видимо, должен заглушить запах смерти и вкус крови. Мы надеваем белые халаты и тут же превращаемся в служащих фабрики смерти; у нас возникает такое чувство, что мы как раз и есть те самые невозмутимые «врачи».

В большом грязном лифте, который поднимает нас в отделение смерти, этот ужасный запах становится совершенно невыносимым. Еще немного, и нас начнет тошнить. Но открывшееся нам кровавое зрелище разворачивается с такой быстротой и всеподавляющей силой, что мы не успеваем как следует реагировать и чувствуем себя слегка оглушенными.

Из лифта мы попадаем прямо в убойный цех, огромный зал, по которому густыми рядами движутся туши быков и коров, подвешенные за ногу к транспортерной ленте на потолке. Они движутся короткими рывками, разбрызгивая вокруг кровь. Люди в клеенчатых передниках и белых блузах с засученными рукавами стоят каждый на своем месте, словно продавцы за прилавком, и быстрыми небрежными движениями выполняют все необходимые операции. Кто хочет, может выкурить сигарету, времени для этого достаточно.

Нам не показывают, как режут животных: это, очевидно, может произвести слишком страшное впечатление на посетителей. Однако через окно мы видим, как скот гонят вверх по покатому помосту: непрерывный поток красно-бурых коров и быков, которые куда-то спешат, толкая друг друга, словно их гонит жажда или желание поскорее увидеть происходящее, несмотря на ужасное предостерегающее мычание, доносящееся сверху. На самом деле их гонит электрический ток.

После нескольких операций, которых мы не видим, животные появляются в зале, подвешенные за заднюю ногу к движущейся ленте на потолке. С них стекает дезинфицирующая жидкость, и они кружатся на своей подвеске, двигаясь все дальше и дальше по залу.

Вот лента оттаскивает их за загородку, где работает сама смерть. Дикое мычание захлебывается в прерывистом хрипе. С распоротым горлом или наполовину отрезанной головой жертву тащат дальше, животные не успевают забиться в агонии, конец наступает сразу. Уже мертвые туши, дымящиеся, обливающиеся кровью, медленно движутся все дальше и дальше...

Самая большая давка и спешка возле рокового ножа. Одно за другим сплошным потоком животные вливаются в этот неистовый водоворот насилия и крови, из которого их выносит милосердно быстрая смерть. А дальше движение замедляется, словно после смерти спешить уже некуда,— воцаряется спокойствие.

Здесь стоят люди с крюками и ножами, делая одни и те же привычные движения: надрезают кожу, вспарывают брюхо, вытаскивают внутренности. Шаг за шагом с туши сдирают окровавленную кожу, отсекают голову, вынимают кишки и бросают в большой чан, отдельно вырезают легкие, печень, почки.

Вот стоит человек с круглой электрической пилой. Туша лежит перед ним с растопыренными ногами и выпотрошенным брюхом. Пила разрезает тушу пополам, и обе половинки двигаются дальше уже порознь. Часть мяса поступает в холодильные камеры, по которым проходят грубые, словно перебинтованные трубы, покрытые инеем и длинными сосульками; другая часть сразу же грузится в большие автомашины для транспортировки мясoproдуктов.

Буэнос-Айрес быстро расправляется со свежим мясом. В тот же день, всего через несколько часов, он начинает есть говядину, которая едва успела остыть после удара ножа. Буэнос-Айрес съедает семнадцать тысяч туш крупного рогатого скота ежедневно! И весь этот скот режут на Муниципальной бойне. Даже при полном рабочем дне на убой каждого быка или коровы приходится в среднем одна-две секунды.

* *
*

Вернувшись в директорский кабинет, мы снимаем запятнанные кровью халаты и заглушаем отвратительный вкус крови несколькими чашками черного кофе.

Теперь мы можем поговорить с директором об аргентинском мясе.

Виски его побелели на этой бойне, но служба не отняла у него бодрости и обаяния, что, помимо всего прочего, выдает его итальянское происхождение. У него мягкий итальянский выговор, ослепительная улыбка, плавные жесты. Это Витторио де Сика в роли директора бойни.

О, мясо стоит у них поперек горла, он видеть его не может! Он любит рыбу, фрукты и овощи. Он мечтает о солнце, траве и деревьях. А не о крови, мясе и внутренностях. Но что он может поделать? Аргентинцы жаждут во что бы то ни стало есть мясо. Нужно убивать все больше скота. «Больше мяса, больше мяса»,— звучит один несмолкаемый крик.

Директор приводит нам некоторые цифры. Для потребления внутри страны ежедневно режут сорок пять тысяч голов крупного рогатого скота, из них семнадцать тысяч в Буэнос-Айресе. Кроме того, аргентинцы съедают каждый день двадцать пять тысяч овец и баранов и несколько тысяч свиней. Сейчас у него нет под рукой точных данных, но в настоящее время гораздо меньше мяса экспортируется, чем потребляется внутри страны. В последние годы экспорт неуклонно снижается: аргентинцы съедают все большую часть своего скота.

Качество мяса очень низкое, говорит не моргнув глазом директор бойни. Скоту в Аргентине приходится туго: он страдает от зноя и холода, дождя и жажды, его везут чуть не тысячу километров на поездах и грузовиках в невероятных тяжелых условиях, и, когда он поступает на бойни, мясо уже испорчено, оно устало (*la carne es muy cansada*). А потом аргентинцы слишком торопятся его съесть, не дают ему отвисеться, едят прямо с кровью.

Разумеется, аргентинцы считают себя знатоками мяса. Но у них грубый, испорченный вкус. Они не разбираются во вкусовых нюансах, лишь бы мясо было покрепче да поострее. Мясо для них как алкоголь, как тонизирующее средство.

По всей стране разбросаны небольшие местные бойни, но с распределением мяса по районам дело обстоит неважно. Большую его часть забирает Буэнос-Айрес, забирает так же беззастенчиво, как и все остальное. В то же время другие районы страдают от недостатка мяса, а северным провинциям приходится довольствоваться козлятиной. Нередко люди живут впроголодь — и это в стране мяса.

Аргентинцы уже привыкли к однообразной мясной диете, и они ни за что не откажутся от своего неизменного бифштекса, будь то завтрак, обед или ужин. Кроме того, с давних времен мясо в Аргентине дешевле всего, это пища бедняков. И теперь, когда цены непрерывно растут, оно по-прежнему остается самым дешевым продуктом питания; это последнее, что еще могут себе позволить бедняки.

Деревня приходит в упадок и запустение — это главная проблема, перед которой стоит сейчас Аргентина. Люди бегут в города, где они могут есть мясо и жить более цивилизованной жизнью. Деревня превращается в простую фабрику мяса и пшеницы. А ведь овощей, фруктов и других продуктов можно было бы производить в десятки раз больше, чем сейчас, и тем самым обеспечить население более разнообразной пищей. Если бы аргентинцы научились есть не одно лишь мясо!

— Но, увы! — вздыхает директор и улыбается своей чарующей улыбкой.

СТОЛИЦА МЯСА

Буэнос-Айрес — это колосс, тяжелый и массивный город, вскормленный мясом. У него нет стремления расти ввысь, в городе сравнительно немного высоких зданий, зато он растет вширь.

Кубы домов словно вставлены в квадратные рамы узких улиц, есть несколько улиц, разрезающих город по диагонали, и несколько широких авеню. Эти геометрические линии, квадраты и кубы накладывают на город отпечаток чего-то грубо материального и в то же время невероятно абстрактного.

В этом городе мяса и плоти есть что-то окаменелое, скульптурно неподвижное. Несмотря на кипящую в нем жизнь, он почему-то кажется памятником самому себе.

Об Авениде 9 июля говорят, что эта самая широкая улица в мире: часть пампы, превратившаяся в человеческий муравейник. Национальный банк считают самым большим банком мира: каменная пирамида, занимающая целый квартал. Президентский дворец называется Ла Каса Росада (Розовый дом), и он действительно розовый, вернее, красновато-мясного цвета.

Наиболее значительным событием года здесь является сельскохозяйственная выставка, во время которой пампа вдруг вторгается в город, демонстрируя своих самых великолепных быков, самых тонкорунных овец, самые крупные курузные початки.

Со стен какого-нибудь ресторана вроде «Шортхорн Грилл» на посетителей, поедающих мясо, смотрят головы быков-медалистов. Здесь же висят фотографии самых породистых быков в полный рост, и грудь их украшена, как у генералов, бесконечным количеством медалей.

В некоторых ресторанах огонь горит даже в витринах, а над ним, поджариваясь, поворачиваются на вертеле целые туши. Перед витриной стоит толпа и созерцает происходящее, глотая слюнки.

Обычный обед состоит прежде всего из серовато-красного бифштекса в дюйм толщиной, возвышающегося над краем

тарелки, и бутылки пива; чаще всего это пиво марки «Квилмес», которое производит крупнейший в мире пивоваренный завод «Квилмес», расположенный в пригороде Буэнос-Айреса; потом следует маленькая чашка черного кофе и, наконец, зубочистка. Вот и все.

Мясная диета приводит к тому, что вы частенько можете наблюдать настоящий карнавал раздувшихся от мяса человеческих телес: на тротуарах и в метро, в ста с лишним театрах, в двухстах кинотеатрах и в огромных ресторанах, где танцуют национальное аргентинское танго под мычащие оглушающие звуки десятков *bandoneones* (аргентинское концертино).

Об улице кинотеатров Лавалье можно было бы написать целый очерк. По вчерам там невероятная толчея; можно подумать, что огромное стадо быков неизвестно почему в панике сгрудилось у билетных касс, а потом вдруг ринулось в зал, словно в родной загон. Вряд ли кто-нибудь знает, что за фильм сегодня на экране. Главное — протолкнуться вместе с толпой в благодатную темноту зала.

подавляющее большинство жителей Аргентины — католики, и все-таки церковь здесь относительно слаба. Она явно не устояла перед этим праздником мяса, утратила свою извращенно аскетическую силу и тоже пустилась в пляс. Невероятный рост проституции является одним из свидетельств слабости церкви.

Если верить многочисленным сообщениям газет, пресловутая торговля белыми рабынями происходит и сейчас. Преобладание мужского населения над женским (что в значительной степени является результатом массовой иммиграции) ведет к проституции, к созданию целей системы публичных домов¹. На рынке белого мяса спрос по-прежнему превышает предложение.

Угол улицы и публичный дом всегда были ареной классических схваток на ножах. Знаменитые виртуозы ножа стали подлинными героями, которых обожали и боялись в одно и то же время. Можно было зарезать двадцать противников, и никто не подумал бы привлекать тебя к судебной ответственности за убийство. Отказ от участия в дуэли не на живот, а на смерть влек за собой позор и бесчестье.

Преклонение перед мужеством и отвагой живет в Аргентине и до сих пор. Оно проявляется в слабости аргентинцев к сильным личностям, в их увлечении военными парадными, в их любви к мясу, в их страсти к ножам и презрению к пистолетам (трусливому оружию североамериканцев, боящихся приблизиться к противнику). Все это — наследие пам-

---

¹ Автор явно недооценивает значение социальных факторов.— *Прим. ред*

пы, наследие, принявшее в огромном городе своеобразную форму культа мяса и ножа.

С этим же связан и так называемый культ *амиго* (амиго — друг). Он распространен по всей Южной Америке, но самые глубокие корни пустил именно в Аргентине. Он стал своего рода движущей силой общественного развития, шарикоподшипником великой машины дружбы и взаимной помощи. Если вы едете куда-нибудь, то все попутчики немедленно станowiąтся вашими амиго. И где бы вы ни были, вы всегда найдете поддержку многих таких же амиго. Это не дружба в обычном смысле слова, а только соответствующие жесты и другие внешние проявления дружбы, долгие рукопожатия, бесконечные похлопывания по плечу, объятия, изъяснения в любви и преданности. Это своего рода заговор мужчин, их тайный код, доказательство их сплоченности и доброй воли. И тут не нужно ни личных симпатий, ни более близкого знакомства, ни душевных бесед.

Культ амиго настолько вошел в плоть и кровь каждого аргентинца, что вряд ли вы получите в ресторане чашку кофе, если сначала не похлопаете официанта по плечу и не называете его несчетное число раз *амиго*. Не говоря уже о более сложных вещах, таких, как покупка билетов, получение номера в отеле или разрешения посетить то или иное предприятие,— одним словом, без амиго шагу нельзя ступить. Все учреждения, разумеется, тоже работают по системе амиго. Однако наиболее широкое применение эта система находит в политике.

Эта маленькая рапсодия о Буэнос-Айресе, как и все в этом мире, заканчивается кладбищем. Мы на знаменитом кладбище Реколета, где город мяса становится городом смерти, а самые уважаемые и мясистые граждане обращаются в прах.

Реколетское кладбище одной стороной примыкает к Палермскому парку, парку любви и нежности, пользующемуся особой популярностью у влюбленных парочек Буэнос-Айреса. С другой его стороны, словно огромный зеленый собор, высятся дерево омбу, самое почитаемое в Аргентине; его тень является единственным прибежищем всех обитателей пампы, людей и животных, задыхающихся от зноя. Прямо перед воротами стоит катафалк; его длина около десяти метров, а своей формой он напоминает гигантскую раковину: черная спиральная раковина, наполненная шумом вечности.

Здесь же находится церковь, очень простая по архитектуре, и несколько помещений регистратуры (на скамейке перед регистратурой сидит бедно одетая женщина и горько плачет: видимо, она никак не может найти могилу кого-то из родственников).

И вот мы входим в город мертвых, бродим по его улицам, расходящимся в разные стороны, между бесконечными рядами памятников и гробниц. Реколета — это своеобразный компромисс между жизнью и смертью, силой и бессилием, триумфом и поражением. Сюда приносят множество роскошных гробов с покойниками и устанавливают их в просторных подземных галереях под дорожными памятниками. Это настоящие жилища мертвых, обставленные со всевозможным комфортом, и покойники могут, не стесняясь, принимать здесь тех, кто еще живет на брэнной земле. В этих жилищах есть телефон и электрическое освещение, удобные кресла и столы, серебряные сервизы и вазы для цветов.

Памятники и гробницы высечены из черного или белого мрамора, привезенного из Италии. Нередко это целые скульптурные группы: ангелы, возносящиеся на небо; сцены прощания, когда почтенный отец семейства отбывает в небесную обитель, а жена и дети скорбно провожают его; всадники на поле битвы и здесь же, чуть пониже, группы пехотинцев и жерла орудий. Некоторые гробницы выстроены в виде банков, пирамид, асьенд или классических храмов с колоннами (хотя, возможно, это вовсе не храмы, а бойни или элеваторы).

Это все нужно для вящего прославления почивших генералов и мясных королей; здесь каждый камень кричит об их великих деяниях и успехах, достигнутых при жизни, а также об их отнюдь не малых требованиях, предъявляемых к вечности.

На цементных улицах кладбища нет ни зеленой травинки, ни пригоршни земли: смерть, разложение и черви тщательно скрываются под каменной облицовкой могил. Элегантные дамы выходят из своих роскошных автомобилей, трогательно прижимая к груди бархатные подушечки и маленькие орхидеи, а в воротах их встречает, словно услужливый официант, кладбищенский сторож.

СУМЯТИЦА БОГАТСТВА

Богатая Аргентина находится на краю катастрофы. Рядовому аргентинцу, сколько бы он ни терялся в догадках, это кажется диким и непонятным. Он непоколебимо убежден, что его страна сказочно богата. Но в чем же тогда дело, в чем корень зла? Перона давно убрали. А лучше не стало, стало, пожалуй, даже хуже. Значит, Перон здесь ни при чем (думают самые близорукие). Правительство — те, кто сидит у власти, — ведет какую-то нечистую игру, дурачит народ, водит его за нос, болтает о кризисе, об угрозе экономической катастрофы, о необходимости принятия самых срочных мер. Между тем в стране усиливается инфляция, торговля приходит

в упадок, растет дороговизна. Так кто же или что же всему виной?

Аргентинец-обыватель съедает ежедневно свою обычную порцию мяса (хоть оно и дорожает) и в общем не слишком задумывается над всеми этими вопросами. Он индивидуалист, и до государства ему мало дела. Он не очень верит в политические программы и не слишком полагается на всякие общественные мероприятия. Для него политика — это прежде всего личность, личность сильная и энергичная, которая умеет обещать и внушает к себе доверие (хоть он уже и обжегся на Пероне).

Всему виной Перон, он довел страну до хозяйственной разрухи, говорят более проникательные аргентинцы. За безумное расточительство пероновского режима они сейчас и расплачиваются, его счета и векселя им приходится теперь погашать.

Конечно, Аргентина — богатая страна, все еще богатая, несмотря ни на что: у нее колоссальные ресурсы. Но именно эта уверенность в своем богатстве и оказывается роковой. Аргентинец полагает, что он достаточно богат, чтобы ни в чем себе не отказывать, не работать и не производить. Он хочет получать высокую заработную плату, пить, есть, одеваться и делать все, что вздумается. Он — свободный аргентинец.

Не один Перон виноват, говорят самые проникательные. Когда-то страна заболела манией величия, и теперь она страдает от рецидивов этой болезни. На смену хвастливым разглагольствованиям о богатстве и силе должен прийти экономический и политический реализм.

Аргентинцы считают, что у них в стране произошла революция, хотя на самом деле никакой революции не было, а просто была свергнута диктатура Перона. Да и то не до конца: разве мало перонистов живет себе припеваючи на благоприобретенные богатства? А сам Перон разве не может в любой момент вернуться, купив себе президентское кресло за американские доллары или просто воспользовавшись американской военно-политической поддержкой? А разве не может стать новым диктатором кто-нибудь из его людей (если уж он сам слишком дискредитировал себя в глазах народа)? В этом нет ничего невозможного, ибо у правительства нет четкой политической линии, у партий — ясно сформулированных программ; это даже не настоящие партии, а отдельные политические группы, которые защищают лишь сугубо корыстные интересы.

А еще есть военные — армия и флот. Они всегда могут установить в стране военную диктатуру. Это опасный и крайне ненадежный фактор силы, от которого никуда не уйдешь при решении важных политических вопросов. Если

военная клика останется недовольна результатами всеобщих выборов, она немедленно устроит государственный переворот. Стоит правительству принять какое-нибудь решение, противоречащее интересам военных, и тут же вспыхнет мятеж. Сорок процентов национального дохода Аргентины идет на военные ассигнования: девятнадцать миллионов песо в день! И это в стране, которой никто не угрожает и которой вообще не нужны ни армия, ни флот! Это те же розги на спине народа, тяжкое бремя, ненасытный паразит, высасывающий все соки из экономики страны. Но аргентинцы гордятся своей армией, ибо это символ господствующего в стране культа силы, власти и мужественности.

Многие аргентинцы считают, что с политикой дело у них обстоит из рук вон плохо, хуже, чем когда бы то ни было. Беда в том, что за политику в Аргентине берутся лишь самые скверные, нечистоплотные люди. И их политика — настоящий, официально узаконенный бандитизм с использованием старых методов каудильо¹. И политический деятель — это по существу все тот же герой квартала, сильный человек с бандой амиго, но только в масштабе целого государства. А терпеливые, живущие в мире иллюзий обыватели не вмешиваются в политику; каждый живет сам по себе, лишь бы никто не ущемлял свободу его личности.

Всеобщие сумятица и хаос, которые царят сейчас в Аргентине, проявляются во всем, даже в уличном движении. Не так давно в Буэнос-Айресе были отменены все правила уличного движения (вот, оказывается, до какого абсурда может довести индивидуализм). Теперь каждый может вести свою машину как ему заблагорассудится, не обращая внимания на другие машины и не подчиняясь никаким «диктаторским» правилам, стесняющим его свободу передвижения. На перекрестках все машины со всех сторон едут одновременно (больше нет ни светофоров, ни полицейских, регулирующих уличное движение). Они мчатся на огромной скорости друг другу наперерез, и в самый последний момент тормозит тот, у кого слабее нервы или сильнее инстинкт самосохранения, а остальные машины проносятся мимо. Нередко машины едут навстречу друг другу и останавливаются только в самый последний момент, когда катастрофа кажется уже неизбежной. Не мудрено, что получается пробка, и нужно потратить немало времени и труда, чтобы выбраться из нее. Но аргентинцев это устраивает!

Вот она, настоящая свобода! А какая езда, быстрая и мужественная! Самый смелый и самый искусный приходит первым (или попадает в морг).

---

¹ Каудильо (*исп.*) — диктатор.

КОНКРЕТНОЕ И УМОЗРИТЕЛЬНОЕ

В молодом огромном Буэнос-Айресе живут миллионы иммигрантов и иностранцев, преимущественно из Европы. Поэтому культура здесь носит более интернациональный, более общеевропейский характер, чем в других городах Южной Америки. Аргентина, пожалуй,— наименее испанская страна из всех бывших испанских колоний. И здесь вы найдете больше, чем где бы то ни было, откровенных врагов всего испанского (а не только франкистского режима).

В Буэнос-Айресе любят говорить о мировых, даже космических, устремлениях. В то же время каждый аргентинец стремится к ярко выраженному аргентинизму, сугубо национальной, южной разновидности американизма. Страсть к мясу и коммерции отлично уживается со щедрым прекраснодушием, которое идет на пользу искусству и литературе. Поэты и художники живут здесь в сравнительно неплохих условиях. Все же они словно висят в воздухе и, чтобы привлечь к себе внимание, нередко прибегают к слишком уж необычным формам и построениям.

Буэнос-Айрес всех кормит, для всех открыт; он всем интересуются и ко всему относится очень терпимо. Здешние поэты и художники во всяком случае обладают своего рода свободой пространства, четвертым измерением, тоже открытым для их творчества. Многие из них нашли в этом городе убежище и приют.

В Буэнос-Айресе много театров, кино и всяких выставок. Здесь издается много книг, которые часто находят своих читателей за пределами Аргентины. Буэнос-Айрес — своего рода литературный салон, теперь более значительный, чем Мадрид. Лорка, Альберти, Неруда, Астуриас издавали здесь свои книги, которые не могли быть опубликованы у них на родине.

Весьма характерен для Буэнос-Айреса тот факт, что переселившиеся сюда иностранные писатели быстро приживаются на новой почве и становятся настоящими аргентинцами. Взять, к примеру, Альберто Идальго. По происхождению он перуанец, сейчас ему шестьдесят лет, и тридцать из них он жил и работал в Буэнос-Айресе. Он прежде всего аргентинский поэт и, как некоторые полагают, крупнейший в стране. Он стоит на боевом посту, выдвинутом далеко вперед, одинокий, известный лишь немногим. Но это трагическое одиночество дает ему ту свободу и пространство, без которых он не мог бы творить.

Сам Идальго (он небольшого роста, одет очень тщательно, со вкусом) кажется воплощением поэтического уединения в большом и шумном Буэнос-Айресе. Он ездит в своей маленькой, старенькой машине (по-детски чистосердечно веря, что

никто на него не наедет), и все его поэтическое проникновение в смерть не подскажет ему, какой грозной опасности он подвергает свою жизнь. Его дом, вилла в пригороде Оливос, поражает своей уютной буржуазностью, а сам хозяин принимает гостей с истинно китайской учтивостью.

Идальго проявляет большой интерес к Азии, к Советской России. У него немного монгольское лицо и маленькая ленинская бородка, закрывающая подбородок. У него маленькие ловкие руки и быстрый взгляд слегка прищуренных глаз; они, как птицы, с любопытством смотрят на мир из листы уединения.

Идальго выражает самые крайние взгляды по целому ряду вопросов. Он называет себя врагом «номер один» всего испанского, считает несчастьем тот факт, что Испания оказала большое влияние на развитие Южной Америки, зло критикует испанский язык: слишком жесткий, неуклюжий, лишенный эмоциональной глубины. Зато он любит немецкий язык: для него это язык поэзии и философии. Немецкая философия является главной теоретической основой его творчества.

США он ненавидит всеми фибрами своей души и отказывается верить, что там можно найти хоть несколько порядочных людей. В настоящее время он как раз работает над новыми одами — «*Odas contrarias*», в которых гневно клеймит американизм.

Стихи, которые он посвятил своей покойной жене, проникнуты грустью, глубоко трогательны и в то же время не обычно красочны: это вдохновенный фейерверк, рассыпающийся огнями на фоне мрака.

Его книга стихов «*Carta al Peru*» («Письмо в Перу») — восторженно фантастическое описание родины поэта и прежде всего ее природы. Он говорит о своей тоске по родным местам, о страстной желании вернуться обратно в Перу, но это не реально существующее Перу, а страна, живущая в его воображении. Его стихи становятся выражением тоски по родине, которая достигает безграничных, почти космических масштабов.

Умозрительная космическая философия Идальго основана на современной атомной теории. Космос начинается в нем самом, в его атомной структуре, составляющей его тело и определяющей его мышление. Его поэтический радиолокатор излучает могучие импульсы чувства, охватывающие самые сложные и непонятные явления, проникающие далеко за границы жизни и смерти, за границы человеческого бытия и привычного ему мира.

Свой последний сборник Идальго назвал «*Espaciotiempo*» («Пространство и время»). В этом заголовке выражен смысл не только его собственной поэзии, но и большей части литературы, которая создается сейчас в Буэнос-Айресе.

Пространство — это, очевидно, бескрайние просторы Аргентины, пампа, море и небо, соприкасающиеся друг с другом в своеобразной абстрактно-плоскостной композиции. Время — вполне реальное измерение, наполняющее пространство содержанием и смыслом. Идальго-поэт постоянно парит над линией пересечения пространства и времени. В этом его слабость, его сила, его гениальность.

Строчки его стихов вспыхивают, словно электрические искры. Эти искры летят из одной точки в другую, освещая ту невидимую связь между ними, о которой никто не подозревал. На мгновение открываются новые, неизвестные страницы бытия, но прочесть их вы не успеете. Это фосфоресцирующий свет падающей звезды. Это абстрактно-конкретная поэзия.

СТИЛИЗОВАННЫЙ РЕАЛИЗМ

Вот уже несколько десятилетий, как в аргентинском искусстве и литературе развивается иное, более значительное направление, которое можно назвать стилизованным реализмом. Представители этого направления не только не уходят от действительности, а, наоборот, стремятся к возможно большей конкретизации явлений жизни, и их творчество всегда сохраняет злободневную актуальность.

Из художников наиболее интересны Эмилио Сентурион, Лино Спиллиберго, Антонио Берни, Ракель Форнер, Деметрио Уррухуа. Трое первых — неореалисты с яркой и мощной манерой письма, отражающей влияние аргентинского гигантизма. Оба последних тоже работают в реалистической манере, но их реализм более обобщающий, не столь подчеркнуто локальный.

Сентурион является создателем «Креольской Венеры», которая производит потрясающее впечатление своей могучей гигантски-округленной пластикой. Это олицетворение аргентинского культа плодородности и силы. Спиллиберго пишет более угловато, не так глубоко, зато краски на его полотнах играют, словно языки пламени.

У Берни, пожалуй, самая типично аргентинская манера письма: на его картинах все гиперболизировано, зарисовки крупным планом сочетаются с почти стереоскопической глубиной и рельефностью. Его полотна столь же широки по охвату изображаемого пространства, как и его стенная роспись; ему нужен безграничный простор для художественного воплощения коллективных форм жизни, ее всеобъемлющего многообразия.

Детально и в то же время с пафосом рисует он тяжелую долю трудящихся масс, рассказывает об их страданиях и пограничном человеческом достоинстве, о глубоком трагизме их существования и невыразимой жажде жизни.

Под большими каменными воротами стоят сельскохозяйственные рабочие; они собрались здесь, чтобы действовать сообща; с ними их грубые ломовые лошади. На скамейках, сгорбившись, сидят безработные; они словно застыли в бесконечном ожидании, грязные, оборванные, заросшие щетиной.

Ракедь Форнер создала свои первые значительные произведения в годы гражданской войны в Испании: ветви деревьев были скрючены судорогой боли, а цветы сочились кровью. Ее прежние, банально классические женщины теперь лежали, задушенные веревкой, скошенные пулеметной очередью, словно разбитые статуи, или молча стояли, страшные, измученные, изможденные, — олицетворение глубокого горя.

Ракедь Форнер рассказывает о человеческой боли, муках и страданиях. Ее фантазия создает ужасный мир войны и разрушения. Вокруг женских фигур, которые являются в какой-то мере ее автопортретом, она располагает символы ужаса и смерти: руки, словно пригвожденные к кресту; изуродованное дерево, похожее на изломанное пытками человеческое тело; снопы, напоминающие связки прутьев; земной шар в железных объятиях скелета; парашюты, усыпающие небосклон белыми цветами. Красный цвет, словно запекаясь кровью, темнеет роковыми пятнами и сливается в душевной гармонии с мертвенно-зеленым, бледно-желтым и черным.

Уррухуа — художник ужасов. Свои жуткие картины, полные мистического неистовства, он охотнее пишет на стене, чем на полотне. Одну из серий своих картин художник назвал «Сновидение и зверь»: мужчина с бычьими рогами занес свой палаческий топор над поверженной женщиной, а рядом встает на дыбы, ликуя, какое-нибудь животное, нередко лошадь, с ужасной открытой пастью. Разорванная шаль иногда закрывает все небо, а на земле до самого горизонта стоят люди, склонившиеся в безысходной печали. Картины Уррухуа, написанные немного мглистыми красками, кажутся пронизанными могучим ветром и волнами.

Среди писателей наиболее значительны Боргес, Мартинес Эстрада и Мальеа.

Боргес принадлежит к старшему поколению аргентинских модернистов. Он прекрасно знает Буэнос-Айрес, очень начитан и сейчас живет только книгами, хотя зрение у него ослабело. Он был рьяным противником перонового режима, так что в последние годы ему приходилось туго, зато теперь он подвергает Перона самой жестокой критике. Эрнесто Сабато обвиняет Боргеса в непоследовательности. Важным звеном в его мировоззрении всегда был монизм, убеждение в тождестве противоречий и великом единстве всего сущего. Но говоря о перонизме как общественном явлении, Боргес вдруг

становится дуалистом, измышляет абсолютные противоречия, одних объявляет абсолютно правыми, других — абсолютно виноватыми. Сабатто, напротив, подчеркивает необходимость признания аргентинцами того факта, что все они в какой-то мере несут ответственность за режим Перона: лишь осознание этой общей вины может вывести страну из тупика.

Боргес уже давно перестал писать стихи; он считает, что ему никогда не стоило заниматься поэзией. Зато он продолжает писать эссе и короткие рассказы, и в этих двух жанрах он достиг редкой выразительности и силы изображения. Как эссеист он необычайно лаконичен, его анализ точен и яростен, он прекрасно ориентируется в литературах всех стран мира, хотя в первую очередь его привлекает все новое и загадочное, странное и непонятное. Как новеллист он сочетает замечательную остроту мысли со смелым полетом фантазии и кристальной четкостью формы. Его удивительные истории, полные глубокого смысла, можно было бы назвать интеллектуальными сказками, действие которых разрезает время и пространство. Там, где бескрайняя пампа переходит в океан, Боргес построил себе поэтическую башню из прозрачных камней, отшлифованных вечностью.

Эсекиэль Мартинес Эстрада имеет много общего с Боргесом. Он ревностно изучает и исследует аргентинизм, например в романе «Radiografía de la Pampa» («Рентгеновский снимок пампы»); это произведение уже стало классическим. Как литературный критик он отдает должное мастерству Сармиенто, Гудзона, Лугонеса, Кироги. Он анализирует даже такие животрепещущие вопросы, как причины политических неудач Аргентины, изнанка аргентинского индивидуализма и национализма.

Последние годы Мартинес Эстрада выступает и как новеллист. В сборниках «Tres cuentos sin amor» («Три рассказа без любви») и «Sábado de gloria» («Светлая суббота») он собрал свои так называемые «короткие романы». В них он рассказывает о страданиях и несчастьях простых людей, иногда в библейски эпическом стиле, как, например, описание наводнения, которое неумолимо надвигается, требуя все новых и новых жертв. Иногда это постепенное нагнетание ужаса и безупречная логика развития сюжета приводят читателя к самым потрясающим ситуациям.

— Персонажи этих рассказов, — говорит сам автор, — объединены общностью судьбы; они страдают, ибо живут в стране, где нет справедливости. Написанные при Пероне «короткие романы» заключают в себе острую критику диктатуры, но это не политические памфлеты, а подлинные произведения искусства, насыщенные глубокой символикой.

Эдуардо Мальеа известен прежде всего своими психологическими романами, действие которых разворачивается в Буэ-

нос-Айресе. Его аргентинизм — это трагическая неудовлетворенность жизнью, критика общественной организации страны. Он рассказывает о молодых людях с образованием и умом, стремящихся внести свой вклад в дело обновления общества. Но их попытки тщетны, они не получают признания, не могут найти применения своим силам и постепенно впадают в отчаяние. Потерпев поражение, они утешают себя верой в Хуана Аргентино, неизвестного героя, который воплощает в себе неиссякаемую, но пока что дремлющую силу народа, его огромную волю к победе. Но эту силу и эту волю нужно сначала разбудить. А кто может это сделать? (Во всяком случае из Перона Хуан Аргентино не получился.)

Мальеа называет Буэнос-Айрес «городом болтливых призраков». городом, в котором слова значат все, а дела ничего. Жителя Буэнос-Айреса можно сравнить с бронзовой статуей, которая вдруг надела синий костюм и зашагала по улицам. Вся его интеллигентность заключается в выпрением скептицизме, который позволяет ему смотреть на всех сверху вниз и ничего не требовать от самого себя. Если вы умеете хорошо одеваться, бойко болтать и на все махать рукой — для Буэнос-Айреса этого вполне достаточно.

ВВЕРХ ПО РЕКЕ ПАРАНА

Билеты на пассажирские пароходы, курсирующие по Паране, продаются в министерстве на улице Коррьентес. Однако достать их — дело нелегкое. Если вам не нравится стоять в длинной очереди с четырех часов утра без всякой гарантии на успех, то придется прибегнуть к помощи амиго. Билет стоит дешево, но первый класс здесь мало чем отличается от третьего. Каюты имеют крайне неприглядный вид, в дверях нет ключей. Завтраки, обеды и ужины состоят из жесткого, как подошва, мяса. Сеток от москитов нет и в помине.

Наш пароход когда-то был простым иммигрантским судном, но буйный восторг его пассажиров говорит о том, что теперь он стал туристическим. Пассажирам нравится буквально все. Это скучное путешествие для них — сплошной праздник. С волчьим аппетитом они поглощают жесткое мясо, говорят без умолку, кричат друг другу в лицо и раскатисто хохочут. Стойкие любители пейзажа, восхищаясь красотами реки, не покидают палубы с утра до вечера и далеко за полночь танцуют перед каютами под граммофон. Сильные жизнерадостные люди, неприятельные и всем довольные, они как бы олицетворяют еще очень молодую зеленую грубовато-здоровую Аргентину. Это жители Буэнос-Айреса, которые скопили денег на поездку по реке, быть может, до самого водопада Игуасу. Кроме того, здесь много народу из сел и го-

родов, расположенных выше по течению реки, а также внутри страны; все они возвращаются домой, проведя отпуск в столице.

Отплытие из Буэнос-Айреса. Утро, солнечное и ветреное. Морской канал, длинные причалы, мрачные бойни и огромные холодильники для мяса, высокий мост у Ла-Бока, гавань с громадными нефтехранилищами, набережная с половодью ила у самой воды, купальщики, уходящие по мелководью далеко в море. Ряды дымящих пароходов, которые стоят у входа в каналы, поджидая лоцманов, море, непрерывно меняющее цвет — от желто-коричневого до светло-красного. Там, далеко за горизонтом, — Австралия, и кажется, что, если идти все прямо и прямо, можно прийти до нее.

Буэнос-Айрес накрыт черным капюшоном копоти; издали город похож на беспорядочное нагромождение белых скелетов, а высокие дома чем-то напоминают зубы, торчащие из пасти чудовища.

Сначала мы плывем на север по Ла-Плате, Серебряной реке; это одновременно и устье и морской залив; берегов уже не видно. Вода мутновато-желтая, неровная, по ней плывут зеленые ветки деревьев. Стоят землечерпалки, похожие на развалины завода. Когда они не работают, на них садятся птицы.

Поворачиваем на северо-запад, вверх по Паране. Вода еще желтее. Узкие акварельно-зеленые мазки вместо берегов. Широкая лента воды, протянувшаяся от горизонта до горизонта, возникающая из ничего и исчезающая в ничто.

Постепенно берега подступают все ближе и ближе, образуют кустарником, покрываются густым поясом леса. За безлюдными пристанями прячутся на небольших вырубках летние домики, будто кельи отшельников. Нередко лес редет и превращается в узкую зеленую полосу, за которой до самого горизонта простирается выжженная солнцем пампа.

Снова утро. Росарио. Угрюмые бойни и элеваторы, стоящие у высоких берегов реки. На мостках смерти теснится скот, спешащий под нож мясника. Со стороны пампы идут поезда, окутанные клубами дыма.

Вдоль берега раскинулись сады бедняков; на деревьях с обрубленными ветвями укреплены ветряки; в лодках (это просто выдолбленные стволы деревьев) играют голые ребятишки.

Вечер. По обоим берегам реки расположились города Парана и Санта-Фе. Фонари и дым. Холодильники для мяса и склады зерна.

Проходят дни. На берегах по-прежнему только пампа. Небольшие селения: Эскина, Гоя. Плавающая пристань; от

берега ее отделяет узкая полоска воды. Церковь, поднимающаяся над сплошной стеной травы.

Заходящее солнце, река, затянутая зеленым струящимся шелком. Дым парохода, словно длинный черный дракон, плывет в медно-красное зарево заката. Снова дым, но теперь это черная ель, отражающаяся в бирюзовых водах реки. То и дело по реке скользит сиреневая тень от трубы и клубов дыма, уже похожих на дерево с широкой колышущейся кроной.

Начинается район Чако. Вдоль берега расположились кожевенные фабрики и склады красного кебрачо. (Это один из крупнейших промышленных районов в бассейне Параны. Красное кебрачо растет в глубине Чако; там его рубят и подтаскивают на быках к рекам и железнодорожным станциям. Эта порода дерева очень богата дубильной кислотой.)

Корриентес — последний порт на Паране перед ее слиянием с рекой Парагвай. Пассажиры пересекаются здесь на небольшие суда, которые идут в Посадас, Игуасу, Асунсьон. Грузы, в том числе ящики с сыром и грампластинками, передаются вручную по живой цепочке, по мосткам. Всякому понятно, что жителям пампы не терпится послушать новое танго из Буэнос-Айреса.

А в общем довольно скучное путешествие: все одно и то же, ничего интересного.

ОБЕРА В МИСЬОНЕСЕ

Река Парагвай осталась позади. Мы переплываем на катере реку Альто-Парана и поднимаемся по трапу на высокий обрывистый берег. Посадас. Жара, горизонт затянут грозвыми облаками с белой оторочкой, земля высохла и дымится зноем. Посадас задыхается от недостатка воды. В отеле нам сразу же объявили, что воды нет, туалеты не работают, и нам негде даже помыть руки.

За последние месяцы здесь не было ни капли дождя. Река лениво течет мимо измученного засухой города, она пожелтела и сильно обмелела. Деревья роняют сухие листья, и они уныло шуршат под ногами. Перед зданиями учреждений с тротуаров и лестниц сметают пыль. Пыль красная, словно размельченный кирпич; она проникает всюду и все окрашивает в красный цвет.

Те, что вылезают из лимузинов и джипов, тоже покрыты красной пылью. Пыль въедается в волосы, и у вас создается впечатление, что все обитатели здешних мест рыжие. Белые или вороные лошади становятся гнедыми. Мужчины ходят в брюках из желтовато-красной ткани под цвет красной пыли.

Можно подумать, что основная специализация города — стрижка волос, ставшая главной отраслью местной промышленности. Чуть ли не в каждом доме парикмахерская, жар-

кая, душная, но никогда не пустующая: лязг ножиц разносится по улицам, словно стрекотание кузнечиков.

Посадас до сих пор сохранил облик совсем юного города, лишь недавно созданного пионерами освоения пампы: улицы и кварталы кажутся слишком пустыми и квадратными, вокруг слишком много воздуха и незаполненного пространства.

Мы хотим побывать в шведской колонии, которая находится в Обера, и решаем выехать туда как можно скорее. Это совсем не так близко, как мы себе представляли,— более ста километров, и дорога очень плохая. Похоже на то, что будет гроза; если пройдет сильный дождь, дорогу размочет, и она станет совершенно непроходимой. Лишь после долгих поисков нам удастся найти шофера такси, который согласен рискнуть и отвезти нас в Обера.

Время уже за полдень, жара стоит невыносимая. Ни ветерка. Красная пыль неподвижно висит в раскаленном воздухе, она даже не успевает осесть на землю, а проезжающие машины поднимают все новые и новые тучи пыли, клубящиеся, как красноватый туман. Дорога темной полосой прорезает этот туман, уходя в чуть вздыбленную холмами даль. Земля кажется жесткой и неплодородной.

Иногда мы проезжаем небольшие районы, где земля не красная, а светло-серая. Кажется, будто цветной фильм вдруг заменили обычным черно-белым; мир словно померк, стал скучным, серым и унылым.

Когда навстречу нам попадает какая-нибудь машина, некоторое время мы едем вслепую сквозь красное клубящееся облако. Красная пудра сыплется на голову, забивается в поры. Потные руки кажутся обгаренными кровью только что зарезанного быка.

Начинаются леса. Горные хребты становятся все круче, все гуще одеваются зеленым лесным покровом. По обеим сторонам дороги все заросло кустарником; листья покрыты пылью, словно пятнами запекшейся крови или разъедающей железо ржавчиной. Огненно-красный туман висит над низинами, обволакивает кроны деревьев.

Иногда мы проезжаем мимо небольших домиков, которые немедленно принимаем за шведские, но до шведской колонии мы еще не доехали. Тем не менее здесь тоже живут иммигранты, и их европейские домики кажутся заблудившимися среди дикой пампы. Там и сям мелькают белокурые головки ребятишек. Здесь есть деревянные избы, в которых размещаются школы, и деревянные церкви с узкими шпилями — явно протестантские.

На небольших лесных вырубках зеленеют возделанные поля, а там, где лес еще только корчуют, стоят или лежат на земле обугленные стволы деревьев.

Чем ближе к Обера, тем оживленнее становится движение по дороге; все чаще мы встречаем грузовики с целыми горами мешков, все чаще останавливаемся у обочины, дожидаясь, когда пыль хоть немного рассеется.

Мы все время едем через красноватую дымку тумана, которая горит в косых лучах заходящего солнца и с наступлением сумерек постепенно темнеет. Наконец шофер делает знак рукой: там Обера. По склону хребта рассыпались домики, а противоположный склон спускается в глубокую, узкую долину. Это настоящий город первых колонистов: вдоль курящихся красной пылью улиц стоят деревянные дома, а между ними деревья или просто поле. По улицам едут джипы с женщинами и детьми, тракторы, на которых целые семьи совершают вечернюю прогулку, повозки с высоким сиденьем, запряженные парой лошадей.

Обера оказалась гораздо больше, чем мы думали. Неужели это шведский город? И в каждом доме действительно живут одни шведы? И мы можем заговорить по-шведски со всеми этими белокуроыми, голубоглазыми людьми, которые ходят по улицам? Просто невероятно. Тогда мы еще не знали, что в городе живет совсем немного шведов и вообще скандинавов, а его белокурые обитатели — в основном немцы, поляки и украинцы.

Нам посоветовали разыскать вдову Хольмстрем, которая живет возле церкви. Мы много слышали о шведской церкви в Обера, но не предполагали, что там есть несколько церквей. Увидев роскошный, хотя и недостроенный, кирпичный собор, стоящий на высокой горе, мы сразу решили, что мы у цели. Но собор оказался католическим, и никто не слыхал о вдове Хольмстрем. Другая церковь, поменьше, с острокопечной протестантской башней, оказалась немецкой.

Шведскую церковь разыскать не так-то просто: это низкое кирпичное здание пока еще без башни. Первое, что нам бросается в глаза, — сине-желтая шведская консульская вывеска. Из соседнего дома высовывается какая-то женщина, явно шведка. Ну, конечно, это госпожа Хольмстрем (которую чаще называют сестра Сигрид). Двадцать пять лет назад она приехала из Швеции в Обера; она ухаживает за больными, принимает новорожденных, всем помогает, всех ободряет и все поверяют ей свои тайны, горести и радости.

Не говоря ни слова, она тащит нас, насквозь пропитанных красной пылью, в свой нарядный уютный домик. Здесь есть вода! Мы сейчас примем душ, а потом будем пить холодную воду с лимоном! Но в этот момент гасят свет (что довольно часто случается в Обера), и нам приходится довольствоваться неровным светом свечи.

Пыль и вода — главная тема всех разговоров, которые ведутся в Обера. Пыль проникает в дом, рассказывает гос-

пожа Хольмстрем, рассказывает слишком жизнерадостно, чтобы это можно было принять за жалобу. Вы можете сколько угодно закрывать окна, ежедневно чистить, мыть и убирать комнаты — все равно будет пыль. Она словно стала составной частью воздуха. Только дождь может избавить вас на некоторое время от пыли. А если дождя не будет, то люди начнут страдать не только от пыли, но и от недостатка воды. Колодцы уже высыхают. Но, возможно, уже сегодня ночью пойдет дождь. Вот будет радость! Нет ничего лучше, чем проливной дождь после долгой засухи.

— Вас ожидают на одной плантации, где скандинавы устраивают праздник,— сообщает госпожа Хольмстрем.

Через минуту мы сидим в машине и едем по узенькой дороге, обсаженной растительностью. Перед автомобильными фарами кирпичной стеной стоит облако красной пыли. Сгущается тьма, прорезаемая длинными горизонтальными молниями. Теперь фары все время освещают ровные ряды деревьев — это плантации. Вдруг из темноты вынырнуло здание, из окон которого льются потоки света. Откуда-то появляются собаки, за ними веселой гурьбой высыпают люди.

Как только мы выходим из машины, нас окружает толпа; они жмут нам руки, называют свои имена и приветствуют так сердечно, словно мы их долгожданные гости и друзья. Все говорят по-шведски, датски или норвежски, не обращая внимания на различия, которые существуют между этими языками.

Хозяин — высокий норвежец, прямой, как свеча, настоящий колонист-пионер, сильный и выносливый; его зовут Хенри Клейвен из Мушеена. Он и Одд Ботнер из Харстада являются опорой всей скандинавской колонии.

Праздник удался на славу, радостное настроение присутствующих отчасти объясняется надеждой на дождь. Рано или поздно все задают друг другу один и тот же вопрос:

— У вас есть вода? У нас уже нет! — И тут все голоса сливаются в общем хоре:

— Должно быть, сейчас пойдет дождь! Давно пора! А то нам придется плохо!

Потом, обращаясь к нам:

— Вам не кажется, что все мы тут посходили с ума? Просто мы очень ждем дождя! И мы ни о чем другом не можем сейчас думать! Если пойдет дождь, мы запляшем, как дикари...

Около полуночи гости начинают расходиться, а дождя все нет и нет. Напряженное ожидание сменяется грустной покорностью судьбе: может быть, дождь будет утром, а может быть, опять пройдет стороной.

Хозяева передают нас Эрику Барнею и его жене Анне, и мы едем в стареньком джипе на их плантацию. Кирпичный дом, окруженный деревьями, похож на вполне современную помещичью усадьбу. Вдоль стен тянутся книжные полки, комнаты обставлены со вкусом, безо всякой мишуры.

И конечно, гостеприимство...

Под утро начинается дождь.

ПИОНЕРЫ И ИХ ПРЕЕМНИКИ

О шведах, уехавших за океан и поселившихся в Мисьонесе, немало пишут и говорят. Мы до сих пор представляем их себе романтическими героями джунглей, которые неустанно ведут борьбу за существование где-то в самых диких уголках Южной Америки.

Но, приехав туда, сколько бы вы ни искали, вы не найдете маленькой жалкой колонии, затерянной в тропических лесах и отрезанной от всего цивилизованного мира. Население района достигает тридцати тысяч человек, а его главный город, Обера, насчитывает уже восемь тысяч жителей. Здесь обосновались представители тридцати наций, не считая аргентинцев. Шведы с детьми и внуками составляют лишь незначительную часть местного населения — их не больше тысячи.

Сама провинция Мисьонес — узкая полоса аргентинской земли, зажата между Бразилией и Парагваем; граница проходит по рекам Уругваю и Альто-Паране. Этот край гораздо обширнее, богаче, а природа его разнообразней, чем вы себе представляете; он имеет мало общего с Аргентиной, ибо и Буэнос-Айрес и пампа отсюда далеко.

Мисьонес находится на Паранском плоскогорье; большая часть области покрыта лесами; помимо прочих пород деревьев, здесь растут величественные араукарии и седро. В лесной чаще живут обезьяны, ягуары, пумы, тапиры, водяные свинки, попугаи, туканы. Переселенцы вырубали и жгли лишь самый край леса. Колонизацию этой области начали иезуиты в середине XVII века. Они пришли сюда из Бразилии и построили из песчаника город Сан-Игнасио-Мини, который вскоре уже насчитывал свыше четырех тысяч жителей. Всего на территории колонизируемой области жило около ста тысяч индейцев, которых иезуиты обратили в своего рода патриархальное рабство. После запрещения ордена иезуитов в 1767 году колония быстро пришла в упадок, индейцы переселились в другие области, а город обратился в заросшие травой руины.

Шведская иммиграция в Южную Бразилию шла двумя волнами: первая в 1891 году, вторая — после всеобщей забастовки 1909 года. В обоих случаях шведам пришлось очень

и очень туго: их водили за нос агенты по эмиграции, они так и не получили от государства обещанной помощи, сотнями гибли от болезней. Многие вернулись обратно в Швецию, небольшая часть осталась навсегда в Бразилии, а остальные перешли реку Уругвай (в этом районе им были отведены участки для колонизации) и поселились на более плодородных землях провинции Мисьонес.

Многие из нынешних обитателей шведской колонии в Обера сами пережили трагическую эпопею переселения в Южную Америку, еще когда были детьми или подростками. Адольф Линдстрем, Хильмер Кельстен, Йон Ольсон — любой из них расскажет вам приблизительно одно и то же о тяжелом, длившемся чуть ли не год переезде в Бразилию, об иммигрантских лагерях, где людей косили эпидемии, о голоде в лесах, о пальмовых хижинах и первых кукурузных полях, о корчевании леса, о тучах комаров, облепивших лицо (когда вы проводили рукой по щеке, рука была вся в крови), о ломотях, едва прикрывавших тело, и первой паре обуви, которую надели в шестнадцать лет.

— Просто удивительно, как мы все это пережили, — говорит старый Йон Ольсон, худощавый, с глубокими морщинами на лице. — Не было среди нас особых силачей, и питались мы плохо, часто болели, но работали, как волы; вставали на заре и босые шли по земле, белой от инея. Мы не разбогатели здесь, но, если сравнить то, что у нас есть сейчас, с тем, что было, вы поймете нашу радость: в общем поработали неплохо...

Бывшие иммигранты живут теперь на своих плантациях (которые называются *chacra*), живут довольно зажиточно, в уютных, благоустроенных домах. Одни дозвольствуются белыми деревянными домами, похожими на виллы, с цементными лестницами; вокруг растут цветы. Другие выстроили себе двухэтажные кирпичные дома, нарядно раскрашенные в красный и белый цвета; по всему фасаду до самой крыши цветут вьющиеся растения. У многих есть своя маленькая электростанция, приводимая в действие мотором, водопровод, холодильник. Перед домом обычно стоят один-два трактора, джип или лимузин.

Тяжелые годы изнурительного труда миновали. Теперь шведы в основном выполняют на своих плантациях роль надсмотрщиков, а работают на них поденщики из Парагвая и Бразилии. На плантациях прежде всего разводят дерево йерба, из листьев которого готовят мате, аргентинский национальный напиток и главное утешение бедняков. Кроме того, здесь растет тунговое дерево; его семена дают ценное техническое масло, идущее на изготовление высококачественных красок и лаков; и, наконец, апельсины, которые, одна-

ко, больше не разводят (здесь попытались наладить производство мармелада и эссенции из апельсинов, но оно оказалось нерентабельным).

Дикая йерба растет в лесах и достигает двадцати метров в высоту. На плантациях она значительно ниже, ибо каждый год рабочие обламывают молодые веточки с листвой. Листья накладывают в большие мешки, по сто килограммов в каждый, и отправляют на просушку.

У скандинавов есть кооперативная сушильная фабрика; транспортер подает листья в барабаны, вращающиеся над огнем, потом их продувают сухим воздухом и подвергают первичному измельчению.

Аргентина потребляет сто пятьдесят миллионов килограммов йербы-мате в год и даже импортирует ее из соседних стран. Хозяева плантаций йербы не могут пожаловаться на конъюнктуру: их продукция всегда находит сбыт по очень хорошим ценам. Йерба, после того как ее посадили, почти не требует ухода, и ее единственный враг — ночные заморозки. Через сорок лет дерево старится, а земля слишком истощается, чтобы на том же месте начинать новые посадки йербы. В этом случае надо расчищать уже другие участки или на старых плантациях сажать, какую-нибудь иную культуру.

Одни стали возделывать тунговое дерево, но оно дает меньшую прибыль, чем йерба. Другие сажают кусты чая, третьи предпочитают быстрорастущую араукарию, которая уже через десять-двенадцать лет идет на производство бумажной массы (аргентинские газеты требуют все больше и больше бумаги).

Большинство шведов живет в пяти-десяти километрах от Обера, и они мало общаются друг с другом. Встречаются лишь на праздниках, в церкви, на собраниях, в своих кооперативных предприятиях, таких, как сушильная фабрика, фабрика по производству тунгового масла и сельскохозяйственный кооператив.

Этот кооператив строит сейчас самое большое в городе здание в четыре или пять этажей, с массивными каменными стенами и открытым кафе на крыше. Здесь будет великолепный универсальный магазин, где вы сможете купить все, что пожелаете.

В городе несколько банков, больницы и школы, бары и бензозаправочные станции, а один японец недавно открыл химчистку. На рынке вы можете купить овощи и фрукты из южной Аргентины, с более высоким содержанием кальция, чем местные. Главную улицу делит пополам полоса зелени, а сама улица называется Пласолета де лос Экстраньерос (Маленькая площадь иностранцев).

Тридцать лет назад здесь не было ничего, кроме дремучего леса; двадцать лет назад на месте нынешних улиц были

плантации. Но и теперь грозные пауки-птицееды с кулак величиной еще заползают в дома в самом центре города, а на паркетном полу нередко можно увидеть коралловую змею.

БОЛЬШАЯ ВОДА

Мы целый день едем в джипе через провинцию Мисьонес; впереди — водопад Игуасу.

Ландшафт постоянно меняется: одни районы уже давно колонизованы, другие еще только отвоевываются у леса, а третьи покрыты совершенно девственными лесами.

После дождя пыли почти нет. Утро ясное и ослепительно светлое, воздух прозрачен, как хрусталь. На траве, на листьях, на бесчисленных паутинках блестит роса.

Со всех сторон синеют лесистые горные хребты. По обеим сторонам дороги — сплошная зеленая стена тропической растительности. В сторону от дороги нельзя буквально шагу ступить. Чтобы проникнуть в лесную чащу хотя бы на метр, нужно основательно поработать топором.

Мы просзаем все новые и новые районы, где полным ходом идет наступление на дебри. Зеленый лес лежит поверженный на земле, без усталости работают топоры, а среди поваленных деревьев танцует огонь. Там, где корчевание уже закончено, лежат черные обуглившиеся стволы и слабо дымятся, распространяя вокруг себя едкий запах пожара.

Корчевка леса — тяжелый труд, но создается впечатление, что механизировать его никак невозможно. Стучат топоры, визжат пилы, а солнце печет немилосердно. Уползают змеи, все кишит насекомыми, в воздух взлетают тучи бабочек.

А между тем при корчевке очень больших деревьев можно было бы использовать экскаваторы, при расчистке слишком заросших участков пригодился бы тол или какое-нибудь другое взрывчатое вещество. Но, очевидно, это слишком дорогое удовольствие. В основном здесь применяется ручной труд.

На краю вырубок стоят наскоро сколоченные дощатые хижины. За невысокими загородками роятся в песке куры. На веревке, протянутой между обуглившимися деревьями, висит белье. Недавно протоптанные тропинки связывают вырубки с дорогой. На красной земле растут кукуруза и маниок.

Мы решаем заглянуть к одному колонисту-датчанину. Он живет в очень аккуратном дощатом домике, еще пахнущем свежим деревом. Ему пятьдесят лет, с ним жена, у обоих чудесное настроение; глаза у них так и сияют радостью, озаряющей их загорелые лица. В углу между узкими кроватями стоит ящик с пивом, а к кофе у них всегда есть сгущенное молоко; в общем они пользуются всеми благами цивилиза-

нии. тем более что рядом проходит дорога и по ней все время мчатся машины.

Но это только начало. Скоро они переселятся в глубину леса: в семи километрах от дороги находится их плантация, и они ждут не дожудтся того дня, когда наконец смогут там обосноваться.

Мы едем дальше. Эльдorado — довольно большое селение, где живут главным образом иммигранты. На много километров раскинулись плантации араукарии — красивого высокого дерева с редкой кроной, похожей на зонтик. Здесь же находится лесопилка, а по обеим сторонам дороги сушатся сложенные в кучи плоды тунгового дерева, черные, как уголь.

Над небольшими рощицами возвышаются шпили церквей. Во многих селах живут или одни немцы, или швейцарцы. В узких долинах нередко текут маленькие речки, окутанные шерстистой дымкой: от их поверхности, согретой солнечными лучами, идет пар.

Ближе к Игуасу начинаются густые леса; несколько часов мы едем окруженные сплошной стеной деревьев. Их кроны смыкаются над дорогой, образуя зеленую аркаду. Цветущие ветви бьют по крыше нашего джипа, зловещие орхидеи колыхаются у нас перед глазами, словно отверстые пасти птиц с огненно-красными языками.

И тут мотор заглох. Что с ним случилось, неизвестно; очевидно, нам предстоит ночевать в лесу. Косые лучи солнца уже едва пробиваются сквозь темную завесу деревьев.

Вокруг очень тихо, но эта тишина соткана из множества свистящих звуков; лес живет полной жизнью. Несколько веток с длинными листьями вдруг начинают раскачиваться без всякой видимой причины. Пара зеленых птиц перелетает с дерева на дерево, издавая пронзительные крики. Когда мы выходим из джипа, на нас сыплется желтая и красновато-коричневая цветочная пыльца.

Здесь, на лесной дороге, мы впервые увидели вблизи паука-птицееда. Он торопливо полз через дорогу на своих крючковатых ногах. Величиной с кулак, он весь словно состоит из черной узловатой пряжи, покрывающей стальной проволочный скелет. Паука немедленно раздавили, и он превратился в черную клейкую массу, по которой стекало немного темной крови, а ноги его еще долго шевелились, как будто ловили воздух.

В Аргентине таких пауков называют *arana de pollo*¹. Пауки ловят птенцов: они не дожидаются, пока жертва попадает в паутину, а бросаются на нее сами. Эти пауки ядовиты и убивают довольно крупных животных; их боятся даже люди.

---

¹ Паук-пожиратель птенцов.

Незадолго до наступления сумерек мотор снова заработал, и мы едем дальше. Игуасу оказался гораздо ближе, чем мы ожидали, и скоро наша машина пересекает границу национального парка. Между деревьями сверкает вода, клубится светлая водяная пыль, и вот уже до нас доносится могучий грохот водопада, словно глухая вибрация земли и воздуха.

На открытом месте, возле самого ущелья, в котором течет река, стоит приземистый аргентинский отель; вокруг все заросло высокой наполовину увядшей травой. На противоположном берегу, высоком и крутом, стоит великолепный бразильский отель, похожий на замок; он гордо поднял свои башни над панорамой леса. Бразильцы занимают более удобную позицию и могут смотреть на аргентинцев сверху вниз. Но аргентинцы просто не обращают на них внимания и смотрят только на водопад, тем более что они считают Игуасу своим — и только своим.

Как только зашло солнце, на небе засиял серп месяца; мы поднялись на цементную башню, чтобы посмотреть на водопад при лунном свете (идти надо было по винтовой лестнице в крошечной тьме). Среди темной зелени водопад высятся, словно огромный светлый барьер, гигантский гребень воды, окутанный серебристо-белой мглой. Черные зубы скал разрезают пенистый поток и оставляют в светлом низвергающемся гребне темные провалы. Теперь вы воспринимаете водопад как громадную колонну, которая тяжело опирается о землю и несет на себе невидимый звуковой свод, раскинувшийся на десятки километров вокруг.

На следующий день мы атакуем Игуасу с разных сторон. Мы спускаемся по лестницам к его подножию (вернее, ко многим его подножиям). С некоторых террас можно протянуть руку под один из небольших каскадов, и вас зальет пенистыми брызгами, а над головой вспыхнут маленькие радуги. Внизу, у самого края бурлящего котла, вы можете наблюдать, как огромные массы воды, изгибаясь, катятся по склонам, темно-зеленые, чугунно-тяжелые, а потом обрушиваются отвесно вниз, словно застыв в непрерывно низвергающейся неподвижности. Разъяренная пучина клокочет, кипит и пенится, это чудовищная пасть, из которой, не смолкая ни на мгновение, несется громоподобный львиный рык.

Водопад Игуасу состоит из нескольких основных каскадов, разделенных скалами и террасированных так, что вода падает с уступа на уступ. Отдельные узкие потоки заливают сверкающую влагой, словно лакированную, растительность. Над обрывами висит густая завеса водяной пыли, которая окутывает утесы и оседает на ветвях деревьев.

Поднявшись наверх, вы можете пройти по деревянным мостикам, переброшенным через темные ущелья и потоки

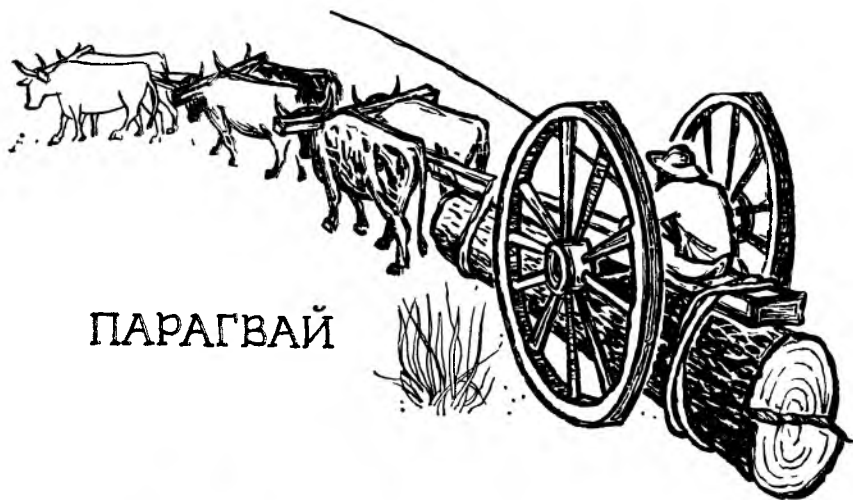

воды. Эта полусонная мистическая вода словно задумалась о чем-то на своем каменном ложе между барьерами из упавших деревьев и высокой водяной растительности, еще не ведая, что ее поджидает роковая бездна. Туристы высматривают аллигаторов, но здесь есть только ящерицы, греющиеся на камнях и древесных стволах.

Мостки подводят вас все ближе и ближе к водопаду, к утесам с перилами, похожим на капитанский мостик, и, стоя там, вы можете наклониться над ревущей и грохочущей пучиной. Вы можете петь или кричать, приказывать воде остановиться, но она все равно низвергается в пропасть, словно гигантский ременный шкив, отливающий темным зловещим блеском.

И наконец мост над самой рекой — двойные доски, железные перила, бетонные быки. Но часть моста обвалилась, и ее унесло водой, так что далеко по мосту не пройдешь.

«Игуасу» — слово из языка гуарани; оно означает «большая вода». Водопад Игуасу пользуется широкой известностью в Южной Америке, и здесь его называют самым большим и самым красивым водопадом в мире. Однако это далеко не так. Водопад Виктория превосходит его во всех отношениях: как грандиозное зрелище, как изумительное творение природы, как громоподобный рев низвергающейся в бездну воды и грибообразная колонна водяной пыли, видимая за много километров вокруг.

ПАРАГВАЙ

ДИКИЙ И ЖИЗНЕРАДОСТНЫЙ ПАРАГВАЙ

золированный и отрезанный от всего остального мира Парагвай лежит в самой глубине южноамериканского материка, в тысяче пятистах километрах от океана.

Парагвай находится в полной зависимости от Аргентины, это почти аргентинская колония. Страна представляет собой один громадный концентрационный лагерь, где диктатура установила режим террора. Ехать в Парагвай неразумно и даже опасно для жизни. Об этом постоянно говорят во всей Южной Америке и главным образом в Аргентине.

Но, попав в Парагвай, вы увидите много такого, что будет для вас приятной неожиданностью. Это чрезвычайно своеобразная страна, красочная и неукротимая в своем беззаботном жизнелюбии. Несмотря на разорительные войны и террор, парагвайцы — жизнерадостный и непосредственный народ, живущий в пока еще диком и неосвоенном крае.

После Аргентины, которая часто производит довольно унылое впечатление, Парагвай представляется зеленой идиллической страной. Люди здесь говорят на певучем индейском наречии, ходят очень плавно и мягко, не сгибая спины, и весь их облик свидетельствует о том, что они хоть и бедны, но в общем счастливы.

Из Корриентеса мы плывем на пароходе по реке Парагваю: один берег аргентинский, другой — парагвайский, и так до самого Асунсьона. Оба берега низкие, заросшие лесом, а там, где

лес расступается, зеленеют заливные луга. Над самой землей тяжело летают голубовато-серые цапли; они садятся в высокую траву, и из нее торчат только головы на длинных шеях. Блестящая, как зеркало, вода меняет свою окраску от угольно-черной до темно-зеленой. Иногда вода мутнеет и приобретает красноватый оттенок — это поднялся со дна ил.

Уже наступает вечер, когда пароход причаливает к пристани на аргентинском берегу: Формоса. У самой реки заканчивается железнодорожная ветка, на берегу лежат штабеля красного кебрачо, а неподалеку стоит кожевенная фабрика, над которой поднимаются клубы белого пара, — обычный ландшафт аргентинского городка. Река здесь делает изгиб и течет дальше, унося с собой островки зеленой травы. Маленькие катера перевозят пассажиров на парагвайский берег, где над группой домиков развевается красно-бело-голубой флаг. По тропинкам в высокой траве идут люди, многие держат в руках красные или желтые зонтики от солнца.

После Формосы пароход плывет, держась ближе к парагвайскому берегу; лучи заходящего солнца окрашивают землю и воду в золотистые и багряные тона. Между рядами аккуратных белых домиков тянутся широкие, заросшие травой улицы. Посреди высятся статуя какого-то война-героя. Вдоль берега вьется зеленая дорога для тех, кто идет босиком или едет верхом. Здесь же стоят редкие деревья, в тени которых можно отдохнуть.

Мужчины идут с длинными ножами-мачете на плече. На берегу реки женщины стирают и развешивают на кустах мокрую одежду, ярко-красную или голубую. Можно подумать, что вечером все население городка устремляется к реке: многие едут купаться верхом, девушки в желтых или розовых платьях бегут по тропинкам, а какой-то мальчуган едет на корове. Некоторые ребята сидят на лошади совершенно голые; они оставили одежду дома и въезжают прямо в реку, трут лошадь руками, купают ее и купаются сами. Ребята постарше с веселыми криками бросаются в воду и плывут наперегонки с пароходом.

Женщины степенно шествуют по дороге с ношей на голове и сигарой в зубах. Отцы семейства едут верхом с работы, а у них за спиной примостились ребяташки. Рыжая собака задумчиво сидит на берегу.

Разве это не напоминает вам полотна Гогена: люди, похожие на первобытных детей природы, ландшафт, насыщенный яркими тропическими красками?

ГОРОД ВОЗНЕСЕНИЯ

Названия крупнейших парагвайских городов взяты из христианской мифологии: Консепсьон (непорочное зачатие), Энкарнасьон (воплощение), Асунсьон (вознесение на небо). Асунсьон, столица, построен на высоком берегу в излучине

Парагвая, чуть выше того места, где он впадает в реку Пилькомайо, на расстоянии ружейного выстрела от аргентинской территории.

На рассвете мы подплываем к городу, но сначала причаливаем к пристани в небольшом порту на аргентинской стороне. Река сильно разлилась, вокруг домов все залито водой, так что ходить приходится по наложенным всюду доскам. На цементной крыше магазина в маленьких белых палатках спят люди. Когда они просыпаются, палатки начинают дергаться и вздрагивать, словно вдруг подул сильный ветер. Потом отсюда появляется голая нога, за ней рука и наконец взъерошенная голова.

Одолевают москиты. Заспанные пассажиры бродят, зевая, по судну. Несколько парагвайцев уже надели свои лучшие костюмы, чтобы ступить на родную землю в полном параде. Корабельный кот пристраивается, зажмурив глаза, над букетом цветов, забытым на скамейке.

Потом все молча стоят на палубе, глядя на Асунсьон. Утренняя заря окрашивает в багряные тона бегущие по небу облачка, а весь ландшафт затянут зеленовато-голубой дымкой. Появляется лесистый холм, который парагвайцы называют горой, потом залитая водой низина, поросшая кустарником, потом приземистый кирпичный завод, в печах которого бушует пламя.

Мельница, кожевенный завод и консервная фабрика вычерчивают над городом темные силуэты. Потом идут казармы, учебные плацы (звучат сигналы трубы), желтый собор, здание больницы. А в небе кружится личный вертолет президента.

Разлившаяся река сверкает серебром в лучах утреннего солнца. Старые, ржавые речные пароходы и баржи словно навеки вросли в дно. Речной поток непрерывно скоблит красный береговой обрыв, и земля постепенно осыпается в воду.

Дома в Асунсьоне довольно низкие, но зато просторные и вместительные, с патио¹ и фонтанами в старинном испано-мавританском стиле. Улицы начинаются у реки, уходят вдаль и исчезают среди идиллических фруктовых садов. Город Вознесения представляется каким-то земным раем, в котором время вдруг остановилось. Весь остальной мир кажется далеким и труднодоступным. Лучше сидеть дома и не беспокоить себя понапрасну.

Движение на улицах небольшое, автомашин мало, и повозки, запряженные быками, беспрепятственно доезжают до самого центра города. Женщины едут верхом на лошадях или ослах и везут полные корзины грейпфрутов и овощей. Многие идут под зонтиками, отбрасывающими на землю разноцветные тени. Нередко вы можете увидеть женщин-полицейских, очень

---

¹ Патио — внутренний двор.

мужественных на вид, с пышной грудью, в английских блузках и красных галстуках.

Здания, парки и памятники носят имена разных диктаторов и генералов, постоянно напоминая о событиях злополучной войны шестидесятых годов прошлого века. Тогда же был построен президентский дворец в стиле парижского Лувра; он должен был служить подобающим обрамлением для новоявленного южноамериканского Наполеона. На площади Героев возвышается пантеон с фаянсово-голубым куполом; его строили почти семьдесят лет. Вокзалу на тенистой Пласа Уругваяна недавно исполнилось сто лет — это длинное красивое здание с деревянными колоннами. Лучший отель города (принадлежащий одной шведке) помещается в бывшем дворце диктатора Лопеса. Столовая, потолок которой расписан голубыми вьющимися растениями, когда-то была театром; диктатор Лопес подарил его своей любовнице-ирландке.

В Асунсьоне нет ни водопровода, ни канализации. Зато здесь есть тридцать футбольных полей, на которых без труда может разместиться все население города.

Отель, в котором мы остановились, называется «Терраса». Его построил один немец, который начал с ресторана, а потом пристраивал на речном обрыве террасами все новые и новые этажи. В самом нижнем этаже находится наша комната с тяжелыми драпировками из красного бархата; сто́ит до них дотронуться, как тотчас же поднимаются тучи пыли и москитов. Вечером зажигают брикеты из прессованных древесных опилок, которые горят всю ночь; их дым отпугивает москитов.

С балкона, выходящего на реку, можно наблюдать, как живут люди. Это очень интересно: своеобразный театр парагвайских буден. Парагвайские семьи проводят целые дни под открытым небом; здесь же стоят их кровати, прикрытые сетками от москитов. Дети сосут материнскую грудь, размазывают по лицу перезрелые бананы, щиплют обленившихся собак, кошек и свиней. Дети и животные вместе лежат на земле, катаются в красноватой пыли и наслаждаются солнцем. Мужчины лежат в гамаках под деревьями, почти не двигаясь. Фрукты падают с дерева прямо в гамак или к ногам женщин, которые сидят на траве и курят сигары (у меня сложилось впечатление, что в Парагвае женщины курят больше мужчин). По береговым обрывам скачут козы, жуют древесную кору и старую бумагу.

Бедность, грязь, обзетшание? Верно! Но верно также и то, что в их жизни много своей радости и своего идиллического счастья. Это не те жуткие трущобы, какие вы можете увидеть в других странах Южной Америки. Парагвайцы подметаю землю вокруг своих домов, неплохо едят, сидя под деревьями, часто стирают свою одежду и моются в реке. По вечерам весь берег заполнен купающимися, а из воды торчат только головы.

Хуже всего то, что река часто затопляет берега, заливая хижины и превращает всю окружающую местность в сплошное болото. И тогда люди действительно оказываются бездомными, до тех пор пока не спадет вода. Кроме того, здесь всегда нужно опасаться малярии или еще каких-нибудь заболеваний.

Среди ночи где-то совсем рядом с отелем раздается серенада. Нас будит громкий собачий лай. Потом начинается музыка, и собаки сразу умолкают, словно сообразив, в чем тут дело. Играют на гитарах и парагвайских арфах. Слышны голоса двух или трех женщин, которые поощрительно смеются. Но музыканты ни на что не обращают внимания; сейчас они принадлежат только своим инструментам. Они создают серенаду, музыку во имя самой музыки, наполняя ее звуками жаркую парагвайскую ночь.

КРАСНАЯ ПОЛЬКА

В газетах Буэнос-Айреса много пишут о нищете парагвайцев, о диктатуре, терроре и всяких бедах, терзающих страну. Однако непосвященный ничего этого в Асунсьоне не увидит (хотя отсюда вовсе не следует, что этого нет).

Парагвай содержит до нелепости большую армию (впрочем, какое из южноамериканских государств обходится без большой армии?). Но для Парагвая военные расходы являются еще более непосильным бременем, чем для любой другой страны. И все-таки большинство парагвайцев идет на это: милитаризм издавна окружен здесь романтическим ореолом. То, что ведет Парагвай к разорению, к подрыву экономики, считается чуть ли не источником национального богатства.

Парагвай, страна с наименьшим в Южной Америке население, упорно ввязывается в опустошительные войны. Самым популярным национальным героем является диктатор Лопес-младший, который сумел вовлечь Парагвай в войну сразу с тремя соседями: Бразилией, Аргентиной и Уругваем. Война продолжалась пять лет, пока диктатор не пал, а мужское население страны катастрофически сократилось.

Английский писатель Кэннингхейм Грэм рассказывает о своей поездке по Парагваю вскоре после этой войны. Он нигде не видел ни одного мужчины, зато в деревнях встречал толпы сильных и дородных женщин, которые курили сигары, обнадеживающе подмигивали и кричали: «Хотим мужчин! Хотим мужчин!»

В результате того, что страна сильно обезлюдела, женщины получили в Парагвае довольно большую свободу. Нужно было думать не о морали, а об увеличении рождаемости. До сих пор здесь к браку относятся без особого уважения, мужчины и женщины живут друг с другом, не оформляя своих отношений, и никто никогда не спрашивает, кто отец ребенка. У внебрачных

детей те же права, что и у детей, рожденных в браке, и даже католические священники не грозят одиноким матерям геенной огненной. В толпе темноволосых детей нередко можно увидеть маленьких блондинов, ибо в Парагвае живет немало немцев и скандинавов. Один пожилой колонист-скандинав рассказал мне, что недавно узнал о своем сорок девятом ребенке и ему очень хочется округлить это число до пятидесяти!

Последняя война была с Боливией (1929—1935) из-за дикого Чако. Парагвай победил, но снова потерял уйму народа. Население страны до сих пор не превышает полутора миллионов человек.

У Парагвая очень слабая экономика, что в первую очередь объясняется отсутствием какой-либо важной экспортной продукции (отчасти это результат высоких накладных расходов на транспортировку товаров).

Это отсталая и слабо развитая страна, и тем не менее в своем в общем очень примитивном плане она живет не так уж плохо. Здесь есть земля и разнообразные природные богатства. У людей жизнерадостные, искренние лица, и они полны уверенности в своих силах. Они не знают расовой дискриминации, и никто не стыдится своего социального положения.

Парагвай, затерянный в глубине Южной Америки, всегда страдал от отсутствия удобных коммуникаций с внешним миром. Но зато парагвайцы сохранили свое национальное своеобразие, обусловленное историей; белые завоеватели давным-давно слились с исконным населением Парагвая — индейцами племени гуарани. Парагвай — это единственная в Южной Америке страна, население которой полностью состоит из метисов. В Парагвае никто не говорит о *чоло*, ибо здесь все *чоло*.

Иммигранты из Европы, переселившиеся сюда после военной катастрофы 1870 года, тоже оказались быстро втянутыми в это смешение рас и народов. Конечно, они остались белыми, но в то же время приспособились к парагвайскому образу жизни и научились языку гуарани. В некоторых отдаленных районах страны иммигранты и остальное население говорят друг с другом то на гуарани, то, к примеру, на немецком языке, но только не по-испански.

Другие южноамериканцы нередко отзываются о Парагвае пренебрежительно именно потому, что это страна метисов. (Особенно аргентинцы, которые считают себя чистокровными белыми, а следовательно, «нацией высшего качества», успешно покончившей с индейским населением страны). Но по тем же соображениям Парагвай может быть даже предметом тайной зависти. Ибо парагвайцы, более чем кто бы то ни было, настоящие южноамериканцы, народ, который полностью слился с коренным населением континента. У них есть прочные корни и твердая основа — как раз то, чего не хватает остальным южноамериканским нациям.

Борьба за политическую власть долгое время происходила между либералами и колорадо, или «синими» и «красными». Либералы — это консервативная партия, которая когда-то была у власти и установила режим, весьма похожий на диктатуру. Колорадо, хоть и называются красными, не имеют ничего общего ни с коммунистами, ни с социалистами. Нередко их называют фашистами или парагвайскими перонистами, а в общем это националистическая партия, которая вкушает теперь от лакомого пирога, именуемого государственной властью.

Они довольно жестоко расправились с либералами, многих выслали из страны, и те, живя в изгнании, ведут против своих политических врагов широкую пропагандистскую кампанию (судя по всему, деньги у них есть). В концентрационных лагерях томятся самые беспокойные из политических противников, и к ним применяют чисто гестаповские методы допроса.

Иногда обстановка в Парагвае накалялась до того, что было небезопасно носить синий галстук; его немедленно принимали за символ либерализма, и самое меньшее, на что вы могли рассчитывать, — это потерять галстук. В небольших городах партийная борьба нередко принимала трагикомические формы; синие и красные попеременно грабили друг друга, как только власть переходила от одной партии к другой. Какое-нибудь несчастное пианино, бывало, таскали десятки раз взад и вперед между двумя домами. За садом ухаживали одни, а фрукты собирали другие, кроликов кормили хозяева, а резали их соседи, партия которых пришла к власти.

Нынешний президент Альфредо Стрознер, немец по происхождению, опирается на партию колорадо и на военных. Партия расколота на фракции, которые ведут между собой ожесточенную борьбу за самые выгодные должности. Некоторые хотели бы, чтобы президент порвал с партией и опирался только на военных, ибо тогда меньше было бы загребущих рук и народ получал бы чуть побольше. Политическая обстановка расценивается как крайне неустойчивая, президентский дворец тщательно охраняется, а вертолет готов в любой момент подняться в воздух. И если произойдут какие-нибудь непредвиденные события, то, как многие полагают, президент улетит отсюда не с пустыми руками.

Несмотря на коррупцию и разворовывание национального дохода, часть средств все-таки идет на социальные нужды. И даже большая часть, чем можно было бы ожидать.

Сотрудник одной импортной фирмы, Кристиан Петерсен, норвежец, родившийся в Аргентине, рассказал нам об этом много интересного. У него светлые волосы и мягкий певучий говор. Петерсен — шведский консул в Асунсьоне; он хорошо

знает парагвайцев и относится к ним достаточно критически. Кроме того, он член городского управления и с гордостью показывает нам парки, стадионы, бассейны и клубы.

В городе и деревне, утверждает Петерсен, вы можете увидеть неплохие школы, институты, больницы, диспансеры, дома инвалидов и лепрозории, не считая домов для престарелых. Он заверяет нас, что в скором времени здесь будет построен водопровод и Асунсьон перестанет быть единственной в мире столицей без водопровода. Пока что население вынуждено пользоваться не только колодезной, но и речной водой (впрочем, он лично прекрасно пьет речную воду).

Однажды, когда мы ехали по улице в его автомобиле, нас неожиданно остановил солдат, он направил на нас винтовку и грубо заявил, что здесь проезда нет. Консул Петерсен возмущен: вот типично парагвайское решение вопроса — лучше поставить часового, чем повесить соответствующий знак. А к тому же эти солдаты чуть что стреляют, и многие уже получили пулю в ветровое стекло в качестве любезного предупреждения.

Консул угощает нас превосходными грейпфрутами, которые теперь начали в большом количестве экспортироваться в Англию. Он показывает нам чудесный длиноволокнистый хлопок, который покупает, между прочим, и Швеция. А потом он переходит к кофе, который скоро начнут возделывать на северо-востоке страны; почва и климат там не менее благоприятны, чем в кофейных районах Бразилии. Вы можете купить сто гектаров уже расчищенной и огороженной земли всего за пятьсот долларов; кофе, собранный с такой плантации, даст сто тысяч долларов прибыли в год. По крайней мере теоретически эта операция кажется очень многообещающей!

Чако располагает большими запасами ценного кебрачо (это дерево растет около ста лет и поэтому на молодые посадки рассчитывать в данный момент не приходится). Кроме того, Чако — главный поставщик мяса; завод в Асунсьоне ежегодно перерабатывает сто тысяч туш скота на мясные консервы для Европы. Полным ходом, заверяет нас консул, идет освоение недоступных прежде областей, расчищаются лесные участки, развивается скотоводство.

Во время нашей поездки по городу консул иногда включал радио, чтобы мы могли послушать парагвайскую музыку. Чаще всего диктор объявлял, что сейчас будет исполнена популярная мелодия «La polka colorado» («Красная полька»). Гитары, арфы, флейты подхватывают кружащийся вихрем мотив, порхающий и все-таки ритмичный, сверкающий, словно горный ручей, стучащий, как копыта быстрого скакуна. Это и народная музыка, и политический гимн, и индейское эхо, и европейский фокстрот. Только под такой аккомпанемент и нужно показывать Асунсьон!

Когда жители Асунсьона хотят съездить за город, они обычно отправляются в Сан-Бернардино на берегу озера Ипакараи. Ландшафт зелеными волнами уходит вдаль, леса сменяются полями. Иезуитский старинный монастырь, возведенный индейцами-каменогесами, теперь превратился в развалины, заросшие апельсиновыми деревьями. На вершине холма какой-то швейцарец выстроил себе деревянный замок в великолепном альпийском стиле.

Сан-Бернардино — это летний курорт с виллами и отелем на берегу озера. Люди раздеваются под деревьями и идут по прибрежной траве, идут очень осторожно, чтобы не испачкаться в «блинах» коровьего навоза. В озеро можно зайти как угодно далеко, ибо глубина его не превышает какого-нибудь метра. Вода в нем такая мутная, что вы не видите собственных ног, однако издали оно кажется лазурно-голубым.

В лесу, посаженном человеческими руками, уютно расположилось маленькое немецкое кафе. Столики стоят прямо под деревьями, рядом шумит ручей, образуя маленький водопад, вокруг растут апельсины и грейпфруты, в траве лежат упавшие с веток плоды. Деревья выделяют липкий сок, такой липкий, что к нему могут приклеиться птицы. Под высоким зеленым сводом царит полумрак, как в большом соборе. Птицы пронзительно щебечут, но их трудно рассмотреть: они мелькают в зеленой листве, словно быстрые огоньки.

Следующий раз мы едем в колонию Элиса, которая расположена в нескольких десятках километров от Асунсьона. Это край садоводов и красивых деревьев. Дома стоят словно укутанные в роскошные сады, плененные волшебной прелестью цветов и плодов. По извилистой песчаной дороге медленно едут повозки, запряженные ослиами; их окружает светлый ореол клубящейся пыли. Иногда на дороге стоит стадо, и тогда ехать нужно очень осторожно.

Одни деревья сплошь усыпаны розовыми цветами, похожими на орхидеи, другие совсем лишены листвы, и цветы распускаются прямо на голых ветках. Мимозы протягивают к небу свою золотую узорчатую вышивку. На сейбе растут плоды, содержащие хлопкообразное волокно; это волокно идет на спасательные пояса, а также может служить сырьем для получения искусственного шелка.

По дороге в тучах пыли едут телеги, запряженные лошадами или мулами; в телегах теснятся юноши, девушки, дети; у многих из них светлые волосы и голубые глаза. Вероятно, их родители были шведы или датчане. Мы находимся в округе, где раньше была большая скандинавская колония Элиса, теперь уже распавшаяся. Когда наша машина подъезжает к одному из домов, под колесами хрустят раздавленные фрукты, свалившиеся с деревьев. Не видно ни души, словно все спят

или давно уехали отсюда. Мы обходим вокруг дома, и тут из-под навеса появляется хозяин; он протирает глаза и жмурится от яркого света, оказывается, он решил соснуть часок-другой после обеда.

Его зовут Кнут Йохансен, и он хорошо говорит по-датски, хотя родился в Парагвае. Он смущенно теревит свой давно небритый подбородок и извиняющимся тоном говорит, что все семейство, кроме него самого, ушло на похороны. Он вряд ли сумеет приготовить нам кофе, а вот пиво у него есть, хотя и не очень холодное, потому что льда в доме нет. Фрукты? Да, сколько угодно; за них много не выручишь. Висят себе да висят на ветках, пока не упадут, и тогда их едят коровы и свиньи. Да и тем фрукты надоели, они бы с большим удовольствием поели что-нибудь другое...

Стараясь скрыть свое смущение, он говорит обо всем как о заведомых пустяках. Нет, он не может рассказать нам ничего интересного. Лучше уж нам поговорить с тем-то и тем-то: вот тогда мы узнаем все, что нам нужно. Но слово за слово, и он сообщает нам немало интересных вещей, будто мимоходом, намеками.

Его отец приехал сюда еще в 1871 году, сразу же после большой войны. Он был банковским служащим в Копенгагене и в Асунсьоне тоже взялся за банковское дело. В 1893 году несколько датчан основали колонию Элиса, к ним присоединилась группа шведов. Они расчищали лес (в то время здесь были настоящие дебри) и сажали фруктовые деревья. Чудесная была жизнь, многим она пришлась по душе, и они остались здесь навсегда, а некоторые приходили и снова уходили. Мужчины женились на парагвайках, обзаводились большим количеством детей, и землю приходилось дробить на все более мелкие участки. Многим пришлось уехать отсюда, старики умирали, некоторые перебрались в Асунсьон.

Сам Кнут никогда не выезжал за пределы Парагвая. Когда-то его собирались послать в Данию учиться на врача, но из этого так ничего и не вышло. Ему нравилась тихая спокойная жизнь на фруктовой плантации, а теперь он стар и уже поздно куда-нибудь ехать. Раньше здесь жилось лучше. Когда-то они собирали превосходный хлопок и получали за него хорошие деньги, а теперь земля состарилась и истощилась. Раньше и хорошая выпивка обходилась совсем недорого: в субботу вечером сюда приезжали из города банковские и другие служащие и устраивали пиры на всю ночь. Да, хорошее было время.

В колонии Элиса жило тогда много народу, всех он и не припомнит. Жили здесь и два шведа. Они участвовали в войне и были офицерами парагвайской армии — майор Берг и капитан Дальбек. Потом здесь жили две придворные дамы, которым каждый год присылали деньги из Швеции. Сюда приезжали даже графы и жили нахлебниками на плантациях и только ки-

чилились своим благородством. А однажды здесь появился знахарь, которого власти все время старались засадить в тюрьму. А за что? Он был хороший малый и никому не делал зла, всем больным давал только слабительное, и это всегда помогало...

В общем они живут на своих плантациях совсем неплохо. Кнут Йохансен не из тех, кто любит плакаться понапрасну. Грейпфруты, ананасы и бананы всегда находят сбыт, хотя цены в Асунсьоне низкие. У них ведь нет ни своей организации, ни кооператива; все продается через частные фирмы, дороги плохие, и платить за транспорт приходится дорого. Все давно привыкли довольствоваться тем, что есть: дни идут за днями, погода хорошая, дождей хватает, фрукты и дети растут, сам стареешь...

Мы заходим на старое кладбище, огороженное ржавой стальной проволокой и заросшее травой. Католики занимают здесь все больше и больше места, отесняя протестантов в угол, заброшенный и запущенный. Осталось совсем немного могильных плит, на которых можно прочесть какое-нибудь скандинавское имя: родился тогда то, там-то, умер тогда-то в колонии Элиса.

Погом мы едем смотреть, как идет строительство школы, о которой с гордостью говорят здешние скандинавы. Она будет стоять на высоком месте, поросшем зеленой травой, в стороне от дороги. Место очень красивое: отсюда открывается чудесный вид на одетые лесом песчаные откосы, спускающиеся к реке Парагваю. Школа будет называться Эскуэла Суэка (Шведская школа), и решено провести сбор средств на ее строительство среди скандинавов, проживающих в колонии Элиса и в Асунсьоне. Это дело чести, ибо школа все равно будет принадлежать государству и обслуживать двести детей, которые живут в этом районе.

МЯСНОЙ КОРОЛЬ ГУСТАФСОН

В Асунсьоне много говорят о Чако, дикой пустоши, которая занимает больше половины территории Парагвая. Это край колючих кустарников и заросших лесами болот, где тысячи парагвайцев испытали на себе все ужасы войны; он был завоеван ценой крови многочисленных жертв, зато на него возлагают теперь большие надежды. Чако — это слово внушает ужас, но в то же время оно связано с романтической мечтой о грядущем величии страны.

Заинтересовавшись Чако, вы так или иначе попадете к шведу Улофу Густафсону, парагвайскому мясному королю. Сам он живет в Асунсьоне, но его асьенды находятся в Чако. Он считается лучшим знатоком этой дикой области, поскольку был одним из первых ее завоевателей. В настоящее время старик Густафсон отчисляет себе солидную долю прибыли, кото-

рую дает Чако и скотоводство, а все дела он передал своему сыну Нильсу. Как некоторые утверждают, его доходы достигают миллиона в год (в переводе на кроны), однако запросы и привычки у него совсем не миллионерские, ибо ему вечно было некогда и просто не хватало времени думать о том, как лучше истратить деньги.

Он живет один в своем скромном загородном доме; хозяйство ведет экономка. Густафсон — человек простой и неприязнительный; он встречает нас на лестнице в одной жилетке и сразу же начинает говорить нам «ты». Да, это он, Олле Густафсон из Емтланда; пятьдесят лет назад он уехал из родной Швеции за океан и, надо сказать, с тех пор кое-чего достиг. Но он так и остался простым крестьянским парнем, юношей с посеребренными висками, который заразительно смеется и очень не любит одеваться так, как подобает мясному королю. У него красивые, почти грациозные движения, богатая оттенками, очень эмоциональная речь, и вообще он производит впечатление утонченного культурного человека, возглавляющего какое-нибудь туристическое бюро или банк. Но нет, он покоритель лесных дебрей, всю жизнь провел среди индейцев, и его главное занятие — скотоводство.

Он разливает по стаканам виски, кладет туда много льда и добавляет чуть-чуть воды; когда мы пытаемся немного разбавить слишком крепкий напиток, хозяин решительно возражает против того, что он называет непростительным водохлебством. С горечью говорит он о своей покойной жене парагвайке, рассказывает, какая она была чудесная женщина и как глубоко он переживает до сих пор ее смерть. Потом он вспоминает, как о чем-то очень забавном, свою службу на посту шведского консула в Парагвае. Десять лет назад ему довелось съездить в Швецию, где его принял старый король Густаф. Олле запомнил каждое слово из их беседы. Между прочим, король спросил, как это ему удалось стать таким могущественным мясным королем, на что Густафсон ответил:

— Для этого, ваше величество, нужны три вещи: телка, бык и гамак. Об остальном позаботится природа.

Но вскоре выясняется, что тут немало пришлось потрудиться и самому мясному королю. Молодой Густафсон приехал в Аргентину незадолго до того, как началась первая мировая война. Он отправился в пампу и начал торговать скотом. На этом он заработал некоторую сумму денег, но вскоре разорился и к тому же заболел тяжелой формой малярии. Он сел в поезд, потерял сознание и очнулся у врача, который посоветовал ему немедленно сменить климат, если он не хочет, чтобы его кости сгнили в Аргентине. Что если уехать в Парагвай? Отличная мысль, и Густафсон обосновался в Чако, где не было ничего, кроме травы, лесных зарослей, хищных зверей и диких индейских племен.

Постепенно он огораживал все больше и больше пастбищ для скота, стада его все росли, индейцы стали его хорошими друзьями, и он все чаще нанимал их к себе на работу. Индейцы научились даже ругаться по-шведски, и до сих пор можно услышать, как они кричат на скот: «Din jakel» или «Satan»¹. Здесь живет одна индианка, которой уже сто семь лет, и для Олле она как родная бабушка. Индейцы — очень милый народ, когда с ними хорошо обращаются. Только не стоит давать им слишком много денег, потому что они их немедленно пропьют. Лучше платить натурой.

Густафсон внес свой вклад в войну за Чако: он кормил мясом почти всю парагвайскую армию. Это была лесная война, отряды солдат пробирались через чащу, чтобы застать противника врасплох. Стычки нередко начинались ночью в кромешной тьме, происходила страшная резня под ужасающий треск выстрелов, рев и стоны.

Сколько голов скота принадлежит мясному королю? Он затрудняется точно ответить на этот вопрос, ибо пересчитать их нелегко. Но, как он полагает, около тринадцати тысяч. По крайней мере он может в любой момент отправить на бойню не менее пяти тысяч голов скота. А можно и больше, добавляет он уверенно.

Его пастбища раскинулись на площади в двадцать четыре тысячи гектаров, т. е. на каждую корову или быка приходится по два гектара. Это создает прочную кормовую базу для поголовья. Пастбища окружены изгородью в несколько сот километров длиной; это пять рядов колючей проволоки, натянутой на колья из кебрачо; хватит на несколько поколений скотоводов. Пастбища, которые находятся в этой части Чако, лучшие в мире. Прекрасная сочная трава, редкие деревья, вода в избытке. Коровы здесь доживают до двадцати пяти лет, у них выпадают все зубы, но они остаются гладкими и жирными и продолжают кормить телят. Телята сосут молоко прямо из вымени и растут невероятно быстро.

В комнату входит его сын Нильс; он торопится, потому что должен быстро собраться в дорогу и лететь в Чако. Это белокурый молодой человек, который больше похож на холеного теннисиста, чем на скотовода; английский язык он предпочитает шведскому. Его маленький одномоторный самолет взлетит с травяного поля, принадлежащего местному аэроклубу. Это легкая и послушная машина, которая может совершить посадку на любой лужайке с самой густой травой. И еще не было случая, чтобы вдруг отказал мотор.

Он побывает на нескольких асьендах и отберет пятьсот коров и быков, чтобы перегнать их потом в Асунсьон. Однако сам он не станет заниматься таким сложным и трудоем-

---

¹ По шведски «черт побори», «сатана».

ким делом, лучше нанять специалистов. На это потребуется несколько недель, и здесь не обойтись без большого количества пастухов и лошадей.

— Самое страшное для нас,— рассказывает молодой Густафсон,— засуха. Во время засухи весь скот может погибнуть от жажды. С утра до ночи приходится черпать ведрами воду из колодцев, иногда много недель или даже месяцев подряд. Идет ожесточенная борьба со смертью, а вокруг стоят тысячи измученных животных, которых надо немедленно напоить.

Иногда скот болеет ящуром, но с этим ничего не поделаешь, да и количество больных животных не превышает трех процентов всего поголовья. Стадам угрожают и крупные хищники. Хуже всего ягуары — это тонкие ценители мяса, истинные гурманы, и они уничтожают лишь самых лучших животных. Один из них успел задрать сто телят, коров и быков, прежде чем его удалось убить. Самый сильный из хищников — пума: она может унести далеко в лес быка весом в полтонны.

На асьендах Густафсона занято около ста тридцати рабочих; почти все они индейцы. Одни выполняют обязанности караульных и, стоя у изгороди, отгоняют выстрелами хищных зверей. Другие клеймят телят, кастрируют двухлетних бычков.

Густафсон старший рассказывает нам о породистых быках, которых он импортировал из Уругвая. А кроме того, у него есть английские коровы, такие породистые, что они даже носят очки от солнца! По крайней мере у них такой вид...

Сверкнув глазами, он напоминает сыну, что пора ехать в Чако, вернее лететь... Когда Нильс выходит из комнаты, отец провожает его взглядом и называет своим летающим пастухом. Он явно гордится сыном и в то же время не может побороть предубеждения против этого новшества — использовать самолет в скотоводстве! А в общем это совсем неплохо: он уже несколько раз летал в самолете и долетал до Чако всего за несколько часов, вместо того чтобы тратить несколько недель.

Да, асьенды теперь в хороших руках, и Олле Густафсон может наконец подумать о том, чтобы вернуться в родную Швецию. Его даже забавляет эта мысль, ведь вряд ли он сможет ужиться где-нибудь еще, кроме Парагвая.

ЧЕРЕЗ РАВНИНЫ ПАРАГВАЯ

Мы едем по шоссе на юг, до Сан-Игнасио, а потом сворачиваем на восток, к Энкарнасьону, расположенному на берегу реки Альто-Парана. Одетые лесами возвышенности Параны переходят в широкие волнистые равнины. Над равнинами высятся круглые холмы, похожие на огромные бурые муравейники, вдоль рек тянутся лесные полосы, словно зеленые плавники, разрезающие ландшафт. Иногда попадаются

топкие луга, которые по несколько месяцев в году во время разлива рек остаются под водой — истинный рай для аистов, цапель и других болотных птиц.

Наш шофер — настоящий парагваец: у него округлые, индейские щеки, бронзовый цвет лица и черные, как вороново крыло, волосы. С утра у него такой вид, будто он что-то потерял, он едет по городу осторожно и нерешительно и все время смотрит по сторонам. Когда мы минуем пригород, он вдруг замечает какого-то мужчину и весело кричит:

— Sale mi hermano (Это мой брат)!

Брат садится на переднее сиденье; он точная копия нашего шофера, только чуточку полнее. Оба они чрезвычайно обрадованы встречей, часто меняются за рулем, и рука одного все время лежит на плече другого. Они без умолку говорят на языке гуарани и никак не могут наговориться; из их уст льется мягкая гортанная речь, благозвучная и побратски нежная. Когда мы переезжаем старый скрипучий мост, оба брата выражают свое крайнее неодобрение, повторяя несколько раз: «Уна, уна, уна...»

Начинается район фруктовых садов: дома окружены сплошной стеной деревьев, всюду навалены груды фруктов. Возле домов всегда стоит несколько женщин, а мужчин почти не видно (в конце концов вы начинаете верить, что в Парагвае женщин действительно намного больше, чем мужчин). Здесь все курят, особенно это относится к женщинам: идут ли они пешком или едут верхом, на дороге или в поле — у каждой во рту дымящаяся сигара. Какая-то женщина ловко и в то же время с достоинством перелезает через изгородь из колючей проволоки; на голове у нее ведро с водой, а во рту сигара. Сигары продаются на рынке, они лежат грудями прямо на земле, а вокруг толпятся женщины, которых здесь подавляющее большинство.

Начинаются плантации масличных пальм, воздух пропитан запахом пальмового масла, выжимаемого прессами. Из сельскохозяйственных культур самая распространенная здесь маниок — маленькие кустики с узкими, похожими на пальцы листьями, собранными в пучки. Маниок — корнеплод, его едят, как картофель, или перерабатывают в муку.

В каждом селении на какой-нибудь заросшей травой поляне стоит «памятник герою», воздвигнутый в честь победоносной войны и во славу парагвайского солдата.

Эти грубые каменные изваяния, засиженные птицами, уже потемнели от времени и грязи, но они стали как бы неотъемлемой частью парагвайской действительности.

Перед домами высятся белые горы хлопка; его моют и разбрасывают по земле для просушки.

Красная, как кирпич, дорога бежит через зеленые луга. На телеграфных столбах сидят толстые дятлы в красных ка-

пюшонах. Из листвы деревьев выглядывают попугаи, большеголовые, пучеглазые, похожие на каких-то удивительных рыб. По земле расхаживают птицы-секретари; их белые головки словно повязаны черными ленточками, что придает им сходство с маленькими арабчатами. Цапли носят на голове пышный султан из перьев и гордо потрясают им. Стаи птиц взлетают с обочины дороги перед самым автомобилем, они делают несколько взмахов крыльями и снова садятся на землю, потом опять взлетают и так до бесконечности, будто затеяли веселую игру.

В большой луже у дороги стоит телега, и здесь же в луже лежат четыре выпряженные лошади — из воды торчат только головы. Лошади фыркают от удовольствия, и по воде бегут широкие круги. Возле лошадей купаются двое мальчишек, они забираются лошадям на спину, словно хотят куда-то ускакать...

На лугах пасутся табуны лошадей. Здесь же щиплют траву коровы и быки, спокойные, с умными глазами и большими лирообразными рогами. Где-то вдаль жгут траву, и над равниной вьется голубой сигарный дымок. Если вы подойдете поближе, то в ярком свете солнца почти не увидите пламени; можно подумать, что чернеющую на глазах траву пожирает какой-то невидимый дракон. Когда вся трава стогрит, здесь будут сажать маниок.

Мы подъезжаем к паромной пристани на реке Рио-Флорида. Это деревянное строение на высоких столбах с шаткими мостками. Здесь можно купить фрукты и пиво. Девочка, которую мы хотим сфотографировать, убегает и прячется под домом между столбами среди разбросанного хлама. Мать зовет ее, но тщетно, и она просит извинить девочку, которая не привыкла к иностранцам.

К пристани подходит паром — неуклюжая баржа, которую толкает маленький кашляющий катер. Паромом управляют двое парней; на них синие комбинезоны с красным поясом и широкополые шляпы. Весь переезд на другой берег напоминает массовую народную сцену из оперетты.

Причаливаем к берегу. Здесь между двумя заливами расположилось селение. Те, которые едут верхом или в повозках, заезжают в случае необходимости прямо в реку. У нас сложилось впечатление, что парагвайские лошади очень любят воду и они уже наполовину превратились в речных коней.

Поздний завтрак в Сан-Игнасио, маленьком городке с низкими домами, образующими одну длинную улицу. Все опалено солнцем, засыпано пылью. Вот несколько маленьких ресторанчиков, как две капли воды похожих один на другой: комната с вентилятором и опущенными гардинами, жужжание мух, склонившиеся над столами посетители, официантки, обслуживающие посетителей (они не торопятся, по-

долгу стоят возле столов и болтают с клиентами). Вы можете получить здесь мясо и суп, но десерта нет. На полке за прилавком лежит одно-единственное яблоко, очень большое, гордость заведения. После некоторого колебания заказываем это яблоко, разрезаем пополам и съедаем.

Отсюда до Энкарнасьона всего несколько часов езды. Земля по обеим сторонам дороги становится все краснее, все гуще пыль, во рту появляется сухой привкус песка.

Энкарнасьон лежит на возвышенности, и его зарывшиеся в землю улицы спускаются прямо к реке. Во время ливней улицы превращаются в водостоки, и если вы не привяжете свой автомобиль к дереву, то его может унести в реку.

Отель «Сюисса» состоит из нескольких длинных одноэтажных домов. В комнатах над железными кроватями висят свернутые москитные сетки, перед окнами темнеет стена, а напротив нашей двери находится кухня, откуда так и пышет жаром. Уборные расположены во дворе под деревьями, и, когда идешь туда, под ногами шуршат опавшие листья.

Мы сидим в столовой и обедаем, а два брата-шофера стоят на улице, глядя на нас через открытое окно. Они очень рады, что после долгого путешествия мы пребываем в добром здравии и едим с аппетитом.

Они смеются и кивают нам. Обед закончен, и братьяжимают нам руки через окно — желают нам счастливого пути. Сами они отправятся сейчас обратно в Асунсьон и всю ночь проведут в дороге.

О ЖИЗНИ В ПАРАГВАЕ

В Парагвае нет сколько-нибудь значительной литературы, которая рассказывала бы об этой неизведанной стране. У парагвайцев были дела поважней, чем писать книги: они погибали, а чтобы нация окончательно не вымерла и рождаемость хоть как-то покрывала смертность, размножались. В Парагвае национальная литература отсутствует еще и потому, что фактически страна говорит на двух языках. Своим основным, родным языком парагвайцы считают гуарани, который гораздо поэтичнее испанского. На гуарани слагались народные песни, баллады, поэмы, сказания о героях и легендарных победах, одержанных над врагом.

О парагвайцах говорят, что они учатся, думают и рассуждают на испанском, но чувствуют, любят и борются на гуарани. Гуарани — это сама поэзия, и его нередко сравнивают с пением птиц или журчанием ручейка. Свободно и легко, без всяких грамматических правил слова сливаются в гирлянды образов. Например, различные стадии рассвета обозначаются словами «утренняя заря, розовый свет, золотистый и, наконец, ослепительно белый». Мозг — «место, где

обитает душа». Короче говоря: чарующий язык, нечто среднее между музыкой и членораздельной речью.

Среди великого множества бездарных книг, которые я просмотрел в Асунсьоне, мне посчастливилось найти подлинный шедевр. Я уже слышал об этой книге раньше; все вдруг заговорили о том, что в Парагвае наконец появился настоящий писатель! Его зовут Аугусто Руа Бастос, ему сорок лет. Сначала он стал известен как поэт, драматург и журналист. Во время второй мировой войны он был корреспондентом в Европе и Африке. Это помогло ему глубже понять и художественно осмыслить парагвайскую действительность.

«El trueno entre las hojas» («Гроза среди листвы») — так называется цикл повестей и рассказов, которые раскрывают важнейшие стороны жизни в Парагвае. Это войны и мятежи; разнузданный террор диктатуры и кровавые драмы; трагикомедии суеверия и невежества; опаленные солнцем будни и празднества, насыщенные грозным разгулом страстей. Автора этой книги иногда сравнивают с аргентинским новеллистом Орасио Кирогой. Но Руа Бастос гораздо художественнее, многообразнее, острее и сильнее.

В его тяжеловесном парагвайско-испанском языке всегда живет гуарани, богатый образами, тончайшими нюансами, игрой света и тени. Ночь он превращает в черное око со вспыхивающими ресницами молний, а губы солдат растягиваются в холодную усмешку, обнажая белые скелеты зубов. Книгу открывает рассказ об одном сахарном заводе. Девушка-иммигрантка, как зачарованная, смотрит на людей, плывущих вниз по реке, на этих вольных бродяг, чьи каноэ сверкают огнями во мраке ночи. Всеми делами на заводе заправляют иностранцы; они жестоко угнетают рабочих, но вот вспыхивает восстание, и скоро весь район превращается в безлюдную пустыню. Руководитель восстания возвращается из тюрьмы слепым, и его гармоника долго еще напеваает грустную мелодию.

Автор рассказывает о том, как сложились судьбы многих его героев парагвайцев.

Старый епископ мог бы легко добиться власти и богатства, однако умирает в нищете, всеми отвергнутый и забытый, потому что считал христианство революционным учением.

Человек, которому цыгане предсказали скорую смерть, в ужасе спасается бегством, бежит куда глаза глядят и гибнет, захваченный ураганом.

В родной город возвращается изгнанник, обожженный солнцем, и узнает в несчастной проститутке свою жену.

Какой-то мальчуган несколько лет плавает на речных пароходах; после многих приключений он снова возвращается домой, но семья его исчезла, дом разорен, а на площади каз-

нят его любимого брата-лейтенанта, участвовавшего в мятеже и обвиненного в государственной измене.

Другой мальчик, чье сознание отравлено историями об убийствах и насилиях, кладет на железнодорожное полотно мертвого удава, и поезд сходит с рельс, а потом маленький преступник приводит свою мать в ужас, сделав вид, что ему раздробило руку прессом для сахарного тростника.

В дикой пустоши истреблены все члены религиозной секты, в живых остался лишь один отшельник с дочерью, о которой никто не знал. По ночам он совершает при свете луны какие-то удивительные обряды.

В яме, вырытой в земле, живет человек-зверь; он наводит ужас на всю округу, похищая детей,— возможно, это прокаженный, который лечится свежей кровью младенцев (в Парагвае можно услышать много всяких рассказов о совершенно одичавших прокаженных).

В доме у министра дожидается аудиенции какой-то посетитель; зловещая тишина, стража, готовая схватить всякого по первому приказу, пронзительно кричащий попугай. Министр что-то рычит в телефон, появляется ребенок, который тащит мертвую змею. Посетитель принес проект земляных работ, которым министр хочет воспользоваться в каких-то своих целях, и ему нужен только предлог, чтобы обрушиться на автора проекта с фальшивыми обвинениями и позвать стражу.

А вот довольно забавная история об одном коммерсанте, который живет припеваючи за спиной у своей красавицы жены. Во время войны из-за Чако он отважно наблюдал с веранды своего дома, как войска идут на фронт. Но вот пришла его очередь призываться, и жена ловко инсценировала несчастный случай, чтобы избавить мужа от военной службы. Правда, она вынуждена была прибегнуть к помощи одного итальянского пекаря, а платить ей пришлось своей благосклонностью. Все трое очень довольны сделкой.

Бастос пишет о добре и зле, хорошем и плохом, причем на его полотне явно преобладают темные, мрачные тона. Он открыто выступает как социальный критик. Его положительные и отрицательные герои показаны в социальной среде, изобилующей острыми, а подчас и трагическими противоречиями. Персонажи произведений Бастоса — это, с одной стороны, грабящие народ реакционеры, представители власти и богачи, а с другой — униженные, угнетенные и обездоленные — все те, кто является жертвой социальной несправедливости, однако они умеют не только страдать и терпеть, но и бороться за лучшее будущее.

Книга Бастоса как широкая панорама парагвайской действительности занимает совершенно особое положение в южноамериканской литературе: это целая галерея картин, ярких, разоблачительных, забываемых.

УРУГВАЙ

ЧЕТЫРЕ СТРАНИЧКИ ОБ УРУГВАЕ

По площади Уругвай меньше всех южноамериканских республик, однако по численности населения он почти вдвое превосходит Парагвай. Эта маленькая страна — единственное государство в Южной Америке, где установился стабильный режим демократически-реформистского толка. Уругвай был крупнейшим экспортером мяса после Аргентины, но в настоящее время главным предметом вывоза стала шерсть. Сейчас в Уругвае шесть миллионов голов крупного рогатого скота и двадцать пять миллионов голов овец, которые дают около ста тысяч тонн шерсти в год.

Экономические возможности Уругвая очень ограничены. Население растет медленно, стоимость жизни высокая, многие отрасли производства нуждаются в государственных субсидиях. Субсидируется экспорт мяса, субсидируются мероприятия по организации крупного производства пшеницы. Промышленность тоже не может обойтись без финансовой поддержки со стороны государства.

В стране нет никаких металлов, нет угля и нефти, рабочая сила очень дорога, внутренний рынок слаб, а себестоимость производимых товаров слишком высока, чтобы они могли идти на экспорт. Все эти факторы, вместе взятые, делают уругвайскую промышленность совершенно не конкурентоспособной.

Уругвай имеет удивительно короткую историю: он вырос за какие-нибудь полстолетия. В течение нескольких веков Уругвай был просто захудалым пограничным районом, сво-

его рода проходным двором, который был не нужен ни португальцам, ни испанцам. Первыми на месте будущего Монтевидео высадились португальцы, однако сам город был основан испанцами в 1726 году. Потом началась борьба между Бразилией и Аргентиной за Уругвай, и бразильцы и аргентинцы считали его естественным продолжением своей пампы.

Фактически первым колонизатором нынешней территории Уругвая был скот, заблудившийся в пампе. Эти одичавшие животные быстро росли, размножались; долгое время за ними охотились только дикие индейцы, а спустя несколько десятилетий — кочующие по пампе гаучо. Эти скачущие на конях креолы были не скотоводами, а просто бродячими мясниками: они убивали скот, чтобы продать в город кожу, часть мяса съедали сами, а все остальное выбрасывали. Вместе с кожами в Монтевидео и Буэнос-Айрес приходили слухи о несметных стадах одичавшего скота, и вот крупные торговцы-оптовики отправились в уругвайскую пампу. Постепенно беспорядочная охота на скот уступила место организованному скотоводству, а на травянистых равнинах возникли крупные поместья — эстансии.

В 1806 году англичане захватили Монтевидео, но скоро они оставили город. В стране росло национально-освободительное движение, что приводило к военным столкновениям с Бразилией и Аргентиной. В 1828 году после вмешательства Англии Уругвай стал наконец самостоятельным государством и соседи оставили его в покое. Но потом началась гражданская война, борьба за власть между двумя политическими партиями — «бланко» и «колорадо», т. е. между консерваторами и либералами. Лишь в 1903 году в Уругвае наконец воцарился гражданский мир и страна вступила в новую фазу исторического развития, которая начинается с Батлье-и-Ордоньеса. Это был крупный и дальновидный реформатор, два раза подряд избиравшийся на пост президента.

С тех пор последовательно проводилась в жизнь политика реформ, содействующая укреплению буржуазно-демократических институтов. Таким образом, возникло своеобразное положение: государству принадлежат железные дороги, электростанции, система водоснабжения, несколько банков, театры, казино, телефон; кроме того, государство контролирует важнейшие отрасли промышленности. В стране существует довольно прогрессивное социальное законодательство, отменена смертная казнь, церковь отделена от государства, разрешены разводы, внебрачные дети имеют право наследования.

Но что внушает здесь действительные серьезные опасения, так это сельское хозяйство. В Уругвае обрабатываемая земля составляет лишь восемь процентов общей площади страны, да и та принадлежит главным образом колонистам-иммигран-

там, которые выращивают овощи, зерновые культуры и ма-сличные растения. В пампе разводят крупный рогатый скот и овец. Половина всей земли в Уругвае принадлежит круп-ным поместьям площадью свыше тысячи гектаров каждое. Уругвайцы сидят на мясной диете, и в этом отношении они перещеголяли даже аргентинцев. По потреблению мяса Уру-гвай стоит на первом месте в мире: в среднем на каждого уругвайца приходится сто пятнадцать килограммов мяса в год. Сельскохозяйственные рабочие питаются главным обра-зом бараниной, и каждая семья съедает ежегодно около ста баранов и овец.

Уругвайская пампа такая же волнистая, как и бразиль-ская. Это живописный край, вздыбленный холмами и возвы-шенностями, со множеством прозрачных ручьев; вокруг до-миков и по берегам рек зеленеют купы деревьев. Земля здесь не красная, а черная, трава очень сочная — превосходное па-стбище для скота. Река Рио-Негро делит страну по диаго-нали на две половины. По берегам пограничной реки Уру-гваю лежат самые богатые районы; здесь же расположены города скотоводов Пайсанду и Сальто. На юго-востоке нахо-дятся пальмовые леса, а также знаменитые пляжи с весьма доходными предприятиями, обслуживающими туристов.

Пампа — почти безлюдный край. Восемьдесят пять про-центов населения страны живет в городах, и из них одна треть — в Монтевидео. Уругвай — это прежде всего Монте-видео, город всеми любимый и постоянно украшаемый, гор-дость каждого уругвайца. Монтевидео вобрал в себя величие, красоту и культуру всей страны. Здесь в роскошных виллах живут владельцы крупных эстансий, а всю работу в эстансиях выполняют поденщики и пастухи. Тем не менее город прояв-ляет самый живой, а порой и восторженный интерес к де-ревне. В так называемые «креольские недели» гаучо демон-стрируют перед жителями столицы свое искусство верховой езды: горожане любят народный деревенский колорит, увлекаются романтикой пампы, романтикой минувших дней.

Название «Монтевидео» происходит от возгласа порту-гальских моряков: «Monte vi eu!». («Я вижу гору!») Но это не гора, а только холм, расположенный на берегу подковообраз-ной бухты; на вершине холма стоит старый форт. Отсюда ви-ден весь город. На серых фасадах домов играют розоватые отблески света, отраженного красно-мутной водой Ла-плат-ского залива. Вон таможня, башни которой напоминают обращенный вверх нос самолета, а вон гам величественное зда-ние парламента из местного мрамора, двадцатипятиэтаж-ный частный небоскреб «Паласио Сальво» причудливой фор-мы, собор, устремленный ввысь, огромный отель «Виктория», великолепная больница, построенная совсем недавно, и кры-тый рынок, похожий на старинный замок.

В Монтевидео огромное количество памятников и статуй; однако они прославляют не только генералов и войну, но и мирную жизнь, труд, солидарность между людьми. Вот терпеливый Негр-раб и воинственный Индеец, вот Иммигрант, готовый начать борьбу с непокорной природой, Пахарь, прикрывающий рукой глаза от солнца, сейчас он проведет плугом первую борозду по девственной земле пампы. Крестьянин, похожий на гаучо, и Рабочий приветственно простирают руки навстречу восходящему солнцу. Здесь есть и Портовый грузчик, и Учительница, и повозка, запряженная быками,— она по какой-то странной случайности вдруг попала в парк, и вам кажется, что быки вот-вот начнут шипать траву, а повозка одним колесом съедет с постамента на землю.

В парках, словно это заколдованный сад волшебника, цветут розы, они пылают красками, как языки пламени, распространяя вокруг себя тяжелые волны дурманящего аромата. Вокруг города по берегу океана тянутся курортные местечки с пляжами; особенно мне запомнилось одно из них — Поситос, где я прожил несколько месяцев. Здесь не только ослепительно белый песок, но и дикие береговые утесы, на которых длинными рядами сидят чайки; когда на берег набегают особенно высокая волна, они с криком взмывают в воздух. По соседству с чайками расположились философы-рыболовы с удочками, по берегу бродят ребятишки, они ловят сачками мелкую рыбешку, ложатся и смотрят на крабов, которые ползают в траве. В апреле, когда стоят ясные осенние дни, улицы пропитаны запахом горящих листьев; их сгребают в небольшие кучи, поджигают, и синий дымок клубится в уже пожелтевших и поредевших кронах деревьев.

В Монтевидео пятнадцать газет и двадцать радиостанций. Всякого рода новости и сообщения градом сыплются на уругвайцев из Аргентины и Бразилии, из Северной Америки и Европы. Но это не производит на них особого впечатления, их больше интересует свое: своя политика, свое общественное устройство, свой жизненный уклад. Они горячо спорят, устраивают демонстрации на улицах и площадях, распространяют страстные прокламации против несправедливости властей, против вызывающих недовольство законов и мизерной заработной платы, против фашизма в Парагвае, Аргентине или Испании. Но все это не больше, чем шипение пара под предохранительным клапаном, демократическая свобода слова в действии. И это ничуть не мешает уругвайцам оставаться добропорядочными гражданами, которые очень довольны и горды своей страной,— это своего рода швейцарцы, вдруг очутившиеся на равнинах атлантического побережья Южной Америки.

БРАЗИЛИЯ

БРАЗИЛЬСКАЯ ПАМПА

Через реку Уругвай идет мост. Такси перевозит нас на другой берег, и мы уже в Бразилии, в городе скотоводов — Уругваяна.

Мы сразу же замечаем, что люди здесь как-то мягче, спокойнее, чем в Аргентине. На улицах в общем людском потоке много негров. На лицах полицейских добродушно-безразличное выражение. На площади стоит статуя короля Педру Второго, высеченная из блестящего белого мрамора. Пьедестал облицован черным и белым мрамором, который образует мозаичный цветочный узор.

До нас доносится португальская речь, ласковая, чуть невнятная; даже громкоговорители, укрепленные на деревьях, звучат с гортанной мягкостью.

Город лежит среди бескрайней пампы, которая начинается в Аргентине и Уругвае и захватывает часть Бразилии. Здесь пампа уже не ровная и плоская, а волнистая; однообразие ландшафта нарушают то невысокий холм, то гранитная скала, то сырая и влажная низина.

Риу-Гранди-ду-Сул — самый южный штат Бразилии, со своими традициями, своими ковбоями и жаркими пограничными стычками. Это один из наиболее развитых штатов страны; он дает много мяса и пшеницы, насчитывает более пяти миллионов жителей и, что вполне естественно, занимает главенствующее положение в Южной Бразилии.

Расстояние от аргентинской границы до Порту-Алегри через Риу-Гранди-ду-Сул поезд покрывает за двадцать часов. Серый осенний день, над пампой воет ветер. Рядом с па-

сущимися овцами и коровами бродят страусы. Когда они переходят с мяса на место и что-то клюют, делая резкие движения шеей, вам начинает казаться, будто это не страусы, а самые обычные овцы, но только на ходулях. Что же они клюют? Щиплют траву, ловят насекомых или глотают камни? Внезапно они чего-то пугаются и пускаются наутек; издали страусы похожи на бегущих старух, которые высоко задрали платье, обнажив свои тощие ноги.

У всех колосьев белые метелки, словно их обваляли в муке или окунули в молоко. Свинья вгрызается в труп лошади, уже насквозь проеденный и похожий на туннель; голова лошади все еще держится на лоскутах кожи, присохшей к ребрам. Белый осел пал, должно быть, совсем недавно; он лежит распластавшись на земле, будто все еще продолжает свой бег.

Вокруг станции разбросаны маленькие деревянные домики; окна, лишённые стекол, закрыты ставнями. В дверях сидят обитатели этих домиков; мрачные и замерзшие, они уныло выглядывают из темной пустоты комнат. Печурки, сложенные перед домом, прямо на земле, похожи на черепках.

Начиная от Касеки пейзаж становится все более красочным и веселым; здесь много поездов, на станциях шумные толпы людей, несколько гармоник соревнуются с громкоговорителями, кто кого перекричит, а тут еще вопли торговцев, которые тоже хотят, чтобы их услышали. Из вытянувшихся длинными рядами вагонов для скота доносится мычанье белоголовых коров. Белые и черные ребятишки один за другим прыгают с перрона на пути. Торговец одеждой еле идет, согнувшись под огромным ворохом шерстяных пальто.

Возле Санта Мария пампа кончается, начинаются высокие холмы и кряжи, поросшие зеленой травой и деревьями. Среди нарядных домиков рассыпалась стайка ребятишек в белых кургочках и больших соломенных шляпах. Неподалеку виднеется эвкалиптовая рощица; стволы деревьев такие красные, словно их кто-то раскрасил кистью. Все чаще нам на пути попадаются реки, они становятся все более полноводными. Хотя у большинства здешних жителей волосы черные, мы встречаем и светловолосых. Это районы, где живет много иммигрантов.

С нами в купе едут четыре молодых священника-иезуита, гладко выбритые, с розовыми, как у ангелов, щеками и невероятным количеством зубов во рту. У каждого высокий лоб и маленькие холеные руки (правда, один из иезуитов грызет ногти). На окружающих они смотрят сокрушенно и надменно, как бы созная всю ответственность миссии, возложенной на них — представителей разума и духа на грешной земле. Они подолгу сидят совершенно неподвижно, предаваясь углубленному самосозерцанию. Потом, словно очнувшись,

вновь возвращаются к жизни, смотрят по сторонам, оживленно болтают друг с другом, поблескивая зубами. Но вдруг они вспоминают о своем сани и снова уходят в себя.

Недалеко от нас сидит молодая женщина, светловолосая, очень изящная и элегантная, а рядом с ней ее подруга, брюнетка, — она кажется сонной и вялой. Блондинка оживленно смотрит по сторонам своими маленькими, блестящими, немножко навывкате глазами, ей все интересно. Мы вспоминаем о том, что в Риу-Гранди-ду-Сул много немцев, и догадываемся, что она немка.

Когда мы обращаемся к ней по-немецки, она как ни в чем не бывало отвечает нам тоже по-немецки. Однако ее немецкий несколько архаичен: в разговоре она употребляет множество несвойственных современному языку выражений. В общем это своего рода консервированный язык, перенесенный несколько поколений назад на новую почву, в чужую страну. Молодая женщина — типичная немецкая бразильянка, ее предки приехали сюда из Германии, но она даже не знает, из какой именно области, кажется из Померании.

Она любезно записывает нам свое имя — Нели Праде и рассказывает о себе. Она живет в небольшом городке, Качоэйра-ду-Сул, работает в банке, почти все ее знакомые — немцы. У них есть своя церковь, где служба ведется на немецком языке; многие из стариков совсем не знают португальского языка.

У нее был отпуск, она совершила небольшое путешествие по стране и теперь возвращается с подругой домой (ее подруга — чистокровная бразильянка). Она уже несколько раз ездила в Порту-Алегри, но никогда не была в Сан-Паулу или в Рио. Если бы у нее была возможность, она непременно съездила бы в Германию. Но зарабатывать она мало, очень мало, а родственников в Германии у нее нет.

— Да, — подтверждает она, — в этих местах живет много немцев, а кое-где одни только немцы. У них есть усадьбы, земля, они держат свиней. Немцы занимаются всякого рода деловыми операциями, и многие из них настолько богаты, что время от времени могут совершать путешествия в Европу. Во время войны им приходилось трудно: власти держали всех немцев под неусыпным надзором. Их школы были закрыты, по-немецки можно было говорить только дома. Полиция устраивала облавы, конфисковывала радиоприемники и книги.

Теперь все обстоит гораздо лучше. Вы можете сколько душе угодно говорить по-немецки. Снова появилась немецкая музыка, немецкие книги, немецкие газеты. Особой популярностью пользуется пластинка «Heimweh» («Тоска по родине»), ее покупают нарасхват.

Нели Праде роется в своей очень потертой сумочке и не без удовольствия смотрит на себя в зеркальце. На первый взгляд она производит впечатление холеной молодой женщины, привыкшей к свету и путешествиям. Но, в сущности говоря, это всего-навсего провинциальная девушка с крайне узким кругозором. Она довольна всем на свете и, в частности, тем, что она немка и живет в Бразилии.

В ПОРТУ-АЛЕГРИ

В Порту-Алегри мы прибываем в полночь. Поезд медленно идет по улицам города мимо спящих домов, мимо портовых кварталов с ночными кабачками и домами терпимости, освещенными розоватым, как женское белье, неоновым светом.

Однако вскоре выясняется, что Порту-Алегри (Порт Радости) — город чрезвычайно моральный и мешански добродетельный; в гостиничных коридорах установлено неукоснительное наблюдение за тем, чтобы лица различного пола не навещали друг друга (после девяти часов вечера им нельзя даже звонить друг другу по телефону).

Этот город с полумиллионным населением кажется недостроенным и хаотичным; здесь совсем нет центра. Там и сям сооружаются какие-то странные здания, страшно высокие и страшно узкие. Порту-Алегри, как, впрочем, и вся Бразилия, охвачен страстью к небоскрегам и при этом изо всех сил старается создать что-нибудь оригинальное. И уж, конечно, не из-за высоких цен на строительные участки возводят эти двадцатипятиэтажные коробки шириной всего в несколько метров, напоминающие колоссальные книжные стеллажи; окна есть только в одной стене, а другая стена слепая. Или, например, дома в виде огромной прямоугольной колонны, похожие на башни. Вы ошеломленно взираете на эти странные сооружения, которые при толщине стены в один кирпич уходят своими двадцатью пятью этажами в самое небо. Нечто вроде карточных домиков. И вы с опаской обходите их подалее.

Порту-Алегри — речной порт, слишком мелководный, чтобы в него могли заходить крупные суда. Река впадает в большое озеро-лагуну Лагоа-дос-Патус, которое соединяется с морем еще ниже, у города Риу-Гранди. Прибрежные холмы сплошь застроены красивыми виллами, плакучие ивы грустно опускают свои ветви до самой воды. Над поверхностью этого мелкого озера поднимаются высокие черные утесы. Уже чувствуется приближение осени, пахнет сырým туманом и тиной.

Далеко не все жители Порту-Алегри кажутся такими здоровыми и упитанными, как можно было ожидать. Напротив, на каждом шагу вы встречаете людей жалких и изможден-

ных, худых и сутулых. У большинства землисто-серый цвет лица. Даже представители более обеспеченных слоев населения нередко одеты в свитера, сплошь покрытые дырами, словно их проела моль.

На каждой стене в Порту-Алегри горят рекламы немецких фирм; в уличной толпе вы всегда услышите немецкую речь, а в кафе и ресторанах — немецкую музыку. В немецком институте «Бенно Менс» трудится не покладая рук один молодой человек, импортированный сюда из Германии для организации хорошего архива, где были бы учтены все немцы, умершие и ныне живущие в Риу-Гранди-ду-Сул. Он с таким восторгом говорит о правильной организации дела, что на губах у него выступает пена; да, да, тщательная систематизация материала — и он гордо повествует о том, каких колоссальных результатов сумел добиться всего за какой-нибудь год. Когда он прибыл на место, здесь был сплошной хаос, полная неразбериха. А теперь...

На полках в великолепных переплетах стоят газеты, изданные в штате на немецком языке с 1824 года, когда прибыли сюда первые переселенцы. Он просмотрел эти газеты, вырезал и склеил все извещения о смерти, а также прочие сообщения, представляющие несомненный интерес! Его каталог насчитывает сейчас тридцать тысяч имен. «Чудесная работа!» — говорит он, потирает руки и доверительно сообщает, что собирается использовать весь этот материал для своей докторской диссертации.

Архивариус представляет нам еще одного посетителя института — немецкого еврея, родившегося в Берлине, рыхлого, неряшливого господина. В Порту-Алегри он приехал по делам из Сан-Паулу. Он связан с одним газетным издательством, а кроме того, импортирует из Германии в Бразилию балетные и драматические труппы (только самых лучших артистов, заверяет он). Он сразу же воспылал к нам какой-то почти подозрительной любовью. Оказывается, этот господин остановился в том же отеле, где и мы, и он предложил нам вместе осмотреть город; мы должны непременно навестить его в Сан-Паулу, где он знает все и всех!

С архивариусом он упорно говорит по-английски, хотя тот почти не знает английского. Он шутит с ним и отпускает остроты, от которых архивариуса бросает в жар и в холод. Отношения между ними явно натянутые. Как только посетитель выходит в другую комнату, архивариус тут же сообщает нам, что «этот еврей» — агент по рекламе, и намекает на его какие-то темные делишки, связанные с импортом молодых женщин в Бразилию. «Я, конечно, не нацист, — говорит архивариус, — но...»

Человек из Сан-Паулу все больше входит в роль этакого веселого парня из Берлина. Он интернациональная богема,

всесторонне развитый интеллигент с темпераментом артиста, настоящий светский лев. Он познал все, что может дать жизнь, все видел и от всего устал. Сначала он приехал в Аргентину, но там победила диктатура и настали скверные времена. Тогда он переехал в Сан-Паулу, где все же можно жить; это единственный порядочный город в Южной Америке, своего рода концентрированный сгусток Европы в самом сердце Бразилии.

— И все же,— он вздыхает и вдруг становится сентиментальным,— и все же мы здесь бесконечно одиноки! Так же одиноки, как и Стефан Цвейг, который, несмотря на всю окружающую красоту и великолепие, не выдержал и погиб! Отношения полов — ведь это просто варварство! Либо дай заковать себя в брачные цепи, надень на шею ярмо и живи с одной какой-нибудь женщиной, которая сразу же становится неинтересной, только кормит детей да жиреет, либо утешайся проститутками. Вот он, католицизм, в действии, и все это южноамериканское ханжество и лицемерие!

Ему довелось поехать по стране, побывать в маленьких городках и селениях: они ужасны. Все время идет дождь, улицы утопают в грязи. В гостинице или на постоялом дворе в одной комнате спят четыре-пять человек. Свет выключают в девять часов вечера, и тотчас же начинается бесконечная, черная, как деготь, ночь. Воду дают только утром, с семи до восьми, а после восьми к вашим услугам городские лужи. Если вы попытаетесь заговорить с кем-нибудь, то в ответ услышите лишь невнятное бормотание: ведь вы иностранец. Женщин совсем не видно, чуть что они убегают и прячутся; почти все время сидят взаперти. Постепенно вы перестаете бриться, опускаетесь, одежда на вас истлевает от грязи, меланхолия чуть не доводит вас до самоубийства. И вот вы в панике убегаете оттуда и возвращаетесь в большой город.

— Бразилия — удивительная страна,— резюмирует он.— Если вы проживете здесь сто или двести лет...

НЕМЕЦКАЯ КОЛОНИЯ

Чтобы увидеть настоящую немецкую колонию, нам пришлось отправиться в Сан-Леопольду, классическое поселение немцев иммигрантов.

Два часа езды на автобусе к северу от Порту-Алегри, и среди синих холмов, поросших взъерошенным лесом, нам открывается Сан-Леопольду, небольшой городок с прямыми улицами и разноцветными низенькими домиками. Вечером жители городка высыпают на улицы, чтобы погулять и подышать свежим воздухом. Из открытых окон домов доносятся звуки рояля — классическая немецкая музыка, пылкая и темпераментная.

Через весь город протекает небольшая речка, и на самом ее берегу стоит памятник в честь первых переселенцев. На камне, выкрашенном в красный цвет, лежит колонист, отлитый из чугуна. Здесь ступили на берег первые колонисты, поднявшиеся на vesлах вверх по реке из Порту-Алегри. Это произошло 25 июля 1824 года, и все немцы, живущие в Южной Бразилии, торжественно отмечают этот день. Рассказывают, что под памятником погребено великое множество пионеров-переселенцев. На другом берегу реки стоят немецкая иезуитская церковь и несколько зданий, где обучаются будущие священники-иезуиты.

Пожилой голубоглазый господин с всклокоченными волосами объяснил нам по-немецки, как найти доктора Эриха Фаузеля. Он живет в добротном деревянном доме с садом на горе Шпейгельберг; у него красивая дочь с золотистыми косами — настоящая Гретхен. Здесь же находится евангелическая семинария, где доктор читает лекции. Он германист, очень образованный, знающий человек, много ездил и даже владеет в какой-то мере шведским языком. Он худошав, счень подвижен, за стеклами очков сверкают светло-голубые глаза; у него орлиный нос, седые волосы, ясный ум и быстрая речь. Он угощает нас желтым грушевым ликером из Мату-Гросу и рассказывает о положении немцев в Бразилии, рассказывает виртуозно, без запинки.

В Риу-Гранди-ду-Сул живет около полутора миллионов немцев, что составляет приблизительно третью часть всего населения штата. Разумеется, все они добрые, лояльные бразильцы (подчеркивает доктор Фаузел), хотя говорят по-немецки и остаются верными немецкой культуре. Их часто подозревают в антибразильских настроениях, но это совершенно несправедливо! Они *вынуждены* были сплотиться, чтобы лучше защищать свои интересы.

Король Педру I желал укрепить свою власть в южной части Бразилии, и его супруга, королева Леопольдина, доставляла сюда из Германии колонистов. Нельзя сказать, чтобы все они были очень хорошие люди. В основном это бывшие солдаты, а также осужденные преступники, но колонисты из них получились стойкие и достаточно воинственные. За оказанные королю услуги они бесплатно получили в Сан-Леопольду землю. Колонисты сводили дремучие леса и обрабатывали землю так же старательно, как в Германии: они не только жгли деревья, но и корчевали пни.

Однако новым поселениям грозила опасность со стороны индейцев, которые за короткий промежуток времени убили двадцать колонистов. Тогда немцы объединились и создали союз самозащиты, который постепенно превратился в организованную систему гражданской обороны со своими сигналами оповещения об опасности. Это обеспечивало надежную

защиту от любого внезапного нападения — от выступлений индейцев, от шаек грабителей и от всякого рода незаконных действий. Один из королей создал целый немецкий легион в несколько тысяч человек, и они не всегда ладили с колонистами. Колонистов обвиняли в том, что они, вступив в сговор с аргентинцами, хотят превратить Риу-Гранди-ду-Сул в независимый немецкий штат. Однако вскоре после падения этого короля легион распался и бывшие солдаты смешались с колонистами.

В Сан-Леопольду немцы незамедлительно построили церковь и школу. Потом они основали клубы любителей пения и гимнастики, клубы стрелков, любителей игры в кегли (у женщин был свой клуб). По воскресеньям на лужайке под деревьями распевал мужской хор, а актеры-любители устраивали целые спектакли. В Сан-Леопольду было создано издательство «Ротермунд», которое издавало газету «Колонист», а также учебники и произведения художественной литературы. Появилось множество писателей и поэтов, которые писали по-немецки чувствительные стихи приблизительно в таком стиле:

Wo einst des Glockenvogels Schrei erklingen
erklinget heut des Hammers heller Schlag,
Wo einst der rote Mann den Tiger jagde,
schallt heute dir entgegen Guten Tag,

что в переводе означает:

Где раньше раздавались птичьи голоса,
могучих молотов сегодня слышен стук,
где раньше краснокожий охотился на тигра,
теперь тебя встречает возглас «Здравствуй, друг!»

Постепенно многие немецкие колонисты не только достигли благосостояния, но и разбогатели (одни — занимаясь свиноводством, другие — ведя деловые операции и открывая собственные предприятия).

Первая мировая война нанесла бразильским немцам немалый ущерб: немецкий клуб «Германия» в Порту-Алегри был сожжен, школы запрещены и т. д. Но уже в начале двадцатых годов в Порту-Алегри было около пятисот немецких предприятий, а союз гражданской обороны такой, например, колонии, как Серро-Асуль, мог в любой момент поставить под ружье шесть тысяч человек для защиты колонии от нападения или мятежа. В 1940 году здесь уже было около тысячи частных немецких школ, в которых обучалось более сорока тысяч детей; кроме того, в монастырях жило более тысячи двухсот монахов и монахинь. Из Германии сюда приехало много священников. В кинотеатрах демонстрировались немецкие фильмы, а по радио на коротких волнах население слушало речи Гитлера.

Создавались нацистские объединения, чаще всего молодежные, которые маршировали сомкнутыми рядами, надев соответствующую форму. Бразильцы были этим очень встревожены, пошли разговоры о немецких планах захвата Южной Америки. Власти приняли самые решительные меры против немцев, живущих в Бразилии. В 1941 году были закрыты их школы, полиция врывается в их дома, рылась в библиотеках, накладывала аресты на имущество. Немецкий язык был запрещен. Если два немца, идя по лесной тропинке, говорили на родном языке, их мог задержать бразильский полицейский. Разумеется, они начинали уверять, что говорили по-английски, а полицейский наверняка был слишком невежествен, чтобы спорить с ними.

Церкви тоже были закрыты.

— До сих пор негры готовят еду перед евангелическими алтарями! — говорит с досадой доктор Фаузель. — Но немцы в Бразилии были слишком миролюбивы для того, чтобы оказывать сопротивление даже в тех случаях, когда у них отбирали книги и радиоприемники!

После войны все снова вошло в свою колею. Однако сколько-нибудь значительной иммиграции из Германии в Бразилию не было, всего каких-нибудь несколько тысяч человек, в основном жертвы нацизма. Несколько нацистов, которые бежали в Бразилию, спасая свою шкуру, в счет не идут. Зато сюда приехало около пяти тысяч югославов, находившихся на службе у Гитлера.

В Риу-Гранди-ду-Сул немцы, как правило, живут очень неплохо. Особенно хорошо устроились предприниматели и дельцы, обосновавшиеся в Порту-Алегри. Крестьяне-колонисты живут похуже. Это объясняется тем, что земля, переходящая по наследству от отца к детям, дробится на все более мелкие участки. Молодые люди нередко вынуждены уходить из колоний в города, на заводы. Некоторые попадают в трущобы Порту-Алегри. Совершенно опустившиеся, они сидят возле своих лачуг, обреченные на самую черную работу. Другие, более предприимчивые, уезжают в Мату-Гросу, чтобы заняться выращиванием кофе. Это тяжелая, полная опасностей жизнь на диких, еще не освоенных землях, и в общем никто не знает, как и где им повезет и повезет ли вообще...

Но зато немцы всегда держатся вместе, они не теряют особенностей своего национального характера, не забывают родного языка. Доктор Фаузель уверяет, что еще многие годы в сотнях тысяч домов Бразилии будет звучать немецкая речь.

Мы прихлебываем грушевый ликер. В открытые окна влезают комары, распространяя по комнате запах жасмина. Скоро отходит последний вечерний автобус, на котором мы вернемся в Порту-Алегри.

ОЗЕРО ЛИЛИЙ И ДОРОГИ КОЛОНИСТОВ

Пасха, четыре часа утра. Мы садимся в автобус, на котором красуется довольно обнадеживающее название фирмы: «Empresa Santo Anjo da Guarda» («Экспресс святого ангела-хранителя»). Он повезет нас из Порту-Алегри во Флорианополис, штат Санта-Катарина, если только не случится чего-нибудь непредвиденного. Владелец автобуса на наш вопрос: «Как дорога?», отвечает, недовольно пожимая плечами: «Как обычно».

Из темноты, окутывающей окраины Порту-Алегри и пригород, автобусные фары выхватывают толпы людей, празднующих пасху. Влюбленные парочки, прижавшиеся к стенам домов; небольшие группы юношей и девушек, которые несут обувь в руках, а сами идут босиком; молоденькая негритянка в платье с глубоким вырезом, исполняющая самбу прямо перед автобусом. Многие хотели бы ехать с нами, но автобус переполнен.

Ландшафт медленно светлеет в утренней дымке. Холмы, роши, лагуны. Маленькие деревянные домики без окон. Крошечные участки земли, на которых растут кукуруза, маниок, сахарный тростник. Скоро нам навстречу начинают попадаться повозки с людьми: это крестьяне целыми семьями выезжают на утреннюю пасхальную прогулку.

Через сверкающую в солнечных лучах реку тянут тросом неуклюжий деревянный паром. Местность становится все ниже и все ровнее; поблескивают речушки и озера; дорога почти сливается с окружающим ландшафтом; это, собственно, уже не дорога, а просто колея, проложенная колесами автомашин, идущих к берегу моря.

И вот начинается удивительная поездка. Миля за милей мы едем вдоль берега, сплошь засыпанного песком, ровного, открытого со всех сторон. Нередко автобус спускается к самой воде, где с монотонной регулярностью разбиваются волны прибоя. Море ослепительно сверкает, брызги заливают стекла. Вокруг колес шипят и пенятся грязновато-серые буруны. В море впадает множество ручьев и речушек, похожих на тоненькие перья веера. Иногда автобусу приходится огибать русло какой-нибудь речки, заезжая при этом довольно далеко в море, где прибой превратил песок в гладкую и ровную поверхность. Маневр этот нужно производить очень быстро, в то самое мгновение, когда море отпрянуло назад, иначе вода зальет мотор и он заглохнет.

Берег пустынен, виднеются лишь отдельные хижинки из камыша да серые деревянные домишки. Несколько черных свиней роются в песке (ищут крабов?). Люди, одиноко стоящие на берегу, одеты в жалкие бесцветные лохмотья. Они тоже копаются в песке, согнувшись в три погибели, и тоже

что-то ищут. Некоторые ловят рыбу гарпуном или сетью; они стоят в воде голые или в совершенно промокнутой одежде. Дети постарше помогают взрослым, малыши просто лежат или ползают по песку. Но занятые ловлей семьи никогда не приближаются друг к другу, их разделяет расстояние по крайней мере в километр.

На своем пути автобус спугивает огромные стаи морских птиц, сидящих на берегу. Сначала они бегут по песку, быстро перебирая своими кораллово-красными лапками, словно на берег вдруг кто-то набросил густой ковер из убегающих в панике птиц. Потом взмахивают крыльями и все разом, как по команде, поднимаются в воздух; небо вдруг покрывается точечной вышивкой, стая растягивается, растягивается в длину и ширину, захватывая все большую часть неба, и вот это уже не вышивка, а огромная несущаяся по воздуху сеть со все увеличивающимися ячейками.

Наконец автобус сворачивает на скверную проселочную дорогу. Мы в Санта-Катарина. Снова красноватая земля и зеленые холмы. Деревянные дома, зеленая деревянная церковь, прихожане с пестрыми зонтиками от солнца. Всадники, которым красная овчина заменяет седло.

Осорио, небольшой городок. Ослепительно белая церковь — можно подумать, что она из алюминия. Черная скульптурная группа, изображающая шахтеров, такая черная, что шахтеры похожи на негров. Неподалеку находится угольный район Турабан; здесь добывают уголь, который потом отправляют на сталелитейный завод в Волта-Редонда возле Рио. Надшахтные постройки невелики, и их почти не видно, зато все дороги стали черными от шлака. На фоне всей этой черноты зелень кажется ярче, пышнее и сочнее, словно на еще не высохшей картине.

Рядом вытянулись маленькие деревянные домики, в которых живут рабочие. В окнах проветривается постельное белье. Белые и черные ребятишки играют вместе на обочине дороги. По дороге шагает черный, как уголь, негр; на нем ослепительно белый полотняный костюм, и от всей его фигуры так и веет радостью и праздником.

Железнодорожная ветка, по которой перевозят уголь из Турабана в портовый город Лагуну, исчезает между зелеными холмами.

Сразу же за холмами начинаются болота, густо заросшие лилиями. Мы едем прямо через болото, через сплошное месиво грязи. Здесь все размыто, с обеих сторон кипит и пенится светло-зеленая вода, могучим потоком захлестывая дорогу. Автобус осторожно спускается передними колесами в воду, словно собирается поплыть; он подвигается легкими толчками, дюйм за дюймом. И, как ни странно, этот маневр удается.

Какие-то очень предприимчивые люди построили посреди этих болот хижину, укрепив ее на деревянном помосте, и повесили объявление: «Обеспечиваем переправу за умеренную плату!»

Топь кажется прекрасной и грозной в одно и то же время; она чарует плавно покачивающимся зеленым покровом, затонувшими стволами деревьев, опутанной растительностью, то черными, то зелеными полосами воды в кайме из синих гиацинтов. Тут же растут лилии; они либо разбросаны отдельными белыми пятнами, либо затягивают воду сплошным снежным ковром. Белые лилии, холодные, чистые, невозмутимые... Мы все время ощущаем их аромат, удивительно приятный и опьяняющий.

Изредка мы проезжаем небольшое селение. Но, какой бы пустынной ни была местность, нам все время попадаются навстречу группы красиво одетых юношей и девушек. Нескольким раз мы видели на дороге змей. Длинные и узкие, они казались покрытыми черным, блестящим лаком или завернутыми в клеенку. Одну из них мы переехали, другие уползли, быстро извиваясь всем телом. Здесь же беззаботно гуляют молодые девушки в нейлоновых платьях и открытых сандалиях.

Снова мы подъезжаем к самому морю; берег сплошь изрезан лагунами. Мы едем по узкой песчаной косе, справа и слева от нас вода. Песчаные дюны утопают в высокой траве, среди белесых стеблей каких-то растений пасутся коровы. Автобус медленно ползет вперед, пробирается через огромные лужи, проваливается в воду и снова выбирается на дорогу.

Наконец мы выезжаем на зеленый мыс и ждем, когда паром перевезет нас через узкий морской залив. Ветер срывает с волн белую пену и швыряет ее в траву. На другом берегу залива виден город. Лагуна.

Из машинного отделения катера, который буксирует наш паром, высовывает голову негр-машинист; он прижимает к губам медную с зеленоватыми разводами трубу и исполняет на ней соло, немного запинаясь, но все-таки очень мелодично; его игра скрашивает наш скучный переезд на другой берег.

Лагуна — это сырой и закопченный приморский город, угольный порт с железнодорожной веткой и огромными лужами на улицах. Старые дома, похожие на усадьбы; во дворах птичьи клетки из камня. Часть пассажиров выходит из нашего автобуса, который на время превращается в обычный городской; шофер получает возможность немного подработать, развозя местных жителей по домам.

На дорогах, где обычно не встретишь ни души, теперь полно народу. Некоторые на велосипедах, большинство пешком, но, как это бывает в праздники, никто не знает, куда

он идет; люди просто гуляют. Один раз мы увидели танцевальную площадку, устроенную между деревьями прямо под открытым небом; площадку освещали электрические лампочки, и играла гармоника. Очевидно, здесь тоже жили иммигранты.

Наступает вечер, мы все едем и едем, окутанные мраком, между лесистыми горами, мимо темных деревень с черными провалами окон, мимо ярко освещенных городков с церквями, в которых толпятся прихожане, пришедшие к мессе.

Около полуночи мы переезжаем через висячий мост (самый длинный в Бразилии) и попадаем во Флорианополис, который лежит на скалистом островке, густо заросшем лесом. Под колесами автобуса мост гремит всеми своими сваями и досками, а фонари исполняют перед нами какой-то бешеный танец. Город празднует пасху, в церквях полным ходом идет служба, на площадях и улицах теснятся толпы народа, где-то бьют барабаны.

СТРАНА НОВЫХ ГОРОДОВ И НЕБОСКРЕБЫ

Из Флорианополиса мы выезжаем на рассвете в празднично убранном автобусе с шофером, лихо отпраздновавшим пасху. Он сразу же набирает предельную скорость и бешено несется по улицам городков и селений, так что дети и собаки успевают увернуться лишь в самый последний момент. На полном ходу он обгоняет другие автобусы и автомобили, отесняя их в сторону и не думая об опасности. При этом он сворачивает на волосок от встречной машины, едва избегая столкновения, и пассажиры приветствуют его радостным ревом.

Вскоре он торжествующе обгоняет автобус с молодыми футболистами. Это, очевидно, та самая футбольная команда, которая недавно приезжала во Флорианополис, и несколько ее противников едут сейчас в нашем автобусе. Враждующие стороны угрожающе размахивают руками и осыпают друг друга бранью.

До сих пор за окном все мелькало и убегало назад с молниеносной быстротой, но вот начинаются лесистые крутые кряжи Санта-Катарина, и наш автобус замедляет ход: перегрелся мотор. Автобус с футболистами легко обгоняет нас, из окон несутся ликующие возгласы, а наши спутники отвечают довольно вяло.

И вот мотор окончательно заглох. Мы располагаемся у обочины дороги в траве, покрывающей склон горы, и ожидаем помощи. Нам присылают другой автобус и другого шофера, который едет гораздо спокойнее. Однако нам не удается полностью избавиться от нашего прежнего шофера-лихача и, как мы успеваем убедиться, злостного нарушителя правил

езды по дорогам. Скоро он обгоняет нас на новом автобусе, но наш шофер все время едет за ним, явно стараясь не выпускать его из виду.

На крутом склоне горы передний автобус внезапно останавливается и начинает медленно катиться назад. Мы едва успеваем свернуть в сторону, а тот едет все быстрее и быстрее, и из окон несутся крики охваченных ужасом пассажиров. С одной стороны дороги зияет глубокая пропасть, с другой — небольшое ущелье, упирающееся в склон горы. Возможно, по чистой случайности автобус скатывается в ущелье и с грохотом останавливается среди камней и глыб. Шофер выскакивает из кабины, размахивает руками и доказывает, что виной всему тормоза, которые вдруг отказали. Измученные и обессиленные пассажиры, пошатываясь, вылезают из автобуса. Шофера-смельчака больше не приветствуют радостным ревом.

Пока злополучный автобус вытаскивают из ущелья, проходит два часа. Снова задержка. Зато мы любуемся величественным видом, который открывается отсюда на горы и леса.

Кипящие белой пеной водопады обрушиваются в бездну и исчезают в зеленом море деревьев. Неподдалеку идут дорожные работы. Мулы, словно в цирке, шествуют один за другим длинной вереницей туда и обратно. Они возят в тележках щебень, и лишь один человек наблюдает за ними. Он неподвижно стоит на месте и размахивает над этой странной кавалькадой длинным бичом.

Потом бедняге-шоферу оказывают техническую помощь — заменяют проколотую шину. Поздно вечером мы обгоняем его автобус в последний раз и после короткого обмена репликами едем дальше. И снова обвал, снова задержка — ничего не поделаешь...

Сначала мы едем по побережью через курортные местечки и маленькие портовые города, через реки с паромными пристанями. На фоне моря вырисовываются остроконечные скалы, похожие на сахарные головы, стаи черных птиц сидят на усыпанных цветами деревьях. В окнах домов виднеются девичьи лица, словно цветы или портреты в рамках; на улице перед домами стоят женщины и моют посуду. Собор с бесчисленным множеством белых колонн напоминает огромный свадебный пирог.

Жоинвили — город с очень четкой, почти европейской планировкой. Имена на вывесках в основном немецкие. По улицам разъезжают на велосипедах белокурые девушки. В учреждениях трещат телефонные звонки, дворы тщательно зацементированы.

Отсюда дорога ведет через горы и обрывы в высокогорную часть страны — в штат Парана. Горные хребты на фоне неба кажутся мягкими и мохнатыми от покрывающих их лесов. Иногда над хребтами нависают тучи, начинается ливень, и на землю обрушиваются косые струи воды.

Мы въезжаем в район, заселенный совсем недавно. Леса, прежде покрывавшие склоны гор, выкорчеваны, и теперь здесь раскинулись редкие поля, на которых растут бананы, маниок, кукуруза. Иногда селение состоит всего из нескольких соломенных хижин, и к нему ведет лишь одна извилистая тропинка. Возле горных потоков нередко строят примитивные лесопилки, которые используют энергию падающей воды. На зеленом холме у дороги кладбище; на могилах, уже заросших травой, лежит несколько камней, побеленных известью.

Лесистые хребты уходят вдаль и, сливаясь воедино, образуют волнистое плоскогорье. Здесь расположена Куритиба, столица штата Парана. И хотя мы вскоре устаем удивляться на каждом шагу, все же многое в этом городе кажется нам невероятным. Этот огромный город как бы рождается на ваших глазах из маленького провинциального городка Экскаваторы всюду роют землю, уже законченные небоскребы вырываются из своей деревянной оболочки, словно бабочка из куколки. Мы уже в центре города, где устремляются ввысь узкие несуразные, одинокие здания высотой в двадцать — двадцать пять этажей, словно колонны. А плоскогорье катит свои синие волны все дальше к горизонту: бесконечное, пустое, ожидающее.

Самолет летит над степью, словно над черным сумеречным морем, и скоро садится на этот причудливый узор из строений. По вечерам в городе вспыхивает электрический свет и тысячи белых огоньков рассыпаются во тьме над плоскогорьем.

Куритиба — это само будущее! То, что делается сегодня, — только начало, а завтра это станет реальностью. Здесь все меняется на глазах, жизнь, как буря, несется вперед под грохот взрывов и треск моторов. Если природа упрямо мешает человеку, он побеждает ее своей силой, строя дороги, создавая промышленность, цивилизацию! Здесь вам не сонная Бразилия тропиков, это Запад, пробивающий себе путь через дикие степи.

Сейчас Парана — один из самых быстро растущих штатов; она уже занимает второе место после Сан-Паулу по экспорту кофе. Здесь есть целина, которую надо обработать; есть земли, куда еще не ступала нога человека, их надо освоить; есть необъятные леса, которые дадут древесину; есть водопады, которые дадут электроэнергию. Большинство иммигрантов устремляются сейчас именно в Парану. Не исключено, что

продавцы мороженого с новой улицы, протянувшейся между небоскребами, прибыли сюда из Каира или Катании всего месяц назад.

Когда мы покупаем фрукты на углу улицы, нам бросается в глаза, что торговцы, подсчитывая сумму, чертят арабские цифры прямо на лотке. Кроме того, мы замечаем, что есть фирмы, которые называются «Нагиб» и «Насер». Многие говорят на очень плохом португальском языке, упрощенном и неправильном.

Мы сидим в ресторане на крыше высоченного небоскреба и наблюдаем за большим жуком, который ползет вверх по стене на уровне двадцатого этажа. Жук останавливается и оглядывается немного удивленно, ощупывая усиками воздух: он явно не может понять, что тут происходит.

Из Куритибы во все уголки Параны расходятся лучами шестьдесят автобусных маршрутов. Но лишь немногие выходят за пределы штата. В Сан-Паулу, например, ходит только один плохонький автобус в день. Этот маршрут называется «Nossa Senhora da Penha» («Наша госпожа Боль»), что сразу вызывает у вас страх. Но ваши опасения напрасны: дорога неопасная и очень скучная.

Бесконечные горные хребты, одетые араукариями, глубокие ущелья между красноватыми скалами, унылая земля, поросшая кустарником, убогие деревни переселенцев. До самого Сан-Паулу вы не увидите ни единого деревца кофе; лишь маленькие стада за изгородью, опутанной колючей проволокой, да несколько полей, на которых выращивают помидоры (при финансовой поддержке государства). Самые плодородные земли находятся в другом месте, гораздо дальше на запад.

КОНКУРИРУЮЩИЕ ШТАТЫ БРАЗИЛИИ

Бразилия (Os Estados Unidos do Brasil — Соединенные Штаты Бразилии) является федерацией, которая объединяет двадцать один штат и несколько территорий. Она занимает приблизительно половину всего южноамериканского континента и насчитывает около шестидесяти миллионов жителей (из почти стадвадцатипятимиллионного населения Южной Америки). Бразилия настолько велика, а входящие в ее состав области и районы так сильно отличаются друг от друга, что просто непонятно, почему это государство до сих пор сохраняет свою целостность и не разваливается. Связующим звеном между всеми этими разрозненными областями являются язык (португальский) и история.

Тем не менее Бразилия все время стояла перед угрозой раскола. Когда она была португальской колонией, ее зависимость от метрополии носила чисто внешний характер, мест-

ная культура развивалась довольно свободно, а местные феодалы чувствовали себя вполне самостоятельными правителями. Церковь была менее фанатичной и не так стремилась к светской власти, как в испанских владениях. Смещение рас между белыми, индейцами и неграми-рабами, привезенными сюда из Африки, происходило удивительно безболезненно. Жизнь в Бразилии была гораздо более патриархальной, спокойной, размеренной и мирной, чем в испанской Южной Америке.

Что же объединяло эту огромную территорию? Это прежде всего образ мыслей, присущий всем португальцам, португальская цивилизация, более мягкая и более терпимая, чем испанская, а также необходимость защищаться от агрессивного испанского колониализма, от французов и голландцев, неоднократно нападавших на атлантическое побережье страны. Освобождение от португальского владычества произошло почти без борьбы; народ не был расколот, во главе освободительного движения стоял король, и именно он стал живым символом национальной независимости и хранителем традиций прошлого.

Король дон Педру II был умным и дальновидным политиком; за долгие годы своего правления он сделал очень много для того, чтобы сплотить население Бразилии в единую нацию. Он превратил Рио-де-Жанейро в подлинную столицу страны, столицу, значение которой определялось не силой правительственного декрета, а ее чарующей красотой и прелестью. Он закрепил за Бразилией ее южную провинцию — Риу-Гранди-ду-Сул, он поощрял иммиграцию и колонизацию, строил железные и шоссейные дороги. И, наконец, он отменил в Бразилии рабство, хотя это и стоило ему престола.

Таким образом, когда Бразилия стала республикой, она обладала уже определенной единой государственной структурой, а жители штатов считали себя бразильцами. Или «и бразильцами», ибо их «местный» патриотизм был еще достаточно силен.

Тем не менее некоторые штаты неоднократно пытались порвать с федерацией; еще в тридцатых годах Сан-Паулу выступил против диктатуры Варгаса, который предоставил Рио весьма значительные преимущества по сравнению с другими районами страны. Сан-Паулу и Минас-Жераис, два самых крупных и самых богатых штата, довольно открыто критиковали бразильскую федерацию. Они сравнивали себя с паровозом, который тащит пустые вагоны — все остальные штаты. На юге неоднократно выказывал сепаратистские тенденции Риу-Гранди-ду-Сул, желая стать новым благоустроенным Уругваем. На северо-востоке богатый и сильный Ресифи пытался возглавить движение за выход из федерации.

Центр, Юг и Северо-Восток — три района с наивысшей плотностью населения и наиболее развитой экономикой. Все они соперничают между собой в борьбе за руководящее положение в стране и не проявляют ни малейшего желания следовать приказам федерального правительства в Рио. Такие крупные по территории, но малонаселенные штаты, как Мату-Гросу и Амазонас, не играют сколько-нибудь значительной роли. Их никто не принимает всерьез; это огромные степные и лесные империи, которые станут объектом биржевой игры лишь в далеком будущем, а пока они лишь объект для любителей экзотики.

Диктатура Варгаса (1930—1945) по-своему тоже способствовала укреплению национального единства, и хотя применявшиеся ею методы отличались большой жестокостью, в некоторых отношениях они были даже конструктивными. Немалую роль сыграло и участие во второй мировой войне, когда в силу необходимости индустриализация страны происходила очень быстрыми темпами, и эти темпы сохранились до настоящего времени. Более демократическое правительство президента Кубичека¹, кажется, действует не менее эффективно и во всяком случае более гуманно. Процесс экономического развития Бразилии протекает сейчас так быстро (и разумеется, сопровождается непрерывной инфляцией), что какое-либо недовольство или сепаратистские тенденции почти не дают о себе знать.

Итак, Бразилия благополучно избежала раскола. Ее штаты до сих пор остаются соединенными, но в то же время они постоянно конкурируют между собой; они напрягают все силы, чтобы не отстать от соперников в наступлении на будущее. Нигде обстановка так не накалена, как в Бразилии, но этот накал определяется не столько противоречиями между различными штатами или классовый борьбой, сколько лихорадочными темпами экономического развития. Речь идет о том, чтобы построить как можно больше заводов и небоскребов, открыть как можно больше авиалиний, как можно скорее пустить автобусы по еще недостроенному шоссе.

Бразилия — страна городов, и это становится с каждым годом все заметнее. Кроме таких больших городов, как Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Белу-Оризонти, Порту-Алегри, Ресифи, Баия, в стране насчитывается еще тридцать городов с населением свыше ста тысяч жителей. Тяга населения к большим городам стала всеобщей. Все, у кого только есть возможность, бегут прочь из жалких деревень и диких страшных пустошей. Постоянно происходят внутренние миграции населения, сотни тысяч человек переходят из одних

---

¹ Осенью 1960 г. президентом Бразилии был избран Жанио Куадрос.—
Прим ред.

районов страны в другие и оседают в городах. Бразильцы отличаются беспокойным, непоседливым нравом. Они лишены прочных корней и легко поддаются всякого рода бумам, внезапно вспыхивающим «лихорадкам».

Эти «лихорадки», внезапные экономические бумы внутри определенных районов страны, очень характерны для Бразилии. История общественного развития Бразилии является в значительной мере историей таких «лихорадок». Сначала в течение нескольких столетий весь северо-восток страны жил и бредил только сахаром. Из Африки вывозились десятки тысяч негров рабов, расчищались леса, чтобы освободить место для сахарного тростника, по всему побережью возникали тысячи сахарных плантаций и еще больше церквей — так сказать, во славу и во искупление нажитого на сахаре богатства.

Потом все набросились на золото и алмазы, найденные в Минас-Жераисе, причем застроенный соборами Ору-Прети стал культурным центром области, а все хорошевший Рио превратился в крупный морской порт. С 1850 года главным источником национального дохода стал кофе. Он же способствовал быстрому развитию Сан-Паулу, который вырос в крупный промышленный центр. Как только в бассейне Амазонки был найден каучук, туда сплошным потоком потекли люди и капиталы; возникший словно по мановению волшебного жезла Манаус стал городом изобилия и наслаждений; он оставался таким до 1912 года, когда каучуковая лихорадка внезапно кончилась и все пошло прахом, а знаменитый оперный театр был отдан в вечное владение лианам и попугаям. «Лихорадки» послабее вызывались апельсинами, хлопком, какао. Теперь пришла очередь индустриализации!

Индустриализация — это главная надежда и главная ставка Бразилии. Но безграничны ли возможности промышленного развития? Особенно быстрого развития? Сумеет ли Бразилия потребить на внутреннем рынке или сбыть за границу всю свою промышленную продукцию? Есть ли у Бразилии предпосылки к тому, чтобы стать ведущей индустриальной державой? Не лучше ли ей оставаться аграрной страной и освоить огромные пространства целинных земель, которые будут приносить богатые урожаи? Что нужнее — снабжать страждущее человечество все новыми и новыми машинами, или утолять его голод?

Кое-кто в Бразилии задает себе такие вопросы с явным беспокойством. Эти люди считают, что необходимо свернуть некоторые отрасли промышленности и установить более твердое равновесие между промышленностью и сельским хозяйством, между городом и деревней. Но пока что окрыленная надеждами Бразилия рвется вперед и вперед.

САМЫЙ КРУПНЫЙ ГОРОД БРАЗИЛИИ

В течение нескольких десятилетий Рио и Сан-Паулу соперничали между собой за право называться крупнейшим городом страны. Теперь этот вопрос решен. Сан-Паулу обогнал Рио на полмиллиона жителей и почти достиг цифры в три миллиона. Однако скоро он превысит и эту цифру: каждый год население города увеличивается не меньше, чем на сто пятьдесят тысяч человек. Сан-Паулу с гордостью называет себя самым быстрорастущим городом в мире. Чуть ли не каждый день новые заводы и небоскребы сбрасывают с себя леса.

Это крупнейший и могущественнейший город Бразилии, крупнейший и могущественнейший штат! В штате Сан-Паулу уже насчитывается свыше десяти миллионов жителей; он выпускает почти столько же продукции, сколько все остальные штаты, вместе взятые (в том числе две трети производимого в стране драгоценного кофе), на его долю приходится половина промышленного потенциала страны, здесь сконцентрировано свыше пятидесяти тысяч фабрик и заводов, на которых занято около миллиона рабочих. Сан-Паулу дает почти половину бразильского экспорта и поглощает значительную часть импорта.

Столицей этого штата является город Сан-Паулу, который не только раскинулся вширь, но и величественно поднялся над окружающей равниной. Сан-Паулу — крупнейший промышленный центр на всем южноамериканском континенте, и пока что нет никаких видимых препятствий для его дальнейшего развития. «Почему же такой город возник именно здесь?» — можете вы спросить. «А где же еще ему возникнуть?» — ответит вам житель Сан-Паулу. Где еще вы найдете область с таким могучим развитием производительных сил, с таким замечательным разнообразием сырьевых богатств и энергетических ресурсов, с таким здоровым климатом, который создает все условия для творческого применения человеческих сил!

Гидроэлектростанции получают воду из двух гигантских водохранилищ. Это настоящие озера, и по ним можно совершать длительные прогулки под парусом. Турбины мощностью в миллион лошадиных сил могут дать в три раза больше электроэнергии, чем это нужно городу. Пути сообщения и транспорт также не оставляют желать лучшего. Здесь самая густая в стране сеть шоссейных и железных дорог. В первую очередь это построенная англичанами железнодорожная магистраль между Сан-Паулу и морским портом Сантус — подлинное чудо техники (закрепленные тросами вагоны спускаются к морю с тысячеметрового обрыва), а также двойная

автострада, связывающая Сан-Паулу с Рио; по ней мчатся тяжелые автобусы со скоростью сто двадцать километров в час, а грузовики делают восемьдесят километров.

Сан-Паулу распланирован таким образом, что кажется, причудливой импровизацией разыгравшихся великанов. В этом городе вы чаще смотрите вверх, чем вперед. Улицы идут в несколько ярусов, верхние улицы виадуками пересекают нижние, и у вас возникает такое ощущение, будто Сан-Паулу состоит из многих слоев. Город преобразается у вас на глазах, он как бы сбрасывает с себя старую оболочку, растет все выше и выше и своими огромными каменными ногами втаптывает в землю свое прошлое, обращая его в щебень.

Небоскребы вздымаются над городом неровными группами; больше всего небоскребов в банковском квартале; они стоят, словно колонны, поддерживающие накопленный капитал, словно громадные трансформаторы высокого напряжения или гигантские опоры линий электропередач. Посредине возвышается самый грандиозный небоскреб, где расположен сан-паульский государственный банк; его тридцать два этажа увенчаны остроконечной башней, которая служит и радиомачтой.

Внизу, в мрачных ущельях улиц, между уходящими в небо стенами домов, царит сосредоточенная, как в церкви, тишина. Здесь находится мозг большого города, он мыслит цифрами, его обслуживают бесчисленные, слегка потрескивающие арифмометры и пишущие машинки. Шум городского транспорта доносится откуда-то извне, словно отдаленный гул. На узких улицах можно увидеть лишь пешеходов. Двери дворцов капитала всегда открыты; за ними виднеются огромные мраморные залы и тяжелые, как в храме, своды, залитые белым рассеянным светом; служащие, одетые в белые рубашки или блузки, сидят бесконечными рядами и шелестят, шелестят бумагой. В эти каменные шахты проникают лишь редкие солнечные блики, бессильные что-либо поделывать с твердой кожей человеческой власти.

Мы решили осмотреть один из небоскребов; строительство его было закончено совсем недавно, и в эксплуатацию сдали лишь часть здания. Лифты поднимаются среди строительных лесов, и вам кажется, что вы вот-вот исчезнете в небесных просторах.

Здание — своего рода гигантский отель для всевозможных фирм и предприятий, где каждый этаж — целый лабиринт коридоров. Номера на дверях все растут и растут. Каждый квадратный метр площади очень дорог, и некоторые учреждения умещаются буквально в одной комнате; за столом сидят всего несколько специалистов, склонившихся над картами или чертежами. Стены почти сплошь стеклянные.

К своему неопишному удивлению, вы видите сквозь них людей и различные предметы как бы парящими над городом. Глядя между ножками стула, вы можете рассмотреть все, что делается в доме напротив. Это знаменитый дворец Матараццо; он облицован белым каррарским мрамором и в свое время был одним из красивейших и крупнейших зданий города. С ним связана одна из самых воодушевляющих легенд, которые так любят рассказывать в Сан-Паулу. Шестьдесят лет назад сюда приехал итальянский иммигрант Матараццо, а сейчас его сыновья владеют огромным предприятием (оно называется «Мы похоронили старого графа в 1938 году»), контролируют триста фабрик и заводов, имеют собственный банк, пароходы, самолеты, газеты.

Мы получаем возможность взглянуть на одного преуспевающего директора Сан-Паулу. Он сидит в своей стеклянной кабине на верхнем этаже высоченного небоскреба. Кажется, будто он летит в самолете (впрочем, ему так часто приходится летать, что едва ли он всегда знает, где находится — в синем небе или в своей конторе). Он отнюдь не итальянец, но старается, возможно не отдавая себе в этом отчета, быть похожим на итальянца: ногти у него выкрашены перламутром, на мизинце крупный, с голубиное яйцо, сапфир, на ногах остроносые, блестящие, как зеркало, ботинки, а белки глаз кроваво-красные.

На крыше тридцать первого этажа находится сад. Он окружен зеленой стеклянной стеной и похож на джунгли, перенесенные в оранжерею. Но здесь все ненастоящее: выполненные в сугубо абстрактной манере растения и цветы, зеленые и красные, изготовлены из стекла и пластмассы.

Должно быть, это действует тонизирующе на тех служащих, которые выбегают на минутку из своих контор, чтобы подышать свежим воздухом!

На крышах многих домов стоят какие-то странные сооружения, напоминающие абстрактные скульптуры. Васильково-голубые кубы, воронки, грибы, словно кто-то вдруг сжал в одну причудливую форму куски голубого неба. Вероятно, это просто вентиляционные трубы.

Однако Сан-Паулу состоит не из одних лишь небоскребов. Остатки старого города до сих пор лежат у ног гигантских железобетонных мастодонтов.

Одинокие желтые деревянные домики, все еще затененные старыми изломанными деревьями, их будто случайно перенесли сюда с горной равнины. Потемневшие от времени дома с гипсовыми орлами на крыше, довольно неуклюжими на вид; скульптор, очевидно, руководствовался теми смутными воспоминаниями об орлах, которых видели его

предки еще в Европе. Маленькие полукустарные фабрики музыкальных инструментов; здесь итальянцы делают украшенные перламутром красные гитары, немцы настраивают губные гармоники. Японцы несут на палках костюмы из химчистки. На поднимающейся круто вверх улице находится большая парикмахерская; отсюда то и дело выметают волосы, черные, серые, белокурые; их подхватывает ветер, несет вниз по улице и дальше через весь город.

Крытый рынок довольно приземистый, но зато большой; он как настоящая площадь, над которой соорудили крышу. Оконные стекла расписаны красками, как в церкви, и свет всех цветов и оттенков играет на грудах фруктов и на мясных тушах. На улице рядами стоят грузовики, с которых лопатами сгребают апельсины; проходят женщины, с ног до головы увешанные живыми курами. В некоторых магазинах все полки завалены зонтами. Есть улицы, где чуть не в каждом доме уютно расположилась маленькая венская кондитерская.

Внезапно начинается дождь; застигнутые врасплох, мы бросаемся к стене дома, чтобы спрятаться под солнечным козырьком. Улица наполняется снующими взад и вперед зонтами. Поток машин несется по мостовой через потоки воды, люди забиваются в подъезды, прижимаются к стенам домов. Ливень хлещет по небоскрегам и водопадом низвергается на землю; город оказывается во власти разгулявшейся стихии. Вдруг налетает мощный порыв ветра, и на тротуар с грохотом и звоном сыплются осколки стекла; все закрывают руками лица, очевидно, ветер сорвал вывеску или разбил оконное стекло. В следующий момент я и еще несколько прохожих, сами того не замечая, бросаемся в какую-то мастерскую; здесь за швейными машинами сидят женщины и работают. Очевидно, они уже привыкли к подобным вторжениям и, едва взглянув на нас, снова принимаются за работу.

Не успело выглянуть солнце, как на улице слышится какой-то странный треск, похожий на ружейную пальбу. У нас сразу же возникает мысль, что началась революция, но окружающие явно не испытывают ни малейшего беспокойства, только смотрят и громко смеются. По улице движется странная процессия, раздаются выстрелы из ракетниц, звуки трубы и барабанная дробь. Появляется группа греческих воинов в шлемах из посеребренной бронзы и с длинными копьями в руках. Невозмутимо и величественно они шествуют сквозь пороховой дым под грохот выстрелов. За ними идет другая группа — это студенты, собирающие пожертвования (деньги им бросают прямо на тротуар).

На одной из улиц наше внимание привлекает ресторан с вывеской на арабском языке. Какой сюрприз! Ресторан

убран с большим вкусом; это очень тонкий модерн, чуть-чуть стилизованный в арабском духе. Волнистые панели коричневого дерева, стенная роспись на сюжеты из жизни бедуинов — детей пустыни. В зале царит уютная тишина, сквозь которую до вас доносится мягкая восточная музыка; освещение тоже очень мягкое, хотя не видно ни одной лампы. Немногочисленных посетителей обслуживают несколько стройных, проворных официантов. Вам не надо смотреть в меню, не надо ничего заказывать, не надо опасаться, что вас здесь не поймут. Словно по волшебству, на столе оказывается множество самых разнообразных блюд, очень вкусных и удивительных. Чего здесь только нет, но все изменило свой вкус до неузнаваемости, и вы едва можете отличить по вкусу рыбу от мяса. Это словно сказочное путешествие в царство кулинарии, где на каждом шагу вас ждут новые открытия и вкусовые ощущения. Все приготовлено очень изысканно, из самых лучших продуктов. А счет? Снова сюрприз. Здесь все гораздо дешевле, чем в обычных второразрядных ресторанах, грязных и неудобных. И вы невольно задаете себе вопрос, уж не пропаганда ли это в пользу арабских государств? Или, быть может, мы совершенно неожиданно насладились теми преимуществами, которые дает людям ислам?

Несмотря на небоскребы, общий колорит Сан-Паулу далеко не южноамериканский. Он скорее средневропейский, левантский, полувосточный. В нем есть что-то от Вены и Будапешта, от Балкан и Бейрута. На каждом шагу вы видите вывески, написанные на разных языках незнакомыми буквами. Вы встречаете евреев в ермолках, турок с кальянами, белокурых прибалтийцев с волосами цвета спелой ржи, чернобородых арабов, лукавых сирийцев и похожих на акробатов японцев. Представители всех народов земли живут в Сан-Паулу бок о бок; они еще не слились друг с другом полностью, но никакие явные противоречия их не разделяют (шансов на успех хватает всем).

Самое наглядное представление об интернациональном характере города можно получить, взглянув в телефонную книгу. Здесь перечислены, например, все небоскребы, а рядом указаны номера телефонов каждого из жильцов. Хюттенлохер, Йокохаса, Псакевич, Абуд Ассам, Пуделько, Таррилоне, Фигуэредо, Мигусуки, Кралевич, Барретти, Миранда, Матсон, Мелем Калил, Синяков, Зелингер, Сакудо, Калиб Аюб, Абукайти, Турукити.

Имена со всего мира, имена, принадлежащие всем народам и звучащие на всех языках земли. А потом еще множество обтекаемых, вненациональных имен, ультраурбанистских, штампованных на станке, синтетических, словно это имена роботов, а не людей: Сави, Мелло, Мари, Нот,

Роксо, Роло, Ресек, Анес, Срур, Алани, Габа, Мига, Руско, Реа, Теллес...

Для Сан-Паулу характерна совершенно особая духовная атмосфера и очень специфическая психология. Житель Сан-Паулу сильно отличается от остальных бразильцев: он подвижен, энергичен, предприимчив и рационален, склонен к модернизму во всех отношениях, умеет дерзать и любит абстрактно-конкретное искусство. Его город принадлежит миру, где все люди независимо от их расы, национальности, классовой принадлежности и вероисповедания захвачены вихрем машинной цивилизации. Сан-Паулу — безотказно действующая машина в руках ультрасовременного человека эпохи индустриализации. Здесь он может жить среди стали и стекла, в трепещущем от электричества воздухе. Здесь установлена его катапульта в будущее.

РИО ТОЖЕ ПРЕОБРАЖАЕТСЯ

Итак, Рио-де-Жанейро, главный город страны, значительно отстал от Сан-Паулу, индустриального гиганта. И, судя по всему, это наводит Рио на кое-какие размышления. Столица уже не наслаждается своей красотой так легко и безмятежно, как раньше. Правда, она по-прежнему заботится о своем очаровании, зная, что это — главное ее преимущество перед всеми остальными городами страны. В то же время она создает вслед за Сан-Паулу свою индустрию и строит небоскребы, хотя и не столь быстрыми темпами. Недалеко от Рио находится знаменитый «Волта Редонда», крупнейший в Южной Америке сталелитейный завод. Это своего рода образцовое предприятие, рабочие живут в отдельных домиках, окруженных садами, и пользуются благами социального обеспечения.

Житель Рио теперь уже не склонен подчеркивать, как сильно он отличается от жителя Сан-Паулу. Он больше не говорит презрительно: «В Сан-Паулу ведь только работают!» Возможно, он и сейчас не прочь выступить в роли этакого изысканного сноба, не знающего ни забот, ни хлопот, и пофланировать по пальмовым аллеям, по мозаичным тротуарам, по пляжу. Но, видимо, его встревожило неожиданное открытие: оказывается, сколько бы он ни разгуливал в рубашке, выпущенной поверх брюк, какой бы танцующей ни была его походка, от этого он не станет ни богаче, ни счастливее. И он достает комбинезон или хотя бы рабочие брюки.

И вот в то время как гордость Рио — великолепный Копакабана приходит в упадок и слава его меркнет, в центре быстро растут небоскребы; новая Авинида Варгас пролегла

широким ущельем, словно могучий циклон пронесся через весь город. Заселенные неграми трущобы медленно выползают на заболоченные окраины. Здесь засыпаются ядом и осушаются mosquito болота, а на их месте вырастают новые фабрики и заводы. (Может быть, в Бразилии и действительно не существует расовой дискриминации, но только неграм всегда приходится хуже всех, и их трущобы страшны, как ночь.)

Через министерства, прекрасно устроившиеся в небоскребах, Рио держит в руках всю страну, распределяет налоги, следит за тем, чтобы не было слишком большого разрыва в экономическом положении между богатыми и бедными штатами федерации. Зато в области культуры и искусства тягаться с Сан-Паулу нелегко, ибо он смело и настойчиво ищет новые, неизведанные пути, особенно в архитектуре (в том же Сан-Паулу под невероятный шум читателей и критики было поднято знамя так называемой конкретной поэзии, поэзии, которая состоит из кроссвордов и ребусов и которую нельзя читать в обычном смысле этого слова; эти стихи нужно схватывать целиком, сразу постигая всю комбинацию слов, беспрестанно повторяющихся в разных вариациях, вцепляющихся друг в друга по горизонтали и по вертикали).

Как портовый город Рио в большой мере утратил свое былое значение, и часть грузов идет теперь через Сантус, Виторию и другие порты. Рио не располагает хорошими железными дорогами, и даже автомобильный транспорт не может обеспечить бесперебойное сообщение между Рио и другими городами страны. Как центр авиалиний Сан-Паулу играет куда более важную роль, чем Рио-де-Жанейро.

В настоящее время происходит непрерывная, хотя и безуспешная, борьба за перенесение основных экономических центров с побережья внутрь страны. Именно там, на широком плоскогорье, в самом сердце Бразилии, скрыты подлинные богатства — всевозможные минералы, а может быть, даже и нефть. Нужно проникнуть туда, освоить этот неприступный край, построить там города, фабрики, заводы, дороги.

В самом центре огромного необжитого штата Гояс уже запланирована новая столица. Как полагают, Рио больше не будет резиденцией правительства, и в новую столицу переедет весь административный аппарат. «В самое ближайшее время!» — заверяют нас. Но новая столица пока еще существует лишь на картах и планах: кварталы, улицы, парки — все в будущем¹.

---

¹ 21 апреля 1960 года состоялось официальное открытие новой столицы страны — города Бразилиа. — *Прим. ред.*

Сейчас Пласа Мауа еще больше забита машинами, чем раньше; даже на Авинида Рио Бранко транспорт движется только в одном направлении, а маленькие летние кафе с ржавыми железными стульями как бы съежились и забились под навесы между высокими табуретами чистильщиков обуви, киосками, где продаются лотерейные билеты, и ларьками тотализатора для желающих поиграть на скачках. Бронзовое изваяние муравьеда до сих пор украшает Пласа Пари; дома здесь подверглись нападению со стороны авиакомпании, которая расклеила свои рекламные объявления на всех окнах и фасадах. Квартал Синеландия тоже вдруг как-то съежился, а на улицах теперь пахнет жареной картошкой из ресторанов, втиснувшихся между кинотеатрами.

Возле Ботафого и Фламенго, вдоль Авинида Бейра Мар, все еще купаются, и молодые люди в купальных трусиках то и дело перебегают улицу, лавируя между потоками машин. Гора, похожая на сахарную голову, вздымает у входа в гавань свою голую скалистую вершину; туда тянется канатная дорога, изъеденная ржавчиной, однако всеобщее внимание привлекает не эта дорога, а множество самолетов, которые кружатся над аэродромом возле порта, словно рой пчел вокруг улья. Даже вершина горы Корковадо (Горбатая) с сорокаметровой цементной статуей Христа теперь несколько утратила свою притягательность для желающих осмотреть местность с высоты птичьего полета; в былые времена, когда еще не было самолетов, здесь собиралось гораздо больше народа.

Попасть в район Кобакабаны на обычном городском транспорте — дело довольно сложное, особенно вечером, в часы пик. Машины и автобусы набиты битком. Открытые трамваи сплошь обвешаны гроздьями людей, которые цепляются за поручни и стены вагонов и едут так часами. Все с нетерпением ждут открытия метро, которое предполагается построить, но вот, будет ли оно построено, это еще вопрос, а пока подготовительные работы не идут дальше афиш, призывающих население покупать акции будущего предприятия.

Я с трудом узнаю Кобакабану, вновь увидев ее через десять лет после моего первого посещения Бразилии. Правда, Авинида Атлантика по-прежнему описывает широкий полукруг вдоль всего пляжа, где белые гребни прибора с грохотом набегают на песок. Но краски теперь осенние, серые; над морем и синевато-зелеными горами стелются клубящиеся массы облаков. Да и море уже не ясно-голубое, а по-зимнему серовато-зеленое.

Даже вытянувшиеся рядами многоэтажные дома и дворцы и те словно помрачнели, стали менее внушительными и красивыми, чем были раньше. Новых домов здесь построено не так уж много, а на старых время оставило свои разрушительные следы. Даже шикарный отель «Дворец Копакабана» выглядит старомодным и совсем не новым. После огромных небоскребов Сан-Паулу все эти десяти-двенадцатиэтажные здания кажутся маленькими домиками.

Об уборке мусора и о канализации здесь не очень заботятся. Целый день в переулках стоят железные бочки с мусором и помоями, пока за ними не придет открытая грузовая машина, совсем непригодная для подобного груза. Вокруг тротуаров разливается дурно пахнущая жижа, а к пляжу в нескольких местах подходят открытые сточные канавы, которые образуют на песке огромные вонючие лужи. Ни запах отработанных газов, выбрасываемых шикарными автомобилями, ни тонкий аромат духов, распространяемый шикарными женщинами, не могут заглушить чего-то такого, что постоянно напоминает о помоях и нечистотах.

Пляж опустел, купальный сезон кончается. По берегу прогуливаются американки, на них шерстяные кофточки и золотые украшения. Сюда же выводят собак, чтобы они погуляли по песку. Над маленькими живыми островками купальщиков, сидящих на песке, пестреют зонтики от солнца и детские воздушные шары. Некоторые не прочь раз-другой окунуться в море, но почти всегда волны слишком высокие, а ветер слишком сильный, и над спасательными постами взмывают красные флаги, предупреждающие об опасности. В ветреные, ненастные дни можно наблюдать, как дежурные спасатели разбивают палатки и стоят у входа, дрожа от холода в своих купальных трусах и шерстяных куртках.

Теперь безраздельными хозяевами пляжа стали юные любители футбола. Не зная устали они носятся по песку, гоняют босыми ногами мяч, который то взлетает вверх, то падает вниз, резко выделяясь на фоне зеленоватого волнующегося моря. Большинство из них негры, и у всех на шее висят золотые или серебряные крестики, прячущиеся в курчавой растительности на груди. А вечером при свете фонарей они прохаживаются по Авинида Атлантика с зажженной сигаретой в руке.

Вечерами сюда приходят влюбленные пары и рассаживаются на каменных скамейках у тротуара, идущего вдоль всего пляжа. Большинство из них — негры или мулаты. Это юноши из гаражей и гостиниц, которые встречаются здесь со своими подругами — служанками и няньками. Они сидят, крепко прижавшись друг к другу. Это разрешается. Но вот лежать на песке после наступления темноты строжайшим образом запрещено.

На Авинида Атлантика до сих пор стоит несколько старых зданий, спрятавшихся в тени пальм и кустарников. Это мрачные дома, таинственные в своей кажущейся необитаемости; они похожи на дома из фильма ужасов. Вокруг них кипит жизнь и все залито ярким светом, но сами они отделены от жизни какой-то роковой гранью. Некоторые из них напоминают фантастические, а то и просто нелепые сказочные замки, словно это иллюстрации к сказкам братьев Гримм. Они как бы свидетельствуют об упорном нежелании богатых родов считаться с происходящими на их глазах переменами, с ростом цен на строительные участки, свидетельствуют о безнадежном одиночестве, враждебности к своему времени, об угрюмом затворничестве их обитателей.

Один из домов уже давно покинут своими хозяевами, он одиноко, как грозные руины, возвышается над улицей. Его должны снести или реставрировать. Но работы почему-то приостановлены, и теперь здесь возится один-единственный негр. На его черном, как уголь, мускулистом теле только трусы. Он стоит на балконе, заваленном старым хламом, и делает что-то непонятное. В руках у него перепачканное известкой ведро, он все время наклоняется вперед и посвистывает сквозь зубы. Ах вот оно что, оказывается, он подманивает огромную крысу, чтобы поймать ее в ведро. Крыса замороженно смотрит на него, изредка поднимается на задние лапки и показывает маленькие острые зубы. Для негра это, может быть, просто игра, а может быть, что-то вроде обряда, магическое священнодействие. Он целиком захвачен своим занятием, и пот ручьем струится по его телу.

Но разве Рио не красивый город? О, разумеется, красивый. Один из прекраснейших в мире.

СКАЛЬД В НЕБОСКРЕБЕ

Говорят, что вся бразильская литература есть не что иное, как один вечный сонет, постоянно перерабатываемый и перефразируемый. Когда-то в этой оценке была доля истины, однако немало воды утекло с тех пор. Уже в XIX веке в Бразилии появился свой реалистический роман, правда крайне сентиментальный, повествующий о несчастной любви юношей и девушек, которые принадлежали к разным расам и разным общественным группам. Первым реалистом психологического направления был Машаду де Ассис, бедный и болезненный мулат, который с неслыханным мужеством и редкой глубиной самопознания стал бразильским Достоевским, неумолимым в своем анализе человеческих драм, без малейшего налета слезливой чувствительности. Реалистический национальный эпос возник в Бразилии в начале XX века, когда Эвклидес да Кунжас создал свой ро-

ман «Os Sertões» (Сертаны) военный репортаж о диких пустынных землях и в то же время подлинное произведение искусства, сильное, глубокое, разоблачительное.

В двадцатые годы по всему фронту наступает модернизм. Он стремится к экзотике, открывает новые, неизведанные области внутри страны, становится фольклорным и социально-революционным. У трех ведущих писателей современной Бразилии — Жозе Линса ду Регу, Грасилиану Рамоса и Жоржи Амаду — «бразилизм» выражается по-разному, что соответствует трем различным аспектам общественно-исторического развития страны. Лине ду Регу дает яркую картину гибели старой, «сахарной» культуры, рассказывает об упадке и вырождении патриархально-аристократического класса. Рамос отражает в своих произведениях все растущую тревогу среднего буржуа, его неуверенность в завтрашнем дне, описывает тесный и жалкий мирок маленького провинциального городка. Наконец, писатель-марксист Жоржи Амаду, мулат, выросший в области, где возделывают какао, рассказывает о жизни и борьбе народных масс, о их неодолимом движении вперед, к свободе. Герои его книг — это рыбаки, сельскохозяйственные рабочие, негры боксеры, переселенцы, бредущие через пустоши, и просто разбойники.

Мне хотелось бы поделиться своими впечатлениями об одном бразильском поэте, пожалуй, самом интересном из современных поэтов, — о Карлосе Друммонде де Андраде. Андраде не только поэт, но и пламенный публицист, много и плодотворно работающий в области культуры. Он развил в Рио кипучую деятельность, хотя весь его облик совершенно не соответствует этому красивому, избалованному городу.

Он родился пятьдесят пять лет назад в маленьком городке Итабира, штат Минас-Жераис. Этот штат расположен высоко в горах и очень богат минеральными ресурсами. Андраде кажется чем-то средним между изголодавшимся школьным учителем и костлявым инженером. Он весь сухой и жесткий, словно вырезан из дерева, на его лошадином лице с впалыми щеками застыло мрачное и суровое выражение. Когда он начинает двигаться, вы невольно ждете, что комната тут же наполнится скрипом и скрежетом. В нем все сковано, сдавлено, словно сжато тисками. Говорит он тихо, невнятно, горопливо, будто все, что он скажет, вовсе не заслуживает внимания. В нем нет и тени того великолепного самодовольства, которое излучает любой житель тропиков. Андраде, напротив, склонен оценивать свою личность критически, даже с оттенком иронии; скепсис и пессимизм — вот что определяет его отношение к самому себе.

Однако его натура таит в себе гораздо больше, чем кажется с первого взгляда. Да, он действительно ломовая

лошадь, но лошадь с крыльями, охваченная вдохновением. Рядом со скромностью и сдержанностью в нем живет непоколебимая уверенность в своих силах, несокрушимая твердость. Андраде — это не только железная воля или острый, как бритва, нож; он еще и скала с глубокими плодородными расселинами, в которых распускаются прекраснейшие цветы его поэтического дарования. Им руководит страстное и беспокойное чувство. Это поэт неиссякаемой творческой силы в образе шелкунчика.

Я уже встречался с Друммондом де Андраде в середине сороковых годов. Мне запомнился его острый, словно выгравированный, профиль. Худощавый, скупой на слова человек. В то время самым интересным и самым любимым поэтом считался Жоржи де Лима (ныне покойный). Лима словно согревал вас своими большими карими глазами, своим загорелым лицом цвета табачного листа и кофе с молоком. Это был настоящий маэстро, мягкий и как бы сотканный из парадоксов: врач, католик, революционер, сюрреалист и крупный поэт. Вокруг него группировались его коллеги по перу: остролицый, как иезуит, Мурильо Мендес и толстый, словно директор банка, Аугусто Федерико Шмидт — тоже католики, мистики и борцы за социальную справедливость. На заднем плане немного особняком стоял Друммонд де Андраде.

Сегодня Друммонд де Андраде пишет о том, что волнует каждого из нас, он смотрит на мир совершенно другими глазами, чем раньше. Его поэзия обрела широту и жизненность, обрела могучие социально-политические корни. Самобытной, своеобразной, заостренной она была всегда. А теперь она стала более сочной и колоритной, более свежей и полнокровной.

Когда я сказал, что хочу с ним встретиться, меня послали в Министерство просвещения и культуры, занимающее очень внушительный небоскреб. Андраде сидит в кабинете, отделанном красным деревом, и, очевидно, изучает какие-то архивы. Он поворачивается на стуле, испытующе смотрит на меня сквозь очки, узнает и тотчас же вспоминает, как и где мы с ним виделись прошлый раз. Он дает все необходимые разъяснения, вникая в самую суть дела, перечисляет все книги, которые мне необходимо прочитать. Да, если говорить о литературе, то здесь в общем все осталось по-старому, хотя в других отношениях Бразилия сильно изменилась.

В одной из утренних газет, выходящих в Рио, Друммонд де Андраде ведет свою постоянную рубрику — критические обзоры и комментарии на темы дня. Острый язык, яркие, интересные наблюдения, неожиданные обобщения. От его зоркого взгляда ничто не укроется, каждая фраза полна смыс-

ла и тонкой иронии. Нередко Друммонда де Андраде навещает в его небоскребе даже госпожа Поэзия, несмотря на многочисленные лестницы и длинные коридоры. Многие из его стихотворений лишь успевают промелькнуть в той или иной газете и тут же исчезают — это поэзия одного дня. Другие составляют целые поэтические сборники: либо это толстые книги стихов вроде «A rosa do povo» («Роза народа») и «Siga epigmas» («Ясная загадка»), либо сборники потоньше, как, например, «Viola de bolso» («Карманная скрипка») и «Fazendeiro do ar» («Земледельцы воздуха»).

Что же является самым характерным для поэзии Андраде? Она почти совсем лишена какой бы то ни было риторичности, столь обычной для бразильских поэтов, в ней нет зияющих контрастов между формой и содержанием, между одеждой и телом произведения, между чувством и предметом изображения. У него своя индивидуальная манера письма, своя интонация, очень простая, убедительная и точная. В то же время его стихи звучат легко и непринужденно, живо и мелодично. Они обо всем рассказывают с предельной ясностью, вполне серьезно, хотя и не без лукавства, с очаровательной игривостью. На всем лежит отпечаток сдержанной рассудительности, но у вас все время такое ощущение, что не пройдет и минуты, как те же самые строки запылают ярким пламенем страсти...

В огромном бразильском небоскребе, в самом центре города, живет и работает Друммонд де Андраде, он смотрит вдаль и видит землю и море.

БРАЗИЛЬСКИЙ ХУДОЖНИК

Кандидо Портинари — бразильский художник в самом широком смысле этого слова: это самый выдающийся из современных бразильских мастеров, он покорила Бразилию своей кистью, отобразив на полотне ее настоящее и ее прошлое, ее народ, жизнь и быт народа. Портинари — художник огромного масштаба, он пишет фрески и панно, работает маслом, гуашью. Он замечательный мастер гравюры и литографии. О нем спорят, его отрицают, и тем не менее он непобедим. Художник пользуется всемирной известностью и неукротимо идет вперед, одинаково хорошо владея всеми стилями и манерами письма: он реалист, романтик, карикатурист, революционер, пластик. Это художник интернациональный и в то же время до мозга костей бразильский.

Портинари родился в 1903 году в штате Сан-Паулу, краю кофе. Его родители приехали сюда из Италии, и он был одним из двенадцати сыновей. Девяти лет он уже помогал расписывать церковь. Кроме того, он был заядлым футболи-

стом, но однажды повредил себе колено и с тех пор немного прихрамывает. Это, возможно, сказалось на формировании его внутреннего мира, мира образов, что в конечном счете и привело его к искусству. Уже пятнадцатилетним мальчиком он пришел в Рио без гроша в кармане, чтобы стать художником, и с того самого дня непрерывно работал. Этот бразильский Пикассо перепробовал все стили, испытал всякие влияния и все же преодолел их.

Мы смотрим на его полотна, написанные в тридцатых годах: красная земля, на которой растет кофе, узенькая полоска синего неба, люди, маленькие и круглые, как куклы; на фоне еще более маленьких домиков — палатки, флагштоки, кладбища. Немного наивная и очень выразительная картина, изображающая деревню: мальчишки гоняют по полю футбольный мяч, у них большие круглые головы, а над кофейным полем висит солнце, похожее на огромный красный шар.

К началу сороковых годов в творческой манере Портинари происходит резкий перелом. Сначала на его полотнах появляются негры — негры городские, щеголеватые, играющие на гитарах и саксофонах, танцующие, с огромными, как у рабов, руками и ногами. У одних мечтательный взгляд, меланхолический вид, другие охвачены ритмическим экстазом, рожденным первобытной радостью бытия. Клетчатая куртка оттеняет своим шахматным узором мозаичный тротуар Рио, петух с красным гребнем и свернутая змеей веревка как бы предупреждают об опасности и призывают к бдительности. Словно новоявленный Ван Гог, преисполненный сочувствия к человеку, Портинари изображает на своих полотнах бразильских тружеников, тех, кто обрабатывает землю, пасет стада, собирает фрукты, моет золото. У них загрубевшие от работы руки, огромные и волосатые, как у гориллы. Здесь, как у мексиканских художников, все усилено, преувеличено, упрощено.

Война научила Портинари глубже проникать в явления действительности, его творчество становится более зрелым и более осмысленным. Он рисует человеческие страдания прямо с природы. Таковы его картины, посвященные голодающим беженцам, спасающимся от катастрофической засухи на северо-востоке страны. Его творческая фантазия одновременно охватывает и древние мифы и события современности. Видения библейских пророков, проповедующих в пустыне, сливаются с картинами разрушенных городов; Иеремия неистовствует среди небоскребов, а Иерихон обращается в руины от могучих звуков трубы черного трубача. Завернутый в саван Лазарь воскресает, его озаряет ослепительно белый свет, женщины простирают к нему руки, охваченные ужасом и благоговейным восторгом. Художник ве-

дет толпы изголодавшихся людей — живые скелеты в лохмотьях — через опустошенный край, он строит целые баррикады из детей, которые смотрят на вас глазами, полными ужаса, а женщины плачут, роняя крупные, как голубиное яйцо, слезы. Это взволнованное и страстное искусство, где даже самая мелкая деталь звучит как вопль отчаяния.

В пятидесятые годы Портинари все чаще обращается к историческим сюжетам, создает все более сложные, многоплановые композиции, самые разнообразные по времени и месту действия; толпы людей разбросаны по всему полотну, образуя динамичный клетчатый узор из светлых и темных полей. Вот появляется корабль, на котором некогда перевозили рабов, он похож на современное военно-транспортное судно, и в этом есть что-то жуткое. На огромной фреске изображен отважный мятежник Тирадентес («зубодер») Казнь. Своей картиной художник выносит приговор обществу. Здесь собрались все действующие лица совершающейся драмы: жрец правосудия, несчастные мученики, равнодушная, жаждущая кровавого зрелища или просто испуганная толпа.

В здании Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке находится огромная картина Портинари, написанная им на тему «Война и мир». Толпы людей сгруппированы по вертикали, их обрамляет клетчатый орнамент, образованный яркими вспышками света, словно это роспись на церковных витражах. На одной стороне картины идет война, изображенная как ужас, паника, ярость, уничтожение. На другой стороне царит мир: это труд, праздник и веселье, покой, радость и произрастание. Великая тема, для которой почти невозможно найти художественное воплощение. Однако Портинари заранее рассчитал каждую деталь и лишь потом создал законченную композицию, все части которой гармонично сливаются в единое целое.

* *
*

На этот раз мы встретились с ним в его квартире на Авинида Атлантика, откуда открывается великолепный вид на море. Он все такой же маленький и такой же приветливый, как раньше, только чуть-чуть постарел и, пожалуй, немного устал. Глаза у него утомленные, ведь они так много видят и дают видеть другим. Но ребенок, художник, по-прежнему живет в его душе, полной страсти, чувства и неиссякаемой бодрости. Нет, Портинари не раб, который трудится, чтобы не умереть с голоду, он творит от избытка жизненных сил, вся его жизнь — в творчестве.

Недавно он побывал в Израиле и теперь возбужденно рассказывает, что там многие работают с огоньком, *espírito*. В Бразилии же все слишком спешат и для искусства в полном смысле этого слова у людей не остается времени. Сам Портинари не проявляет особого интереса к небоскребной архитектуре и абстрактному искусству: это не настоящее искусство, а лишь побочный продукт беспокойной современной цивилизации. Неужели художник должен быть абстракционистом только потому, что на свете существуют атомные бомбы? Ведь у человека есть глаза, которые все видят и непрерывно открывают мир заново.

Самое главное, самое значительное — это человек, который постоянно изменяется и все же остается человеком, человек, которого мы никогда не постигнем окончательно, если не будем его упорно и глубоко изучать. Человек — вот главное в творчестве художника, та основная тема, которую он должен раскрывать и развивать. В Бразилии было и есть много тяжелого, жестокого, скрытого под поверхностью. Портинари обнажает все отвратительное, мерзкое, чтобы покончить с этим раз и навсегда. В былые времена людей разрывали лошадьми на части, а оторванные руки и ноги прибавляли гвоздями к столбу на площади. Художник воссоздает картину казни, чтобы люди никогда больше не переживали этого ужаса.

Он показывает нам несколько карандашных набросков и рисунков. Это серия этюдов о Дон-Кихоте, по-новому комичных в своей патетике. Дон-Кихот, закованный в железо, худой, нескладный и беспомощный; из лат торчит маленькая красная голова, длинноногая худая клыча нарисована тонкими синими и красными штрихами, словно это схема в книге по анатомии. А вот другой сюжет, возникающий в десятках вариантов: мальчик с ягненком. Вероятнее всего, это детские впечатления художника (ягненок был дорогим и близким для него существом), слившиеся с библейской пастушеской легендой. Этюды о войне изображают хищных зверей с раскрытыми пастьями, диких лошадей, разъяренных кошек. Мадонна с лицом свиньи сосет худенькую розовую руку ребенка.

Портинари счастлив, когда ему удается запечатлеть какой-то интересный сюжет на бумаге или полотне, но он никогда не возвращается к однажды использованному мотиву, стараясь побыстрее найти новый. Он говорит без умолку, не требуя к себе особого внимания со стороны собеседника; это скорее вдохновенный монолог, с которым он обращается к самому себе. Когда Портинари находит удачную формулировку, он несколько раз повторяет ее, радостно улыбаясь. В ореоле своего огромного дарования перед нами стоит маленький человек, лучезарно доброжелательный, — в нем

таится великая сила. Он как бы удивлен и восторгается самим собой, восторгается как-то по-детски наивно. Это открытая непосредственность творческой мысли, душевная мягкость, победившая гигантское творческое напряжение, это покой между бурями.

КРАСИВЫЙ ГОРИЗОНТ И ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО

Штат Минас-Жерис, который в период золотой и алмазной лихорадки был одним из ведущих, вновь собирается играть главную роль в делах страны. По темпам роста он уступает лишь Сан-Паулу, и в настоящее время его население уже превысило восемь миллионов человек. Там есть фактически все. Полезных ископаемых больше, чем во всех остальных штатах, вместе взятых. Тысяча водопадов, на которых можно строить гидроэлектростанции, золотые прииски (два прииска — единственные во всей Бразилии). Продукты сельского хозяйства в изобилии. Лучшее в стране молоко, масло, сыр.

Зато с транспортом здесь не все обстоит благополучно. Минас расположен на высоком плоскогорье, это край холмов, хребтов и горных вершин. У тех железных дорог, что, извиваясь, спускаются с плоскогорья к Рио и Виктории, пропускная способность невелика, кроме того, поезда по ним ходят медленно. Нередки здесь и крушения. Главный козырь штата — новое шоссе между Рио и Белу-Оризонти. Но это не такая уж легкая дорога. Протяженность шоссе составляет четыреста пятьдесят километров, и что ни километр, то крутой спуск или еще более крутой подъем.

Шоссе новое лишь наполовину: до самого Жуис-ди-Фора ведет старая дорога, ползущая между отвесными стенами гор через узкие ущелья. Во многих местах асфальтовое покрытие потрескалось под тяжестью автоцистерн и многотонных грузовиков. По шоссе днем и ночью через каждый час мчатся автобусы. Чтобы уложиться в отведенные на весь маршрут десять часов, приходится рисковать. (Шоферы не могут соблюдать ограничение скорости даже когда едут через населенные пункты. Сколько раз мы пронеслись на волосок от зазевавшегося ребенка или старухи. Один раз шофер резко нажал на тормоза, отпустил руль, закрыл лицо руками и закричал — не выдержали нервы.)

До самого Петрополиса дорога петляет по темному и мрачному лесу, часто она идет через висячие мосты, вдоль скалистых обрывов. Петрополис — вытянувшийся на большое расстояние городок с узкими улицами, которые проходят вдоль выложенного камнем ручья; ручей этот, помимо всего

прочего, является и канализационным стоком. Большие мшистые деревья окутаны дождевой дымкой, в садах цветут синие гортензии. На песчаном откосе видны железные кресты, среди цветочных клумб расположилась великолепно оборудованная бойня: на ее крыше сидят черные коршуны.

В Жуис-ди-Фора торгуют хлопчатобумажными тканями и изделиями из металла. На крышах домов и на воротах вы нередко можете увидеть металлических собак. Конкурирующие между собой рестораны вывешивают объявления, написанные мелом на черных досках, о том, что у них есть сегодня конина, козлятина и потроха.

Потом начинаются зеленые холмы, голые каменистые возвышенности и огромные красно-бурые муравьиные кучи, которые издали можно принять за пасущихся коров. От шоссе отходит дорога к рудничному поселку, и вскоре между холмами начинают мелькать строения. Там, где дорога прорезает невысокие хребты, на откосах видны слои различных пород, сверкающие сланцами, зеленеющие медью, кровоточащие красноватой ржавчиной; озера и пруды застыли в холодной неподвижности, словно они из алюминия или серебра.

В сумерках мы мчимся вниз по длинному склону горы к Белу-Оризонти (Красивый Горизонт). Это главный город штата Минас, который расположен вовсе не так живописно и высоко, как можно было бы ожидать по его названию. И он еще не слишком большой, хотя растет очень быстро. Несколькими годами назад здесь было триста тысяч жителей, сегодня — полмиллиона. В общем это провинциальный город с тенистыми улицами, тихими скверами и старыми жилыми кварталами. Но в центре уже громоздятся небоскребы, без которых бразильцы теперь не могут обойтись. Сейчас все ждут только одного — новой мощной электростанции, и тогда индустриализация начнется всерьез.

В Белу-Оризонти по-северному прохладно. В самом большом парке города есть пруд; хвойные деревья мрачно раскинули свои ветви над водой, сплошь усеянной белыми кувшинками. Вы можете постоять на одном из круглых цементных островов посреди озера и посмотреть на диких уток в их маленьких плавучих домиках. По улицам, поеживаясь от холода, идут негритянки в мужских куртках, надевших поверх ситцевых платьев, и в тюрбанах. Вечерами света нет и улицы превращаются в феерический театр теней: это тени людей и деревьев, освещаемых фарами проносащихся машин. С наступлением темноты весь этот немного чопорный город вдруг оживает, со всех сторон доносится разноголосый гомон и смех.

Вокруг Белу-Оризонти растут пригороды. Один из них, Пампуля, пользуется скандальной известностью за крайний

модернизм своей архитектуры. Бразильский архитектор мулат Оскар Ниеме́йер получил право строить так, как ему заблагорассудится, и немедленно принялся за осуществление своих ультрамодернистских планов. На берегах искусственного озера он построил казино из стекла, несколько особняков и церковь, которые произвели в городе настоящую сенсацию. Епископ был настолько шокирован архитектурой новой церкви, что отказался освятить ее, и теперь, как утверждают, в ней будет музей современного искусства.

Когда мы приехали, чтоб взглянуть на Пампулю, ставшую уже достопримечательностью, оказалось, что вода прорвала плотину (чей-то злой умысел?) и искусственное озеро высохло. На его месте осталось лишь жалкое болотце с кочками и травой. По замыслу архитектора дома с их плавно изгибающимися линиями должны органически слиться с окружающими холмами. Кроме того, архитектор раскрасил их главным образом в белые и синие тона, что гармонирует с солнечным светом, небом и водой в озере. Но озера больше нет, и теперь Пампуля чем-то напоминает потерпевший крушение корабль, который оказался выброшенным на берег.

Церковь особенно страдает из-за отсутствия зеркальной поверхности озера. Теперь она стала какой-то плоской, похожей на гараж, и, вместо того чтобы устремляться к синему небу, прижимается к грешной земле.

Церкви придана форма набегающей на берег волны, за которой следуют две волны поменьше; внешние края у них срезаны и образуют фронтоны здания. Стен нет, белая крыша поднимается прямо от земли в виде огромного тройного купола. Фронтоны выложены кафельными плитками, которые расписал глазурью Портинари. Картины на жизнерадостные библейские сюжеты украшены орнаментом из рыб и голубей. Стоящая особняком колокольня похожа на белую заводскую трубу или на высоченную лестницу-стремянку, в зависимости от того, под каким углом на нее смотреть. Она расширяется вверх и сужается книзу, что придает ей устремленность ввысь и в то же время создает впечатление, будто колокольня перевернута вверх шпилем.

Внутри церковь круглая, как яйцо: это просторный грот, раковина. Тихая мирная обитель. Нет ни углов, ни резко очерченных граней: лишь низкие, изогнутые и закругленные стены перегораживают церковь. И здесь тоже жизнерадостные фрески Портинари: не страдания и жертвы, а ликование человека, одержавшего победу над трудностями и злом, своего рода радужные легенды повседневной действительности. А в общем это удивительно светлая и радостная церковь, добрая и человечная, а потому она недостойна быть церковью.

Осмотр церквей мы продолжаем в Ору-Прети, который когда-то, во время золотой лихорадки, был столицей штата Минас-Жераис. Теперь это совершенно заброшенный город в нескольких часах езды от Белу-Оризонти. Мертвый город, национальный заповедник, памятник остановившейся в своем развитии культуры, огромный музей среди мрачных склонов гор.

Ору-Прети (Черное Золото). Трудно придумать более подходящее название для этого сумеречного города с его нагромождением старых церквей, похожих на гигантские темноголовые грибы. Вам кажется, что город медленно опускается в бездну между угрюмыми невозмутимыми горами. А может быть, наоборот, он еще только карабкается из бездны, изо всех сил прижимаясь к отвесным обрывам.

Автобус везет нас по крутым, как крыша, улицам, вниз, на самое дно ущелья. Вот главная улица города, она извиляется, словно река; по обеим сторонам ее расположились магазины, мастерские и множество бильярдных павильонов. От нее отходит улица, которая ведет к отелю, похожему на какой-то модернистский барак кроваво-красного цвета, с фасадом, опирающимся на колонны, и лестницами, идущими вверх. Другая улица лестницей спускается к собору и площади, замощенной булыжником и поросшей травой, и еще дальше вниз, к какому-то заводу или может быть руднику, расположенному на черном дне ущелья, где бежит ручей.

Осмотру церквей мы посвящаем целый день и, надо сказать, очень напряженный день; мы ходим вверх и вниз по крутым мощеным улицам, таким крутым, что хоть ползи на четвереньках. Ослы и мулы с человеком или каким-нибудь другим грузом на спине семенят по мостовой, осторожно, как девушки, переставляя ноги, делают зигзаги и высекают копытами искры из булыжников.

Над городом возвышается ратуша; на ее крыше установлена скульптура горожанина во весь рост, а внизу, перед лестницей, сгрудилось множество мулов, навьюченных связками риса. Эти связки укладывают возле стен. Можно подумать, что здесь собираются кого-то сжечь на костре. По обеим сторонам ратуши стоят церкви с пристроенными к ним жилыми домами, где живут священники и монахи. Наибольшей известностью пользуется церковь святого Франциска. Она стоит немного поодаль, на зеленом уступе, откуда видны холмы и извивающиеся между ними узенькие дорожки, которые ведут к той или иной церкви. На воротах церкви святого Франциска отлит барельеф, изображающий

этого святого из Ассиза; он стоит коленапреклоненный под лучами солнца, и на него дождем сыплются розы.

Вот школа при руднике; она темно-желтого цвета и окружена железной оградой. За школой еще несколько церквей, психиатрическая больница с решетками в окнах и обычная больница, которую обслуживают монахи. Дальше идет ложбина с вязкой красноватой землей и тропинка, которая ведет еще к одной церкви. Эта церковь расположена на невысоком уступе, похожем на мыс, где в траве виднеются могильные плиты. Церковь выстроена в стиле барокко, ее увенчивает двойная башня, которая до того распухла посередине, что напоминает огромную луковицу. Она возвышается над городом, и кресты на ее шпилях все время окутаны белыми облаками.

Крутая лестница идет вниз по склону холма, поросшему репейником и еще какими-то белыми стебельками; весь склон завален навозом. Внизу стоит церковь, бедная и ветхая, с отваливающимися ставнями; ее окружают почти черные кипарисы и каменные стены. Переулок, залитый помоями и нечистотами, снова ведет вниз, в город; вокруг все пропитано запахом мочи и грязи.

Когда вы прикасаетесь к черной патине церквей, вам кажется, что это бархат: все покрыто тонким слоем мха, питающегося камнем. Внутри церкви похожи одна на другую. Особенно безвкусно убран собор; здесь, словно на рынке, все выставлено напоказ — всякие позолоченные завитушки и искусственные цветы. В другой церкви, более простой и наивной, алтарь украшен деревянными лилиями, голубыми резными карнизами и светильниками в виде лилий; здесь же стоит мадонна с черными настоящими волосами и в белой ночной рубашке.

В те времена, когда Ору-Прети переживал период своего величия, здесь жил знаменитый скульптор Антонио Франсиско Лисбоа, прозванный Алейхадино (Маленький калека). Он был сыном крупного архитектора и его черной рабыни, у которой было безобразное лицо и толстая уродливая фигура. В сорок семь лет Лисбоа заболел какой-то странной болезнью, очевидно проказой; сначала он потерял пальцы на ногах, а потом и на руках. Он прожил до восьмидесяти четырех лет и все время занимался скульптурой.

Он не любил показываться людям на глаза, ездил на лошади, завернувшись с ног до головы в плащ. Статуи для церкви он создавал сидя в большом ящике, который скрывал его от любопытных взглядов. Он был самоучка и вряд ли мог испытывать на себе влияние того или иного художника; свои образы он искал непосредственно в окружающей действительности, превращая горожан, солдат и негров рабов в Христа, святых, дьяволов, царей и завоевателей. Нередко

жители Ору-Прети узнавали себя в той или иной скульптуре, что приводило ко всяким скандалам, однако творения Алейхадино живы до сих пор, хотя определить, кого именно они изображают, бывает подчас очень нелегко.

Его старики — своего рода стилизованный под барокко натурализм; здесь и живая непосредственность восприятия, и наивный пафос, и гротескная гиперболизация. Они не слишком привлекательны, зато очень выразительны. В них он воплотил свое уродство и свою болезнь, возвысился над унижением и победил окружающий мир великой всепримиряющей силой искусства, силой любви и критики. Все скульптуры в Ору-Прети приписываются ему.

БАИЯ

Баия (вернее, Салвадор или Баия-ди-Тодус-ос-Сантус) — самый спокойный из всех крупных городов Бразилии. Порой его наивысшего расцвета был сахарный период. Баия была столицей всей страны, тогда-то были выстроены ее семьдесят церквей и оборонительные укрепления: каменные стены и форты, обращенные к морю. Уже в наши дни, когда здесь начали возделывать какао, Баия пережила новый экономический подъем, однако вскоре снова наступил спад. Наконец, совсем недавно поблизости нашли нефть, и многие полагают, что теперь здесь все изменится.

В Баии нет и полумиллиона жителей, сравнительно мало фабрик, заводов и новых зданий. Морские суда — основной вид связи Баии с другими городами страны, а также с районом Ильеус, где возделывают какао. Недавно было закончено строительство железной дороги, которая связала Баию с Рио (поезд шел в Рио целых пять суток), однако движение по этой дороге уже прекращено из-за обвала нескольких мостов. Железнодорожное сообщение с севером страны через Аракажу крайне ненадежно; никто не знает, как перебраться через реку Сан-Франциско и затопленные ею районы, чтобы затем попасть в Ресифи.

Баия кажется совершенно изолированной от всего остального мира. Она даже повернулась спиной к морю, отгородилась от него окаймленной пальмами бухтой и теперь, словно ящерица, греется на солнце, удобно расположившись на крутом обрывистом берегу. Из порта в город можно подняться на фуникулере или пройти по очень извилистым и очень крутым улицам. Здесь вытянулись рядами магазины и лавчонки, а возле причала, куда пристают со своим грузом парусные лодки, происходит прямо-таки экзотическая рыночная торговля.

Маленькие трамвайчики с ржавым скрежетом карабкаются вверх по улицам города. В переулках, где между булыжниками текут нефть и молоко, стоят лотки с бананами. Только что прошел ливень, и старухи спешат на паперть, чтобы со-

брать в ведра дождевую воду (которая, очевидно, считается святой). В церквах можно услышать пение сверчка, а в приделе стучит старая швейная машинка — какое-то бедное семейство занимается шитьем. Черный, как уголь, сапожник, полуголый и с амулетом на шее, устроился поудобнее на своем высоком стуле и на столе перед ним лежит взъерошенный котенок. Сапожник улыбается и время от времени поглаживает котенка своей большой сильной рукой.

Старые дома и стены окрашены во всевозможные цвета, от черного, как деготь, до темно-синего, бледно-розового, ядовито-зеленого и желтого, как апельсиновая корка. Некоторые дома напоминают огромные кафельные печи; их фасады выложены кафельными плитками с красно-синим орнаментом. Из окна высовывает голову мальчик негритенок, похожий на улыбающегося черного ангела. С утра до ночи из магазинов, где продают грампластинки, несется дикая, оглушающая музыка. Из мастерских и лавок, расположенных в подвалах, пахнет свежими стружками, свежим, еще теплым хлебом, свежевыдубленными кожами. Фабрика манекенов выставила на витрину все свои шедевры: голые, смахивающие на инвалидов фигуры, причем на каждого белого приходится один негр или мулат (долгой расовую дискриминацию!).

Глядя на бесчисленные витрины, можно подумать, что в магазинах и лавчонках происходит распродажа товаров внезапно обанкротившейся цивилизации. Огромные ножницы; швейные машины на высоких изогнутых ножках; красные, как сырое мясо, женские манекены с застывшей улыбкой и стянутой корсетом грудью; змеи, извивающиеся вокруг позолоченного посоха; розовые искусственные челюсти, в несколько раз больше натуральной величины; набитые опилками лошадиные головы; громадные, как у Голиафа, сапоги и крылатые ангелы в ботфортах.

Баия до сих пор чем-то напоминает колониальный негрятинский город, застывший на полупервобытной стадии развития, словно это древняя Африка, жаркая и пахнущая дымом. На улицах толпятся люди, липкие от пота, даже когда дует муссон. Сплошь и рядом вы встречаете негров с заячьей (или кроличьей) лапкой, висящей на шее. Чуть что они целуют этот священный амулет и проводят им у себя под мышками. Другие негры трижды сплевывают при встрече с белым, так же как иные белые плюются, когда им перебегает дорогу черная кошка. В конце концов вы начинаете подозревать, что даже белая овчина на заднем сиденье автомобиля тоже обладает какой-то магической силой, ибо какой может быть прок от овчины в такую жару.

Вокруг церкви множество проституток (в Баии издавна повелось, что дома терпимости стоят бок о бок с церквами). Да и сами церкви словно призваны возбуждать у прихожан

греховные мысли своими золотисто-красными светильниками и мадоннами, размалеванными и разодетыми, словно шикарные кокетки. Нередко вы можете увидеть в церкви наивно реалистическое изображение женского тела, написанного самыми живыми и натуральными красками.

Бомфимская церковь живописно расположена на мысе, у самого берега моря, возле старинной побеленной известью крепости; там на лужайке пасутся белые лошади, на спине у которых сидят белые голуби. Эта церковь пользуется особенной популярностью среди богомольцев: сюда приходят целые процессии верующих: кающиеся, жаждущие исцеления калеки, фанатики, омывающие в море изображения святых. Один из боковых приделов церкви заботится до отказа всевозможными приношениями верующих во исполнение данного ими обета; здесь вы можете увидеть отвратительные восковые или гипсовые слепки их изуродованных рук и ног, картинки с изображением всяких стихийных бедствий, несчастий или катастроф, нарисованные теми, кому удалось избежать неминуемой гибели,— взрывы, пожары, рухнувшие в пропасти поезда, разбившиеся самолеты, бандиты, убивающие жертву ножом или из пистолета. Это целая летопись человеческих страданий, кровавая, страшная, проникнутая самым диким суеверием.

Нигде тропики не оказывали такого смягчающего действия на католицизм, как в Баии, где он испытывал воздействие мавританской чувственности и древней португальской страсти к размножению, фантастических представлений индейцев и магических ритуалов негров. И прежде всего это магия негров, их фетишизм, привезенный сюда из Африки с культом плодородия, который придает католическим святым черты лесных богов, с древними обрядами «макумба» или «кондомбле» и ритуальными танцами, от которых все присутствующие впадают в какой-то безумный исступленный экстаз; молодых женщин посвящают в «святых дочерей» и «лошадей богов» под несмолкающий бой барабанов; толпа приходит в неистовство, все кричат, а черный жрец предсказывает будущее по брошенным игральным костям или по крови только что разодранного петуха.

Барабаны макумба до сих пор гремят в Баии, гремят на задних дворах городских окраин, под навесами, в лесах, подходящих к самому городу. Церковь не только не препятствует свершению этих народных магических обрядов, но и, судя по всему, относится к ним весьма благожелательно. Приверженцы макумбы, как утверждают, являются ревностными католиками, которые между упражнениями в магии укрепляют свой дух мессами, причастием и исповедью.

(Жоржи Амаду рассказал нам об одном священнодействии, которое совершалось в Баии, чтобы умилостивить морских богов. Жители побережья и рыбаки каждый год приносили

в жертву богам белую лошадь. Лошадь ослепляли раскаленным железом и бросали в море; она тонула в волнах. Таким образом, море получало свое, а люди могли считать себя гарантированными от бурь и катастроф.)

Конечно, существует и современная Баия. Например, новое шоссе, идущее до самого аэродрома мимо роскошных вилл, расположившихся под сенью высоких пальм, вдоль моря, которое жадно лижет белый песок; по бескрайним зеленым морским просторам все время бегут тени от синих облаков.

От порта начинается улица, где расположены нефтеочистительные заводы, фабрики прохладительных напитков, текстильные фабрики. Одна из текстильных фабрик — филантропическое предприятие с образцовыми жилищами для рабочих; она была построена еще в 1870 году, и теперь ее закопченные кирпичные стены имеют довольно потрепанный и мрачный вид. Рядом находится дом для престарелых, который больше похож на Национальный музей.

Институт какао является, пожалуй, главным украшением Баии. Это тяжелое каменное здание, где ведутся исследовательские работы по возделыванию какао. В выставочном зале, стены которого покрыты мозаичным индейским орнаментом, можно ознакомиться с результатами этих исследований. Какаовые деревья (на плантациях они растут в тени других деревьев) увешаны плодами, похожими на большие продолговатые апельсины золотисто-коричневого, как дыня, цвета. Внутри плода находятся бобы, которые похожи на сливовые косточки, когда их высушат на солнце.

Какаовые бобы — коричневое золото Баии, но золото, слишком коварное и ненадежное, чтобы на нем можно было строить будущее города.

ЧЕРНЫЙ КАРНАВАЛ

«*Música é alegria!*» («Музыка — радость!») — это одна из популярнейших поговорок в Бразилии. Здесь все что-нибудь напевают или наигрывают, хотя и неумело, примитивно, полюбительски, зачастую на самодельных музыкальных инструментах. Пусть эта музыка звенит, трещит, грохочет, стучит или ревет — больше и не нужно, она дает ритм, зовет к танцу — и это радость.

Негры с особой страстью предаются этому музыкальному неистовству. Музыка кажется неотъемлемой частью ритма всей их жизни, их могучего жизнерадостного мироощущения, которое так трудно выразить словами. *Música é alegria!* Но музыка — это и *melancolia*. В звуках музыки черные бразильцы воплощают и свою негритянскую грусть, и перенятую у португальцев *saudade*¹. В музыке от «*alegria*» до «*melancolia*» один только шаг, один резкий переход.

¹ *Saudade* (португ.) — тоска, томление

На северо-востоке Бразилии негры составляют значительную часть, а кое-где и большинство населения. До 1850 года сюда было перевезено из Африки пять миллионов черных рабов, главным образом для изнурительной работы на плантациях сахарного тростника. Одно время в Бразилии негров было вдвое больше, чем белых. Лишь впоследствии, когда началась массовая иммиграция из Европы, состав населения Бразилии стал иным. По официальным данным, 61 процент составляют белые, 20 процентов — лица смешанной крови, 15 процентов — негры, остальные — индейцы.

В то время как на Северо-Востоке росли бок о бок плантации сахарного тростника и церкви, а сахарные короли безраздельно правили своими огромными владениями, негры рабы гнули спины на полях, проникали в дома и спальни своих хозяев, становились писцами и учителями, ремесленниками и художниками (белые хозяева часто были неграмотны, и основным их времяпрепровождением было безделье). Именно негры объединили все африканские, европейские и бразильские мотивы в собрания сказок и легенд; народные предания и жития святых постепенно перерабатывались, становились все более дикими и фантастическими, и дети (даже белые дети) всасывали их еще с колыбели с молоком матери или кормилицы. Таким образом, эта африканизация была очень глубокой.

Карнавал, особенно в Баии,— большой народный и прежде всего негритянский праздник. Сотни тысяч людей с черной и шоколадной кожей сплошным потоком устремляются сюда со всех сторон; толпы людей заполняют улицы, танцуют, бьют в барабаны, кричат. Это праздник инстинктов, когда все социальные и прочие различия отброшены прочь и растоптаны веселящимся народом. Карнавал подобен наводнению, которое несет земле плодородие и произрастание, подобен могучему потоку, вдруг прорвавшемуся сквозь плотину; это огромная волна радости и ликующей любви.

* *
*

Я видел карнавал в Баии и записал свои впечатления об этом празднике.

Я просыпаюсь утром в воскресенье, идет чудесный дождь; крупные прозрачные капли падают на горячую мостовую и тут же шипя испаряются. А когда дождь проходит, карнавальное веселье закипает с новой силой, словно вышедшая из берегов река: все гремит, грохочет, шумит; толчея на улицах усиливается, и так продолжается без перерыва трие суток.

Мокрые от дождя улицы тотчас же заполняются шумной, буйно веселящейся толпой, которая движется в двух противоположных направлениях. Два человеческих потока

стремительно текут под ритмичный грохот самых невообразимых барабанов и прочих ударных инструментов: это жестянки, глиняные горшки с отверстием, затянутым кожей, железные камфорки, велосипедные звонки, бубенчики для скота, деревянные бруски, которыми ударяют друг о друга, словно это цимбалы. В общем круговороте толпы людей разбиваются на отдельные группы и, спаянные карнавальным экстазом, заводят хороводы, подпевая себе хриплыми натруженными голосами.

Баию обычно называют городом женщин, и сейчас он всячески старается оправдать это прозвище. Многие мужчины здесь переодеты женщинами, все специфически женское грубо подчеркнуто и усилено: извивающиеся бедра, огромная грудь, кроваво-красный рот; заигрывая с прохожими, мнимые проститутки кричат наигранно страстными голосами.

Все это комично до жути — и бешеное стремление к гротеску, и грубый гнетущий эффект. Они мажут свои темные лица дегтем или сажей, белят известью, а глаза обводят ярко-красной краской. Всюду мелькают маски с длинными носами, похожими на птичий клюв, или красными хоботами. Несколько человек несут косы из посеребренного картона, а их черные тела размалеваны под скелет; эта пантомима вносит на карнавал тему Смерти.

На многих участниках карнавального шествия нет ничего, кроме старых кальсон, предварительно выкрашенных в какой-нибудь необычный цвет. Стайка стройных негритянок вызывает всеобщее восхищение своими зелеными шелковыми платьями, которые во время танца взлетают вверх и обвиваются вокруг колен. На некоторых женщинах красные в полоску платья, и они похожи на живые карамельки, другие одеты в золотисто-черные платья и напоминают гигантских гусениц-капустниц.

Тяжеловесные матроны идут в развалку, словно богини плодородия, их огромные груди колышутся при каждом шаге. Порой кто-нибудь достает бутылку, и вино кровавыми каплями льется на толпу, словно приглашая людей к этому дикому причастию улицы.

Нередко на вас пускают тонкую струйку из пульверизатора в виде золоченой трубки, которую шутник держит в руке не без явной символики. Есть здесь и страшные резиновые змеи, и матерчатые петухи на шестах, трясущие своими красными гребешками или взмывающие вверх под кукарекание толпы. Медленно едут грузовики, празднично украшенные листвой и разноцветной бумагой; одни везут пестрые букеты женщин, другие устланы зеленью, словно птичьи гнезда, и в них сидят молодые девушки, которые пищат, как птенцы.

Тысячами, десятками и сотнями тысяч идут негры, мулаты, метисы — люди из переулков и пригородов; они неутоми-

мо движутся через весь город, как победоносные войска,— единая бесконечная лента людей, протянувшаяся из улицы в улицу. Вся эта бескрайняя человеческая масса бурлит и шумит, словно разгулявшееся море, могучее, но мирное, не таящее в себе никакой угрозы. Ведь это праздник плодородия, шествие Диониса, где все упиваются не вином, а ритмом, танцем и жаром своих сердец. Ни единого выстрела, ни единого удара ножа, ни одного сжатого кулака! И никаких социальных проблем; вместо этого флаги с надписью: «Как чудесно быть бразильцем!»

Все те же люди проходят мимо вас день за днем, ночь за ночью, без перерыва, без отдыха, без пищи и сна. Они лишь становятся все более шумными и веселыми, но в их движениях уже чувствуется усталость; появляется что-то автоматическое, сомнамбулическое. На танцы их уже не хватает: не успеет танцор сделать и нескольких па, как ноги у него подкашиваются, он шатается из стороны в сторону и снова идет дальше. На лицах появляется какое-то окаменелое, отсутствующее выражение самозабвенного восторга, глаза стекленеют. Голоса охрипли, одежда разорвана, краска на лицах стерлась. Они напрягают последние силы, желая пережить и перечувствовать все до конца, ничего не упустив, всем пресытившись.

Глядя на карнавал, вы остро ощущаете огромную силу, таящуюся в народе, ощущаете ее могучее кипение, могучий напор на сдерживающие ее плотины. Но эта сила подавлена, скована и направлена по другому руслу, которое называется карнавальным шествием с его ритуалами вместо предохранительного клапана. Все ужасное и омерзительное смешивается с какой-то варварской красотой и юмором, подобно тому как символы жизни и плодородия смешиваются с символами смерти и уничтожения. Все, что в другие дни так различно, сейчас сливается воедино, и все получает признание — все, что живет и существует, независимо от пола, расы, класса и культуры.

Словно наводнение небывалой силы, наводнение, которого ждут целый год, бурлит карнавал с его помпезной славой и большими ожиданиями; это пора радостного безумия, когда будничность и установленный порядок дают трещину, дома пустеют и люди устремляются в клокочущую толчею улицы.

КРАЙ ЗАСУХИ

Весь северо-восточный район страны, южная граница которого проходит по реке Сан-Франциско, а западная — по реке Парнаиба,— край засухи. Дожди идут лишь на побережье, в узкой полосе шириной в несколько миль, а дальше

начинается каатинга — сухой лес, где нередко за несколько лет не выпадает ни одной капли дождя.

В этом краю текут «реки, которые выпивают сами себя», реки без устья и определенного направления — просто лужи мертвой воды, которая медленно течет неизвестно куда, изви-вается, застаивается и наконец испаряется под палящими лучами солнца. Вода грязно-зеленого цвета покрыта какой-то слизью и водорослями; кое-где слизь расступается, открыва-вая черную «прорубь», длинную блестящую полосу воды, быть может, это след проплывшего здесь животного.

Погибшие от засухи деревья, завернутые в сплошной зе-леный покров из растений-паразитов, стоят, словно гигант-ские мумии, а их стволы так и кишат насекомыми, гудя, как телеграфные столбы. Иногда из них вылетает целая туча бабочек.

У некоторых деревьев из дупла сочится темный сок. Пате-тически изогнутые ветви увиты мхом, словно траурным кре-пом; иногда они блестят своей наготой, напоминая полиро-ванную слоновую кость, и воинственно растопыряют во все стороны костлявые, как у скелета, пальцы.

Долгие месяцы и даже годы стоит засуха, и лес посте-ленно превращается в засыпанное прахом кладбище скеле-тов. Пыль, сухая и легкая, как мука, покрывает все; вспорх-нет ли птица с дерева, и оно тотчас же начинает дымиться, проползет ли змея, и от земли поднимается полоска пыли. Голые кактусы торчат, словно столбы для пыток, утыканные шипами. Камни сверкают на солнце, как раскаленные иглы. Извилистые тропинки теряются в пыли. Одинокие могилы отмечены камнями.

Здесь проходит граница между дикой пустошью и возде-льваемыми землями. На равнине пасется скот, там и сям разбросаны лоскутки полей, засеянных кукурузой, маниоком, хлопчатником; их огораживают большие кучи кактуса и тер-новника. Здесь живут вакейро, пастухи-скотоводы. Они всег-да верхом, эти рыцари печального образа, одетые в старые, насквозь пропыленные кожаные куртки, похожие на латы.

Житель этой пустоши мало думает о своей внешности и гордой осанке, скорее наоборот, он предпочитает иметь са-мый неприглядный и несчастный вид, возможно, чтобы по-напрасну не дразнить судьбу. Однако он отнюдь не отличает-ся покорным и смиренным нравом; это суровый и сухой человек, необычайно выносливый, жесткий, как жила или ко-рень, а иногда еще и фанатик, горящий скрытым внутрен-ним огнем. Сгорбившись, сидит он на своей лошади, все мышцы расслаблены, словно он экономит силы, лицо под шляпой со свисающими вниз полями кажется помятым, а в глазах, где-то глубоко-глубоко, то и дело вспыхивает пламя.

Случается, что в короткие периоды дождей, в эти дни мимолетного зеленого счастья, он поет возле своего стада, но это не ликующая песнь радости, а грустный заунывный стон о том, что было вчера и что будет завтра. А когда начинается бесконечно долгая засуха, он молча и терпеливо смотрит, как скот медленно превращается в живые скелеты, а водоемы постепенно высыхают и наполняются пылью. Часть животных он успевает зарезать до того как они околеют; их мясом, кровью и внутренностями он утоляет собственный голод. А потом он куда-нибудь уезжает, чтобы не видеть измученных жаждой глаз или лежащих друг возле друга скелетов.

Некоторые деревья, не желая погибать, стелются по земле, вырастают в почву и становятся подземными, чтобы вновь воскреснуть и одеться зеленью, когда пойдет дождь. К домам, где еще живут люди, со всех сторон сползаются гремучие змеи, более опасные и более смелые, чем когда бы то ни было.

По ночам сюда слетаются стаи летучих мышей; они влезают в окна, набрасываются на спящих, жадно вцепляются в горло или щеки, иногда даже загрызают насмерть маленьких детей.

И вот тогда житель пустоши уходит из этого ада; вместе со всей семьей верхом или пешком он пускается в путь. По дороге он встречает своих товарищей по несчастью, таких же беженцев, как он, и, словно по молчаливому соглашению, дальше они идут вместе. Их становится все больше и больше, и скоро уже целые толпы людей, гонимых голодом, жаждой и лишениями, движутся вперед и вперед, к морю или берегам больших рек. Изредка они присоединяются к разбойничьим шайкам и грабежом добывают себе одежду и пищу. Сотнями и тысячами они скопляются на железнодорожных станциях и речных пристанях, чтобы переселиться туда, где есть работа, пища и вода. Они слушают всяких сумасбродов, одержимых какой-нибудь дикой идеей, и либо переселяются вслед за ними на небо, либо затевают кровавый и бессмысленный мятеж.

Одни оседают в городах или на плантациях и остаются там навсегда. Другие, более беспокойные, все бродят и бродят по дорогам, перебиваются случайной работой, страшно тоскуют по родному краю, пусть суровому и пустынному, и рано или поздно возвращаются туда, возвращаются, когда до них доходят слухи о дожде или у них уже нет сил бороться с надеждой, что засуха, может быть, скоро кончится.

Этот дикий край — удивительная фантастическая страна; она то задыхается от засухи, то бурно расцветает, захваченная бешеным ритмом нечеловеческих страстей. Страна фана-

тиков и мечтателей, где воздушные замки выступают в редком сочетании с грубой и жестокой действительностью. Уже несколько столетий сюда приходят жители перенаселенного побережья — вечные бродяги, мечтатели, фанатики и искатели приключений. Здесь они остаются до гробовой доски, словно так было назначено неумолимым роком, и их сковало тихое забвение пустоши, страстная мечта о счастье, приносимые засухой страдания и вечная надежда на дождь; они как бы застыли в своей непонятной, противоестественной любви к невозможному и невыносимому.

В этом диком и пустынном крае царит безвременье, а само время как бы остановилось. Возможно, мы присутствуем при сотворении мира, а возможно, уже наступил конец света. Здесь царит беззаконие, а закон молчит: полиция и войска, сборщики налогов и учителя находятся далеко. Здесь жили и живут те, кто стали героями народных преданий и легенд: странные, почти гротескные личности, словно возникшие из сновидений или воспоминаний о мрачном прошлом, бесоватые пророки и мятежники, у которых всякие фантастические видения сочетаются с самым земным стремлением к власти.

Антонио Конселейро появился в Баии на рубеже XX века. Он прибыл сюда из пустоши и предсказывал наступление судного дня. В скором времени этот худощавый и дикий человек возглавил целый отряд своих приверженцев; несколько месяцев они отражали атаки правительственных войск, осадивших их глиняный городок в горах, и все до одного пали в бою. (Об этих событиях рассказывает Эвклидес да Кунас в своей замечательной эпической поэме «Os Sertões» — «Сертаны»).

Падре Сисеро, порвав с церковью, ушел в пустошь и прожил там, почитаясь святым, более сорока лет; там же он и умер в 1934 году. Он пользовался такой властью, что однажды вопреки воле правительства даже назначил своего собственного губернатора в штат Сеара. Сисеро был тесно связан с главарем большого отряда разбойников Лампеаном (Лампеан означает Фонарь), имя которого в течение двадцати лет было символом террора. Лампеан был застрелен в 1938 году. Это был высокий, крупный мужчина, слепой на один глаз, словно циклоп, всегда обвешанный оружием; он вел социальную войну, чтобы отомстить за брата, убитого полицейским. Прежде чем напасть на какой-нибудь городок, он посылал туда предупреждение по телеграфу; много раз он давал для газет интервью по вопросам, имеющим важное политическое значение.

В этой дикой стране он и многие другие добились осуществления своих фантастических и безумных планов, превосходящих своей дерзостью самое пылкое воображение. Они

стали легендой, эти ужасные герои «ужасных» романов, увеличенные во много раз, словно гигантский мираж, воздухом пустоши, столь бедной событиями и столь богатой страстями. Им служили ядовитые змеи, птицы искали вшей у них в головах, ими руководили откровения свыше, а однажды они заставили нескольких добрых граждан танцевать голыми в такт пистолетным выстрелам и ударам плетей. О многих героях этого дикого края были написаны целые книги, и, возможно, на их могилах будут поставлены памятники. Лампеан и ему подобные стали действующими лицами лучшего бразильского фильма «O sangaseiro» («Бандит»), герой которого с невозмутимым спокойствием полирует свои дорогие награбленные кольца, отдавая в этот момент приказ о казни.

Эти фанатики невольно оказались пионерами освоения этого дикого, пустынного края. Проложенные ими тропы стали дорогами, а временные лагеря — городами и селениями. Здесь есть районы вроде Монте-Сантос, где они вырубали лестницы в горах, на обрывах строили города, а горные вершины увенчивали часовнями и храмами, белеющими на фоне облаков. Вслед за первыми колонистами медленно идет цивилизация, заменяя библейскую эпоху эпохой самолетов.

РЕСИФИ И ОЛИНД

На северо-востоке Бразилии находится штат Пернамбуку; столица штата — порт Ресифи. Здесь тоже идет индустриализация. Жители Пернамбуку и слышать не хотят о том, что в этой части страны слишком жарко, чтобы строить фабрики и заводы. Они не желают производить только сахар и хлопок, не желают быть низведенными до положения колонии. Ресифи уже строит высокие белые здания и производит красивые цветастые хлопчатобумажные ткани. Город насчитывает семьсот тысяч жителей.

У Ресифи боевое прошлое. Город неоднократно отражал нападения врагов. Статуи героев освобождения и генералов, великих или на конях, смотрят на вас со всех площадей и уличных перекрестков. Город непрерывно растет, проникая все глубже внутрь страны, в тропические заросли, и все дальше отодвигаясь от моря. Целый час мы едем через окраинные кварталы, скучные и однообразные; потом минуем народный парк с его прудами и зверями в клетках.

Центр города расположен на скалистых островах; когда-то каждый из них был неприступной крепостью. Через каналы между островами переброшены мосты, небольшие парусники свободно входят в город, и силуэты автомашин отчетливо вырисовываются на фоне белых парусов. Могучий пассат наклоняет пальмы и продувает насквозь дома, окна

которых открыты настезь со всех сторон. На улицах газетчики продают газеты, а чистильщики чистят сапоги с какой-то удивительной страстью. И вообще жители Ресифи — это северо-восточные санпаульцы.

Из окна отеля я смотрю на улицу и делаю наброски прямо с натуры. Вон старая церковь с глубоким порталом; возле какая-то пристройка без окон, напоминающая склад. Рядом находится сквер с несколькими деревьями и каменными скамейками. Торговец гребнями садится на землю, в тени дерева. Около полудня здесь собираются негры и белые бездельники и начинают играть в кости возле церковной стены. Одетый в белое господин ложится тут же в тени и спокойно засыпает в ботинках и галстуке. Машин мало, очень тихая и уютная улица.

Когда землю окутывают сумерки, в городе просыпается ночная жизнь. Бедные, еще совсем неопытные девушки в плотно облегающих фигуру платьях, сшитых дома из куска ситца, рассеянно ходят взад и вперед по улице. Они садятся на скамьи, курят, встают и снова ходят. Большинство из них темнокожие, мулатки. Одна за другой они находят клиентов, которые увозят их или увозят в такси.

Потом они возвращаются и отдыхают на каменных скамейках, глубоко затягиваясь сигаретой. К ним подходят мальчики и продают им кофе из термосов или мороженое. Девушки держат мороженое своими коричневыми руками и медленно его лизут. Потом снимают туфли и с облегчением шевелят пальцами ног. Они сидят по двое, по трое на одной скамейке и расчесывают друг другу волосы ласково и нежно, словно сестры.

В отеле живет большая компания североамериканцев — одни мужчины; в основном это совсем молодые люди. Все они одеваются и выглядят как юноши: подстриженные ежиком волосы, невинные голубые глаза. Они завтракают, обедают и ужинают за длинным столом, а почти все остальное время проводят в баре и пьют пиво. Так изо дня в день. Чего они ждут? Не знаю. Вечерами они смотрят с балкона на тихую, спокойную улицу, на прогуливающихся девушек, смотря не отрываясь, оценивая. Потом кто-нибудь, набравшись храбрости, устремляется вниз, на улицу, но тут же робеет, вспоминает, что говорила ему мама, и бежит обратно в отель.

В газетах под рядами темных фотографий мы читаем о бандах, которые занимаются продажей наркотиков. Бразилия известна как международный центр торговли наркотиками; в лесах и пустошах построены десятки тайных аэродромов, и частные самолеты доставляют туда свой ядовитый груз. Установить контроль над этими самолетами невозможно, и они летают почти беспрепятственно над всей Бразилией.

Один килограмм кокаина — а это целое состояние — ничего не стоит переправить в Боливию. Банды торговцев наркотиками располагают своими ночными притонами, отелями, магазинами; во всех крупных городах у них есть свои агенты и свои белые рабыни, которые используются как посредники и приманка. Несчастные женщины, попавшие в их руки, вскоре сами не могут обойтись без наркотиков и исполняют все, что от них требуют; когда они теряют свою молодость и красоту, их выбрасывают на улицу.

Прочитав эти невеселые воскресные истории, мы решаем проехаться на автобусе и посетить Олинду, старшую сестру Ресифи; это идиллический городок с превосходным песчаным пляжем, белыми церквями и монастырями, укрывшимися под сенью пальм.

В окна автобуса задувает морской ветер, насыщенный солью и йодом. Океан неудержимо несет свои волны прямо на берег, но в самый последний момент они изменяют направление и уходят к Ресифи. Здесь мелко, рыбаки тащат сеть, ил засыхает темноузорчатой вышивкой на ветвях деревьев, свисающих к самой воде. Олинда — очень корректный и благопристойный город, который состоит из длинной главной улицы и нескольких кварталов домов. На холме высятся маяк, похожий на фабричную грубу.

От берега к монастырю круто поднимается узкая улица; на цементных балконах домов сидят седые негритянки и вяжут. Наверху, на «католическом плато», стоят огромные пальмы, словно бетонные столбы, а за побеленными стенами с тяжелыми железными воротами расположились церкви, монастырь и семинария. Мальчики и старухи предлагают свои услуги в качестве гидов: очень богатые церкви, очень старые, много золота и серебра, а какие распятия, пушки, старинные мечи, какая роспись!

От белых монастырских стен, впитавших в себя всю гордую историю этого края, мы возвращаемся обратно к морю. Темно-зеленые волны с серебряными гребнями разбиваются о белый песок. Шумят пальмы в длинных аллеях. Дети и подростки купаются, ныряют, разрезая волны. Легко одетые негритянки прогуливаются босиком вдоль берега; ветер мешает им идти, и они выглядят очень картинно. Вдали над морем поднимаются черные струйки дыма; там находится Ресифи с его фабриками и заводами.

А мы стоим на песчано-белом побережье Олинды.

ЮЖНАЯ АМЕРИКА 1961 ГОДА

А. Лундквист назвал Южную Америку «Вулканическим континентом». В этом образном названии метко отражены и особенность истории южноамериканских стран, народы которых никогда не прекращали борьбу за свою независимость и свободу, и особенность природы материка, где постоянно дают о себе знать процессы, происходящие в недрах земли.

В бурном потоке нашего времени события следуют одно за другим, меняя жизнь народов, облик государств и целых континентов. За пять лет после путешествия А. Лундквиста в большинстве стран «вулканического континента» произошли важные перемены, неразрывно связанные с живой тканью полигических явлений, о которых рассказывает автор. Эти перемены свидетельствуют о новом этапе национально-освободительного, антиимпериалистического движения народов Южной Америки.

Мужественный народ Венесуэлы 22 января 1958 г. сбросил кровавую диктатуру Переса Хименеса — холопа нефтяных монополий и сталелитейных трестов США. Вооруженное народное восстание в Венесуэле назревало задолго до падения диктатуры. В ноябре 1957 г. в крупных городах (Каракасе, Мериде и других) состоялись бурные стихийные демонстрации студентов, проходившие под лозунгом «За союз студентов с рабочими, солдатами, крестьянами против диктатуры». Оппозиционные политические партии — «Демократическое действие», «Христианско-демократическая», «Республиканско-демократический союз» и Коммунистическая партия, — действовавшие в подполье, объединились в «Патриотическую хунту».

«Патриотическая хунта» заручилась поддержкой части армии и флота во главе с контр-адмиралом патриотом Ларра-сабалем. Диктатор прибегнул к массовым арестам и облавам, но «Патриотическая хунта» сумела подготовить всеобщую политическую забастовку грудящихся столицы. 21 января

1958 г. на улицах Каракаса произошли кровавые столкновения. В этот день десятки людей были убиты, тысячи арестованы. В городах был введен комендантский час. Но Хименесу уже ничто не могло помочь. 22 января восставшие открыли ворота тюрем и казарм. Солдаты братались с бастующими. Диктатор, захватив казну, поспешно бежал в США.

В Венесуэле была создана «Временная правительственная хунта» (во главе с Ларрасабалем), гарантировавшая конституционные свободы. Хунта издала декреты о роспуске тайной полиции, о всеобщей амнистии политических заключенных — борцов за свободу. После долгих лет подполья развернулась деятельность демократических партий и организаций, стала легальной Коммунистическая партия. Ее генеральный секретарь рабочий-нефтяник Хесус Фария, без суда просидевший более восьми лет в тюрьме, получил свободу. Из изгнания возвратился выдающийся писатель Ромуло Гальегос, о котором тепло пишет А. Лундквист. Но многие патриоты не дожили до падения кровавой диктатуры. Среди них бывший министр иностранных дел Венесуэлы, пламенный патриот и блестящий поэт Элой Бланко, умерший на чужбине в 1956 г.

В мае 1958 г. по странам Южной Америки совершал турне вице-президент США реакционер Р. Никсон. По словам газеты «Нью-Йорк пост», этого высокопоставленного гостя «осмеяли в Монтевидео, забросали камнями и оплевали в Лиме, освистали в Боготе». В Венесуэле его встретили еще хуже, чем в Уругвае, Перу и Колумбии. Сотни демонстрантов гневно выразили протест против визита Никсона, который был вынужден скрыться под охраной войск в посольстве США в Каракасе.

В стране создавались благоприятные условия для утверждения власти подлинно национального демократического правительства, способного осуществить коренные экономические преобразования и покончить с господством монополий США. Коммунисты боролись за создание Народного фронта демократических сил, который должен был бы выступить на предстоявших в декабре 1958 г. парламентских и президентских выборах с единым списком кандидатов-патриотов и выдвинуть единого кандидата на пост президента. С иных позиций подходили к выборам лидеры ряда буржуазных партий, в особенности партии «Демократическое действие», претендовавшие на безраздельное политическое господство. Руководитель партии «Демократическое действие» Р. Бетанкур одержал победу на президентских выборах. Вместе с тем в парламент были избраны представители и других партий, в том числе семь коммунистов.

В 1959 г. и особенно в 1960 г. по Венесуэле прокатилась волна демонстраций солидарности с кубинской революцией. Венесуэльский народ выражал чувства горячей симпатии

к революционному кубинскому правительству, которое мужественно сопротивляется агрессивному империализму США. Новое венесуэльское правительство враждебно относилось к народным манифестациям и постепенно заняло линию компромисса с империализмом США. Рядовые члены партии «Демократическое действие», самоотверженно боровшиеся против диктатуры, начали выходить из-под опеки правооппортунистических соглашателей — лидеров партии. Это привело к фактическому расколу партии, а затем к вооруженным столкновениям и боям (декабрь 1960 г.).

В соседней с Венесуэлой Колумбии в мае 1957 г. восставшие массы сбросили тирана — генерала Рохаса Пинилья. В сентябре 1958 г. в стране состоялись парламентские и президентские выборы. Президентом был избран один из лидеров правого крыла буржуазной либеральной партии Льерас Камарго. В стране, которая долгие годы находилась на военном положении, было восстановлено действие конституции, амнистированы участники партизанского движения и легализована деятельность политических партий. Однако до сих пор еще продолжает действовать закон, запрещающий Коммунистической партии принимать участие в выборах.

Коммунисты Колумбии фактически вышли из подполья и ведут самоотверженную борьбу за единство всех патриотических сил во главе с рабочим классом, за создание Национального демократического фронта. Постоянно сменяющиеся у власти буржуазные партии (консервативная и либеральная) переживают серьезный кризис. Наиболее здоровые элементы либеральной партии порывают с реакционным руководством и формируются в новую партию «Либерально-революционное движение», которая стремится возродить антиимпериалистические и прогрессивно-националистические традиции, в свое время высоко поднятые лидером либералов-патриотов Э. Гаитаном. (Он был убит в 1948 г. агентурой монополий США.)

Сторонники либерально-революционного движения требуют проведения аграрной реформы, установления контроля над деятельностью монополий США в Колумбии и создания демократического правительства, способного осуществить самостоятельный курс во внешней политике страны. В связи с предстоящими в 1962 г. президентскими выборами борьба реакционных и демократических сил обостряется. Колумбийский народ полон решимости сбросить с себя обветшавшие оковы феодальных пережитков, покончить с засильем клерикалов и североамериканских колониалистов.

Большой шаг вперед в своем развитии сделала за последние пять лет Бразилия — самая крупная из латиноамериканских стран. 29 марта 1958 г. в Рио-де-Жанейро состоялась первая Национальная конференция бразильских профсоюзов

с участием более чем 600 делегатов от 303 профсоюзов, 54 федераций и 3 конфедераций. Созыв столь широкой конференции — заметная веха в истории борьбы за единство рабочего класса страны. Бразильский пролетариат, проведя ряд крупных забастовок, в мае того же года добился признания за ним права на объявление забастовок, а также издания закона о пенсиях. Важным событием в жизни рабочего класса явилась фактическая легализация Коммунистической партии. В марте 1958 г. Верховный трибунал Бразилии аннулировал ордер на арест генерального секретаря Компартии Луиса Карлоса Престеса. Престес и другие руководители партии вышли из подполья.

3 октября 1958 г. в условиях подъема антиимпериалистического патриотического движения в стране состоялись выборы в Национальный Конгресс и Законодательные Ассамблеи штатов. Избирались также губернаторы штатов. На выборах потерпели поражение многие реакционеры, поддерживавшие агрессивный курс США, такие, как Амарал Пейшоту, Барселас, Перакши, Линс и другие. Победу одержали сторонники независимой националистической политики Бразилии.

Рост антиимпериалистических настроений бразильского народа ярко проявился в мощных демонстрациях солидарности с кубинской революцией. Сообщая о волне демонстраций в Бразилии, газета «Нью-Йорк Миррор» 18 сентября 1960 г. писала: «Бразилия может повернуть Южную Америку против США, ибо бразильцы утверждают, что Кастро — это лучший друг, какого когда-либо имела Латинская Америка».

В октябре 1960 г. в Бразилии состоялись президентские выборы. На пост президента был избран Жанио Куадрос, выступивший в предвыборной кампании с программой самостоятельного национального развития Бразилии. Вице-президентом страны переизбран Жоао Гуларт — лидер мелкобуржуазной Трabalьистской партии. Гуларт в декабре 1960 г. посетил Советский Союз. 31 января 1961 г. новое правительство приступило к исполнению своих обязанностей в городе Бразилиа — новой столице, открытой официально 21 апреля 1960 г. Перенесение столицы из города Рио-де-Жанейро в глубь Бразилии, в специально построенный город, свидетельствует о значительном росте производительных сил страны, о стремлении ускорить освоение территорий внутренних штатов.

В Эквадоре, где большинство населения составляют индейцы и метисы, народные массы за последние годы добились значительных успехов. Еще на президентских выборах в июле 1956 г. в Эквадоре начал складываться Национально-демократический фронт патриотических сил, выступивший

против политики милитаризации и помещичье-клерикальной реакции, за мир, за национальный суверенитет и проведение коренной аграрной реформы. С течением времени в Национально-демократическом фронте объединились Конфедерация трудящихся, Коммунистическая и Социалистическая партии, прогрессивная партия «Объединение народных сил» и студенческие организации. На всеобщих выборах в сентябре 1960 г. ряд мест в парламенте получил Национально-демократический фронт. Один из его руководителей — генеральный секретарь Компартии Педро Саад был избран сенатором. Новый президент Веласко Ибарра в своих выступлениях обещал уважать демократические права народа и не препятствовать деятельности народных прогрессивных организаций.

Народ Боливии, страны с преобладающим индейским населением, за последние годы, как и в период революции 1952 г., проявил мужество и стойкость в борьбе против колониализма и внутренней реакции. Однако в 1956 г. к власти пришло правительство Силеса Суасо (1956—1960), проводившее политику займов и поощрения деятельности нефтяных монополий США. Займы не спасли Боливию, страна оказалась на грани банкротства. Рабочий класс, в особенности его передовой отряд — горняки, поднялся на борьбу против капитулянтской линии правительства. Девиз рабочих: «Защитить социальные завоевания революции». В 1958 г. в Боливии было 510 забастовок. В 1959 г. в результате всеобщей забастовки горняки добились повышения заработной платы на 20% .

Стачечное движение пролетариата и волнения индейцев-крестьян привели к расколу правящей партии «Национально-революционное движение». Правые элементы во главе с В. Гевара создали новую партию, принявшую громкое название «Подлинное национально-революционное движение». (Один из лидеров этой группировки, С. Б. Мамани, организовал бандитские отряды, устраивавшие налеты на рабочие и крестьянские организации.) «Левое» крыло (его иногда называют Рабочей партией) возглавил президент Конфедерации боливийских трудящихся Хуан Лечин. В мае 1960 г., в период президентских выборов, борьба правых и «левых» дошла до открытых вооруженных схваток. По сообщению «Нью-Йорк таймс», в день выборов, 22 мая, в стычках было убито около 50 человек. Правые потерпели на выборах жестокое поражение.

Президентом был избран В. Пас Эстенсоро, а вице-президентом Х. Лечин. Новое правительство, приступившее к исполнению обязанностей 6 августа 1960 г., провело некоторые прогрессивные мероприятия. Считаясь с решением Конфедерации трудящихся, опубликовавшей заявление о солидарности с кубинской революцией, правительство внесло 21 августа

этот вопрос в Сенат. Большинство голосов Сенат утвердил декларацию, выражающую солидарность с кубинской революцией и правительством Фиделя Кастро. В ноябре — декабре 1960 г. состоялся обмен визитами парламентских делегаций Боливии и Советского Союза. Рабочий класс и боливийское крестьянство, имеющие свою единую организацию — Конфедерацию боливийских трудящихся, настойчиво борются за улучшение жизненных условий, за ликвидацию вековой отсталости и остатков феодализма, за самостоятельное развитие Боливии и осуществление задач, поставленных буржуазно-демократической антиимпериалистической революцией 1952 г.

Все более активное участие в национально-освободительном движении принимают индейцы. Индейские народы Боливии, Перу, Парагвая, Эквадора, Колумбии самоотверженной борьбой завоевали себе равные права с белыми. Режим позорной дискриминации, доходившей до того, что индейцы не могли появляться в городах в своей национальной одежде, учиться в школах вместе с белыми, за последние два десятилетия в основном ликвидирован. Но, как справедливо отмечал великий кубинский мыслитель-революционер Х. Марти, «...рабство оставляет после себя глубокий след. То, что вычеркивается из текста конституции, не сразу исчезает из повседневного быта людей». Следы многовековой дискриминации, безусловно, еще накладывают отпечаток на жизнь почти сплошь неграмотного индейского населения.

Индейский вопрос в Латинской Америке по существу не расовый и не этнический. Это вопрос социальный, и прежде всего аграрный. Нужны коренные аграрные реформы, подобные той, которую осуществила революционная Куба, чтобы предоставить индейцам землю, отнятую у них белыми эксплуататорами. Массы индейцев все более осознают общность своих интересов с интересами рабочих и крестьян других стран. Эта общность укрепляется в нарастающей борьбе народов Латинской Америки против феодальных пережитков и господства монополий США.

Огромное историческое значение для судеб всех стран Латинской Америки имеют социальные преобразования на Кубе, осуществленные в ходе народной антиимпериалистической революции. «Победа кубинской революции, — говорится в Заявлении Совещания представителей Коммунистических и Рабочих партий, — дала мощный стимул борьбе народов Латинской Америки за полное национальное освобождение»¹.

Во взаимоотношениях стран Южной Америки с империализмом США — главным тормозом их национального прогресса — наступил новый период, связанный с пробуждением всех

---

¹ «Коммунист», № 17, ноябрь 1960 г.

колониальных и зависимых народов в эпоху образования мировой социалистической системы и дальнейшего углубления общего кризиса капитализма.

Протест латиноамериканских народов против грабительских замыслов США в немалой степени способствовал тому, что планы интервенции на Кубу, вынашивавшиеся правительством Эйзенхауэра — Никсона, провалились. Правители США, разорвав 3 января 1961 г. дипломатические отношения с Кубой, надеялись, что все правительства стран Латинской Америки последуют за ними, а это приведет к изоляции Кубы и облегчит вооруженную интервенцию. Но они просчитались: США были поддержаны лишь шестью жалкими марионетками типа доминиканского тирана Л. Трухильо и парагвайского диктатора А. Строзенера, которые, хотя и имеют на своих президентских дворцах надписи: «Бог и Трухильо», «Стрознер и Парагвай», но, дрожа от страха перед собственным народом, держат наготове вертолеты, чтобы в критический момент подняться в воздух и по примеру кубинского диктатора Батисты сбежать с награбленной казной.

Правительства Бразилии, Мексики, Чили, Боливии, Аргентины и других стран Латинской Америки в соответствии с принципами невмешательства и уважения к суверенитету других стран не только не поддержали призыв реакционеров США, но и осудили подготовлявшуюся агрессию. Это был крупный провал внешней политики США.

О новом подъеме борьбы народов против сил колониализма и реакции свидетельствует блестящая победа демократических сил Чили на парламентских выборах в марте этого года. Фронт народного действия, выступавший против засилья монополий США и католической реакции, получил голосов больше, чем правительственный блок. Среди 45 депутатов Фронта, вошедших в новый состав палаты, 15 коммунистов. В состав сената избраны 4 коммуниста.

Наступает время окончательного освобождения народов Южной Америки от феодальных пережитков и империалистического гнета, время их свободного национального развития. Факел свободы, зажженный Кубой, освещает путь другим народам к их полной экономической и политической независимости.

В. Ермолаев

Март 1961 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
<i>Илья Эренбург. Предисловие</i>	3
ВЕНЕСУЭЛА	
Прибытие. Венесуэла	5
Отель люкс	8
Два Каракаса	10
Едет президент	11
Частный транспорт	12
Очерк о шофере	14
Дорога к Ориноко	17
Город нефти Эль-Тигре	20
Сьюдал-Болivar — степной порт	22
Что происходит в Пуэрто-Ордасе?	27
Дорога в Маракайбо	31
Нефтяной ландшафт	34
Город Маракайбо	36
Нефть и нефтяники	39
Затравленная литература	41
Потерянные тропы	44
Подземная поэзия	46
Разговор с анонимным собеседником	49
КОЛУМБИЯ	
Барранкилья. Колумбия	53
Картехена-де-Индиас	56
На речном пароходе	59
Река в лесу	60
Степи и пристани	62
К Ла-Дорада	66
В стране гор	68
Бездонные пропасти и горные выси	71
Снова в пути	73
Богота меняется	76
Серый город, зеленая саванна	78
Водопад и соляные копи	81
Сонетный сон и пробуждение	84
Земля и кровь	86
Ущелье Киндио	89
Страна кофе	91
Могучий Кали	93

ЭКВАДОР

Вулканы, индейцы	96
Имбауро, Ибарра	97
Индийский рынок в Отавало	100
Мадонна из Кинче	104
Кито, тихая столица	107
Культура в Кито	111
Художник Гуаясамин	115
Путешествие между вулканами	118
Дорога на побережье	122
Тропический город Гуаякиль	126
Банановая драма	127
Край бананов и индейские горы	131

ПЕРУ

Нефтяной город в пустыне	134
Хлопковые поля и дороги пустыни	137
Сахарные заводы и индейские крепости	139
Вице-королевская Лима	143
Из светской жизни	145
Иностранные рудники	147
Птичий берег	150
Землетрясение	152
В Ику	154
.. и в Арекипу	158
Вверх, в горы	161
Долина Вильканота	165
Куско — побежденный город	167
Писак, селение инков	170
Мачу-Пикчу	175

БОЛИВИЯ

Озеро Титикака	181
Ла-Пас	184
Напряженная политика	188
Гими земельной реформе	191
Художник-критик	193
Аймарская мадонна	196
О чем говорят в Ла-Пасе?	199
Через плато	200

ЧИЛИ

Чили — страна прекрасная, суровая, любимая	204
Селитровая пустыня	208
Встреча с сыном селитры	210
В Антофагасте	212
В Сантьяго	214
Лето в сердце страны	216
Чилийское поместье	221
У Пабло Неруды	225
В Исла-Негра	229
О поэзии и молодости	232
Через леса Чили	234
Через озера	236

А Р Г Е Н Т И Н А

На берегах Науэль-Уапи	239
Страна больших ног	241
Баия-Бланка	246
Пампа	249
Что мы видели в пампе	251
Большая бойня	254
Столица мяса	258
Сумятица богатства	261
Конкретное и умозрительное	264
Стилизованный реализм	266
Вверх по реке Парана	269
Обера в Мисьонесе	271
Пионеры и их преемники	275
Большая вода	278

П А Р А Г В А Й

Дикий и жизнерадостный Парагвай	282
Город вознесения	283
Красная полька	286
Колония Элиса	290
Мясной король Густафсон	292
Через равнины Парагвая	295
О жизни в Парагвае	298

У Р У Г В А Й

Четыре странички об Уругвае	302

Б Р А З И Л И Я

Бразильская пампа	305
В Порту-Алегри	308
Немецкая колония	310
Озеро лилий и дороги колонистов	314
Страна новых городов и небоскребы	317
Конкурирующие штаты Бразилии	320
Самый крупный город Бразилии	324
Рио тоже преобразуется	329
Скальд в небоскребе	333
Бразильский художник	336
Красивый Горизонт и Черное Золото	340
Баия	345
Черный карнавал	348
Край засухи	351
Ресифи и Олинда	355
<i>В. И. Ермолаев, Южная Америка 1961 года</i>	358

Артур Лундквист

ВУЛКАНИЧЕСКИЙ КОНТИНЕНТ

Редактор *Ф. В. Лаврентьева*
Младший редактор *Н. С. Шаповалова*
Художественный редактор *Ф. А. Райкевич*
Технический редактор *Э. Н. Виленская*
Корректор *П. И. Чивкина*

Т-12088. Сдано в производство 3/IX—60 г.
Подписано в печать 14/XII—60 г. Формат 60×92¹/₁₆
Печатных листов 23. Условных листов 23.

Издательских листов 21,86

Тираж 25000 экз. Цена 66 коп., переплет 15 коп.
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз

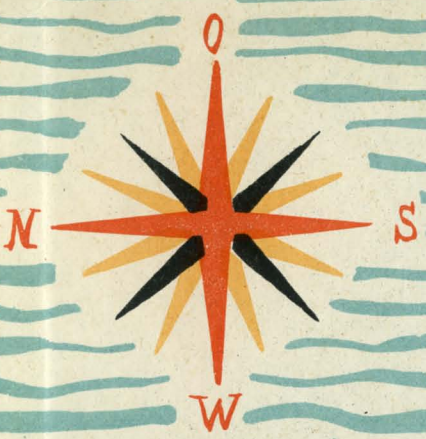
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Московского
городского совнархоза. Москва, Ж-54, Валовая, 28
Заказ № 909.

А Т Л А Н Т И

РЕСИФИ

Т И Х И

ЧЕСКИЙ

ОКЕАН

РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО

САН-ПАУЛУ

МОНТЕВИДЕО

БУЭНОС-АЙРЕС

АСУНСЬОН

САНТЯГО

ОКЕАН

И